

О.Э. Бессонова

РАЗДАТОК

Базовая модель России
в новой реальности

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

О.Э. Бессонова

РАЗДАТОК
Базовая модель России
в новой реальности

Новосибирск
2024

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)30-2
Б536

DOI 10.36264/978-5-89665-387-5-2024-026-306

Рецензенты:

д.с.н. С.Ю. Барсукова, к.с.н. О.П. Фадеева, к.ф.н. Р.Р. Вахитов

Б536 **Бессонова О.Э.** Раздаток. Базовая модель России в новой реальности. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2024 – 306 с.

ISBN 978-5-89665-387-5

Монография выполнена в рамках экономико-социологического направления и состоит из трех частей. В первой части представлена авторская интегрально-институциональная парадигма на основе синтеза теории раздаточной экономики с классическими подходами и современными концепциями. На ее основе показан реальный, а не воображаемый разными идеологическими направлениями, путь России.

Во второй части последовательно, начиная с IX века и по настоящее время, анализируются этапы развития базовой экономической модели России. Эволюция модели раздаточного типа и анализ современного положения России проводится с использованием обширных исторических фактов, пропущенных через методологическую схему новой парадигмы. Ключом к базовой модели России на мезоуровне стал жилищный раздаток, показывающий возможности новой парадигмы в практическом плане.

В третьей части раскрывается смысл «новой реальности», в которой будут созданы условия для эффективного развития социального государства. Ее чертами могут стать экономика контрактного раздатка, идеология солидаризма и активное гражданское участие в создании справедливого общества. Для этого обосновывается необходимость специфически российского «нового курса» для преодоления кризиса экономической модели квазирынка.

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)30-2

Монография выполнена в рамках государственного задания по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.2.1.3. (0260-2021-0001) «Акторы, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика».

ISBN 978-5-89665-387-5

© Бессонова О.Э., 2024
© ИЭОПП СО РАН, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Самым общим образом мы можем констатировать, что находимся на пороге радикальных и далеко идущих преобразований, где старое не исчезает и не уступает место новому, но вступает с ним в самые неожиданные комбинации¹.

А. Филиппов

Центральная проблема институциональной теории – выявление причин устойчивого роста как «возвышения Запада» при хроническом отставании «Востока». Долго бытовало убеждение, что это связано исключительно с рыночной экономикой и демократией. Однако в связи с разрушением «социалистической» модели большинство стран стали рыночными или переходящими к рынку, но часто без роста, конкуренции и демократии.

Для объяснения нового феномена современная западная мысль отказалась от марксистской дихотомии по форме собственности (частная – общественная). Была выдвинута гипотеза о характере институциональной среды, которая обеспечивает доступ к общественным благам и экономическим ресурсам разным социальным группам – в терминах порядков открытого или ограниченного доступа, инклюзивных или экстрактивных институтов. Конкретизация этого тезиса осуществляется в новой парадигме, которая дает ответ на вопрос, какая институциональная модель приводит к развитию и росту, а какая – к стагнации и рентоориентированному поведению.

Экономическая система России не обеспечивает устойчивое динамическое развитие, не удовлетворяет потребностей граждан, порождает острые социальные неравенства, снижает роль России в мировой экономике и потому нуждается в коренном изменении. В связи с этим актуальная повестка состоит в том, чтобы найти ответ на вопрос – к какой социально-экономической системе нужно переходить? В книге объясняется, почему контрактный раздаток обеспечивает условия для нового этапа развития и формирования реального социального государства в России. Концептуальной основой стала интегрально-институциональная парадигма, как результат синтеза теории раздатка с классическими подходами и современными институциональными теориями.

Теория раздатка, построенная на обобщении огромного числа исторических фактов, доказывает существование раздаточной экономики на

¹ См.: [Филиппов, 2011, с. 19].

протяжении всего институционального развития России. Однако настоящее и будущее требует более сложной методологии, а именно – новую парадигму осмысления реальности.

Центральная идея интегрально-институциональной парадигмы состоит в том, что в ходе длительного развития были выработаны универсальные способы экономической координации. Они зародились в древности, прошли циклический путь, в рамках которого вырабатывались их формы, соотносенные с технологическими укладами и характером окружающей среды. Рыночные и раздаточные экономики содержат в себе как механизмы эффективного саморегулирования, так и «узкие места», которые при определенных обстоятельствах могут спровоцировать кризисы. При этом каждый тип экономики развивается на основе собственной институциональной матрицы, совершенствуя и видоизменяя ее формы в рамках конкретного цикла, но сохраняя неизменной природу своего институционального ядра. Таким образом, рынок и раздаток рассматриваются как два универсальных и взаимно необходимых способа координации, и выдвигается гипотеза общей траектории институциональной эволюции в контексте типовых формаций и социальных порядков.

В новой парадигме обосновывается, что современный кризис в России связан с исчерпанием модели квазирынка – основы трансформационных фаз российской матрицы, и делается прогноз, что уже формируется модель контрактного раздатка, качественно отличная и от традиционной раздаточной экономики (в том числе советского периода), и пост-советского квазирынка.

В книге поднимается дискуссионная проблематика «пути России», которая может быть полностью завершена с переходом на уровень новой парадигмы. Специфика траектории развития России заключается в наличии между основными раздаточными фазами, которые вдохновляли «славянофилов», достаточно длительных переходных периодов, в которых происходило внедрение рыночной модели с мотивацией стать «демократическим Западом», что приветствовали сторонники «западничества». В сосуществовании раздаточных и квазирыночных фаз в единой логике институционального развития выражалась особенность пути России.

На современном этапе переход к новому циклу может произойти на основе синтеза институтов рынка и раздатка в модели контрактного раздатка, опирающегося на идеологию солидаризма, поскольку квазирыночный рентоориентированный режим временно играет роль «скорлупы», в которой вызревает эта новая экономическая модель. Курс на основе экономики контрактного раздатка, базирующегося на идеологии солидаризма, станет эффективным двигателем преодоления системного кризиса в России и создаст условия для возрождения социальной справедливости, как равных шансов для всех социальных групп.

В книге вводится представление о российской цивилизационной матрице на основе раздаточного институционального ядра, в которой рынок играл подчиненную роль. Ее суть состоит в использовании институциональных механизмов сдач-раздач для выживания социума в жесткой природно-ресурсной среде, закрепленных в ценностных ориентирах большинства населения на служение сильному государству и в отношениях власти с народом через механизм административных жалоб. Существование российской матрицы базируется на регулярном воспроизводстве базовых институтов раздатка в разных исторических формах, при этом, несмотря на уникальность цивилизационных факторов, задающих траекторию циклического развития по формуле «раздаток – квазирынок – обновленный раздаток», в масштабе формаций и социальных порядков она подчиняется общим закономерностям. Именно поэтому объяснить логику развития России можно только на новом парадигмальном уровне с позиции глобальных этапов институциональной эволюции.

В книге будет показано, что раздаток – это ядро российской матрицы, с эндогенной программой по своему воспроизводству через 4-фазовые циклы, где каждая фаза характеризуется собственным соотношением институтов рынка и раздатка, а также типовыми институциональными механизмами. Развитие раздаточных институтов происходило циклически, каждый цикл усложнял формы базовых институтов раздатка и тем самым повышал уровень свободы институциональной среды относительно предыдущих циклов. Но по-настоящему политически свободным раздаток еще не был никогда. Раздаток в России всегда существовал в режимах авторитарной власти (монархии, советского тоталитаризма) и никогда не функционировал в рамках конкурентной и свободной политической среды.

Поэтому вполне вероятно, что экономика контрактного раздатка сможет полноценно работать и показать свой потенциал в условиях порядка открытого доступа, в котором социальное государство базируется на инклюзивных институтах. В старой парадигме связка «рынок и демократия» обеспечивает свободу, в новой парадигме – свобода на практике рассматривается как демократический порядок открытого доступа с инклюзивными институтами, появившийся на основе интеграции рыночных и раздаточных механизмов в результате глобальной институциональной эволюции на основе рынка и раздатка.

В России никогда не было классического рынка с конкуренцией и частной собственностью, получаемой не от государства, а был квазирынок, в ядре которого сохранялись институты раздатка. На современном этапе разворачивается конфликт между новой универсальной моделью развития (контрактный раздаток) и специфически российской моделью стагнации (квазирынок). Он проявляется в столкновении нормативных правил госзаказа с реальной практикой его осуществления, а также в противоречии целевых механизмов финансирования национальных проектов и бюджетной практики распределения ресурсов в форме «кормления».

В настоящее время накопленные общественными науками знания о положительных и отрицательных сторонах двух способов координации развития социальных систем все более подвигают исследователей к выводу о необходимости их синтеза, в котором усиливались бы положительные свойства и компенсировались отрицательные. На самом деле непримиримыми антагонистами являются не рынок и раздаток, а их идеологические оформления, выстроенные на акцентировании только противоположных свойств. Но с переходом к иной парадигме именно эта противоположность рынка и раздатка при правильном сочетании позволит экономической системе стать стабильной и устойчивой. В XXI веке человечество может перейти от идеологии конфронтации двух «способов бытия» (в терминах Э. Дюркгейма) к их сознательной интеграции, синтезу и сочетанию в разных формах. Только это сможет обеспечить выход из циклической колеи с катастрофами и распадами государств на устойчивую контролируемую колебательную траекторию развития.

Идеология солидаризма как синтез идей социализма и либерализма нивелирует недостатки и того и другого направления, которые в чистом виде доказали свою несостоятельность. Солидаризм предполагает сосуществование частной и государственной собственности, а также сильное государство с социальной направленностью и субъектностью всех членов общества, дает право на участие в принятии решений по развитию страны через свободные выборы и гражданские протесты, что адекватно новому циклу развития.

Современная экономическая практика развитых стран показала, что одновременное использование форм раздатка и рынка становится необходимым условием экономического роста. Следовательно, курс на основе матрицы контрактного раздатка в России, несмотря на ее раздаточное предшествующее развитие, не станет возвратом в советское авторитарное прошлое, а будет эффективным двигателем преодоления системного кризиса. Советская модель раздатка была первой попыткой создать общество, в котором свободные граждане служат сильному и открытому государству с помощью теоретической утопии социализма. Однако воспроизведенной оказалась традиционная для России раздаточная экономика в зрелых формах. В XXI веке совместное развитие социализма (раздатка) и капитализма (рынка) становится необходимым условием гармонизации общества в целом. Такой институциональный синтез будет означать «Великую трансформацию» российской матрицы в форме экономики контрактного раздатка и демократического порядка открытого доступа с идеологией солидаризма.

ЧАСТЬ I

НОВАЯ ПАРАДИГМА В КООРДИНАТАХ РЫНКА И РАЗДАТКА

Дискуссия об историческом характере развития России – о ее пути – практически не прекращалась весь трансформационный период. Однако несколько волн подобных обсуждений – как в узких научных кругах, так и в широком информационном поле – заканчивалась одним и тем же результатом. Мнения делились на три группы: те, кто считает Россию западной страной, но с отсталым развитием и требующей модернизационных программ, вторая группа – те, кто считает, что Россия была направлена в период Золотой Орды по восточному пути развития и теперь уже вряд ли с него свернет, и, наконец, сторонники самобытного (промежуточного между Западом и Востоком) пути развития, который выражается в абстрактных терминах о русском менталитете и русском характере.

Постоянно повторяющийся результат дискуссии связан с более чем столетним господством парадигмы двух путей цивилизационного развития: либо демократический и рыночный по типу «Запад», либо авторитарный и нерыночный по типу «Восток». Именно данная парадигма не позволяет выйти за рамки дихотомического противопоставления и посмотреть на траекторию развития России и всего цивилизационного развития иначе.

Парадигмы, как известно, имеют существенное значение при интерпретации фактов социальной действительности; более того, они иногда настолько «сливаются» в сознании определенного поколения с реальностью, что возникает ощущение, что так оно и есть на самом деле. До поры до времени – пока не появится «аномалия», т.е. проблема, не решаемая средствами данной парадигмы. Именно к такому типу проблем и принадлежит тема характера цивилизационного развития России. Именно эта проблема, и, особенно, современный курс институциональных изменений, а также приобретение черт российской экономикой, еще не описанных наукой, ставит под сомнение научную адекватность парадигмы двух путей развития.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ СИСТЕМЫ К МАТРИЦЕ

Не капитализм и социализм, а рынок и раздаток

В 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс расположил на одной эволюционной оси капитализм и социализм как две противоборствующие и следующие одна за другой формации. В 1943 г. Й. Шумпетер в работе «Социализм, капитализм и демократия» теоретически обосновал необходимость создания государства всеобщего благосостояния, введения широкомасштабных социальных программ, развития общественных секторов, усиления роли государства в экономике: «Может ли капитализм выжить? Нет, но моя аргументация совсем не такая, как у марксистов. Тезис, который я постараюсь доказать, заключается в том, что капиталистическая система не погибает от экономического краха, но зато сам ее успех подрывает защищающие ее общественные институты и неизбежно создает условия, в которых она не сможет выжить и уступит место социализму» [Шумпетер, 2008, с. 440].

В рамках марксистской социалистической идеологии частная собственность и рыночная экономика полностью отрицались. Современная теория «экономикс» долго базировалась на абсолютизации рынка и частной собственности. Более того, утверждалось, что нерыночные институты по своей сути архаичны и должны быть преобразованы в рыночные. Однако П. Самуэльсон и У. Нордхаус внесли существенные поправки в свой учебник по рыночной экономике, заявив «о ценности смешанной экономики..., которая комбинирует жесткую дисциплину рынка со справедливым правительственным контролем. Экономическая история подтверждает, что ни нерегулируемый капитализм, ни чрезмерное зарегулированное центральное планирование не могут организовать эффективное современное общество» [Samuelson, Nordhaus, 2010, Pp. XVI–XVII].

Похожие идеи высказаны в декларации французских социологов «К созданию другой экономической науки (а тем самым и другого мира)?»: «Все формы институционализма демонстрируют недостаточность и неизбежность провалов сугубо рыночного регулирования. Однако заменить рыночное регулирование огосударственной экономикой никто тоже не предлагает. Все признают ту важную роль, которую играют государство и рынок» [Буайе и др., 2008, с. 20].

Еще одним основанием нового подхода стала парадигма реконструирования рынка Ф. Блока. «В конфликте между социализмом и капитализмом ключевое место занимает вопрос о том, какую роль государство должно играть в хозяйстве. Новая парадигма начинается с опровержения идеи вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Вместо этого утверждается, что его действия *всегда* играют ключевую роль в формировании хозяйства и позиционировать государство как нечто за рамками хозяйственной деятельности – бессмысленная задача. Все зависит от особенностей сочетания действий государ-

ства и рынков: какое сочетание порождает хищническое государство? Какое их сочетание ведет к увеличению неравенства?» [Блок, 2004, с. 46–47].

Однако зарубежным исследователям не удалось, на наш взгляд, раскрыть сущность нерыночной формы координации (см., например, [Хедлунд, 2015]), поскольку они не обладают неявным, опытным знанием. Обычно для описания «социалистических» экономик XX века используются такие категории, как распределительная, редистрибутивная, административно-командная, предполагающие, что такие экономики управляются абсолютистскими режимами. На материале эволюции российских институтов в 1990-е годы был разработан новый исследовательский инструмент. Категория *раздаток* описывает нерыночные экономики как объективные и саморегулирующиеся.

В новой парадигме раздаток, подобно рынку, определяется как механизм распределения общественного продукта. Однако рыночные и раздаточные экономики распределяют дефицитные ресурсы разными способами – через механизмы купли-продажи в случае рынка и через механизмы сдач-раздач – в случае раздатка. Таким образом, рынок и раздаток – это институциональные механизмы распределения ограниченных ресурсов, с помощью которых координируется деятельность хозяйствующих субъектов. Введение и использование категории *раздаток* привели к созданию *теории раздаточной экономики*, а на ее основе – интегрально-институциональной парадигмы (табл. 1.1).

Новая парадигма сформирована на следующих принципах:

- холистическое (целостное) восприятие социальной реальности;
- дуальность противоположностей в рамках единой целостности;
- циклическая модель динамического равновесия;
- соотнесение противоположностей по принципу доминантности – компенсаторности;
- интегральная перспектива в форме синтеза дуальных противоположностей.

Таблица 1.1

Нерыночная экономика в старой и новой парадигме

В старой парадигме – нерыночная экономика	В новой парадигме – раздаточная экономика
Искусственная, субъективная	Естественная, объективная
Внеисторическая, сконструированная диктаторами	Имеет длительную историческую протяженность
Отсутствуют сигналы обратной связи и механизм саморегуляции	Сигналы обратной связи (в форме жалоб) обеспечивают механизм саморегуляции
Обслуживает только авторитарные режимы	На определенном этапе развития становится демократической
Антагонизм с рыночными институтами	Сосуществует с рыночными институтами как вспомогательными
Государственно-принудительный характер труда	Служебная организация труда с базовой мотивацией служения

В рамках этой парадигмы рынку противопоставляется не государство, а раздаток как однотипный с рынком *объективный механизм экономической координации*, а государство в лице его иерархических органов управления – только субъект использования этих отношений (рыночных и раздаточных одновременно) в конкретных целях. Государство разрабатывает и внедряет хозяйственный механизм, который создает институциональную матрицу, осуществляющую воспроизводственные процессы и координирующую деятельность разных социальных групп. Иерархия – ключевое свойство системы управления, которая «обслуживает» отношения сдач-раздач и используется фирмами, корпорациями и государством.

Раздаток как нерыночный способ координации – равнозначный способ экономической организации наряду с рынком с начального этапа развития человечества и актуален по настоящее время. Поскольку рынок и раздаток в новой парадигме рассматриваются как два универсальных и взаимно необходимых способа координации, экономическая эволюция впервые представлена как рыночно-раздаточное развитие. Закономерности понимаются как наличие эволюционной программы с широкими возможностями субъектов по ее качественной реализации, а не как неотвратимая данность, регламентирующая общественный процесс и блокирующая свободу воли.

Таким образом, новая парадигма построена на целостном подходе к объяснению социальной реальности и на методологии матричного подхода. При этом выявляются базовые, исторически повторяющиеся модели развития, составляющие суть любой матрицы как системы с эндогенной программой ее воспроизводства (рис. 1.1).

Д. Норт ввел категорию *матрица*, чтобы снять вопрос общего и особенного пути развития той или иной страны, поскольку предполагается существование индивидуальной институциональной матрицы у каждой страны, а именно – переплетение взаимосвязанных формальных правил и неформальных ограничений, ведущих экономику каждой страны по своему пути, отличному от пути развития другой страны. Поскольку институциональная матрица связывает прошлое с настоящим и будущим, история становится процессом преимущественно непрерывного институционального развития, а функционирование экономических систем на протяжении длительных исторических периодов становится понятным только как часть разворачивающегося институционального процесса, для которого типично перетекание содержания старых институтов в новые.

Институциональная матрица создает зависимость от траектории предшествующего развития из-за действия механизмов самоподдержания институтов. Устойчивость базовых институтов несколько не противоречит тому факту, что их формы меняются. Прерывистое равновесие социально-экономического развития происходит в виде последовательности периодов институциональной непрерывности, перемежающихся периодами кризисов и трансформаций [Норт, 1997].

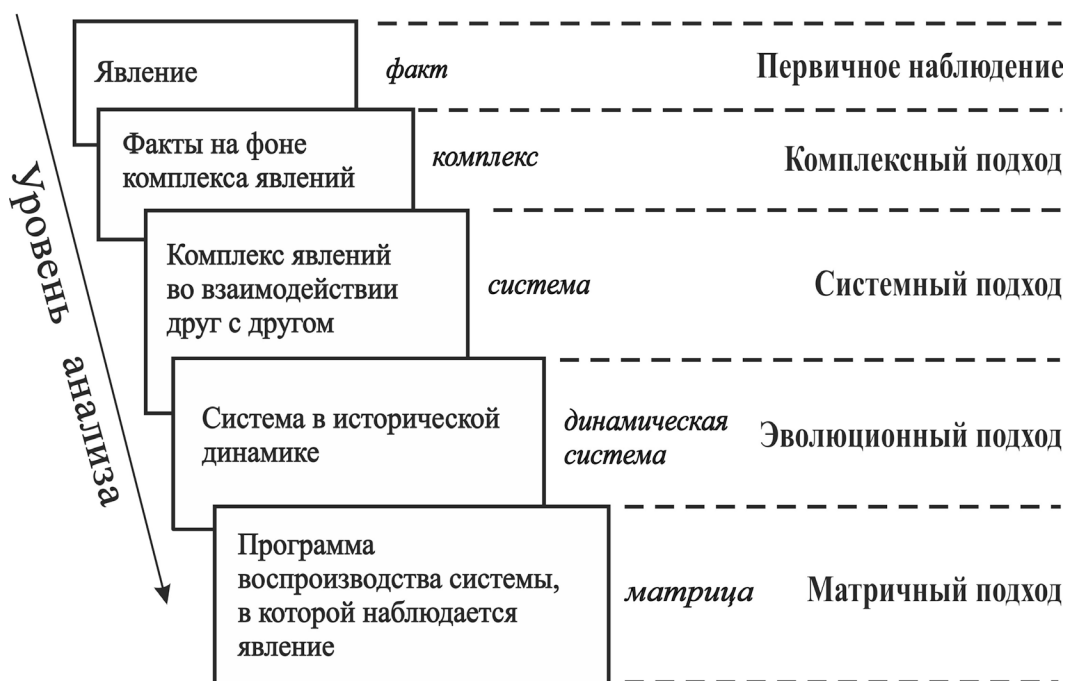

Рис. 1.1. Матричная методология новой парадигмы

В рамках рынка и раздатка на основе ядра базовых институтов выстраивается хозяйственный механизм, определяющий институциональные формы, комплементарная совокупность которых представляет собой институциональную матрицу определенного цикла, задающую правила игры на весь период.

Рынок и раздаток – универсальные экономические отношения, которые выработала цивилизация в длительном процессе своей эволюции. Но непримиримыми антагонистами выступают не они, а их *идеологическое оформление* – капитализм и социализм, выстроенные на акцентировании только противоположных свойств (рис. 1.2).

Рыночные и раздаточные способы экономической координации зародились в древности, прошли циклический путь развития, в рамках которого выработывались их формы, соотнесенные с технологическими укладами и характером окружающей среды. Они равноценны и никогда не существуют друг без друга. Когда один доминирует, другой играет лишь компенсаторную, вспомогательную роль. Несмотря на нераздельное сосуществование, рынок и раздаток противопоставлены друг другу как «конкуренты» за координацию любого вида деятельности. Социальный порядок ограниченного или открытого доступа определяет интегральную характеристику социально-экономических систем с точки зрения характера распределения ресурсов между элитами и другими социальными группами в процессе институциональной эволюции [Норт и др., 2011].

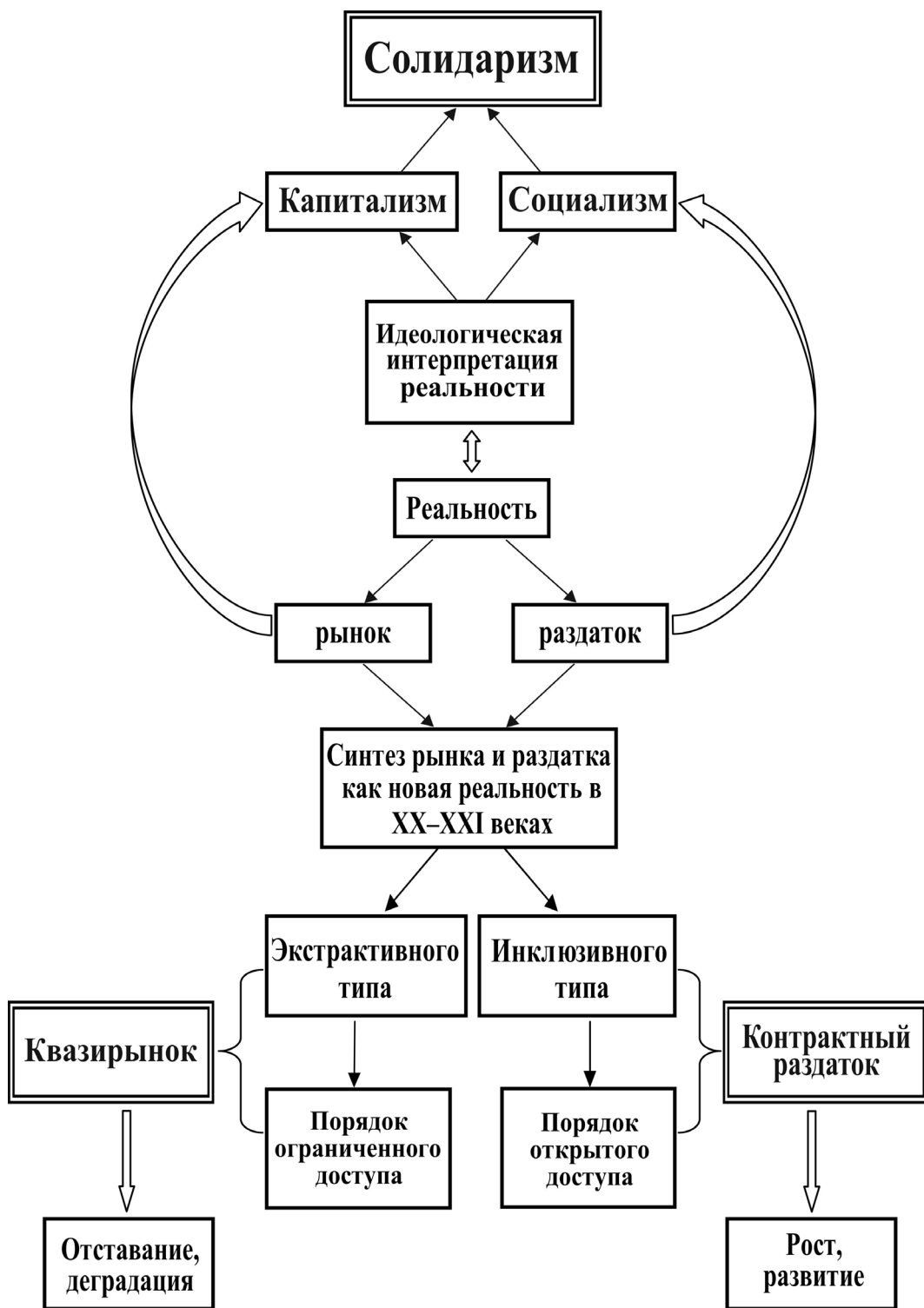

Рис.1.2. Новая реальность как рамка развития России в XXI веке

Современное западное общество стало эффективным и динамичным за счет синтеза институтов рынка и раздатка, заменив либеральный рынок с периодическими кризисами моделью, которая в новой парадигме названа *контрактным раздатком*. На основе такой модели формировались государственные заказы в стратегические отрасли, направлялись государственные инвестиции в инфраструктурные проекты и реализовывались социальные программы. Фактически так была построена модель современного государства всеобщего благосостояния. Это существенно расширило емкость внутреннего рынка и снизило социальное напряжение в обществе.

Как ни парадоксально это прозвучит, для дальнейшего развития *капитализма* нужен был *социализм*. Вот почему в западном мировоззрении так актуальна тема социального капитала, для чего необходимо было развивать общественный сектор, гарантировать права на образование, здравоохранение, социальные пособия по безработице, старости, инвалидности [Кларк, 2011].

В новой парадигме дилеммой XXI века становится не план или рынок, не социализм или капитализм, а *квазирынок* или *контрактный раздаток*. Внешне обе модели выглядят аналогично: ресурсы распределяются через госзаказ на конкурсной основе, и заключаются контракты с правовыми гарантиями. Однако модель контрактного раздатка опирается на *инклюзивные* институты, что обеспечивает включение всех социальных групп в процесс общественного развития. Квазирынок опирается на *экстрактивные* институты и защищает монопольное присвоение общественной ренты узкой группой лиц в личных интересах [Аджемоглу, Робинсон, 2015].

Пока существовал СССР, рыночные экономики осуществляли инклюзивный синтез рынка и раздатка, перераспределяя общественную ренту между разными социальными слоями и формируя обширный средний класс. Т. Пикетти называл период 1950–1980-х годов «славным тридцатилетием», когда неравенство в Европе сокращалось. После развала советской системы возникли тенденции экстрактивного синтеза рынка и раздатка, с помощью которого перераспределялись выгоды от госзаказов и государственных инвестиций в пользу конкурирующих узких кланов, искажая контур социального государства [Пикетти, 2015]. В новой парадигме горизонт XXI века – это переход к социальному порядку открытого доступа с инклюзивными институтами, в основе которого лежит модель контрактного раздатка. Но на этом пути существует серьезное препятствие в виде модели квазирынка с экстрактивными институтами и порядком ограниченного доступа [Зингалес, 2016].

Таким образом, центральным звеном новой парадигмы является положение, что рынок и раздаток – это две базовые модели развития человечества, не существующие одна без другой и взаимодействующие по принципу «доминантность – компенсаторность». На архетипическом уровне модель рынка – это отношения купли-продажи, частная собственность, цены и при-

быль как сигнальный институт. Модель раздатка включает отношения сдач-раздач, общественно-служебную собственность и административные жалобы как сигнальный институт. Если рынок обеспечивает хозяйственной системе динамизм и инновационность, то раздаток – стабильность и защищенность. Экономике разных стран развивались либо на доминанте рынка, либо на доминанте раздатка. За базовую модель экономики отвечает *цивилизационная матрица* – как совокупность самых разнообразных условий, в которых зарождается и существует то или иное государство.

При этом коренным образом меняется взгляд на дилемму «Запад-Восток»: существует не два пути – западный и восточный, а общая эволюционная программа, которую реализуют все страны. Это циклическое развитие, причем каждый новый цикл опирается на новые формы базовых институтов, новую трудовую модель и новую технологическую основу. Три институциональных цикла уже пройдены, но страны Запада их реализовали на рыночном архетипе, а государства Востока и Россия – на раздаточном. Каждая страна реализует эволюционную программу в своих национальных формах и в своем историческом темпе. К середине XX века институциональная эволюция привела к синтезу рынка и раздатка. Запад, формируя социальное государство как порядок открытого доступа, активно встраивал раздаток в рыночную систему, и этот, пока еще не во всем эффективный синтез, сыграл свою роль в разворачивании мирового финансового кризиса 2008 г. Задача современности – обеспечить качественный синтез рыночных и раздаточных институтов.

В новой парадигме по-иному выглядит связь рынка и демократии. Современная демократия со всеобщим избирательным правом появилась именно в связи с синтезом рыночных и раздаточных институтов. При этом в странах Запада были выработаны разные демократические модели, интегрирующие старые монархические институты власти, с тем, чтобы придать политической системе устойчивость и преемственность. Демократия – как политическая модель – не свойство рыночной экономики, а следствие интеграции раздаточных институтов в экономику рыночных стран, позволившее отменить избирательный ценз и ввести равноправное голосование для всех социальных групп.

Несмотря на снятие идеологических зажимов и использование разнообразных концепций в анализе социальной реальности на локальном уровне, на макроуровне до сих пор продолжает доминировать парадигма двух путей цивилизационного развития. Живучесть данной парадигмы проявляется в том, что она регулярно предстает в новом концептуальном оформлении, не меняя при этом своих априорных догм. Необходимость смены парадигмы поставлена самой жизнью – цивилизационный путь России и новый этап ее развития все еще остается для общественной науки аномалией.

Новая парадигма как вестник научной революции

Развитие научного знания по Т. Куну происходит вовсе не как простое накопление фактов и теорий, а циклично, когда стабильные периоды нормальной науки сменяются периодами научных революций (рис. 1.3).

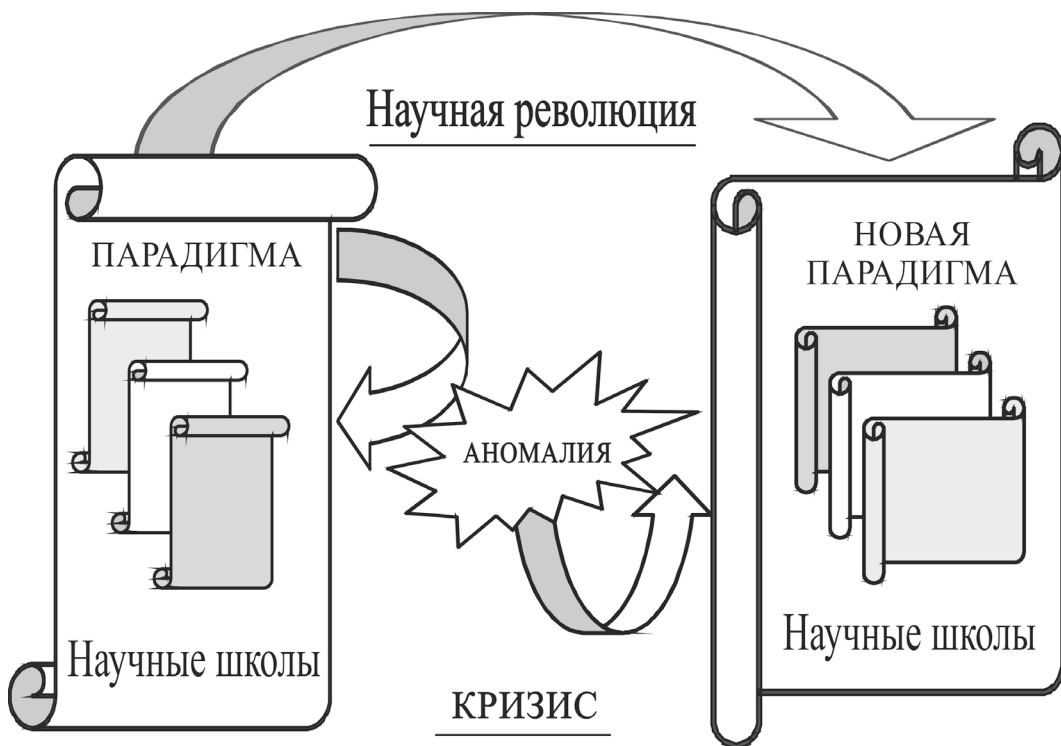

рис. 1.3. Парадигмальное развитие науки

В качестве концептуальной основы стабильной фазы цикла выступает не отдельная теория, а совокупность теорий, составляющих теоретическое единство – парадигму, которая базируется на особых установках, распространенных в научном сообществе. «Под парадигмами подразумеваются признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун, 2003, с.17].

В эти периоды происходит накопление научных результатов, полученных при решении исследовательских задач по стандартным образцам и методикам. В стабильные периоды создаются и развиваются *научные школы* – сообщества, деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, и которые опираются на одни и те же правила научной практики. Парадигма – это как раз то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму. Научные школы, исповедующие различные парадигмы всегда действуют как бы наперекор друг другу.

Кризис в науке возникает, когда ученые сталкиваются с сильными и продолжительными аномалиями, характерной чертой которых является невозможность объяснить их существующими парадигмами. Хотя с этого момента ученые могут постепенно терять доверие к прежним теориям и задумываться об альтернативах для выхода из кризиса, тем не менее, они никогда не отказываются легко от парадигмы, которая ввергла их в кризис. Они будут изобретать бесчисленные интерпретации и модификации своих теорий, чтобы скрыть наличие аномалий. Часто новая парадигма возникает, по крайней мере, в зародыше, до того, как кризис зашел слишком далеко или был явно осознан.

Когда парадигмы попадают в русло споров о выборе лучшей парадигмы, то каждая группа использует свою собственную парадигму для аргументации в защиту этой же парадигмы. Поэтому логика в этом споре бессильна. Конкуренция между парадигмами не является видом борьбы, которая может быть разрешена с помощью доводов. Процесс смены профессиональных предписаний вместе с дискуссиями, неизменно сопровождающими их, назван в методологии познания научными революциями.

Переход к новой парадигме, от которой может родиться новая традиция науки, представляет собой процесс далеко не такой, который мог бы быть осуществлен посредством более четкой разработки или расширения старой парадигмы. Этот процесс скорее напоминает реконструкцию, которая изменяет некоторые наиболее элементарные теоретические обобщения в данной области, а также многие методы и приложения данной парадигмы.

Новая парадигма намечает перспективу иной трактовки фактов. Реализация этой перспективы достигается благодаря все более широкому сопоставлению фактов с предсказаниями на основе парадигмы и благодаря дальнейшей разработке самой парадигмы. Новые парадигмы рождаются из старых, поэтому они обычно вбирают в себя большую часть словаря и приемов как концептуальных, так и экспериментальных, которыми традиционная парадигма ранее пользовалась. Но они редко используют эти заимствованные элементы полностью традиционным способом. В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом.

Таким образом, новая парадигма содержит претензии на решение тех проблем, которые вызвали кризисы в науке, она предсказывает существование явлений, о которых совершенно не подозревали, пока господствовала старая парадигма. Кроме того, «новая парадигма – это фактически новый способ упорядочивания данных. Изменение парадигмы означает трактовку того же самого набора данных, который был и раньше, но теперь они размещаются в новой системе связей друг с другом, изменяя всю схему» [Кун, 2001, с. 122]. Смена парадигм воплощает этап коренной ломки, переосмысления основных научных результатов, смену понятийной сетки. Это *период научной революции* – этап принципиального видоизменения всех главных стратегий исследования в рамках научных школ.

Этапы развития Новосибирской экономико-социологической школы

Новосибирская экономико-социологическая школа (НЭСШ) была основана Т.И. Заславской. Научный путь руководимой ею школы был постоянным балансированием на грани дозволенного. Результаты исследований наиболее острых и проблемных вопросов состояния российского общества подавались таким образом, чтобы донести правду о реальном состоянии дел и сказать больше, чем позволялось в условиях жесткой идеологической цензуры. Лидеры школы находили в хозяйственной элите разных уровней тех, кто был заинтересован в получении знаний о реальном состоянии дел и возможных направлениях улучшения. Многие углубленные массовые обследования населения стали возможны только благодаря заинтересованности и содействию со стороны таких руководителей. Обсуждение полученных результатов, вскрывающих пороки советской системы, настраивало эту часть управленцев на критическое осмысление социальной реальности.

Экономико-социологическая ориентация Новосибирской экономико-социологической школы сложилась не сразу. В ее развитии можно выделить три крупных этапа.

Допарадигмальный этап. На первом этапе научный профиль школы характеризовался как социальная экономика. В фокусе исследований НЭСШ в этот период были социальные факторы и последствия конкретных экономических явлений и процессов. Уже тогда преимущество отдавалось социологическим методам сбора информации, которые дополнялись статистическими данными. Черты НЭСШ – это эмпиризм, системный, структурный и функциональный подходы, применение математических методов. В этот период НЭСШ оставалась прикладной, что объяснялось потребностью в данных и информации, адекватной реальности. Именно этим отличался новосибирский коллектив – как от экономических научных школ, так и от других социологических коллективов, формировавшихся на иных теоретико-методологических основах (философской, социально-психологической, социокультурной).

К числу наиболее важных научных достижений НЭСШ относились: концепция сельской и городской миграции населения, изучение трудовой мобильности, системный подход к изучению развития аграрного сектора, концепция социально-территориальной структуры общества. Значение первого этапа заключается в том, что он показал ограниченность социально-экономической перспективы и необходимость разработки принципиально новой экономико-социологической парадигмы.

Парадигмальный этап. Теоретическое становление новосибирской социологии характеризовалось применением системного анализа к исследованию социальных явлений. Система понималась как сложное единство множества взаимосвязанных элементов. Для теоретической концептуализации была создана новая научная область – экономическая социология как

новое пространство, в котором нет сопротивления старых схем и установок. Это был первый сдвиг в парадигмальном направлении, что позволило по-новому описывать и интерпретировать факты, при этом не вступая в конфронтацию с идеологией, поскольку экономическая социология рассматривалась как новая научная область, у которой имелся свой объект и предмет исследования, отличный от политэкономии. Такой прием действительно обезоружил идеологов и консервативных критиков, которые, тем не менее, пытались увидеть в этом «отход» от марксизма.

В рамках экономической социологии была разработана концепция социального механизма развития экономики, наряду с хозяйственным механизмом. Эта теоретическая концепция систематизировала накопленные факты в агрегированные конструкции «проекций» социального механизма, в результате чего появилась возможность представлять более реалистичный фактический материал. Проект предполагал изучение таких пяти направлений, как: социальный механизм аграрного сектора, социально-управленческая проекция, социальный механизм распределения, социальный механизм личного подсобного хозяйства, социально-территориальная проекция [Социальная траектория..., 1999].

Таким образом, в рамках НЭСШ была создана методология, которая изменила парадигмальные основы изучения общества и обеспечила выход из-под «крыши» формационного подхода. Социальный механизм развития экономики трактовался как устойчивая система экономического поведения и взаимодействия общественных групп как друг с другом, так и с государством, регулируемая исторически сложившимися социальными институтами, хозяйственным механизмом управления экономикой и текущей деятельностью органов управления [Заславская, Рывкина, 1991].

Полипарадигмальный этап. Радикальные экономические реформы, начавшиеся в стране в начале 1990-х годов, привели к резкому сокращению государственного финансирования науки. Значительная часть научных сотрудников перешла в другие сферы деятельности, а оставшиеся столкнулись с необходимостью поиска дополнительных негосударственных источников финансирования – через систему грантов отечественных и зарубежных фондов, хоздоговоров, разовых заказов. Возникшие трудности в развитии науки компенсировались изменением идеологического климата в обществе, укреплением научной мысли, расширением доступа к достижениям мировой общественной науки, снятием административных барьеров в развитии научных контактов.

В 1990-е годы в исследованиях НЭСШ нашли отражение наиболее острые социальные проблемы переходного периода. Результаты, полученные в ходе эмпирических исследований, не только послужили базой для проверки выдвигаемых научных гипотез, но и дали дополнительный импульс для формирования новых теоретико-методологических направлений, позволяющих углубить научные представления о современных трансформационных

процессах в российском обществе. Институциональный подход стал центральным направлением исследований НЭСШ и находил свое применение в изучении макро- и микропроцессов. Радикальное изменение системы социально-экономических отношений обусловило многоплановость и специфику исследований коллектива в этот период. Прежде всего, были разработаны и реализованы конкретные программы проведения мониторинга реформирования крупных сфер экономики: в промышленности, торговле, сфере обслуживания, аграрном секторе; жилищно-коммунальном хозяйстве.

Для НЭСШ, как и для всей российской социологии это был полипарадигмальный период, что означало конкуренцию и одновременное сосуществование разных парадигм социального познания.

«Полипарадигмальность связана с определенным этапом развития науки вообще. Решающим фактором в многообразии научных направлений является многообразие социального мира. Именно здесь первопричина разного видения и несхожести концептуализации единого для исследователей социального объекта» [Ядов, 2009, с. 13]. Эту точку зрения расширяет инструментальный подход к теориям. «Теории – это аналитические инструменты, относительно нейтральные по отношению к реальности. Это лишь орудия в руках исследователя, главное – знать об их существовании, разбираться во внутреннем устройстве и уметь использовать. Нужно также правильно выбирать и сам инструмент. Любой аналитический инструмент имеет неизбежные ограничения в использовании, у каждого инструмента должно быть свое место. Национальная специфика исследовательской работы определяется не типом используемых инструментов, а характером решаемых задач и способами их решения» [Радаев, 2005, с. 513–514].

Однако существует иная позиция, которая связывает полипарадигмальность с некритическим заимствованием западных теорий и подходов. «Ситуацию в нашей стране с 1917 г. до конца 1980-х гг. можно назвать ситуацией принудительного единомыслия. Но сейчас в моде прямые бесцеремонные заимствования западных понятий, концепций, теорий. Их произвольные переносы на российскую почву при полном игнорировании национально-культурной специфики нашей страны стали рутинной отечественной социологической практикой» [Малинкин, 2006, с.17]. Эту точку зрения углубляет политолог В. Пантин: некритическое восприятие в России интеллектуальных достижений Запада – своеобразная реакция на советское прошлое. Когда идеологическая монополия рухнула, возникла двоякая ситуация – либо некритическое усвоение постулатов и догм западной науки и попытки механического приспособления их для истолкования российского опыта, либо столь же механически отвергнуть, не вникая в причины того, почему они «не стыкуются» друг с другом [Пантин, 2000].

Обобщил ситуацию с полипарадигмальностью А. Богатуров – руководитель выездных сессий при Московском общественном научном фонде. Его впечатления от участников летних школ были крайне негативны. Сведения

о содержании западных работ существовали автономно от их работы с конкретным материалом, мало влияя на технику анализа и выводы. Фактически, авторы попросту переводили местные реалии на язык, понятный западным спонсорам и зарубежной читательской аудитории [Богатуров, 2000]. Основными проблемами такой ситуации он считал уход в поверхностную популяризацию западных работ и оттеснение на второй план изучения реальности, пренебрежение работой с первичным фактическим материалом, особенно если тот не позволяет делать выводы в контексте с канонами западной теории. В итоге российскую науку поразил синдром «полной осведомленности при полном непонимании», для которого характерно владение зарубежным знанием и не умение применить его к практическому анализу. Его парадоксальный вывод был таков: механическая трансляция формального зарубежного знания, не связанного с местными реалиями, привела к тому же, что и советская догматика – к отторжению новой официальной науки из-за ее непригодности для объяснения действительности.

Однако в этой ситуации были свои плюсы.

Во-первых, проникновение зарубежных идей, книг, концепций западной науки позволило общественной мысли в России полностью отойти от идеологических штампов. Зарубежные идеи обогатили интеллектуальную палитру, раскрепостили мышление и создали предпосылки для роста российского ответвления мировой общественной науки, которое призвано специализироваться на обобщении отечественного материала в общемировом концептуальном контексте, дополнять, уточнять и «доставлять» традиционный западный терминологический аппарат с учетом «не вмещающихся» в него реалий, которые отсутствуют в западной действительности.

Во-вторых, поколение «переводчиков» местных реалий на язык, понятный зарубежной аудитории, должно уступить место исследователям, которые будут двигаться к разработке интегральных теорий. «Парадигму освоения» западной мысли сменит «парадигма осмысления» российских процессов, которые не идут в разрез с общемировыми, а представляют собой их составную часть [Пантин, 2000].

Таким образом, периоды заимствования и освоения зарубежных разработок были временем, когда возникало понимание, что западные теории малопригодны для объяснения российских процессов. Эти теории строились на ином материале и успешно объясняли реалии, характерные для иных географических ареалов. Представляется важной точка зрения, что назрел поворот к изучению российской реальности и созданию собственной теории, которая перестала бы видеть в местных особенностях отклонения и патологию. Необходимо разработка теории, способной моделировать целостную картину мира путем выстраивания ее на основе российской действительности. Необходимо не просто регистрировать соответствие или несоответствие российского опыта западным теоретическим конструкциям, а предлагать варианты объяснения реального развития России и ее соразвития с внешним миром.

Миссия школы. Каждая задача, реализующаяся в рамках определенной организации, в зависимости от масштаба может вырастать до миссии – т.е. такой задачи, реализация которой способна продвинуть общество на новую ступень его развития. Основатель Новосибирской школы Т.И. Заславская написала мемуары о своей жизни, которые позволили наряду с анализом этапов развития Школы и ее достижений сформулировать предположение о наличии такой миссии [Заславская, 2007, т. 3]. Она приехала из Москвы в Академгородок создавать новую парадигму общественного развития, и ей удалось, на мой взгляд, выстроить общую методологию достижения этой цели. Социальный механизм развития экономики был тем универсальным рычагом, который привел к широкому спектру научных результатов ее учеников и последователей. В 2000-е годы эта концепция дала толчок к созданию новой интегрально-институциональной парадигмы с помощью матричной методологии (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Сравнение новой и традиционной парадигмы

Традиционная парадигма	Новая парадигма
<i>Представление о социальной реальности</i>	
Фрагментарность, разделенность на сферы и структуры	Целостное, интегральное восприятие общества
<i>Соотношение истории и современности</i>	
Разделенность истории и современности	История как жизненный цикл социальной системы
<i>Соотношение локального и глобального</i>	
Разделенность глобального и локального, разобщенность теоретических и эмпирических исследований	Локальное – органическая часть глобального
<i>Соотношение объективного и субъективного</i>	
Противопоставление объективного и субъективного, закономерного развития и активно-деятельностной субъектности	Активно-деятельностный субъект в границах объективных возможностей
<i>Представление о закономерностях</i>	
Неотвратимая данность, регламентирующая общественный процесс и блокирующая свободу воли	Наличие эволюционной программы развития с широкими возможностями субъектов по качественной ее реализации
<i>Базовая методология</i>	
Системная методология: выделение систем	Матричная методология: выявление матриц и расшифровка программ развития

Таким образом, миссия НЭСШ заключается в смене теоретического ядра общественной науки. Реализация миссии проходила поэтапно – в 1970–1980 гг. через создание нового научного направления, своеобразного оазиса свободы в рамках идеологического прессинга марксизма-ленинизма, а также изучения реальных процессов общества через теоретическую концепцию социального механизма развития экономики.

В 1990–2000-е годы произошел переход к теоретической рационализации траектории развития России и выходу на новую интегрально-институциональную парадигму, которая должна прийти на смену устаревшей парадигме двух путей цивилизационного развития.

НЭСШ – объект пристального внимания и научного анализа. Многие исследователи, высоко оценивая вклад в российскую социологию, довольно скептически отзывались о ее современном состоянии [Котельникова, 2005]. Однако новая парадигма задумана не для обособленной школы, а для всей общественной науки, поэтому нет потребности в организационной форме научной школы как небольшого коллектива. Эта парадигма для тех, кто готов к ее восприятию, и для тех, кто может в ближайшем или отдаленном будущем созреть для ее понимания. Поэтому необходимо не замыкание в рамках узкого научного коллектива, а выход к интеллектуальной элите для открытых дискуссий, обмена мнениями и публичного диалога.

Задача современного этапа развития Новосибирской научной школы – предъявить и обсудить интегрально-институциональную парадигму и результаты ее применения к анализу прошлого, настоящего и будущего российской экономики и общества, которые представлены в этой монографии.

Глава 2

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРИАДА: ФОРМАЦИИ, ЦИВИЛИЗАЦИИ, ИНСТИТУТЫ

Интегрально-институциональная парадигма базируется на синтезе цивилизационного, формационного и институционального подходов. В связи с изменением точки сборки, категории этих подходов наполняются новым качеством, увязываются между собой в единый научный язык, в результате чего создается целостная картина мира, в фокусе которой находятся цивилизационные и институциональные матрицы.

Формационный подход

Теория социально-экономических формаций была разработана К. Марксом в середине XIX века как противовес конструкциям младогегельянцев, сводивших историю к саморазвитию и к самопознанию духа. Тем самым были сформированы: материалистическое понимание истории и концептуальный аппарат для осмысления общественных отношений и лежащих в их основании хозяйственных систем.

В основе формационной парадигмы лежит категория *общественно-экономической формации*, которая в свою очередь включает систему понятий, таких как способ производства материальных благ, производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка. Суть этого подхода состоит в выделении пяти общественно-экономических формаций (первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической), последовательная смена которых представляет этапы развития всемирно-исторического процесса. При этом предполагается, что каждое общество в своем развитии, как правило, проходит все эти формационные ступени.

Методология применения формационной парадигмы к изучению хозяйственного развития различных обществ заключалась в том, что к любому из изучаемых обществ неизменно прилагалась пятичленная схема. Любое общество, с точки зрения этого подхода, должно соответствовать признакам, отвечающим характеристике одной из формаций. В случаях, когда трудно или невозможно было добиться подобного соответствия исторической действительности идеальному типу, делались оговорки о ее недоразвитости. То, что некоторые народы не проходили через какую-либо формацию, ни в коем случае не отменяло общеисторического закона.

К. Маркс, как показывает анализ его текстов, все-таки не склонен был подгонять все бесконечное многообразие истории под единообразную схему. Об этом свидетельствует введение им таких понятий, как *азиатский способ производства* и *античный способ производства*, с помощью которых он осуществлял противопоставление Запада и Востока. Однако, как вписыва-

ются эти категории в ряд выделенных им же пяти других формаций – осталось до конца не проясненным.

Формационный подход господствовал в советском обществоведении около 70 лет. Он выступал не только в качестве теории изучения советского общества, но и в качестве идеологии. Это наложило существенный отпечаток на его догматизацию. «Выдвинутая Марксом научная гипотеза была впоследствии превращена в непогрешимую догму. Марксу было приписано открытие законов исторического развития, якобы действующего во все времена и под всеми широтами... Марксизм был выведен за пределы науки, сделан предметом веры, компонентом принудительной идеологии тоталитарного строя. Это не могло не привести к вульгаризации и прямой фальсификации мыслей Маркса. В конечном счете, теория Маркса выродилась в сведение всего многообразия мира людей к формационным характеристикам» [Гуревич, 1990, с. 34, 36]. При этом остались не разработанными такие фундаментальные вопросы, как соотношение явлений разного уровня (глобальных, региональных), закономерности возникновения новой формации, с одной стороны, и распространения этой формации по различным регионам, с другой.

Хозяйственное и общественное развитие России в советской историографии было переложено на формационную шкалу. В ходе этой работы возникали трудности с идентификацией того или иного периода с формационными характеристиками. Так, длительное время велись дискуссии о том, является ли Древняя Русь рабовладельческим или феодальным обществом. В итоге периодизация хозяйственного развития России в рамках данного подхода выглядит следующим образом: с IX до середины XIX века – феодализм; 1870-е – 1917 гг. – капитализм; с 1917 до 1991 года – социализм. Как видно, основное историческое время господствовал феодализм. В то же время дискуссии о том, был ли феодализм на Руси вообще, а если и был, то в какой конкретно период, долгое время являлись центральными для исторической российской науки [Свердлов, 1996]. То же самое можно сказать и о развитии капитализма в России. Другими словами, формационные «одежды», в которые наряжали российскую историю, ей совсем не подходили. Историки осознавали, что применение пятичленной схемы чревато упрощениями и неоправданными сближениями разнородных и разнокачественных социальных систем.

Формационный подход неоднократно подвергался жесткой критике, и прежде всего – со стороны востоковедов. Утверждалось, что данная схема была разработана на основе одного лишь европейского материала и по этой причине не применима к истории Азии, Африки, Америки, что попытки искусственно навязать эту схему неевропейским регионам приводят к искажению конкретного материала, к подгонке фактов под «рецепт – схему» и, таким образом, к догматизму. После начала трансформационных процессов в России формационный подход был окончательно фальсифицирован не только прошлым Азиатского континента, но и современными процессами в России, поставив-

шими под сомнение реальность социалистической формации и, соответственно, всю формационную траекторию общественного развития.

Формационный подход неудачен для понимания общественного и хозяйственного развития, прежде всего потому, что он разделяет – в прямом смысле этого слова – историю России на отдельные, слабо связанные между собой этапы. При этом каждый последующий этап отрицает предыдущий, описывается в разных категориях и тем самым блокирует поиск причин тех или иных современных явлений в прошлом.

Вторым негативным моментом применения формационного подхода к хозяйственному развитию России являлся перенос терминов, характеризующих западное общество, на явления российской действительности, что придавало им искаженный смысл. Так, например, помещики, вотчинники, князья, дворяне и бояре, занимающие разное социальное положение на разных исторических этапах, именовались одним словом – феодалами.

Третьим отрицательным моментом для изучения хозяйственного развития России являлась собственно сама периодизация. Как отмечалось, под феодализм отводилось около девяти веков. Однако в этот период российское общество претерпевало существенные изменения. С тем чтобы хоть как-то их улавливать, были разукрупнены исторические периоды – раннефеодальное общество и поздний феодализм.

Таким образом, формационный подход, зародившись в 1850-е годы, использовался для объяснения хозяйственной жизни России на протяжении практически всего XX столетия, довлея над историческими фактами и любыми другими интерпретациями. Главный недостаток этого подхода не в нем самом, а в том, что он, будучи признанным в качестве идеологии, выступал как априорное знание, как единственно возможная схема рассуждения в рамках советской общественной науки.

Категория *азиатского способа производства* введена К. Марксом для того, чтобы подчеркнуть глубокое своеобразие общественных структур на Востоке и способов их функционирования, своеобразие, которое не вмещалось в рамки схемы формаций. Последовательная разработка концепции азиатского способа производства привела к выводу о существовании принципиально разных цивилизационных линий в развитии Запада и Востока. Целенаправленно эта категория использовалась для выявления сущности реального социализма путем сравнения экономического и общественного устройства древних азиатских систем с плановыми экономиками. «Вполне возможно, что планируемая, контролируемая государством экономика... ближе к образцам Древнего Востока, возникшим пять тысяч лет назад, чем к тем идеалам, основы которых были заложены в начале железного века» [Шафаревич, 1991, с. 6].

Те исследователи, которые описывали развитие России исключительно в терминах азиатского способа производства, связывали с ним все негативные стороны российской жизни. «Для нас все еще актуален анализ азиатско-

го способа производства, данный Марксом, потому что этот анализ, к сожалению, имел слишком близкое отношение к социально-экономическим реалиям нашей страны» [Гайдар, 1995, с. 11]. Более того, они поставили перед собой задачу – вычленив глубинную модель, своеобразную кристаллическую решетку, общую и для Древнего Египта, и для реального социализма [Старикив, 1996, с. 5]. Последователи таких идей, например в теории «власти-собственности», злоупотребляют прямолинейными аналогиями в сравнениях восточных азиатских деспотий и российского общества.

После многочисленных дискуссий было выработано понимание азиатского способа производства и выделены его сущностные черты. К ним относили:

- отсутствие частной собственности – «то, что характеризует все этапы развития азиатского способа производства – почти полное отсутствие частной собственности как системы отношений» [Шафаревич, 1991, с. 243];
- товарооборот и товарообмен при азиатском способе производства играет второстепенную роль, охватывая лишь дополнительные продукты питания;
- особый способ эксплуатации – поголовное рабство, которое осуществляется посредством сельских общин и централизованного руководства деспотического режима;
- ведущая роль государства, которое эксплуатирует сельские общины и контролирует основные средства производства;
- деление на классы имеет своей основой не собственность на средства производства, а общественно полезные функции.

В процессе функционирования азиатского способа производства исследователями выделяются как стабильные периоды, так и периоды преобразований. В эти трансформационные периоды чиновники стараются конвертировать свою власть в собственность. Предоставленные за службу наделы земли наследуются ими, а затем начинают продаваться. Земля, формально государственная, доходы от которой должны обеспечить государственные нужды, на деле продается и покупается, концентрируется у богатых чиновников. Такая приватизация разлагает, ослабляет государство, но отнюдь не меняет его тип. В рамках такой перестройки существующей системы не происходит формирование института легитимной частной собственности. Происходит лишь дележ разграбленной государственной собственности государственными чиновниками. Истощенное государство, в конце концов, рушится. Новый государь вновь восстанавливает эффективность централизованной власти, перераспределяет частные земли, ужесточает контроль за землепользованием. На места покоренных вассалов приходят назначенные начальники. Доходы государства растут. А через пару поколений чиновники вновь начинают приватизировать государственную собственность [Гайдар, 1995, с. 15–16].

Для изучения общественных отношений в древних государствах Востока, относящихся к системам с азиатским способом производства, экономическим антропологом К. Поланьи был разработан более тонкий понятийный инструментарий. В его *редистрибутивной* концепции противопоставляются отношения товарообмена – как основы европейской парадигмы общественного развития и редистрибуции – структурной матрицы азиатского, неевропейского типа развития. Объектами редистрибуции в восточных обществах выступали природные факторы производства: как вещные (земля, вода и т.д.), так и людские (рабочая сила), продукты производства в виде потребительных стоимостей и деньги.

В структуре редистрибутивных отношений по К. Поланьи выделялись три этапа: *восходящая редистрибуция*, выражающаяся в изъятии центральной властью продукта по вертикали снизу вверх; *концентрация и хранение продукта*, при котором происходило изменение в правах присвоения; *нисходящая редистрибуция* – перераспределение изъятых продукта на нужды армии, бюрократии, на содержание рабочей силы, на общественные работы. Для обслуживания системы редистрибутивных отношений создавалась соответствующая инфраструктура. К ней относились каналы, дороги, терминалы, склады, а также система контроля, учета и планирования. Деньги в редистрибутивных системах использовались для учета и количественного выражения потребительных стоимостей, хранящихся на государственных складах и для их планового перемещения [Поланьи, 2002].

Концепция редистрибутивной экономики помогла сформировать более детальную картину социально-экономической жизни восточных обществ, однако все же оказалась недостаточной для вскрытия законов функционирования российской экономики.

Цивилизационный подход

В современном обществоведении место формационного подхода занял цивилизационный. Это связано с тем, что в ситуации исторической разорванности, резкой смены ценностных ориентаций встала кардинальная проблема обновления цели и смысла истории. Если в рамках формационной парадигмы исторические коллизии России решались в противопоставлении капитализма социализму, то в рамках цивилизационной парадигмы эта историческая дилемма рассматривается как Запад – Восток или, точнее, западная или восточная Цивилизация.

В основе цивилизационного подхода лежат категории *цивилизация* и *культура*. Понятия цивилизация (в единственном числе) и цивилизации (во множественном числе) отличаются друг от друга. Идею цивилизации развили французские мыслители XVIII века в противовес понятию варварства. Цивилизационное общество отличалось от примитивного тем, что было оседлым, городским и образованным. Однако со временем о цивилизациях все чаще начинали говорить во множественном числе, и в поле зре-

ния появилось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему.

Повсюду, кроме Германии, цивилизацию считают культурной целостностью. Немецкие мыслители XIX века провели резкую грань между цивилизацией, включающей механику, технологию, материальные факторы, с одной стороны, и культурой, которая включает ценности, идеалы и более высокие интеллектуально-художественные, моральные качества общества, – с другой. Это разграничение нигде больше признано не было, по словам Ф. Броделя, желание на немецкий манер отделить культуру от ее основы – цивилизации – обманчиво. Цивилизация и культура – понятия, относящиеся к всеобъемлющему стилю жизни народов, причем цивилизация – это культура в широком смысле слова. Оба понятия включают в себя «ценности, нормы, институты и способы мышления, которым сменяющие друг друга поколения придают первостепенное значение» [Хейне, 1992, с. 115].

Суть цивилизационной парадигмы заключается в понимании того, что человеческая история – это история цивилизаций. Цивилизации представляют собой самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации. Цивилизацию определяют и такие общие объективные элементы, как язык, история, религия, традиции, институты и субъективная самоидентификация людей. Цивилизации смертны, но вместе с тем живут долго. Они динамичны, переживают подъем и падение, сливаются и делятся, и, наконец, исчезают. Фазы их эволюции в разных теориях устанавливаются по-разному, но все они сходятся в том, что цивилизации проходят пору трудностей или конфликтов, движутся к универсальному государству, а затем к упадку и дезинтеграции. Цивилизации – это не политические, а культурные целостности, поэтому они могут включать одну или много политических единиц.

Сложным вопросом является выделение общего числа существовавших в истории цивилизаций. Оно варьируется от 23 у А. Тойнби до 9 у Ф. Броделя. В российской традиции цивилизации делятся на западные и восточные. Уже более 150 лет существуют две точки зрения на природу российской цивилизации. Одни утверждают, что российская цивилизация имеет догоняющий характер по отношению к Западу (ее разделяют так называемые западники), другая точка зрения (славянофилов) заключается в том, что российская цивилизация имеет особый путь развития и потому является самобытной евразийской цивилизацией.

Запад отличается от других цивилизаций не столько тем, как он развивался, сколько особым характером его ценностей и институтов. Это особенно относится к христианству, плюрализму, индивидуализму, власти закона. Европа представляет собой «уникальный источник... идей индивидуальной свободы, политической демократии, верховенства закона, прав человека и культурной свободы» [Хантингтон, 1997, с. 146]. Они делают западную

цивилизацию уникальной. Краеугольным элементом западной системы является частная собственность, лежащая в основе рыночной экономики.

Восточные цивилизации имеют другую социальную и экономическую природу. Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство (часто деспотическое) бюрократии – вот определяющие черты восточных обществ. Кодексы восточных империй – обычно длинные и подробные перечни обязанностей подданных перед государством, своды административных ограничений их жизненной и хозяйственной деятельности, в которые вкраплены немногочисленные права собственника [Гайдар, 1995, с. 12, 13].

Представление о коренном различии между Западом и Востоком возникло в европейской науке в XVII веке. Это различие базируется на отсутствии частной земельной собственности, вся земля на Востоке является собственностью государя, и именно эта верховная собственность составляет основу «восточного деспотизма», «всеобщего рабства». Противостояние «Восток – Запад» возросло до символа. Это уже не географические понятия, а иные миры, разные пути развития. «Дихотомное макромасштабное деление человеческих обществ на два основных типа – устойчивая конструкция социологической и культуроведческой мысли» [Сравнительное..., 1999, с. 251].

В обобщенном виде эти различия выражены в типичных высказываниях такого рода: Запад и Восток выделились как два в общем плане принципиально различных типа общественного устройства – и это различие прослеживалось на типологическом уровне. Запад – развитый, Восток – отсталый, на Западе – прогресс, свобода, индивидуализм, на Востоке – застой, порядок, подавление личности, деспотизм. Причина столь разительного отличия восточного общества от западного заключается в том, что их политические и социальные структуры различны в своей основе. Преобразования и реформы, которые осуществляются на Востоке, не ведут это общество по западному пути, а представляют лишь необходимую модернизацию его общественных структур. Таким образом, причиной различий между Востоком и Западом является не расхождение путей исторического развития, начавшееся в какую-то эпоху, а изначальное несходство общественного строя. Восточные страны разнообразны и во многом не похожи друг на друга, но они едины в своей основе и равно удалены от Запада [Сравнительное..., 1999, с. 249].

В рамках цивилизационной парадигмы большое значение придается вопросам взаимодействия различных цивилизаций, особенно западных и незападных. Экспансия Запада способствовала модернизации и вестернизации незападных обществ. Ответ их лидеров на западное влияние принимал одну из трех форм: отказ как от вестернизации, так и от модернизации; принятие того и другого; принятие модернизации и отказ от вестернизации. Выявлена общая закономерность этого процесса: на ранних стадиях пере-

мен вестернизация помогает модернизации, но на более поздних – модернизация двояким образом способствует девестернизации и возрождению местной культуры. На уровне общества модернизация увеличивает его экономическую, военную и политическую мощь и укрепляет доверие людей к собственной культуре, делает их более уверенными в культурном отношении. На личностном уровне модернизация рождает ощущение отчуждения и аномии, поскольку разрушаются традиционные связи и общественные взаимоотношения. Возникает кризис идентичности, ответ на который дает религия. Теория заимствования подчеркивает пределы, в которых цивилизации-реципиенты избирательно заимствуют отдельные элементы у других цивилизаций, приспособливают, преобразуют и ассимилируют их, чтобы укрепить и обеспечить собственное выживание.

Цивилизационный подход в отличие от формационного позволяет значительно лучше осмыслить общественное развитие России. Он концентрирует внимание на российских реалиях, опирается на всю траекторию развития России, позволяет комплексно рассматривать социальные, политические и культурные явления. Вместе с тем цивилизационный подход не является достаточным для выявления закономерностей институционального развития России, поскольку его понятия для этого слишком обобщены и не поддаются операционализации, т.е. доведения абстракций до конкретных практических явлений.

Институциональный подход

На рубеже XIX–XX веков в западной экономической науке сложился комплекс идей, означавших радикальный разрыв с базовыми постулатами ортодоксальной теории, но вместе с тем остававшихся в рамках рыночной парадигмы – институционализм. В развитии институционализма выделяется три волны. Первая – *старый институционализм* (1898–1940 гг.), ее представители Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Гамильтон, вторая – *новая институциональная экономика* (1960–70-е годы) – Р. Коуз, М. Олсон, О. Уильямсон, третья волна – *современный институциональный подход* к изучению общества и хозяйства (1990-е годы) – Д. Норт, Дж.М. Ходжсон.

Каждый этап развития институционализма сопровождался обновлением методологии и теоретического ядра. В итоге трем этапам его развития соответствуют три самостоятельных направления: старый институционализм, новая институциональная экономика и современный институциональный подход. Все они по-разному понимают категорию *институт*, по-разному формулируют исходный пункт анализа, по-разному соотносятся с неоклассической теорией.

Понимание института. В рамках *старого институционализма* институт определяется через категорию обычаев. При этом обычай понимался как более или менее самопроизвольная склонность или тенденция к участию в ранее признанном или благоприобретенном виде действия. Обычаи суть форма нерелексивного поведения, возникающая в повторяющихся ситуа-

циях; они формируются под воздействием предшествующей деятельности и обладают способностью к самосохранению.

Представители *новой институциональной экономики* тщательно развели концепции института и обычая. И считали, что социальный институт – это закономерность общественного поведения, которая признана всеми членами общества, обуславливает поведение в определенных повторяющихся ситуациях и либо самоконтролируется, либо контролируется некоторой внешней властью. Институты в данной школе трактуются как нормы и правила поведения. При этом таким образом понимаемые институты появляются в результате взаимодействия между индивидуумами.

В рамках *современного институционального подхода* происходит отделение правил игры от стратегии игроков и тем самым отмежевание от постулатов новой институциональной экономики. По определению Д. Норта, институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми [Норт, 1997]. К важнейшим свойствам институтов, с точки зрения этого подхода, относятся следующие:

- институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом;
- институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь;
- институты определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека;
- институты задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия;
- институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить.

Современный институциональный подход четко разводит *институты* и *организации*, что не делается в новой институциональной экономике. Согласно его концепции, в понятие организация входят политические органы и учреждения, экономические структуры, общественные и образовательные учреждения. Институциональные рамки оказывают решающее влияние и на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются. Но в свою очередь и организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок. Организации создаются для достижения определенных целей благодаря тому, что существующий набор институциональных ограничений создает возможности для соответствующей деятельности. Поэтому в процессе движения к цели организации выступают главными агентами институциональных изменений. Другими словами, институциональные ограничения ведут к образованию вполне определенных организаций, структурирующих взаимодействие в обществе. Эти организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, а потому результативность их деятельности зависит от этой системы.

Методологические основания. Различия между тремя этапами развития институционализма проявляются не только в понимании института, но и в методологических основаниях, т.е. при ответе на вопросы: откуда берутся институты, как они развиваются и каким образом организуют человеческую деятельность.

Старый институционализм базировался на следующих логических построениях. Когда обычаи становятся общими для группы или социальной культуры, они вырастают в рутины или традиции. Как правило, обычаи внедряются повторными имитациями социальных традиций или рутин. Этим замыкается самоусилительный контур: частные обычаи распространяются по всему обществу, что приводит к возникновению и укреплению институтов; институты вскармливают и укрепляют частные обычаи и передают их новым элементам данной группы. Обычаи как институты в понимании старого институционализма устойчивы и инертны, они стремятся сохранять свои характеристики и таким образом передавать их дальше, от настоящего в будущее и от института к институту. Знания и умения оказываются частично укорененными в обычаях. В этом смысле обычаи обладают свойствами, аналогичными «информационной верности» живого гена. В то же время институты могут изменяться, у них нет ничего похожего на постоянство гена. Подчеркивается лишь относительная инвариантность и самоусилительный характер институтов. Институты придают форму и социальную согласованность человеческой деятельности, в том числе и путем непрерывного воспроизводства стереотипов мышления и деятельности.

Отделив институты от обычая, *новая институциональная экономика* сформировала новые методологические основы. Стрелка объяснения направлена от индивидуумов к институтам, индивидуумы принимаются за данное, им отдается онтологический приоритет. При этом предполагается некое исходное «природное состояние», свободное от институтов. «Типичная ново-институциональная программа являет попытку объяснить существование институтов типа фирмы или государства с помощью модели рационального индивидуального поведения, трактуя непредвиденные последствия в терминах взаимодействий между людьми» [Ходжсон, 1997, с. 44].

Современный институциональный подход отверг методологические послышки новой институциональной экономики на том основании, что, по их мнению, исходный пункт объяснений не может быть свободен от институтов. Вопрос о возникновении институтов из некоего воображаемого первичного мира, где есть индивидуумы, но нет институтов, сам по себе ошибочен. Переформулированная программа делает упор на эволюцию институтов отчасти из других институтов, а не из гипотетического свободного от институтов «природного состояния».

Согласно Д. Нортю, «институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты. В то же время ограничения, накладываемые институтами на человеческий выбор, оказывают влияние на самого индивида»

[Норт, 1997, с. 20]. Идея о том, что институты формируют индивидуумов и формируются ими, усиливается Дж. Ходжсоном: «Институты не просто ограничивают индивидуумов и воздействуют на них. Наряду с нашим природным окружением и нашей биологической наследственностью, институты формируют нас как социальных существ. Они – наша социально-экономическая плоть и кровь» [Ходжсон, 1997, с. 66].

Современный институциональный подход не мыслит свои исследования без включения в анализ исторического прошлого. «Экономическая история опирается на неструктурированное множество частей и осколков теории и статистики, она не в состоянии произвести обобщения или анализ, которые выходили бы за рамки конкретного исторического сюжета. Включение институтов в историю позволяет составить гораздо лучшее изложение, чем без институтов, поскольку она (история) предстает перед нами как континуум и последовательность институциональных изменений, т.е. в эволюционном виде» [Норт, 1997, с. 167].

Такой подход вытекает из ключевого пункта анализа. Институты образуют структуру, опираясь на которую люди на протяжении всей истории создавали порядок. Институты связывают прошлое с настоящим и будущим, так что история становится процессом преимущественно непрерывного институционального развития, а функционирование экономических систем на протяжении длительных исторических периодов становится понятным только как часть разворачивающегося институционального процесса. Зависимость от траектории предшествующего развития означает, что история имеет значение. Нельзя понять альтернативы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, и определить их содержание, не проследив путь инкрементного развития институтов, для которых типично перетекание, обычно весьма полное, содержания старых институтов в новые.

Отношения институционализма и неоклассики. Все три направления институционализма по-разному относились к неоклассической экономической теории.

Между старым институционализмом и неоклассикой начала века существовала конфронтация (табл. 2.1). По существу, старый институционализм возник как «реакция на внеисторическую и механистическую трактовку экономической деятельности со стороны ортодоксальной доктрины» [Нестеренко, 1997, с. 10]. Эта конфронтация вызвала жесткие оценки результатов деятельности представителей старого институционализма со стороны ортодоксальных экономистов.

Институциональная экономика была названа интеллектуальной фикцией, жалким стремлением к диссидентству по отношению к ортодоксальной экономической науке, странной смесью великолепных методологических тезисов и убогого анализа *ad hoc*, произведшей «груды описательного материала, ожидающего теоретического осмысления или сожжения» [Ходжсон, 1997, с. 31, 32].

Таблица 2.1

Сравнение исходных посылок институционализма и неоклассики

Параметр сравнения	Институционализм	Неоклассика
Предмет анализа	Институты	Человек экономический
Факторы хозяйственной деятельности	Обычаи, традиции, культура, социум	Рациональный выбор
Механизм развития общества	Люди формируют институты, а институты закрепляют практики	Институты формируются в результате рационального выбора людей
Учет зависимости от предшествующего развития	Прошлое имеет значение, новые институты отливаются вначале в старые формы	Прошлое несущественно, так как постоянно происходит рациональный выбор

Новый институционализм находится в большей согласии с неоклассической теорией, он, скорее, пытается расширить ее возможности за счет обращения к анализу экономических институтов (табл. 2.2). Основное внимание новых институционалистов привлекают понятия прав собственности и трансакционных издержек. Такая позиция обусловлена близостью методологических оснований. Следуя традиции ортодоксальной теории, новые институционалисты видят первичный элемент экономического анализа в абстрактном и индивидуалистическом субъекте с практически неизменными предпочтениями, а организации право выводят из непосредственного взаимодействия между индивидами. В результате сближения неоклассики с новым институционализмом появилась большая область исследования экономической науки – институциональные аспекты рыночного хозяйства.

Таблица 2.2

Изменение исходных посылок неоклассики под влиянием институционализма

До	После
Абсолютная информированность	Неполнота информации
Полная рациональность	Ограниченная рациональность
Совершенная конкуренция	Признание элементов оппортунистического поведения участников рынка
Установление равновесия лишь посредством ценового механизма	Существенная роль государства в ликвидации провалов рынка

Современный институциональный подход признает, что в настоящее время отношения между институционально-эволюционной теорией и неоклассикой гораздо сложнее, чем во времена старого институционализма, агрессивность которого была вызвана стремлением утвердить новые принципы и подходы в научном сообществе. Институционально-эволюционная теория значительно шире, чем неоклассическая, и по объекту анализа, и по методологии. Это позволяет рассматривать неоклассику как теорию, которая дает упрощенное видение экономических процессов, что далеко не равнозначно искаженному видению. Соотношение институционализма и неоклассики еще более определенно выразил Дж. Ходжсон: «неоклассическая экономика суть частный случай институциональной экономики» [Ходжсон, 1997, с. 55].

В отличие от новых институционалистов современные не просто подчеркивают важность институтов, но рассматривают их в качестве полноправных объектов экономического анализа. Уже тот факт, что институты демонстрируют постоянство в течение длительных промежутков времени и могут жить дольше, чем индивидуумы, является одной из причин выбора институтов, а не индивидуумов, в качестве основополагающей единицы. Институты заполняют существенный концептуальный пробел. Они являются как субъективными идеями в головах агентов, так и объективными структурами, с которыми эти агенты сталкиваются. Понятие института связывает микроэкономический мир индивидуального действия, обычая и выбора с макроэкономической сферой, казалось бы, отстраненных и безликих структур. Выбор института в качестве единицы анализа не обязательно подразумевает подчинение роли индивидуума господству институтов. Индивидуумы и институты взаимно конституируют друг друга.

Практически за сто лет институционализм не только сумел помириться с неоклассической теорией, но и сформировал глубокий интеллектуальный багаж. Старый институционализм обычно критикуется за то, что «ему не удалось выработать единой методологии и четкой системы понятий» [Радаев, 1997, с. 22]. В то же время именно представителями этого направления были выдвинуты две ключевые темы, без которых современная экономическая наука не может обойтись: институты как единицы анализа и обусловленность действий людей институтами.

Новая институциональная теория обогатила экономическую теорию понятиями прав собственности и трансакционных издержек. В традиционном понимании собственность рассматривается как абсолютное право на ресурсы. Теория прав собственности утверждает, что неправомерно отождествлять собственность с материальными объектами, она представляет собой пучки прав на соотношение действий с этими объектами: использовать их, присваивать получаемый от них доход, изменять их форму и местонахождение. Главный тезис этой теории состоит в том, что структура прав собственности воздействует на распределение и использование ресурсов (табл. 2.3).

**Изменение ядра экономической теории
под влиянием институционализма**

До	После
Капитализм	Рынок
Предприятие	Фирма
Найм	Контракт
Наемный работник	Контрактор
Отношения собственности	Права собственности
Производственные издержки	Транзакционные издержки
Этическое поведение	Оппортунистическое поведение

Новая институциональная теория вводит также в качестве ключевого понятия транзакционные издержки, которые складываются из затрат на поиск и приобретение информации, переговоры и принятие решений, проверку и обеспечение их выполнения. С измерением этих издержек возникают немалые проблемы, но использование данной категории позволяет обратиться к анализу контрактных отношений. В институциональной экономической теории человек выступает как контрактор. Именно контрактные отношения становятся эффективными средствами обмена пучками прав собственности. Современный институциональный подход пытается преодолеть внеисторические рассуждения нового институционализма и ставит перед собой задачу «выработки теоретической схемы для анализа исторически обусловленных препятствий на пути экономического роста» [Радаев, 1997, с. 31].

Методологическая программа современного институционального подхода, сумевшего синтезировать все необходимое из старого и нового институционализма, показывает направления будущего развития институционально-эволюционной теории. Горизонтом этой работы видится разрешение «главной загадки человеческой истории – как объяснить широкую дивергенцию (расхождение) траекторий исторических изменений. Как случилось, что общества стали развиваться по расходящимся историческим траекториям? Почему общества так отличаются друг от друга? Ведь все мы, в конце концов, произошли от первобытных сообществ охотников и собирателей» [Норт, 1997, с. 21, 22].

Проблематика институтов в социологии играла такую же существенную роль, как и в экономике. Институционализм в социологии представлен такими крупными социологами, как Э. Дюркгейм, который рассматривал институты в качестве предмета социологии. «Можно назвать институтом все верования, все способы поведения, установленные группой. Социологию тогда можно определить, как науку об институтах, их генезисе и функциони-

ровании» [Дюркгейм, 1991, с. 405]. При этом институты им понимались в духе вебленовской традиции, основателя старого институционализма, как обычай: «когда дело касается института, юридического или нравственного правила, установившегося обычая..., нужно отказаться от весьма распространенной еще привычки судить об институте, обычая, нравственном правиле так, как будто бы они были дурны или хороши сами по себе...» [Там же, с. 520, 455]. При изучении трудов Дюркгейма создается впечатление о его родстве не столько со старым институционализмом, сколько с современным институциональным подходом. Так, например, он определяет институт как способ бытия, который передан нам в совершенно готовом виде предшествующими поколениями. При этом им осознается тот факт, что новые институты отливаются вначале в старые формы [Там же, с.180, 396].

Социологи Т. Парсонс и Н. Смелсер предлагают определение институтов без упоминания обычаев, как «способов, которыми целостные стереотипы культуры, общие для некоей общественной системы, реализуются в конкретных действиях элементов системы в процессе их взаимодействия друг с другом путем установления ролевых ожиданий и организации мотиваций» [Ходжсон, 1997, с. 35]. Это их сближает по методологии с новой институциональной экономикой.

Итак, с точки зрения современного институционального подхода, институты являются ключом к пониманию влияния на рост или упадок взаимоотношений между обществом и экономикой. Эти отношения определяются набором институциональных ограничений, которые влияют на способ функционирования экономической системы в долгосрочной перспективе. В рамках институционального подхода разработаны основные категории, которые были использованы для разработки интегрально-институциональной парадигмы. К ним относятся следующие положения:

- Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени и, таким образом, являются ключом к пониманию исторических перемен. Зависимость от траектории предшествующего развития возникает из-за действия механизмов самоподдержания институтов, которые закрепляют однажды выбранное направление развития. Огромное значение имеет история, потому что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов. Выбор, который делается сегодня, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято только как процесс институционального развития.
- Прерывистое равновесие – это представление социально-экономического развития в виде последовательности периодов институциональной непрерывности, перемежающихся периодами кризисов и радикальных изменений. Устойчивость институтов несколько не противоречит тому факту, что они претерпевают изменения. Развиваются все институты.

- Идеи и идеологии имеют значение, а институты в решающей степени определяют, насколько велико это значение.
- Институциональный подход снимает вопрос общего и особенного пути развития той или иной страны, поскольку предполагается существование институциональной матрицы у каждой страны, ведущей экономику по своему пути, отличному от пути развития других стран.
- Общность заимствованных «правил игры» в странах с различными институциональными системами ведет к разным последствиям. Хотя правила те же самые, но механизмы и практика контроля за соблюдением этих правил, нормы поведения и субъективные модели игроков другие. Следовательно, другими становятся и реальная система стимулов, и субъективная оценка игроками последствий принимаемых решений.
- Рынок рассматривается как институциональная структура, охватывающая законы, и определенный тип поведения, отношений и связей. Все остальное – это квазирынок, т.е. имитация рыночной деятельности, не поддающаяся регулированию со стороны государства.

В целом институциональный подход имеет одну очень важную особенность. Суть этого свойства заключается в том, что в рамках институционального подхода одновременно (т.е. у одного автора) совмещается теоретическая работа, исторические исследования и анализ конкретных ситуаций. Это связано с задачами, которые ставит перед собой институционализм: «результатом может стать выработка теории, которая позволит соединить микроуровень человеческой деятельности с макроуровнем побудительных мотивов, образованных институциональной системой» [Норт, 1997, с. 144].

Триединой характеристикой (теория – история – конкретная ситуация) своих исследований отличались все известные институционалисты. Т. Веблен изучал престижное потребление, У. Митчел занимался изучением прикладных вопросов экономической динамики, в том числе хозяйственного цикла и денежного обращения. Уильямсон исследовал многолетний опыт отношений крупной японской корпорации Тойота с субподрядчиками. Д. Норт применял институциональный подход к жилищному рынку США. В среде институционалистов сложилось убеждение, что «ученые часто прибегают к анализу конкретных ситуаций не потому, что они считаются репрезентативными, а потому, что позволяют наиболее ярко и особо драматическим образом проиллюстрировать рассматриваемые проблемы» [Уильямсон, 1996, с. 204]. Именно поэтому в главе 9 данной книги подробно рассматривается эволюция и трансформация жилищного раздатка, поскольку она является яркой иллюстрацией базовой экономической модели России.

Глава 3

РЫНОК И РАЗДАТОК КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КООРДИНАЦИИ

Интегрально-институциональная парадигма раскрывается через три проекции – цивилизационную, формационную и институциональную, с тем, чтобы в разных теоретических плоскостях обосновать ключевой тезис об универсальности механизмов координации – рынка и раздатка. Результаты новой парадигмы предъявляются в обобщенном виде на основе сборки всех проекций в единую картину мира.

Цивилизационная проекция

Цивилизационный подход оставляет за кадром хозяйственную жизнь общества и «парит» над экономической практикой в культурных, религиозных и ценностных эмпириях. Проблемой цивилизационного подхода является критерий для выделения цивилизаций и агрегация государств по цивилизациям. В новой парадигме цивилизационная матрица, а не цивилизация становится объектом исследования, и ее устройство позволяет понять характер ограничений на выбор направления развития (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Уровни социальной реальности

Уровень объекта	Институциональная конфигурация	Структура окружающей реальности
Глобальная цивилизационная матрица	Институциональный архетип	Глобальные сферы
Локальные цивилизационные матрицы	Институциональное ядро	Реальные среды
Государство	Институциональная матрица	Социальные подсистемы

В новой парадигме глобальные закономерности развития цивилизации и универсальные этапы ее эволюции определяются глобальной цивилизационной матрицей. Каждое государство при этом имеет собственную локальную цивилизационную матрицу, которая преломляет общие закономерности для отдельных цивилизаций и определяет национальную специфику прохождения формационных этапов развития (рис. 3.1). Разнообразие форм базовых институтов закрепляется в институциональной матрице, которая определяет характер развития институциональных циклов.

Под глобальной цивилизационной матрицей понимается саморазвивающаяся, саморегулируемая и самовоспроизводящаяся система выживания человечества, которая обеспечивает единство и целостность мира (рис. 3.2).

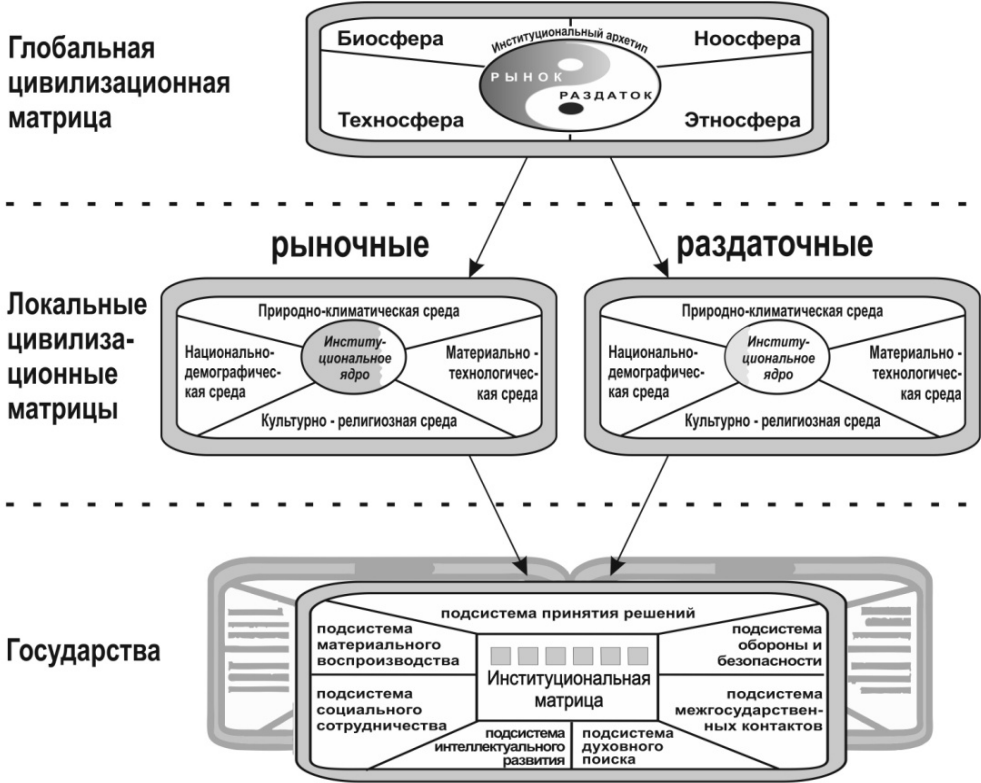

Рис.3.1. Структуры социальной реальности

Рис. 3.2. Структура глобальной цивилизационной матрицы

Центральный элемент глобальной цивилизационной матрицы – институциональный архетип, представляет собой набор универсальных способов координации коллективной деятельности, очищенных от специфики исторического времени и национальных особенностей народов.

Институциональный архетип (от греческого «арх» – начало, «типос» – образец) имеет дуальную природу и состоит из двух типов координации, с одной стороны – рынок, с другой стороны – раздаток (рис. 3.3). Это означает, что координация деятельности может строиться либо по типу рынка (горизонтали, паритета, партнерства), либо по типу раздатка (вертикали, иерархии, соподчинения). Эти две стороны одного институционального архетипа представляют собой универсальные модели взаимодействия. Они равноценны и равнозначны. Более того, они никогда не существуют друг без друга и органично дополняют друг друга.

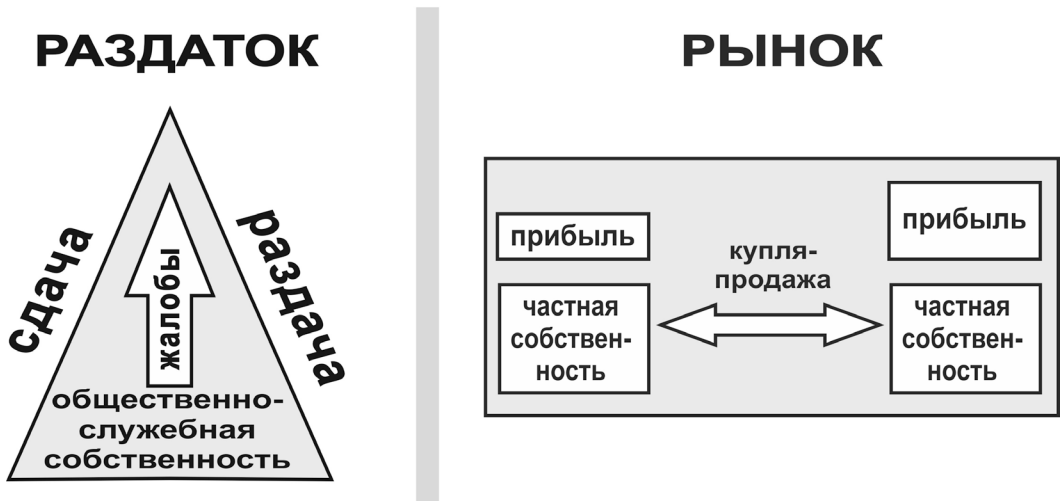

Рис. 3.3. Институциональные архетипы

Дуальность институционального архетипа выражается в том, что между его сторонами выстраиваются отношения «доминантность – компенсаторность», т.е. в то время, когда одна сторона доминирует, другая сторона институционального архетипа играет лишь компенсаторную, вспомогательную роль. Несмотря на взаимное нераздельное сосуществование и стремление к гармонизации, рынок и раздаток противопоставлены друг другу как конкуренты за координацию любого вида деятельности.

Рынок и раздаток – две стороны единого институционального архетипа, равноправные и равнозначные, взаимосвязанные и взаимообусловленные; они не являются атрибутами конкретной исторической эпохи и имеют вневременной смысл. Государство, в экономике которого превалирует частная собственность, отношения купли-продажи и прибыль как стимул к развитию, осуществляет эволюцию на базе рыночного архетипа. Если же в хозяйстве доминирует общественно-служебная собственность, отношения сдач-раздач и административные жалобы как сигнал обратной связи, то это государство развивается на принципах раздаточного архетипа, независимо от исторической эпохи.

Институциональный архетип увязывает в единое органичное целое глобальные сферы, к которым относятся:

- биосфера – единый природный комплекс, образованный живыми организмами и средой их обитания, связанных между собой обменом веществ и распределением энергетического потока;
- этносфера – общность людей, объединенных языком, культурой и самосознанием, совместно проживающую в определенном территориальном ландшафте и сформировавшую неповторимый стереотип поведения и субъективную приверженность своему сообществу; способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды составляет человеческий потенциал этноса;
- техносфера – совокупность созданных из природных веществ трудом человека материальных продуктов, удовлетворяющих сложившийся тип общественного воспроизводства. Основу техносферы составляет технологический уклад, в рамках которого осуществляется производственный процесс на базе исторически сформированных орудий труда, техники, профессионального мастерства и трудовой этики;
- ноосфера («ноо» в переводе с греческого «разум») – сфера общественного сознания, творческой энергии, духовного поиска и интеллектуального развития, в рамках ноосферы формируются научные и религиозные картины мира.

Локальные цивилизационные матрицы строятся «по образу и подобию» глобальной цивилизационной матрицы, они формируются в реальных средах, обособлены и самодостаточны (рис. 3.4).

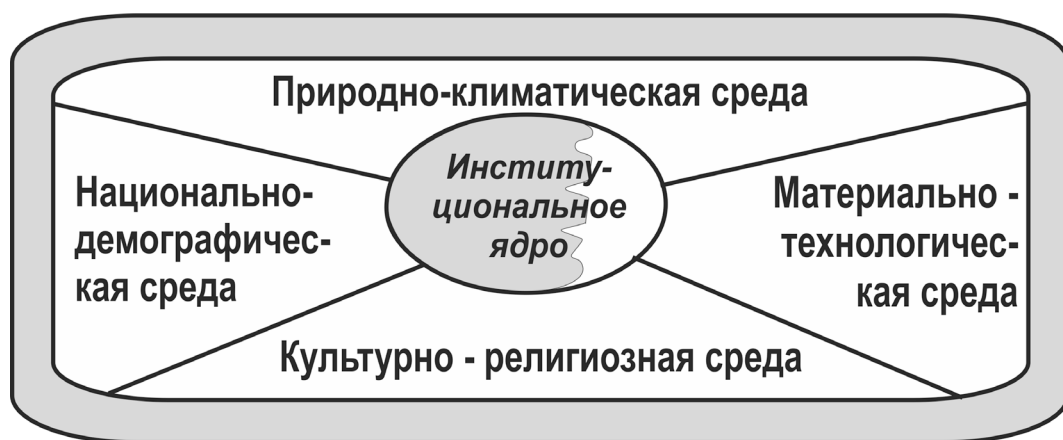

Рис. 3.4. Структура локальной цивилизационной матрицы

Центральным элементом каждой локальной цивилизационной матрицы является институциональное ядро, увязывающее в единую систему четыре локальные реальные среды, каждая сфера глобальной матрицы имеет проекцию в локальной матрице в виде соответствующей среды:

- природно-климатическая среда – часть биосферы, локализованная в территориальных границах определенного государства, природно-климатические особенности которого выражаются в пространственной протяженности, запасах природных ресурсов, географической близости к центрам роста мировой экономики, климатической нагрузке на экономику;
- национально-демографическая среда – совокупность людей разных национальностей, объединенных единым языком, составляющая суперэтнос данной локальной цивилизации;
- материально-технологическая среда – совокупность элементов техносферы определенного уровня развития, которого достигла данная локальная цивилизация в конкретный исторический момент;
- культурно-религиозная среда – религиозная основа и совокупность уникальных культурных черт, составляющих духовный и интеллектуальный каркас данной локальной цивилизации.

Государство – это практическая реализация локальной цивилизационной матрицы в пространстве жизнедеятельности определенного человеческого сообщества, а также социальная система, регулируемая институциональной матрицей (рис. 3.5).

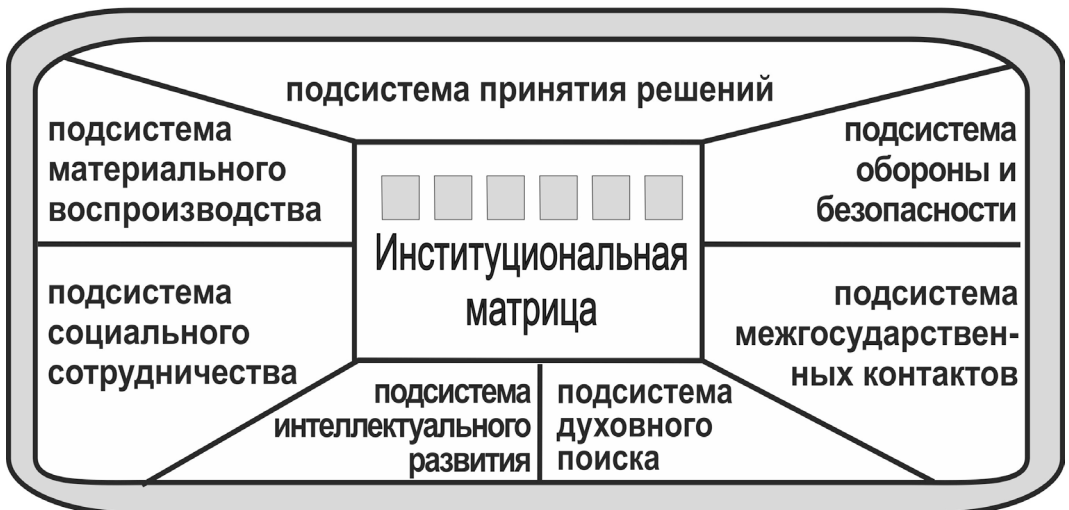

Рис. 3.5. Институциональная матрица как регулятор социальных подсистем

Государство как социальная система распадается на семь подсистем, имеющих внутреннюю системную задачу, вследствие чего они и получили свое название:

- подсистема принятия и реализации решений (власть, управление, политика, идеология);
- подсистема обороны и безопасности (армия, судебная система, правоохранительные органы, пенитенциарная система, структуры госбезопасности);
- подсистема материального воспроизводства – отрасли народного хозяйства: раздаточная или рыночная экономика;
- подсистема социального сотрудничества (семья, социальное обеспечение, социально-групповое взаимодействие);
- подсистема интеллектуального развития (образование, наука);
- подсистема духовного поиска (религия, философия, культура, искусство);
- подсистема межгосударственных контактов (внешняя политика, внешняя торговля, миграция).

Окружающая реальность представляет собой многоуровневую структуру: на глобальном уровне – глобальные сферы, на локальном цивилизационном уровне – реальные среды как проекции глобальных сфер, на уровне государства – социальные подсистемы, как преобразованные и вписанные в реальные среды. Изменения в глобальных сферах и реальных средах – источник вызовов для цивилизационных матриц (рис. 3.6).

Рис. 3.6. Структура окружающей реальности

Цивилизационное развитие – это социально-исторический процесс реализации эволюционной программы, в рамках которого цивилизационные матрицы переходят с одного уровня развития на другой по траектории, состоящей из 3-х осей: *формационной, институциональной и оси государственности*, связанных друг с другом в определенной логике (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Оси цивилизационного развития

Ось развития	Объект развития
Формационная ось	Смена формаций и трудовых моделей
Институциональная ось	Изменение форм базовых институтов
Ось государственности	Характер отношения государства и личности

Формационная проекция

Классический формационный подход занимался выявлением универсальных этапов эволюции, однако фактически основывался только на западном опыте. Выделенные формации базировались на частнособственнических отношениях в разной стадии развития, а «Восток» был выведен в формат азиатского способа производства, неизменного на протяжении всей эволюции. В новой парадигме формации рассматриваются как периоды длительного и устойчивого существования исторически сложившихся *форм* базовых институтов рыночного или раздаточного типа. При этом три рыночные формации, как и раздаточные, порождали исключительно порядок ограниченного доступа, и только интегральная формация обеспечивает открытый и демократический доступ к ресурсам для всех социальных групп (рис. 3.7).

Формационный элемент – своего рода стержень институционального ядра, который придает базовым институтам определенную форму на конкретном историческом этапе. По своей сути – это модель трудовых отношений: для рыночных ядер – это *модели частного труда* как труда на частное лицо или частную организацию; для раздаточных ядер – *модели служебного труда* как труда на общество (государство) в том или ином виде. Если при частном труде работником управляет менеджер частной компании или собственно ее владелец по внутренним правилам этой организации, то в случае служебного труда им управляют государственные органы по единым правилам.

Формационная ось – это ось эволюции моделей трудовых отношений, изменения на которой проявляются в смене формационного элемента. Экономические периоды, в которых господствует определенный формационный элемент, называются *формациями* и представляют собой универсальные этапы развития, которые в своем собственном ритме проходит каждая локальная цивилизационная матрица. Смена формационного элемента, а, следовательно, и смена формаций происходит в том случае, когда он перестает быть эффективной формой трудовых отношений и препятствует развитию.

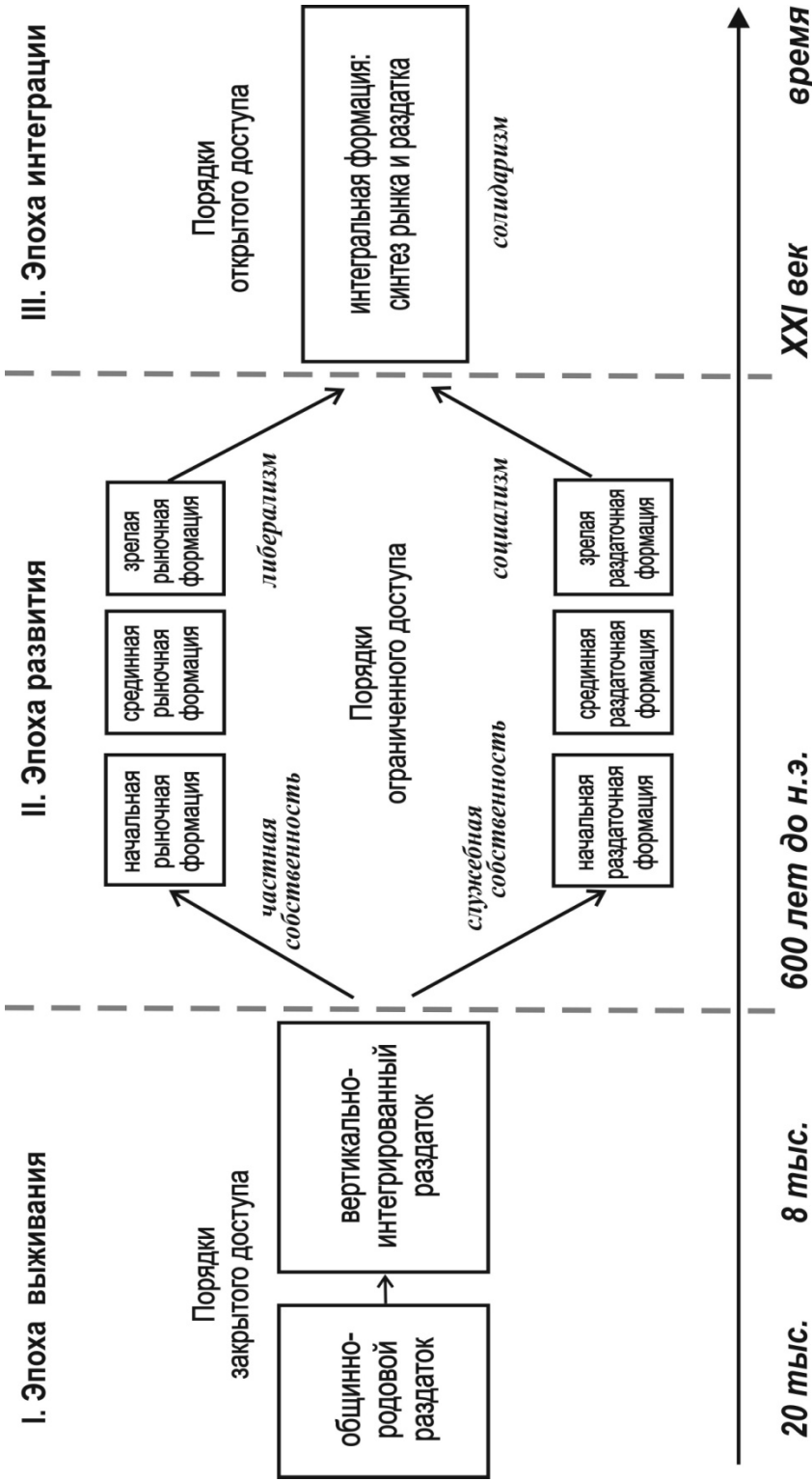

Рис. 3.7. Институциональная эволюция на основе типовых формаций

Такой отработанный формационный элемент отвергается, и через этап активного поиска внедряется найденный, придающий новую форму и более высокое качество базовым институтам.

За всю историю существования локальные цивилизационные матрицы прошли три формации, трижды меняли формационный элемент, и некоторые из них «прорвались» к четвертой (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Дуальные трудовые модели

Формы трудовых моделей	Формационный элемент	
	Частный труд в рыночной экономике	Служебный труд в раздаточной экономике
Рабство	Частное рабство	Служебное рабство
Крепостное право	Частное крепостное право	Служебное крепостное право
Найм	Частный найм	Служебный найм
Контракт	Частный контракт	Служебный контракт

1-й формационный элемент – рабская модель трудовых отношений, при которой раб является орудием труда; он не имеет никаких прав на свою рабочую силу и никаких прав личности. Рабская модель – основа начальной формации.

2-й формационный элемент – крепостная модель трудовых отношений, при которой основной производитель – крестьянин – существенно ограничен в правах на свою рабочую силу, у него также отсутствуют права личности, однако он имеет некоторое имущество для выполнения трудовых функций. Крепостная модель лежит в основе срединной формации.

3-й формационный элемент – *наемная модель* трудовых отношений, при которой работник полностью распоряжается своей рабочей силой, имеет права собственности на свое имущество, но права его личности слабо защищены. На базе наемной модели формируется *зрелая формация*.

4-й формационный элемент – *контрактная модель* трудовых отношений, при которой участник трудового процесса имеет полный объем прав на свою рабочую силу и свое имущество, а также фиксированный набор гражданских прав с комплексом социальной защиты и социальными гарантиями. Контрактная модель цементирует *интегральную формацию* (табл. 3.4).

Начальная формация базируется на рабской модели организации труда.

В *рыночной начальной формации* рабский труд носит частный характер, так как рабы принадлежат частным лицам и сами являются объектом частной собственности; общины функционируют в соответствии с законами частной собственности со всеми правами распоряжения и наследованием наделов.

Дуальные формации

Формация	Институциональный архетип	
	рыночный	раздаточный
Начальная	Начальная рыночная на частном рабстве	Начальная раздаточная на служебном рабстве
Срединная	Срединная рыночная на частном крепостном праве	Срединная раздаточная на служебном крепостном праве
Зрелая	Зрелая рыночная на частном найме	Зрелая раздаточная на служебном найме
Интегральная	Интегральная на частном контракте	Интегральная на служебном контракте

В *раздаточной начальной формации* община имеет общественно-служебный характер, земельные наделы не находятся в собственности ее членов и во многих случаях подлежат перераспределению. В раздаточных начальных формациях работники являются подданными государства и рабами этого государства («поголовное рабство»), т.е. рабство носит служебный характер. *Служебное рабство* – это такая модель трудовых отношений, при которой работник не принадлежит никакому частному лицу, и в этом смысле он является лично свободным. Однако он подвержен жесткой регламентации своей жизнедеятельности со стороны государства, которое предписывает ему обязательное трудовое участие в выполнении нормативных производственных заданий, устанавливает сферу деятельности, закрепляет за местом проживания и существенно ограничивает его имущественные отношения.

В основе *срединной формации* лежит крепостная модель организации трудовых отношений.

В *рыночной срединной формации* земельные владения являются частной собственностью, т.е. подлежат отчуждению (купле-продаже, дарению) и наследованию по завещанию. При этом крепостные крестьяне находятся в частной собственности землевладельцев (феодалов). Мануфактуры функционируют на основе частной собственности.

В *раздаточной срединной формации* поместная (вотчинная) земля является объектом управления государственных органов, так как по сути своей носит общественно-служебный характер. Она не может быть отчуждена без разрешения соответствующих ведомств и наследуется по правилам, регламентируемым государством. Крепостное право также имеет служебную природу: крестьяне «крепки» земле, а не владельцу. Мануфактуры являются объектом общественно-служебной собственности, даже при управлении ча-

стными лицами. Ведомства выделяют землю для их размещения, наделяют мануфактуры необходимыми ресурсами, прикрепляют рабочую силу в форме крепостной зависимости к месту службы, устанавливают цены на выпускаемую продукцию и определяют объем сдаваемых государству мануфактурных изделий.

Зрелая формация сформирована на наемной трудовой модели.

В ее *рыночной* модификации фабрики и агрофирмы функционируют на праве частной собственности и на частном наемном труде. Организации в *рыночной зрелой* формации работают на рынок и ориентируются на рыночную конъюнктуру.

Раздаточная зрелая формация также построена на индустриальных технологиях, как и рыночная, но фабрики и заводы основаны на государственной собственности и наемном труде служебного типа. В сельском хозяйстве организации также функционируют под патронажем государственных органов управления. Организации *раздаточной зрелой* формации работают по плану и под руководством министерств и ведомств. Наемная модель трудовых отношений подразумевает использование труда работника согласно штатным расписаниям и должностным инструкциям с повременной или сдельной оплатой труда.

Интегральная формация реализуется на контрактной (договорной) модели трудовых отношений, в рамках которой находятся механизмы сосуществования рыночных и раздаточных форм. В *рыночном* архетипе контракты имеют частную природу, а в *раздаточном* – служебную природу. Контрактная модель состоит в заключении персональных контрактов с наемными работниками, в которых детально прописываются обязательства сторон и учитываются особенности профессиональной деятельности и конкретной выполняемой работы. Она обеспечивает большую гибкость в трудовых отношениях и соответствует новому технологическому этапу развития цивилизаций.

Институциональная проекция

Институциональный подход, предметом которого являются институты и институциональные изменения, имеет по самой общей классификации два направления – старый и новый институционализм. Если старый институционализм понимает институты как «способы бытия» (по Дюркгейму), то новый рассматривает их как «правила игры», т.е. правила, по которым происходит социальное взаимодействие. На самом деле старые и новые институционалисты не противоречат друг другу, поскольку концентрируются на разных уровнях социальной реальности. В новой парадигме институциональная конфигурация имеет трехуровневую структуру, с помощью которой осуществляется последовательная операционализация раздаточных и рыночных экономик от архетипов к ядрам и формам базовых институтов.

Институциональное устройство в виде триединой конфигурации: *институциональный архетип – институциональное ядро – институциональная матрица*, выражает глубинное строение цивилизационных матриц и содержит эволюционную программу, а также ограничения на выбор траектории развития (рис. 3.8).

Рис. 3.8. Институциональная конфигурация

Институциональная природа рыночной и раздаточной экономики – на уровне глобальной цивилизационной матрицы рынок и раздаток представлены как две стороны институционального архетипа, на уровне локальной цивилизационной матрицы – в виде базовых и компенсаторных институтов институционального ядра, и на конкретном уровне государства – в виде институциональной матрицы (рис. 3.9).

Рис. 3.9. Институциональное устройство экономических систем

Институциональная ось – это ось развития базовых и компенсаторных институтов. Институциональное развитие локальных цивилизационных матриц осуществляется в двойственной форме, связанной с дуальной природой институционального архетипа. Институциональные ядра, состоящие из базовых институтов той или иной стороны институционального архетипа, не меняют своей природы. В этом своем качестве они постоянны и устойчивы. В то же время они изменяются, но это изменение происходит на уровне форм и связано с отработкой формационных элементов. Два типа институциональных ядер (рыночные и раздаточные) обуславливают двойственную природу формаций, что придает специфику внешне одним и тем же трудовым отношениям и организационно-правовым структурам.

Институциональный архетип глобальной цивилизационной матрицы на локальном уровне воплощается в *институциональные ядра*, которые состоят из *базовых и компенсаторных институтов*, а также *формационного элемента*.

Базовые институты – исходные институциональные элементы, в которых закрепляется сущность каждой из сторон институционального архетипа при проявлении их на поверхности локальной цивилизационной матрицы. Набор базовых институтов строго определен. Он является необходимым условием для адекватной реализации рыночного или раздаточного архетипа в конкретных социальных технологиях, с помощью которых осуществляется взаимодействие и координация человеческой деятельности. Базовые институты никогда не существуют в «чистом» виде, они проявляются в конкретных формах определенной стороны институционального архетипа.

В случае доминирования раздаточных институтов, компенсаторными выступают рыночные институты, представленные в виде института рыночной торговли и частного предпринимательства; если доминируют рыночные институты, то компенсаторным институтом выступает институт государственного регулирования и социального обеспечения, охватывающий всю совокупность раздаточных институтов.

В институциональной матрице совокупность форм базовых и компенсаторных институтов выражена в виде законодательных норм и правил конкретного исторического периода (табл. 3.5).

Если локальная цивилизационная матрица имеет латентную природу, то институциональные матрицы – это упорядоченный и структурно подогнанный свод законов определенной эпохи, по которым можно определить уровень и этап развития цивилизационной матрицы.

Институциональный архетип глобальной цивилизационной матрицы на локальном уровне воплощается в *институциональные ядра*, которые состоят из *базовых и компенсаторных институтов*, а также *формационного элемента* (табл. 3.6).

Таблица 3.5

Институциональная матрица

Правила	Форма проявления	Механизм социального контроля
Формальные	Законодательное оформление базовых и компенсаторных институтов	Административная и уголовная ответственность, прокуратура, суды
Неформальные	Нормы солидарности, привычки, традиции, обычаи	Репутация; сословная, профессиональная и религиозная этика; дружеские и семейные отношения

Таблица 3.6

Структура институционального ядра

Структура	Рынок	Раздаток
Базовые институты	Продажа	Сдача
	Купля	Раздача
Собственность	Частная собственность	Общественно-служебная собственность
Сигналы обратной связи	Цены и прибыль	Административные жалобы
Компенсаторный институт	Раздаток в форме государственного обеспечения	Рынок в форме частной торговли и предпринимательства под контролем
Формационный элемент	Частный труд	Служебный труд

Основным законом функционирования раздаточной экономики является закон соответствия потоков сдач и раздач – натуральных и финансовых. Поддержание этого соответствия осуществляется центральными органами с помощью системы заданий, нормативов и тарифов. Саморегуляция экономики обеспечивается механизмом административных жалоб, представляющих собой сигналы обратной связи. В них фиксируются отклонения количества и качества получаемых ресурсов (услуг) от установленных нормативов. Трудовые отношения регулируются всеобщими законами обязательного служебного труда посредством штатных расписаний и должностных окладов. Такое устройство институциональной среды определяет правила дея-

тельности всех хозяйствующих субъектов. Государство является владельцем основных ресурсов, раздает и закрепляет части государственной собственности за хозяйствующими субъектами. При этом государство определяет соответствующие правила ее использования и объем сдач продукции или услуг всеми хозяйствующими субъектами. Государство также задает и опосредует все экономические связи.

Частная собственность в рыночной среде представляет собой закрепление обособленных объектов во владении отдельных лиц, групп лиц или организаций, использующих эту собственность в соответствии со своими интересами. При частной собственности взаимодействия между хозяйствующими субъектами осуществляются ими самостоятельно и регулируются законами рынка.

В раздаточной экономике основным видом сигналов являются административные жалобы, которые указывают на нарушения в функционировании экономической системы. В случае, когда решение поставленных в жалобах проблем своевременно происходит на тех уровнях, куда они были направлены, экономическая система находится в состоянии устойчивого функционирования. Если же уровень жалоб превышает нормальный, то они накапливаются на уровне предприятий, отраслей, территорий, а затем «выплескиваются» в средства массовой информации или направляются прямо в центральные государственные органы. Когда такие жалобы приобретают массовый характер, они свидетельствуют о кризисе раздаточной экономики.

Основным видом сигналов в рыночной экономике служат цены и прибыль, которая определяется как превышение полученных доходов над произведенными расходами. Получение прибыли частными организациями означает условие их выживания. Если большинство организаций стабильно работают с прибылью, то рыночная экономика находится в состоянии устойчивого развития. Если же организации в массовом масштабе не зарабатывают прибыли и разоряются, то в рыночной экономике наступает кризис.

Изменение формационного элемента задает *циклический характер* институционального развития локальных цивилизационных матриц. Каждый институциональный цикл в зависимости от состояния формационного элемента представляет собой смену четырех фаз (табл. 3.7).

Таблица 3.7

Характеристика институциональных фаз

Институциональная фаза	Типовой исторический сюжет
Перинатальная фаза	Революция
Структурированная фаза	Формация
Фаза институционального истощения	Реформация
Трансформационная фаза	Трансформация

Институциональный цикл начинается с перинатальной фазы («натальная» – рождение, «пери» – около), в рамках которой происходит внедрение нового по отношению к предыдущему институциональному циклу формационного элемента. Институциональное ядро в этой фазе обновляется, базовые институты заново оформляются благодаря найденному формационному элементу. Принимаются законодательные документы (судебники, уложения, конституции, декларации) и устанавливаются новые правила, а вместе с ними и новая институциональная матрица. В перинатальной фазе осуществляется типовой исторический сюжет под названием революция. Это бурный, иногда длительный период по реорганизации собственности, политических революций, выстраивания новых социальных отношений на весь последующий цикл развития.

В *структурированной фазе* соответствующая трудовая модель становится основой функционирования экономики на данном историческом этапе. Институциональное ядро принимает устойчивые формы, которые способны продержаться целые столетия. Они кодифицируются и упорядочиваются в институциональной матрице. В структурированной фазе разворачивается собственно *формационный* сюжет.

В *фазе институционального исчерпания* трудовая модель устаревает в связи с изменениями в локальных реальных средах и уже не обеспечивает эффективное функционирование экономической системы. Компенсаторные институты начинают активно проявляться в стихийных, нелегитимных формах. Институциональная матрица «отрывается» от реально происходящих экономических процессов. В фазе институционального исчерпания происходит *реформация*, т.е. эпоха реформ по совершенствованию устаревшего формационного элемента. Многочисленные реформаторские попытки приводят к осознанию полной его непригодности для дальнейшего использования.

В *фазе институциональных трансформаций* осуществляется поиск нового формационного элемента. Доминирующими в этой фазе становятся компенсаторные институты, которые обеспечивают базовым институтам необходимую область свободы для подбора эффективной трудовой модели. Институциональная матрица отвергается, вырабатываются новые правила. Таким образом, в этой фазе происходит временное изменение природы институционального ядра: разворачивается институциональная среда, архетипически противоположная предыдущим фазам, в рамках которой происходит трансформация базовых институтов.

Институциональная эволюция на основе рынка и раздатка

Рынок и раздаток зародились в глубокой древности как два объективно необходимых механизма выживания человечества: раздаток организовывал хозяйственную жизнь общин, обеспечивая приспособление к природной среде, а рынок формировал экономические связи между общинами. Раздаток возникал как реакция на неопределенность влияния внешней среды, в рамках

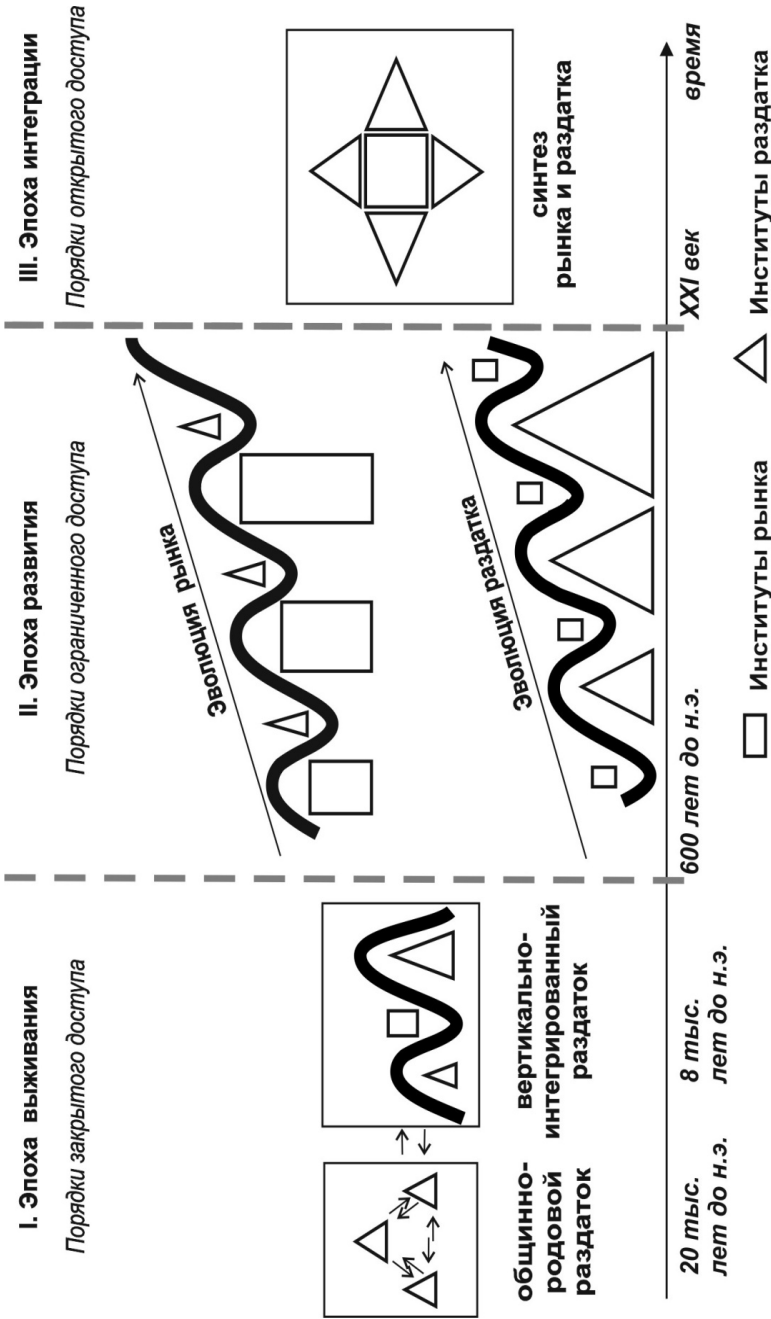

Рис. 3.10. Институциональная эволюция на основе рынка и раздатка

Примечание: Треугольник означает модель раздатка, квадрат – модель рынка. Размеры треугольников и квадратов означают их развитие и расширение. Жирная волнистая линия означает институциональный цикл, в котором есть стабильная фаза («гора») и период кризиса и трансформаций («котлован»). Фигура над линией означает, какая модель внедрялась во времена трансформаций, а под линией – какая была базовая модель. Треугольники в первом блоке, связанные стрелками, означают общие раздатки, состоящие в обменных отношениях между собой. В блок вертикально-интегрированного раздатка над циклической линией размещен маленький квадрат, означающий переход к квазирыночным отношениям между раздаточными циклами. Треугольники вокруг квадрата в эпоху интеграции означают сочетание рынка и раздатка либо в организационных формах, либо в сосуществовании секторов государственного и частного характера, либо в соединении их институциональных форм.

которой затраты и результаты экономической деятельности не находились в однозначном соответствии. Нормы распределения ресурсов и согласования взаимодействий внутри общины отлаживались веками, пока не вызрели в устойчивые институциональные формы раздатка. Затем обезличенные институты раздатка были перенесены на высший, надобщинный уровень, из которого сформировались государственные образования (царства, княжества, империи), координирующие деятельность большого числа общин.

В эпоху выживания экономика раздатка проявлялась в двух видах: на базе родовых общин, а затем в рамках империй, соединяющих общины для реализации масштабных работ под руководством централизованной власти; в кризисные периоды империи вводили и развивали квазирыночные институты. Исторически рынок был рожден самим раздатком для решения внутренних проблем и существовал продолжительное время только в недрах вертикально-интегрированного раздатка древних империй (рис. 3.10).

Во времена Древнего Рима выделились два типа экономических систем, в которых доминантой выступала либо частная собственность, либо служебная собственность. Разделение на рыночную и раздаточную экономику произошло в связи с различиями в устойчивости территориально-служебных империй Востока и колониальных империй Запада. Государства Востока раздавали завоеванные территории в служебную собственность и включали их в свой состав, а государства Запада формировали колонии вдали от своих территорий и закрепляли захваченные земли в частную собственность.

Ось государственности

Ось государственности указывает на характер отношений между государством и личностью. Выделяется три крупных эпохи в эволюции цивилизационных матриц по этой оси:

- **протогосударственная эпоха**, или порядок **закрытого доступа**, в которой индивиды связаны родственными узами и подчиняются старейшине;
- **монасударственная эпоха**, или порядок **ограниченного доступа** в рамках которой доминируют принципы авторитаризма, единовластия, наследования престола, диктата властных органов по отношению к подданным, отсутствия гражданских прав и свобод (монархии, деспотии, империи, самодержавие, диктатуры);
- **демосударственная эпоха**, или порядок **открытого доступа**, которая выстраивается на принципах разделения властей, выборности политических органов и контроле управляемых над управляющими, наличии гражданских прав и свобод.

Главное различие между двумя последними эпохами – сакральный характер власти в монасударственную эпоху сменяется на отношение к власти как к работе высшего управленческого персонала. Если в первом случае пра-

витель – наместник Всевышнего на Земле (монарх) или носитель Высших идеалов (диктатор), то в демосударственную эпоху руководитель государства – служащий верхнего звена управления (табл. 3.8).

Таблица 3.8

Сравнительные характеристики монасударства и демосударства

Характеристики	Монасударство – порядок ограниченного доступа	Демосударство – порядок открытого доступа
Механизм передачи власти	По наследству и бессрочно или узурпация власти, в том числе революционным путем	Выборность на определенный в конституции срок
Идейные основания власти	Религия или тотально-репрессивная государственная идеология	Отсутствие ограничительной государственной идеологии, конституционные принципы
Соотношение власти и церкви	Власть освящена церковью или официальной идеологией, противопоставленной церкви	Секуляризация, церковь отделена от государства
Права граждан	Отсутствие равноправия перед судом, ограничения гражданских прав	Всеобщее избирательное право, равенство перед законом
Свободы	Отсутствие или ограничения свободы слова и печати, наличие цензуры	Свобода слова, печати, демонстраций, свобода вероисповедания
Отношение власти к народу	Подданные, управляемые сверху, жалобы в форме челобитных, просьб о помощи	Свободные и равноправные граждане, жалобы как форма гражданского участия в управлении
Судебная система	Суды зависимы от власти	Независимые суды

Категория *власть*, вообще говоря, относится только к монасударственной эпохе, а в демосударственную – она сменяется на *сферу принятия решений*. В эту эпоху исчезает противопоставление «власть – народ» или «государство – общество», поскольку общество структурируется через государство, которое управляется сменяемыми топ-менеджерами, подконтрольными обществу.

Ключевые результаты новой парадигмы

Общее правило формирования того или иного типа институционального ядра в определенном географическом ареале заключается в том, что доминирующей становится та сторона архетипа, которая обеспечивает эффективное согласование всех реальных локальных сред: природно-климатической, материально-технологической, национально-демографической и культурно-религиозной. Все локальные цивилизационные матрицы проходят единые универсальные ступени развития в виде формаций. При этом цивилизационные мат-

рицы сохраняют свою исходную институциональную природу – как рыночные, так и раздаточные (рис. 3.11).

Для трех первых формаций развитие происходило в рамках монархической эпохи, когда власть носила сакральный характер, главенствовал принцип единовластного управления и существовал диктат власти над обществом. Однако на определенном этапе цивилизационные матрицы, пройдя три формационных стадии, переходят на четвертую. Для этой формации характерна другая цивилизационная эпоха – демосударственная. Поэтому в трансформационную фазу перехода от третьей к четвертой формации происходит двойная трансформация: и формационная, и цивилизационная.

На основе характеристик глобальных институциональных циклов развития цивилизационных матриц вырисовывается образ будущего мировой цивилизации – переход на новый гиперцикл:

- с мелкими колебательными циклами, осуществляющимися на основе поиска эффективного синтеза рыночных и раздаточных институтов;
- с контрактной моделью трудовых отношений в контексте информационного технологического уклада;
- с многонациональными государствами, перешедшими на уровень демосударства;
- с идеологией солидаризма, синтезирующей идеи либерализма и социализма в новую картину мира, на основе которой преодолевается мировоззренческий кризис;
- с доминированием интегральной матрицы сознания, в рамках которой изменяется отношение к окружающему миру, ищется гармония с природой и ликвидируется экологический коллапс.

Четвертая формация – интегральная – привносит новое качество в развитие цивилизационных матриц. Она строится на принципах демократии, гражданских прав и свобод в политике, социального либерализма в экономике и гуманистической духовной идеологии. Главная черта интегральной формации заключается в деидеологизации рыночных и раздаточных способов координации человеческой деятельности, в признании их равноценности и равноправности для развития мировой цивилизации. Новая формация стремится гармонизировать рыночные и раздаточные механизмы, запуская те из них, которые эффективнее при определенных условиях. Только экономическая рациональность, а не идеологическое противостояние, диктует обществу использование либо рыночных, либо раздаточных отношений (табл. 3.9).

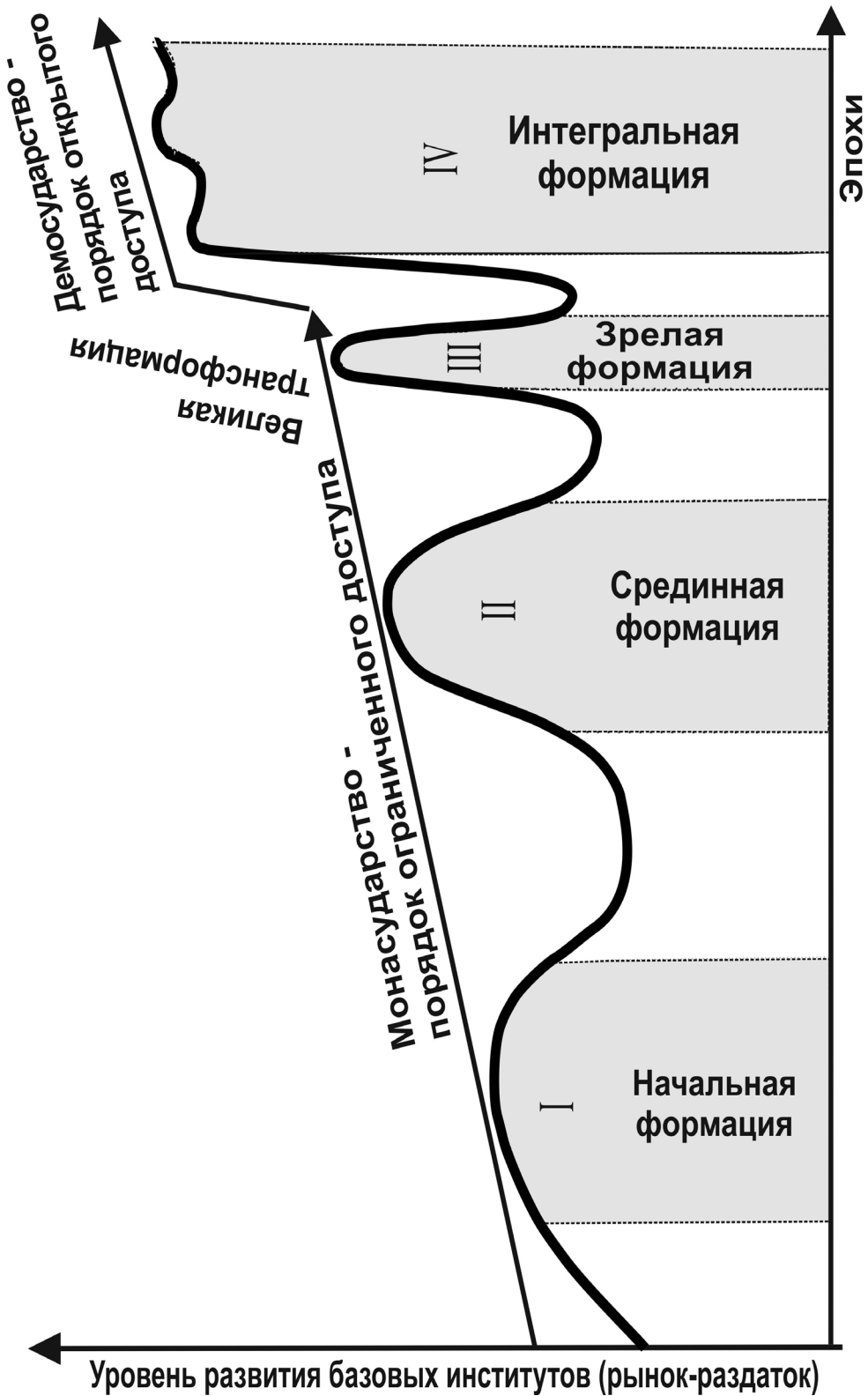

Рис. 3.11. Институциональная траектория цивилизационного развития

Таблица 3.9

Характеристики глобальных институциональных циклов

Структурные элементы	1 цикл	2 цикл	3 цикл	Новый гиперцикл
Биосфера	Человек – часть обожествленной им природы	Хозяйственное освоение	Покорение природы	Гармонизация на основе осознания единства с природой
Этносфера	Племена, общины	Имперское объединение различных национальностей и народностей	Многонациональные государства с доминированием одной нации	Многонациональные государства с равенством наций
Ноосфера	Магическая и мифическая матрицы сознания	Религиозная матрица сознания	Рационалистическая матрица сознания	Интегральная матрица сознания
Техносфера	Аграрно-ремесленный технологический уклад	Аграрно-мануфактурный технологический уклад	Индустриальный технологический уклад	Постиндустриальное, информационное общество
Архетип	Синкретизм (неразделенность) рынка и раздатка	Размежевание рынка и раздатка	Идеологическое противостояние рынка и раздатка	Синтез рынка и раздатка
Формационный элемент	Рабство	Крепостное право	Наемный труд	Контракт
Формация	Начальная	Срединная	Зрелая	Интегральная

Соотношение между формациями, институциональными циклами и цивилизационными этапами выглядит следующим образом: на монархический этап с порядками ограниченного доступа приходится три крупных институциональных цикла и соответственно три формации, а демократический этап с порядком открытого доступа распространяется на одну интегральную формацию. При этом качественные изменения на оси государственного развития приводят к преобразованию характера институциональных циклов: крупные многовековые циклы эпохи развития трансформируются в мелкие колебательные циклы, исчисляемые десятилетиями в эпоху интеграции на основе порядка открытого доступа.

Роль государства имеет структурирующее значение для двух последних эпох и для обоих типов цивилизационных матриц (рыночных и раздаточных). В рамках монасударства государства тяготеги к имперским формам, они набирали мощь в структурированные фазы институционального цикла, которая ослабевала в фазы исчерпания, что впоследствии приводило к распадам империй в фазы трансформаций. При этом независимо от типа институционального ядра, рыночного или раздаточного, государство – неотъемлемая структура общества и экономики. В том и другом случае государственные органы устанавливают нормы и правила функционирования экономики и контролируют их исполнение. Только в случае рыночных цивилизационных матриц устанавливаются правила рыночного типа, а в случае с раздаточными цивилизационными матрицами – правила раздаточного типа.

Переход от начальной формации к срединной, а затем и к зрелой происходил за счет *изменений в локальных реальных средах*, напрямую связанных с изменениями в технологических способах производства. Он характерен для всех цивилизационных матриц, независимо от типа их институциональных ядер – рыночного или раздаточного. При этом оставался неизменным монасударственный принцип построения цивилизационных матриц, основанный на порядке ограниченного доступа.

Однако накопленные *изменения в глобальных сферах* приводят к тому, что для перехода на четвертую ступень развития нужен еще и *цивилизационный прорыв* или *Великая трансформация* по К. Поланьи. Это означает смену принципов построения локальных цивилизационных матриц от монасударственного к демосударственному принципу или, другими словами, от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа. Он связан с внедрением информационных технологий, изменением баланса между биосферой и этносферой в сторону осознания возможности экологического коллапса, возникновением нового типа социальных отношений в виде глобальных сетевых и виртуальных форм. Такие условия кардинально изменяют тип работника, который должен свободно и самостоятельно принимать решения в рамках отведенных ему полномочий, а не находиться под принуждением или быть скованным толщей инструкций. Именно поэтому контрактная модель начинает доминировать в тех странах, которые перешли на новые информационные технологии.

Если смена трудовых моделей имеет объективный характер, связанный с технологическими изменениями, то не столь очевидна неизбежность перехода от монасударства к демосударству или от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа. Эта неизбежность определяется контрактной трудовой моделью. Дело в том, что соотношение монасударства и первых трех формаций адекватно по признаку принуждения работника к труду. Все три первые формации построены, выражаясь языком классиков марксизма, на эксплуататорской и принудительной основе, соответственно и форма устройства государства – авторитарная власть с опорой на класс

собственников в рыночных цивилизациях и на класс управленцев (номенклатуру) в раздаточных цивилизациях.

Но контрактный труд и монасударство с порядком ограниченного доступа не совместимы из-за тех ограничений, которые накладываются на свободу и права личности. И в тех странах, в которых начинает доминировать контрактная модель, видоизменяется цивилизационная форма государства – превращаясь, словами М. Вебера, в «формально-рациональную» или, по Д. Норту, в «контрактное государство», в дальнейшем – порядок открытого доступа. Предлагаемый термин *демонасударство* объединяет демократические принципы функционирования государства как гаранта соблюдения контрактных отношений, с одной стороны, и выражает сущность активной роли социально-ориентированного государства, с другой.

Общий методологический результат новой парадигмы состоит в следующем. Цивилизационная матрица, представляющая эмерджентный синтез совокупности объективных условий, в которых зародилось и развивается государство, накапливает устойчивые практики жизнедеятельности и сохраняет опыт функционирования типовых исторических формаций. На практике каждый формационный этап реализуется через институциональную матрицу, которая определяет «правила игры» и устойчивость форм которой распространяется только на один институциональный цикл. Согласование цивилизационной матрицы и институциональных форм происходит на основе адекватной идеологической платформы, отсутствие которой приводит к отторжению внедряемой институциональной матрицы как противостоящей природе базовых институтов, увязывающих множество экзогенных условий в эндогенную программу общественного развития.

Глобальные закономерности развития цивилизационных матриц, подтверждают выводы универсального эволюционизма и объясняются действием закона *повышения информационной мощности и емкости социальной системы*: количества полезной информации, генерируемой и удерживаемой обществом в единицу времени и на единицу затрат поглощаемых внутренних и внешних ресурсов [Глазьев, 1996].

Согласно основам универсального эволюционизма, социальные системы относятся к числу самоорганизующихся, т.е. способных повышать свой порядок, изменяя организацию. Именно поэтому в реальности наблюдается усложнение социальных структур, их эволюция в направлении все более упорядоченных состояний, и рост их информационной емкости. Развитие любой системы представляет собой неравномерный циклический процесс, определяемый ее структурой. Этот процесс представлен в виде траектории жизненного цикла системы от начального состояния, в котором происходит формирование ее структуры, до состояния зрелости, в котором система реализует заложенный в ней потенциал в рамках изначально заданной структуры и соответствующего состояния окружающей среды. Возможности дальнейшего развития системы, достигшей состояния зрелости, связаны с из-

менением ее структуры. При изменении структуры происходит вступление в новый жизненный цикл, траектория которого определяется вновь образовавшимися связями между элементами системы.

По мере наращивания информационной сложности социальной реальности мощность социальных структур постепенно становится недостаточной, и система переходит в стадию упадка и последующих структурных изменений. Для того чтобы в результате этих изменений возникло новое качество, необходимо, чтобы в переходном состоянии были наработаны элементы новых структур, *без потери знаний о прежней структуре этой системы*. Только в этом случае происходит становление целостного гиперцикла общественных отношений нового качественного уровня.

Код цивилизационного развития

Цивилизация XXI века использует знак «инь-ян»: его изображение можно встретить повсеместно, во всех атрибутах современного мира – философских и популярных книгах, буклетах и рекламных роликах, на одежде и предметах домашнего быта. Однако мало кто догадывается, что именно в этом знаке «закодирована» новая картина мира. Она – новая для современной науки в соотнесении с предыдущим видением, но совсем не нова для человеческой цивилизации как таковой. Если проанализировать элементы символа «инь-ян», то мы получим те универсальные принципы развития, которые представлены в интегрально-институциональной парадигме цивилизационного развития (рис. 3.12).

Элементы символа "Инь-Ян"	Принципы, выраженные в символе	Элементы символа "Инь-Ян"	Принципы, выраженные в символе
	Целостность и единство		Компенсаторность
	Дуальность		Цикличность
	Доминантность		Равнозначность противоположностей, интегральная перспектива развития

Рис. 3.12. Принципы и смыслы символа «инь-ян»

Круг символизирует единство и целостность. Носителем этого свойства является глобальная цивилизационная матрица, в которой человеческая цивилизация структурирована как единое целое, где все взаимосвязано и взаимообусловлено.

Разделение круга на черное и белое символизирует дуальность противоположностей. Но не дихотомию – как оппозицию и противопоставление – «или – или», поскольку черное и белое расположены в круге, что означает интегрирование частей в целое. Именно это свойство заложено в институциональном архетипе, имеющем дуальную природу.

Если разделить круг пополам, то видно, что в одной половине преобладает черный цвет, в другой – белый. Это символизирует доминантность – принцип, при котором одна из противоположностей доминирует при определенных условиях. Эти качества выражены в свойствах базовых институтов, из которых состоит институциональное ядро.

В каждой половине присутствует фрагмент противоположного цвета. В черной половине есть белый фрагмент, в белой – черный. Таким образом выражено свойство компенсаторности, когда доминантная часть поддерживается своей противоположностью. Это свойство воплощено в компенсаторных институтах, которые, будучи противоположными по своей природе базовым институтам, всегда присутствуют в институциональном ядре и только вместе с базовыми институтами обеспечивают его целостность.

Граница в форме волны между белой и черной частями символизирует цикличность. Это означает развитие сначала в соответствии с доминантой одной из противоположностей, а затем – доминантой другой противоположности. Принцип циклического развития означает поиск динамического равновесия. Доминантность одного цвета проявляется лишь в одной части цикла, а если взять площади каждого цвета, то видно, что они абсолютно одинаковы. Это символизирует поиск гармонии, интегральности двух дуальных противоположностей.

Весь знак «инь-ян» означает циклическое развитие интегральной целостности дуальных противоположностей в поиске гармоничного состояния и символизирует эволюционную программу цивилизационного развития.

Глава 4

РАЗДАТОК И РЫНОК НА СЛУЖБЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Понятие «социального государства»

Экономическая эволюция Запада¹ – это циклическое развитие рыночных институтов, которые на каждом институциональном цикле принимали формы, соответствующие конкретно-историческому этапу. Форма рыночных институтов определялась трудовой моделью.

Социальный рынок – экономическая система, построенная на интеграции базовых рыночных институтов, с одной стороны, и раздаточных механизмов в форме широкомасштабных социальных программ, общественных секторов, государственной поддержки низкорентабельных отраслей и государственных инвестиций в инфраструктуру и новые технологии, с другой. Но главное, в этой системе модифицирована сама основа рыночной экономики благодаря введению ограничений на права собственников по непроизводительному, нерациональному использованию имущества, в результате чего институт частной собственности стал институтом эффективного собственника.

Активное интегрирование институтов раздатка происходило с целью минимизации провалов рынка и создания социальных государств за счет системы общественных благ, перераспределяющих выгоды от рыночной экономики между разными социальными слоями. Институты и механизмы раздатка, имплантированные в рыночную среду, снижали возможный уровень агрессии и насилия со стороны малоимущих групп. Это привело к формированию порядка открытого доступа через отмену цензов и введение всеобщих прав на выборы, а также изменению идеологии рыночной экономики, которая теперь ориентируется не только на личный успех, но и на обеспечение равных шансов развития для всех социальных групп.

К примеру, в законодательстве США после кризиса 1929–1933 гг. были введены: комплекс прав собственника и новые законы о наследовании. Собственников ограничили в правах на общественно бесполезное проедание капитала или на неэффективное управление принадлежащими им предприятиями. Социализация наследования в США состояла в ограничении прав наследников на нерациональное либо неэффективное использование частного производственного капитала. С 1960-х гг. в США введено централизованное планирование по тщательно отработанным и законодательно утвержденным публичным процедурам. К примеру, авиастроение с 1928 г. является объектом государственного планирования в США, и сегодня там разрабатываются поддерживаемые из бюджета текущие и долгосрочные программы развития авиастро-

¹ Запад в данном контексте – это страны Западной Европы, Великобритания, США, Канада, цивилизационный путь которых институционально схож.

тельной технологии. США и другие развитые страны решали жилищную проблему на основе общенациональных целевых программ, на которые выделялись огромные средства из бюджета [Амосов, 2006]. На протяжении последних 50 лет американское правительство принимало непосредственное участие в формировании исследований и образовательных программ, в приобретении продукции компьютерной отрасли. Более 70% финансовой поддержки научных исследований в машиностроении, вычислительной технике проходило по линии федерального правительства [Флигстин, 2007, с. 41–60].

Функции современного государства чрезвычайно разнообразны, к ним относятся:

- создание и воспроизводство общественных благ, т.е. тех товаров и услуг, которые не могут быть произведены с целью извлечения прибыли отдельными предпринимателями;
- сокращение негативных последствий, возникающих в результате частной хозяйственной деятельности (загрязнение окружающей среды, вредные условия труда, опасные продукты питания);
- создание условий для равной возможности получения гражданами образования;
- производство общественных благ в разных формах: собственно государственное производство, через субсидии частным производителям, а также совместное производство государственными и частными агентствами;
- политика макроэкономической стабилизации для смягчения влияния бизнес-цикла, поддержка постоянного доступа к кредитам через учреждение институтов кредитования, регулирование банковской сферы, ограничение вывоза золота;
- преодоление негативных рыночных последствий в сфере распределения путем введения государственного обеспечения в случае болезни, инвалидности и старости, социальное страхование;
- стимулирование национальной промышленности, установление таможенных пошлин, создание инфраструктуры как средства стимулирования частных инвестиций, поддержание высокого уровня инвестиций в производство во всей экономике за счет государственных средств;
- содержание оборонного комплекса, отраслей высоких технологий, освоения космоса;
- контроль и регулирование ценового механизма, в частности через налоговые системы.

Этапы формирования социального государства на Западе

Социальное государство – это результат исторического развития рыночного институционального ядра западной цивилизационной матрицы, (рис. 4.1).

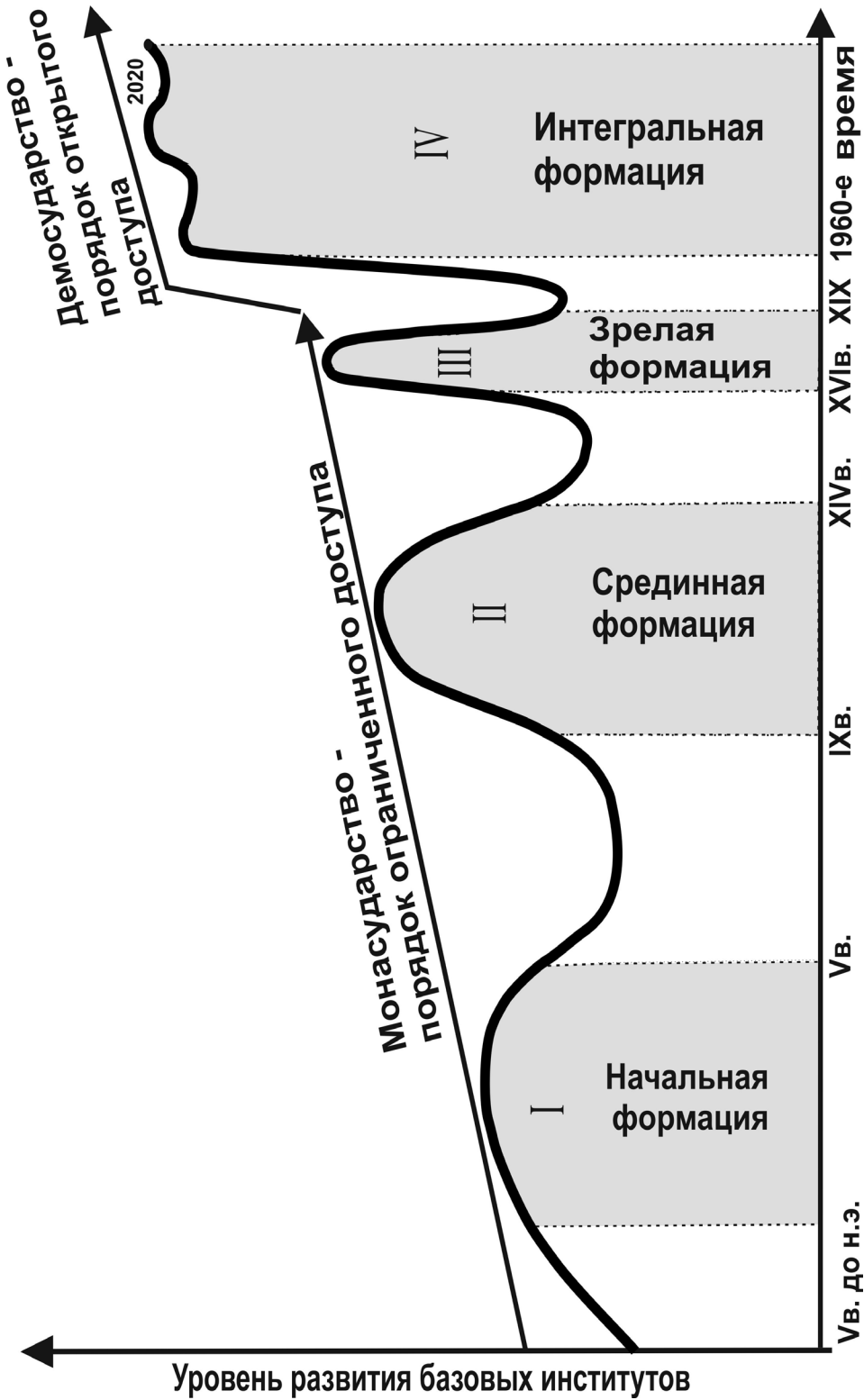

Рис. 4.1. Институциональная траектория цивилизационной матрицы Запада

Первый институциональный цикл – *начальная формация*, базировалась на рабской модели частного характера, поскольку рабы принадлежали частным лицам и являлись объектом частной собственности. Была создана первичная рыночная инфраструктура с частной собственностью на землю. При этом организация и управление производством осуществлялись крупными землевладельцами; часть продуктов продавалась на рынке сельхозпродуктов. Значительная часть оборудования и инвентаря, как в поместье, так и в городском доме, покупалась, что означало наличие рынка средств производства, а также земельного рынка и региональных рынков труда, где устанавливались цены на рабов разных специальностей. Налогообложение осуществлялось в форме общественных литургий. Историк Э. Мейер назвал экономику этого периода античным капитализмом [История..., 1989, с. 11].

В основе *срединной формации* и второго институционального цикла лежала крепостная модель трудовых отношений. Земельные владения находились в частной собственности, т.е. подлежали отчуждению (купле-продаже, дарению) и наследованию по завещанию. При этом крепостные крестьяне находились в частной собственности землевладельцев (феодалов) и имели собственный надел на правах пользования. Вотчинник являлся верховным владельцем – сеньором, главное занятие которого, служба королю, знати, церкви или служба в войске. Он содержал штат управляющих и надсмотрщиков. Крестьянин обрабатывал господскую землю своими орудиями и выполнял многообразные повинности, включающие в себя все виды ренты: отработочную, продуктовую и денежную, из которых доминировала денежная рента.

В этот период рынки были прикреплены к определенному месту, некоторые из них функционировали периодически как местные городские рынки, но существовали и крупные ярмарки, которые могли ежегодно длиться по несколько недель или месяцев. Для открытия рынка или ярмарки нужна была лицензия, и устройство рынков столь же регламентировалось, как и деятельность самих гильдий, которые контролировали большинство видов производства и торговли на подведомственной территории. На рынке продавцы предлагали то, что они сами произвели, а покупатели приобретали товары для собственных нужд. В этом была основная специфика рыночных институтов срединной формации.

Внутри поместья также существовали денежные отношения. Деньги нужно было платить за услуги, которые мог оказать только сеньор: за использование мельницы, хлебопекарни, винного пресса, лесопилки. Существовала также торговля между поместьем и внешним миром: часть производимого в поместье продавалась вовне, а закупались оружие, одежда, украшения. Крестьяне сами отвозили продукты на рынок и сами их продавали. Характерной особенностью средневекового рынка, как в поместье, так и в городе, было то, что крестьянин, кузнец, мельник и ремесленник равным образом обязывались предоставить услуги всякому, кто пожелал заплатить, причем по установленной законом цене.

Зрелая формация и третий институциональный цикл сформированы на основе наемной трудовой модели. В ее рыночной модификации фабрики и агрофирмы функционировали на праве частной собственности и на частном наемном труде, который регулировался цензом оседлости (1662 г.). Этот документ регламентировал место жительства простых людей и ограничивал их свободу передвижения. По выражению К. Поланьи, имело место приходское крепостное право, которое было отменено только к концу XVIII века.

По статуту 1563 г. о ремесленниках, относящемуся и к сельскохозяйственным рабочим, организация труда покоилась на трех столпах: законодательном принуждении к труду, семилетнем сроке ученичества и ежегодном установлении размеров заработной платы государственным должностным лицам. В течение двух с половиной столетий этот статут служил правовой основой общенациональной организации труда, опиравшейся на принципы регулирования и патернализма. Наемный рабочий этого периода был лично свободен и пользовался равенством перед законом, но не имел права свободно выбирать род занятий для себя и своих детей, не мог селиться, где ему угодно, и обязан был работать [Поланья, 2002, с. 101–103].

С середины XVI до середины XVIII века осуществлялся постепенный переход от средневековой практики торговли на условиях, определяемых традицией и законом, к свободной рыночной торговле, в которой цены вырабатывались соглашением между продавцом и покупателем. В самом конце цикла была изобретена публичная корпорация, которая позволяла инвесторам распределять коммерческий риск и с необходимостью произвела на свет рынок акций промышленных предприятий. Организация больших промышленных корпораций претерпела значительные изменения между 1920 и 1960 гг., когда произошло разделение принятия стратегических решений и оперативного управления. Именно с этого момента появилась фирма как управляющая структура, а не как производственная функция, ставшая базовой организационной формой интегральной формации с 1960-х годов [Розенберг, Бирдцелл, 1995, с. 324].

Между тремя институциональными циклами пролегли трансформационные фазы.

Первая трансформационная фаза (V–IX вв.) длилась после распада Римской империи и до возникновения средневековых империй; шли непрерывные войны, одна из целей которых была охота за людьми, поскольку использование рабского труда севров было основным источником извлечения прибыли.

Вторая трансформационная фаза приходилась на период с XIV по XVI век, когда в Европе распадались империи и формировались национальные государства. «Установлено, что уже в XIV веке имел место кризис институтов феодализма. С другой стороны, стало общим суждение, что капитализм начался в конце XVI века. Таким образом, образуется двухсотлетний разрыв между началом упадка феодализма и началом подъема капиталистического способа производства. Он получил название переходного» [Розенберг, Бирдцелл, 1995,

с. 110]. Данная фаза была эпохой катастроф: войны, эпидемии чумы, неурожай и резкое сокращение населения. Только к 1660 г., когда население Европы опять достигло уровня 1347 г., феодализм уступил место новому экономическому порядку, базирующемуся на механизме торга между продавцом и покупателем.

Третья трансформационная фаза (XIX – начало XX вв.) – период саморегулирующегося рынка, который возник в ходе промышленной революции для ее осуществления. Была сформирована новая институциональная среда в виде свободного перемещения труда и капиталов. Фактически, свободный от государственного вмешательства рынок стал переходом к новой модели развития западной цивилизации. Это была временная преходящая форма, благодаря которой и произошла Великая трансформация.

В периоды трансформационных фаз роль государства снижалась до минимума, а в структурированные фазы институциональных циклов – повышалась до максимального уровня. Если в две первые трансформационные фазы это происходило под влиянием исторических явлений более глобального порядка (распад империй), то третью фазу знаменует политика либеральной идеологии. В результате рыночная модель придала новое качество всей социально-экономической системе, но одновременно обнаружились существенные диспропорции в уровне жизни населения. Это способствовало возникновению идеологий фашизма и социализма в противовес идеологии либерализма. Их возможное разворачивание в политические системы стало угрозой для развития всей западной цивилизации.

Таким образом, до XIX века западные правительства активно способствовали развитию производства и торговли. Они внедряли правовые механизмы по возврату кредитов и выполнения соглашений, субсидировали сооружение каналов, железных и шоссейных дорог, защищали с помощью тарифов и льгот национальную промышленность от иностранной конкуренции, предоставляли монопольные права предприятиям новых отраслей, выдавали патенты на изобретения, а также поддерживали партнерство с капиталистами в форме особых механизмов военных поставок. Только в XIX веке стало «немодным» регулировать торговлю, облагать ее значительными налогами, контролировать цены и заработную плату или стремиться к сглаживанию заметных различий в доходах. Лишь во второй половине XIX века исчезли старые формы торговли через привилегированные (регулируемые) компании, и было признано, что старая традиция жесткого контроля над образованием корпораций не должна прилагаться к акционерным компаниям [Розенберг, Бирдцелл, 1995, с. 31, 207]. «Общество XIX в., в котором хозяйственная деятельность была выделена в особую сферу, стало, в сущности, поразительным исключением из правила» [Поланьи, 2002, с. 68].

Институциональной основой свободного рынка стали: децентрализация власти и ресурсов, необходимых для экспериментирования, практическое отсутствие политических и религиозных препятствий к экспериментированию, стимулирование экспериментаторов, имеющих возможность присваивать прибыль, получаемую и случае успеха, и рискующих большими убытками

в случае провала. Это способствовало, в частности, тому, что массовая инкорпорация в Европе осуществилась за одно десятилетие [Розенберг, Бирдселл, 1995, с. 39, 209]. Однако в 1930-е годы свободный саморегулирующийся рынок попал в системный кризис, выбраться из которого помогло только государственное вмешательство. Все эти факторы в совокупности привели к преобразованию свободного рынка в социальный рынок, который синтезировал идеи либерализма и социализма в форме государственных социальных программ.

Анализ, проведенный М. Блоком, свидетельствует, что современный демократический механизм с всеобщим избирательным правом появился именно в результате синтеза рыночных и раздаточных институтов, что позволило отменить избирательные цензы. «Институт гражданства в западных странах зародился в XVIII веке, однако в то время ограничивался правами, обеспечивающими защиту граждан от произвола государственной власти. В следующем столетии, когда доступ к избирательному праву был расширен, эти гражданские права послужили основой для обретения политических прав. Это, в свою очередь, способствовало развитию в XX веке социальных прав, когда граждане начали использовать избирательное право для защиты от стихии рыночных сил путем более интенсивного государственного регулирования» [Блок, 2004, с. 43].

Рыночная экономика создает поляризацию населения по доходам, делит общество на бедных и богатых, причем богатые – обычно небольшая часть общества. С другой стороны, демократия – это власть большинства, и есть риск, что бедное большинство может демократическим путем привести к власти своего лидера по преобразованию общества и переделу собственности богатых в пользу бедных. Первый инструмент, который был выработан для снятия этого противоречия, это избирательные цензы, включающие имущественный, расовый, возрастной, половой. Они отсекали от голосования то самое большинство, которое явно проголосовало бы против буржуазных ценностей. Имущественный ценз был пропорционален доходам и варьировался от выборов к выборам. В период цензовой демократии на выборы допускались только состоятельные граждане, а народ в выборах не участвовал: по оценкам историков, в голосовании принимало участие около 4% населения.

Под угрозой распространившегося марксистского учения и революционных настроений в начале XX века возникла концепция по формированию среднего класса, который смог бы поддержать состоятельное меньшинство в условиях отмены имущественного ценза. Для этого европейские правительства стали достраивать рыночные отношения раздаточными, а концепция социального государства оформила такой синтез институтов идеологически.

Раздаточные отношения в западной рыночной экономике – это финансовые гарантии для функционирования пенсионной системы, пособия по безработице и система социальной защиты, а также государственная поддержка малого и среднего бизнеса. Все это прямые раздачи для большинства в различных видах и формах, как пассивных (пособия и соцзащита), так и активных (субсидии малому и среднему бизнесу). Посредством раздаточных отно-

шений значительная доля населения получила от государства либо пособия, либо дешевую ипотеку, а значит, право собственности на недвижимость или на свой мелкий бизнес. Таким образом, задача была решена: средний класс превратился в необходимое большинство.

За последние полвека строительства социального государства на Западе принципы и формы существования раздаточных секторов в рамках рыночных экономик значительно трансформировались, изыскивались более совершенные, отменялись неподходящие и проблемные, и, в конечном счете, каждая европейская страна выработала свой механизм сочетания рынка и раздатка. Общей закономерностью является тот факт, что на рубеже 1960-1970-х годов первый синтез раздатка и рынка привел к кризисным явлениям, что побудило многие страны провести институциональные реформы. Мировой финансовый кризис 2008 г. продемонстрировал риски распределения государственных средств через частные каналы, при этом сам вектор развития в направлении поиска качественного синтеза ресурсов государства и рынка, тем не менее, не ставился под сомнение. Процесс поиска баланса рыночных и раздаточных форм, механизмов, секторов продолжается.

Раздаток в жилищных моделях рыночной экономики

Решающую роль в переходе рыночной системы и демократических институтов Запада на качественно новый уровень развития сыграл именно жилищный раздаток. Рыночные жилищные модели существенно изменились здесь, когда приобрели смешанный характер. В XX веке наряду с рыночными механизмами стали активно использоваться раздаточные механизмы – общественный сектор, жилищные пособия, дотации жилищному строительству и субсидирование квартирной платы, формирование ипотечных госкорпораций. В итоге синтеза рыночных и раздаточных институтов сформировался средний класс собственников жилья, который стал основой для отмены имущественного ценза и формирования широкой социальной базы демократии на основе всеобщего избирательного права.

Развитие жилищных систем Запада демонстрирует, как от чисто рыночной экономики после Великой депрессии 1930-х годов практически повсеместно стали встраиваться раздаточные отношения в рыночную среду как в США, так и в Европе. В жилищной сфере на практике это означало рождение новых форм, в которых государственный ресурс приходил к непосредственному потребителю через дотации, пособия, поддержку ипотеки, ограничения квартирной платы. Каждая европейская страна выработала свой механизм сочетания рынка и государства. На рубеже 1960–1970-х годов синтез раздатка и рынка привел к кризисным явлениям, и это побудило западные страны провести институциональные реформы в жилищной сфере. Суть этих реформ – адресный характер помощи в решении жилищных проблем, а не обезличенная раздача через финансирование отраслей жилищного строительства и жилищного хозяйства из бюджетных средств.

Английская модель общественного жилищного сектора. В Великобритании существуют частное жилье и жилье, арендуемое в муниципальном жилом фонде и у жилищных ассоциаций, а также у частных домовладельцев. Общественный сектор включает дома, находящиеся в собственности местных органов власти (самая значительная доля), в собственности новых городских корпораций и Шотландской жилищной ассоциации. Соотношение различных типов жилья с течением времени менялось.

Система помощи населению подразделяется на несколько видов: в первую очередь это финансирование строительства нового социального жилья, а также его модернизация. Денежная помощь касается, главным образом, наемного социального жилья и передается в виде дотаций местным административно-территориальным образованиям. Местные сообщества имеют в своих бюджетах специальную графу, называемую «жилищный доходный счет», на котором аккумулируются средства, полученные от продажи социального жилья, причем часть этих доходов, как правило, направляется в виде инвестиций на реализацию новых жилищных социальных проектов.

Доступ к общественному сектору определяется на основе жилищных потребностей. Однако не каждый, кто имеет такую потребность, может получить муниципальное жилье. Это связано с тем, что, несмотря на обширность этого сектора (30%), существует дефицит общественного жилья. Система правил регулирования муниципального сектора имеет трехступенчатую основу:

- правила доступа – существуют определенные критерии и приоритеты, по которым определяется, какие группы имеют право претендовать на получение жилья в общественном секторе и, следовательно, могут быть внесены в очередь;
- правила получения жилья – разрабатываются определенные приоритеты, по которым ранжируются семьи, получившие право доступа к общественному сектору, в результате устанавливается очередность этих семей, их место в очереди на получение жилья;
- правила обмена – существует определенный порядок, регулирующий движение внутри общественного жилищного сектора в связи с изменившимися потребностями, связанными с изменениями в семейном цикле.

Эти правила взаимодействуют сложным образом. Многоступенчатые обмены внутри муниципального жилого фонда создают целые цепочки перемещений, конец которых открывает вакансию для семей, стоящих в очереди, которые освобождают место для тех, кто стремится попасть в эту очередь. Разросшийся общественный жилищный сектор создал проблемы – задолженность по квартплате, увеличение доли жителей, зависящих от пособий, ухудшение условий эксплуатации жилья. Другая сторона этого вопроса – возможность манипулирования жилым фондом, поскольку не публиковалась детальная информация о распределительной политике властей, системе приоритетов, движении очередников.

В связи с этим начиная с 1979 г. центральное правительство предприняло разнообразные меры по сокращению доли муниципального жилья. К ним относятся прекращение субсидий, сокращение всех затрат, ограничение права покупки жилья у частных лиц и использование финансовых санкций с целью стимулирования распродажи фонда местных властей частным собственникам. Программа приватизации жилья 1980–90-х годов непосредственно касалась жилого фонда муниципалитетов [Зарецкая, 2000].

Закон о жилье 1980 г. предусматривал право квартиросъемщиков купить свое жилье на льготных условиях, следствием чего стал резкий рост продаж муниципального жилья, но к 1983 г. он стал замедляться. Это было связано с уменьшением предложения привлекательного жилья и сокращением числа квартиросъемщиков, имеющих средства для его приобретения. В 1988 г. была сделана попытка еще больше облегчить покупку жилья в муниципальном секторе путем введения схемы «от аренды к ипотеке». Данная схема позволяла арендаторам «конвертировать» их арендную плату за жилье в платежи по ипотечному кредиту и получить скидку при оценке стоимости жилья. С 1990 г. продажи муниципального жилья снова начали снижаться из-за дальнейшего уменьшения числа квартиросъемщиков, имеющих право на покупку арендуемого ими жилья, и количества подходящего для продажи жилья в муниципальном секторе.

Приватизация оказалась весьма масштабной: более 1,5 млн квартиросъемщиков стали его собственниками. Однако приватизировали муниципальное жилье в первую очередь наиболее состоятельные его арендаторы. Права квартиросъемщиков муниципального жилья, осуществивших предоставленное им право купить это жилье, заметно расширились. В то же время расширение приватизации создало реальные трудности для малоимущего населения, не имеющего средств для покупки муниципального жилья.

По мере расширения приватизации произошла маргинализация муниципального сектора. Остающееся у муниципалитетов жилье все чаще представлялось малообеспеченным слоям населения (семьям с одним родителем, представителям национальных меньшинств и проч.), которые были не в состоянии приобрести жилье в собственность. Низкая зарплата, высокий уровень безработицы, зависимость от пособий и отсутствие перспектив занятости и улучшения материального положения не давали большинству таких арендаторов не только улучшать, но и просто поддерживать качество снимаемого ими жилья на прежнем уровне. Аренда муниципального жилья стала окончательно рассматриваться как жизненная неудача.

В ситуации, сложившейся в Великобритании в середине 1990-х годов, многие факторы ограничивали ожидаемые выгоды от частного жилья. В этот период выросли затраты по страхованию, отменены налоговые льготы по ипотечному кредиту, а также уменьшены льготы по социальному обеспечению для тех, кто получает ипотечный кредит. На местных властях и в настоящее время продолжает лежать основная ответственность за обеспечение социальным жильем бездомных, а также малоимущих семей. В числе приорите-

тов правительства Великобритании, в качестве одной из основных целей, было поставлено улучшение социального жилья, а также расширение доступа к приобретению жилья разными категориями населения.

Программа правительства доступного жилья адресована гражданам, выполняющим ключевые общественные функции: врачам, воспитателям, учителям, пожарным, полицейским, и тем, кто трудится в системе градостроительства. Однако это не означает, что другие категории лиц из социально незащищенных слоев населения не могут рассчитывать на помощь государства. Развивается ряд программ для престарелых, инвалидов и просто малоимущих граждан, приобретающих недвижимость впервые, и для тех, чьи потребности не могут быть обеспечены рыночным предложением.

Европейская модель жилищных пособий. К 1970-м годам жилищные пособия выплачивались в большинстве стран Западной Европы. Первые страны, которые начали вводить систему жилищных пособий, или субсидий, – это Франция (1948 г.), Германия (1965 г.) и скандинавские страны (1972 г.). До этого в европейских странах строительство жилья поддерживалось различными формами дотаций и налоговых льгот. Их целью так же, как и в Великобритании, являлось повышение доступности жилья, в особенности для малоимущих семей, а также уменьшение затрат на строительство и размер квартплаты.

Переход на жилищные пособия был связан с возникшим пониманием того, что дотации на строительство являются экономически малоэффективными и сомнительными с точки зрения социальной справедливости; а также с постепенным переходом от концепции низких, административно регулируемых квартплат к концепции так называемых экономических квартплат, покрывающих затраты на содержание зданий. Жилищные пособия являются главной финансовой формой помощи в жилищной сфере и составляют не менее половины общих жилищных затрат из бюджета государства.

Европейские страны применяли разные формы пособий в зависимости от своих финансовых возможностей и систем социальной помощи. Жилищные пособия выделяются малоимущим семьям, и главным критерием их выплаты является совокупный доход в пересчете на одного члена домашнего хозяйства. Пособие дается для оплаты той части жилищных расходов, на покрытие которой недостаточно дохода домашнего хозяйства после вычета необходимых расходов на питание, одежду и некоторых других. При этом может применяться имущественный критерий или дополнительные критерии, касающиеся инвалидности или болезни. В некоторых странах, таких, как Австрия, Дания, Франция, Финляндия и Швеция, применяется также дополнительный критерий, связанный с количеством человек в семье. В немногих странах (Голландия, Ирландия) кроме уровня дохода семьи исследуется и учитывается стоимость имущества и деньги на счетах.

Жилищные пособия выделяются и нанимателям, и владельцам собственного жилья, но в таких странах, как Дания, Голландия, Германия, Италия, а также Испания и Португалия, жилищными пособиями могут пользо-

ваться только наниматели. Владельцам жилых помещений пособия выделяются на покрытие части затрат на содержание помещения, а в некоторых странах, таких, как Великобритания, Ирландия и Испания – на выплату части взноса ипотечных жилищных кредитов, полученных на постройку или покупку дома или квартиры. Зачастую это касается тех людей, доходы которых значительно уменьшились в результате временной потери работы или же работы на неполную ставку.

В большинстве стран система жилищных пособий слабо связана с общей социальной помощью. Лишь во Франции и Швеции система жилищных пособий является интегральной составляющей пакета социальной помощи. Кроме семейного пособия во Франции существует также социальное жилищное пособие для престарелых и для молодых работников.

В скандинавских странах жилищное пособие является также поощрением к проживанию в таких жилых помещениях, которые в обществе считаются стандартом. В Швеции, например, жилищное пособие не может получить семья, соответствующая требованиям критерия низкого дохода, но нанимающая квартиру непропорционально маленькую по отношению к количеству человек, составу семьи или же квартиру слишком низкого стандарта.

В Австрии система жилищных пособий касается исключительно тех жилых помещений, строительство или ремонт которых финансировались из публичных средств. Размер пособия там зависит от размера квартплаты, которая, в свою очередь, зависит от источников и методов финансирования строительства жилья. Действует общий принцип, согласно которому жилищное пособие не может быть больше той части, которая приходится на возврат кредита, взятого на финансирование инвестиции.

Французская система жилищных пособий состоит из трех видов пособий, установленных в разное время:

- семейное жилищное пособие, которое получают семьи, имеющие детей, а также молодые супруги, не имеющие прав на другую помощь;
- индивидуальная жилищная помощь, выделяемая пользователям жилых помещений, построенных при участии льготных кредитов;
- жилищное социальное пособие, адресованное лицам, не имеющим прав на пользование первыми двумя типами пособия и одновременно являющимися престарелыми, инвалидами, а также безработными.

В скандинавских странах наряду с классическими жилищными пособиями существует специальная категория пособий для престарелых, проживающих в собственных квартирах и домах. В Дании жилищные пособия имеют две формы для двух разных групп населения:

- пособия на квартплату для лиц, получающих социальные субсидии;
- квартирные субсидии для лиц, не являющихся получателями социальных субсидий.

К этим группам применяются три общих критерия, дающие право на жилищное пособие: доход семьи на одного члена, размер квартплаты и площадь используемого жилого помещения. Семьи, имеющие детей, вправе проживать в больших квартирах, за которые квартплата соответственно выше. Семья из одного человека может получить пособие, если пользуется площадью, не превышающей 65 кв. м. В случае пенсионеров по болезни доля пособия в покрытии затрат на квартплату выше, чем в случае других людей, получающих пособие.

Доля семей, получающих жилищные пособия, в общем числе семей составляла от 3–5% в Австрии и Ирландии, до 20–26% – в Дании и Франции. Относительно высокая доля, свыше 10% семей, получающих эту форму индивидуальной помощи социального характера, существует также в таких странах, как Швеция, Финляндия, Великобритания, Голландия. В Германии жилищные пособия получают свыше 8% всех семей и свыше 50% семей пенсионеров. В Швеции их получают 18% семей. Среди семейных хозяйств пенсионеров размер пособия почти в два раза выше.

Жилищное пособие составляет чаще всего несколько десятков процентов жилищной платы: в Дании – 45%, а в Германии – 30–40%. В Швеции жилищное пособие возмещает 80% квартплаты. В Голландии оно покрывает 60–90% разницы между причитающейся квартплатой и так называемой стандартной квартплатой. Существует также общее правило, согласно которому доля расходов на жилье в бюджете семьи не должна превысить 20–25%, реже – 30%. В Германии квартплата, вносимая семьей, получающей пособие, не может превысить 27% общего дохода, находящегося в распоряжении семьи.

Еще одна форма государственной поддержки – адресная финансовая помощь гражданам при приобретении жилья, в том числе с привлечением ипотечных кредитов. Наиболее отрегулированной представляется система социальной поддержки заемщиков в Германии. Вкладчики строительных сберкасс получают ежегодные премии за свои сбережения (до 10% к накопленной сумме). После получения жилищного кредита государство использует прямые формы помощи заемщику – денежные дотации при погашении процентов – например, гашение части кредита при рождении в семье заемщика ребенка, и непрямые, такие, как налоговые льготы в зависимости от имущественного состояния, состава семьи.

Средства на жилищные пособия в странах Европейского союза выделяются, главным образом, из государственного бюджета, реже из бюджета местного самоуправления. В странах с развитой автономией регионов (Австрия, Германия, Испания) жилищные пособия выплачиваются также или исключительно (например, Испания) из бюджета регионов. В Дании из бюджета государства возмещается 40% расходов, понесенных муниципалитетами на жилищные пособия, в Германии – 50%, а в Швеции, в зависимости от вида пособия, от 20 до 10%. Во всех странах действует правило, что жилищное по-

сбие не может покрывать расходы на жилье полностью, часть должна оплачиваться пользователем из собственных средств.

Американская модель жилищной ипотеки. Система финансирования жилья в США – это сложная сеть общенационального масштаба, в которой действует огромное число учреждений, включая ипотечные банки, сберегательные и кредитные ассоциации, коммерческие и сберегательные банки, страховые компании, пенсионные фонды. Еще во времена Ф. Рузвельта начала складываться разветвленная система ипотечного кредитования жилищного строительства и приобретения жилья в собственность.

Принцип американской модели ипотеки состоит в том, что человек с определенным уровнем ежегодного дохода сразу приобретает готовое жилье, оплачивая при этом, как правило, лишь незначительную часть его стоимости наличными, а остальное – заемными деньгами специализированного ипотечного банка, которые выдаются под залог либо приобретаемой недвижимости, либо недвижимости, уже находящейся во владении заемщика. Возврат этого кредита, в зависимости от ежегодного дохода заемщика и избранного типа ипотеки, осуществляется обычно в течение 15–30 лет. При этом фактические затраты с учетом кредитной нагрузки включают: единовременный начальный вклад (25–30% цены жилья); ипотечный кредит (70–75% цены жилья); проценты за кредит (7–9% годовых).

Создание в 1934 г. Федеральной жилищной администрации стало первым важнейшим шагом на пути формирования институциональных основ современной системы ипотечного кредитования в США. Главными направлениями ее деятельности являлись: создание системы взаимного страхования ипотечных кредитов и разработка стандартов ипотечного жилищного кредитования. Фактически Федеральная жилищная администрация стала первой страховой компанией, учрежденной государством, страхующей кредитные риски по ипотечным жилищным кредитам. Основной задачей она ставила содействие малообеспеченным семьям в улучшении жилищных условий. Параллельно решались вопросы улучшения жилищных стандартов, а также создание системы взаимного страхования ипотечных кредитов.

Основные программы страхования ипотечных кредитов были разработаны для облегчения приобретения, строительства или реконструкции жилья определенными категориями граждан, которые не в состоянии выполнить требования внесения первоначального платежа по обычным кредитам. Федеральная жилищная администрация в первую очередь оказывала содействие тем, кто впервые покупал жилье, покупателям жилья из числа национальных меньшинств, а также покупателям с низкими доходами. Страхование по большей части таких кредитов осуществлялось дочерним Фондом взаимного страхования ипотечных кредитов.

Ставка процента по кредитам, страхуемым Федеральной жилищной администрацией, находилась на уровне рыночных ставок, в то время как требования первоначального взноса были ниже, чем по обычным кредитам. Размер

кредита не мог превышать установленный уровень. Если заемщики нарушали сроки выплат по своим кредитам, банк, выдавший им ипотечный кредит, подавал заявку в Департамент жилья и городского развития на страховое возмещение невыплаченной части кредита. Департамент выплачивал требуемую сумму и становился при этом собственником имущества. Штат работников отдела по распоряжению имуществом Департамента жилья и городского развития совместно с подрядчиками предпринимал необходимые меры для сохранения этого имущества и его продажи на рынке.

Фанни Мэй и Фредди Мак были созданы в 1938 и 1970 гг. как государственные корпорации в рамках правительственной Программы по поддержке ипотечных заемщиков, на их долю приходилась примерно половина американского рынка ипотеки. Затем они существовали как полуприватизированные – вплоть до полной приватизации в 1996 г.

Главной целью Фанни Мэй была покупка и продажа закладных, застрахованных в Федеральной жилищной администрации США. Государственные гарантии обеспечивали выпуск ипотечных ценных бумаг более 30 лет, вплоть до 1970 г., когда Фанни Мэй было разрешено выпускать ипотечные облигации на основе кредитов, не обеспеченных государственными гарантиями. Но на этом государственная поддержка не закончилась, а приобрела иную форму. Федеральное законодательство США разрешило использовать бюджетные средства на приобретение этих ценных бумаг, тем самым приравняв их к государственным обязательствам. Комитет по открытому рынку Федеральной резервной системы был уполномочен покупать и продавать их при проведении денежно-кредитной политики.

Хотя формально правительственные субсидии прекратились в 1996 г., повсеместное вмешательство государства производило впечатление, что оно обеспечивает выпускаемые закладные. Именно этот фактор объясняет предоставление кредитов заемщикам с плохой кредитной историей и то поведение инвесторов на вторичном рынке, которое создало жилищный финансовый «пузырь». После развертывания кризиса 2008 г. директор Федеральной жилищной администрации объявил об их временной национализации и о решении поместить корпорации «под опеку» специально созданного Федерального агентства жилищного финансирования.

Таким образом, после депрессии 1930-х годов рыночная экономика стала активно заимствовать институты раздатка, приспособляя их к рыночной среде. В итоге к 1960-м годам была разработана модель, которая опиралась на интеграцию рыночных и раздаточных механизмов в форме масштабных социальных программ, общественных секторов, бюджетной поддержки низко-рентабельных отраслей, государственных инвестиций в инфраструктуру и инновационные технологии. Фактически была впервые сформирована модель контрактного раздатка.

Глава 5

РЕАЛЬНЫЙ ПУТЬ РОССИИ: ИНСТИТУТЫ, ЦИКЛЫ, МЕХАНИЗМЫ

Российская цивилизация находится между Западом и Востоком, как в географическом смысле, так и в общественном. Ее формы государственного устройства и хозяйственной деятельности отличны и от чисто западных и от чисто восточных аналогов, в то же время в российской жизни присутствует синтез, как бы диалог двух культур «запад – восток». Именно это породило бесчисленную литературу и бесконечные дискуссии о природе российской цивилизации и о траектории ее социального движения – вдогонку Западу или по своему особому пути. «Самобытничество, как известно, настаивает на теме принципиальной цивилизационной особенности России... Западническое мышление подчеркивает «недоразвитость» (с элементами патологии) России на пути поступательного развития некоей универсальной цивилизации» [Кара-Мурза, 1995, с.165].

Институциональный подход позволяет отнести к прошлому хозяйственного развития не как к предмету исторической науки, а как к жизненно-му циклу хозяйственной системы. Хозяйственная система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории с IX по XX век, а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики. Под хозяйственной системой понимается система отношений, определяемая институциональным ядром, в рамках которых общество производит средства к своему существованию. Институциональное ядро – совокупность институтов, обеспечивающих всю полноту правил и ограничительных рамок, в которых протекает хозяйственная жизнь общества и в которых общество осуществляет свою жизнедеятельность.

Для выявления сути экономических отношений в России используется новый категориальный аппарат, опирающийся на термины российского экономического быта. Этот прием уже применялся при построении рыночной теории: «Попытки теоретизирования с помощью обыденных понятий рынка являются началами всех экономических теорий, и эта сила обыденных понятий не является сама по себе недостатком а, напротив, представляет собой недостаточно высоко оцененное преимущество для научного мышления, непосредственно получающего доступ к непостижимо богатым источникам жизненного опыта... Язык жизни оказывает высшую услугу научному мышлению, показывая пути, по которым можно проникнуть в скрытое ядро жизненного опыта» [Австрийская школа..., 1992, с. 442].

Такое построение понятий крайне важно для выявления сути экономической системы, существующей в России. Обычные методы введения новых понятий из другой экономической среды приводят к расхождению заимство-

ванных названий и реального содержания. «Русская действительность, обозначаемая заимствованным термином, не укладывается в него, не узнает себя в нем. Эти слова становятся знаками другой жизни; в то же время происходит как бы подмена сути» [Ушаков, 1995, с. 395].

Определение понятия «раздаточная экономика»

Раздаточная экономика рассматривается как институциональная структура, формирующая законы и «правила игры» для хозяйственной практики, а также как определенный тип поведения, отношений и связей. Под раздаточной экономикой понимается экономическая система, которая обладает следующими признаками:

- Собственность (земля, средства производства, инфраструктура) носит *общественно-служебный характер*: отдельные ее части передаются хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами.
- В основе экономической организации лежит *служебный труд* – обязательное участие в трудовом процессе в рамках общественно-служебной собственности и/или выполнение предписанных государством функций и обязанностей.
- Обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей в рамках общественно-служебной собственности осуществляется через *институт раздач*, который определяет: что, когда, кому и где следует получать. Через институт раздач осуществляется как обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей, так и компенсация приложенных усилий и качества труда. При этом раздаются не только сами объекты, но и определяются правила владения и использования этих объектов.
- Выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через *институт сдач* – механизм нерыночной мобилизации ресурсов в виде продуктов, денег, услуг, труда или служебной деятельности (государственной или военной). *Институт сдач* – обязательное дополнение института раздач и при каждой раздаче обязательно предусматривается сдача продуктами, деньгами, трудом или службой (государственной или военной).
- Хозяйственная политика и производственные решения принимаются и корректируются на основании сигналов обратной связи через *институт административных жалоб*, в основе которого лежит право на жалобу всех граждан и хозяйствующих субъектов. Жалобы показывают, условно говоря, температуру хозяйственного организма и в этом смысле являются критерием успешности функционирования раздаточной экономики.
- *Механизм координации сдаточно-раздаточных потоков* является элементом системы саморегуляции раздаточной экономики, что определя-

ет социально-экономическую и научно-техническую политику общества. Это подразумевает, что любой раздаче соответствует сдача, поскольку раздача и сдача – две стороны одного экономического отношения; каждый субъект в раздаточной экономике стремится к максимизации своей доли, как разнице между полученными раздачами и произведенными сдачами.

Если базовые институты – это «правила игры», то хозяйственный механизм – это «двигатель», с помощью которого обеспечивается экономическое воспроизводство. Хозяйственный механизм раздаточной экономики состоит из взаимодополняющих структурных блоков, каждый из которых выполняет свою системную функцию. Набор этих структурных блоков строго определен, и только вместе они обеспечивают устойчивое функционирование экономики. При неизменности структуры хозяйственного механизма каждый этап эволюции сопровождался совершенствованием форм его структурных блоков. Неизменен лишь тип институционального ядра, который задает характер этих структурных блоков. Хозяйственный механизм, оформленный законодательными нормами, кодексами, регламентами и правовыми актами, является основой институциональной матрицы.

Базовые институты раздаточной экономики

Россия сохраняет раздаточное институциональное ядро на протяжении всей истории существования: базовыми институтами являются общественно-служебная собственность, раздачи и сдачи, административные жалобы, а компенсаторными – институты рыночной торговли и частного предпринимательства.

Общественно-служебная собственность. Собственность (земля, средства производства, инфраструктура) носит общественно-служебный характер, т.е. отдельные ее части передаются хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами. Общественно-служебную собственность отличают два признака: права по ее владению и распоряжению распределены между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полном объеме никому, а доступ к ее использованию осуществляется в форме службы (табл. 5.1). Институт общественно-служебной собственности выполняет функцию сбережения и обслуживания уже накопленного национального богатства, а также задает правила функционирования всех хозяйствующих субъектов. В его рамках осуществляется координация сдаточно-раздаточных потоков.

Исторические формы института общественно-служебной собственности характеризуются субъектами раздач материальных и нематериальных объектов, а также объемом прав по их использованию; основным типом хозяйственной организации; моделью управления; механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков.

Таблица 5.1

Базовый институт общественно-служебной собственности

Исторический период	Формы общественно-служебной собственности
IX–XII вв.	Княжеская форма Община, посад, слобода Урочный хозяйственный механизм
XV–XIX вв.	Царская форма Поместья под условие службы, без права купли-продажи, наследования и дарения Вотчины с правом наследования и продажи только с разрешения органов управления Фабрики на посессионном праве Тягловый хозяйственный механизм
1917–1991 гг.	Государственная форма Государственное управление колхозами и совхозами, предприятиями, организациями и учреждениями, жилым фондом, земельными и природными ресурсами Плановый хозяйственный механизм

Самым эффективным способом прокормления в России было получение земли. Князья с XI века стали активно использовать этот стимул для привлечения на службу. С XIV века связь между землей и службой становится неразрывной, постепенно правило *«кто служит, тот владеет землей»* приобрело и обратную сторону – *«кто владеет землей, тот служит»*. Этот принцип заставлял российских государей расширять границы государства для все новых земельных пожалований. Российская земля в этот период стала и условием, и целью службы, полностью приобретая характер служебной. В XX веке, когда уже вся территория государства носила общественно-служебный характер, ее обустройство вызвало к жизни «коммунальные» технологии в масштабных формах.

Служебный труд. Общественно-служебная собственность вызывает необходимость особых трудовых отношений. Была создана служебная организация труда, а сам труд – производительный, управленческий, ратный – приобрел характер служебного. Служебный труд предполагает участие в трудовом процессе на объектах общественно-служебной собственности и/или выполнение определенных функций в интересах всего общества. Служебный труд носит обязательный характер, обусловленный внешними по отношению к каждому субъекту условиями, и означает выполнение им определенных, предписанных обществом функций и обязанностей.

Государство закрепляло за всеми слоями населения определенные обязательства. Схематично эти обязанности делились на два основных вида. Одни должны были служить по хозяйственным и военным делам, другие – кормить тех, кто служит. На протяжении всей истории служебная структура рос-

сийского общества поддерживала это разделение обязанностей. В советский период «государевы служилые люди» сменились государственными служащими, а «податное население» российской империи стало называться рабочими и крестьянами (рис. 5.1).

Служебный труд подразумевает отдачу своего труда в разных формах в том объеме, в каком требуется, но и предполагает, что для осуществления службы раздаются необходимые материальные условия. Одновременно в служебном труде содержится идея служения, каждый раз наполнявшаяся новым смыслом и содержанием (царю, отечеству, народу, идеям социализма).

Служебный труд вызвал к жизни формы его организации в виде ведомств. Это изобретение относится еще к удельному периоду российской истории, когда при дворце великого князя сформировалась целая система административных служб, управители которых назывались в актах удельного времени «бояре введенные». Российские ведомства прошли сложный путь эволюции от «наказов» и «путей» княжеского периода через «приказы» Ивана Грозного и «коллегии» Петра I к министерствам Российской империи и Советского государства.

Логика спонтанного появления новых ведомств наглядно демонстрирует, как расширялись хозяйственные службы вслед за изменением границ Российского государства и расширением его внешних и внутренних задач. Ведомства позволяли структурировать сложную экономическую реальность и «переводить» ее в управляемые хозяйственные структуры.

Ведомственная организация потребовала определенного порядка по координации служебных функций внутри ведомств и породила иерархию служебных чинов. Каждому уровню иерархии предписывался определенный набор обязанностей и присваивался соответствующий чин. Впрочем, чины появились задолго до возникновения первых ведомств: уже в княжеской дружине каждый знал свое место. На определенных этапах функцию чиновников выполняли разные сословия. В княжеский период это были бояре, которые руководствовались родословцем – особым списком, определяющим знатность рода и высоту чина. К XVIII веку их сменили дворяне, для которых правила занятия служебных мест определялись в «табели о рангах». В период Советского государства чиновники стали именоваться по названию их служебного реестра – «номенклатура».

Институт раздачи. Обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей в рамках общественно-служебной собственности осуществляется через институт раздачи. Объектами раздачи могут выступать все виды материальных и нематериальных объектов: земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты. Институт раздачи предопределяет также формы владения материальными объектами, поскольку раздаче подлежат не только сами объекты, но и объем прав по их распоряжению, посредством которых определяются правила владения и использования этих объектов.

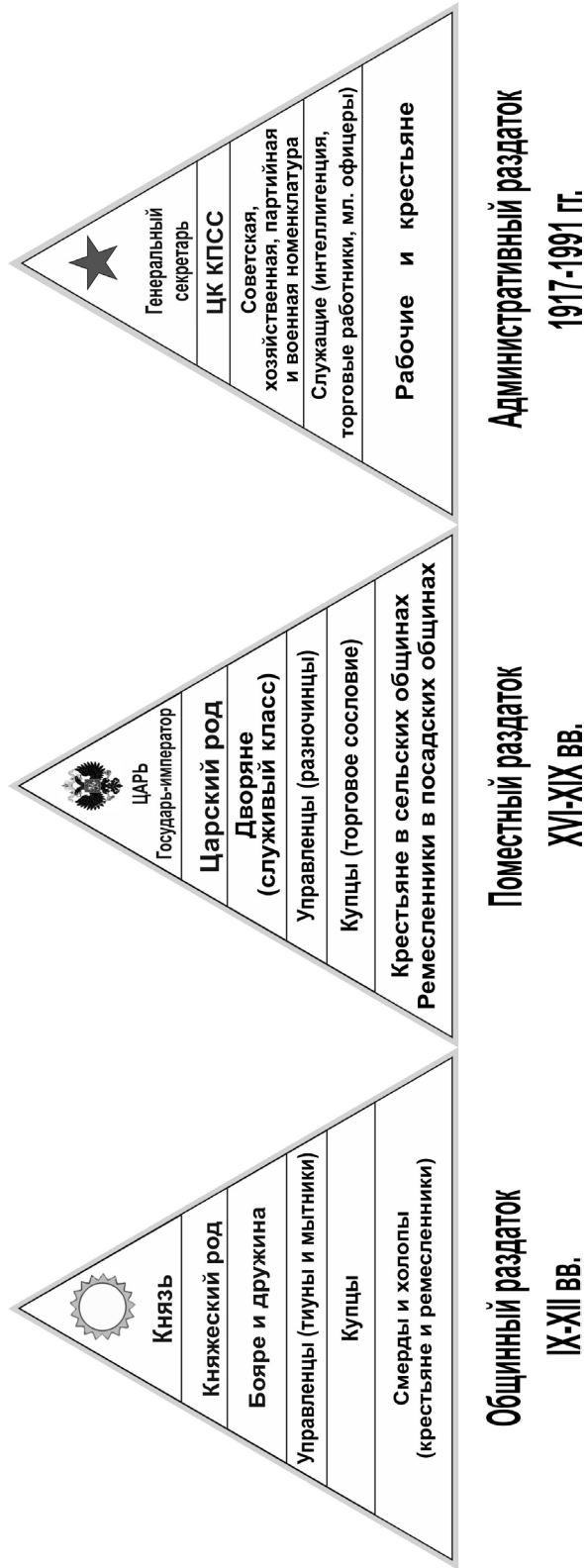

Рис. 5.1. Эволюция социально-служебной структуры

Тот объект, который включен в институт раздач, становится раздатком, т.е. перестает существовать вне контекста отношений раздаточной системы, и начинает олицетворять собой всю ее институциональную среду. Раздаток является клеткой социально-экономического организма раздаточной системы, подобно тому, как товар является слепком товарно-денежных отношений и рыночной системы.

Элементами института раздач являются:

- *объекты раздач* – материальные и нематериальные блага для жизнеобеспечения населения, подлежащие раздачам;
- *источник раздач* – либо постоянно пополняющиеся фонды, где концентрируются материальные богатства или ресурсы, либо механизм создания общественного богатства с целью последующих раздач;
- *законодательная основа раздач* – юридические нормы, на основе которых определяются объекты раздач и осуществляется процесс раздач;
- *органы управления* соответствующим видом раздач – примеры из разных эпох: поместный приказ, дворцовый приказ, отделы по распределению жилья, Госснаб;
- *принципы раздач* – утвержденная система нормативов, на основе которых раздаются материальные и нематериальные объекты (капвложения, жилье, заработная плата) учитывающие квалификацию, специфику трудовой занятости, стаж;
- *юридические документы на розданное благо* – например, жалованная грамота, послушная грамота, ордер на квартиру;
- *правила владения розданными благами*, включающие возможность или невозможность наследования, купли–продажи, дарения и мены;
- *условия использования розданных благ* – исключительно по целевому назначению и с точки зрения эффективности всей системы;
- *право возврата розданного блага* – варианты: конфискация, возврат за долги казне, возвращение выморочных земель по причине утраты владельца, национализация.

На протяжении всего существования хозяйственной системы России институт раздач эволюционировал вместе со всеми структурами раздаточной экономики, при этом совершенствовалась законодательная база, менялись объекты и формы раздач, усложнялись правила и принципы раздач.

Имущество российских граждан образовывалось в результате «пожалования», «дарствования», «государского данья», «раздач». Во всех этих словах в явном или неявном виде содержится глагол «дать». Глава рода на Руси являлся, по выражению С. Соловьева, «раздавателем пищи и одежды», а глава российского государства, выделявший участки земли подчиненным во временное или наследственное управление, – величался государем, что напрямую означало «господин дарствующий». Все, что давалось в форме земли, продуктов и денег, называлось «жалование», «дача», «надел». Современный

язык сохранил и демонстрирует сущность «дач», которыми сейчас называются выделенные за городом участки земли. Раньше наряду с земельными дачами были «хлебные дачи», «натуральные дачи» и «денежные дачи». Главная расходная статья государственной росписи XVIII века – «окладные дачи» – перекочевала в современную финансовую систему под названием «окладов».

Правила и нормы раздач вырабатывались на протяжении всей истории формирования экономической системы. В начальный период раздачи проявлялись в форме жалования дружине, получавшей от князя пищу, одежду, коней и оружие. Земля в этот период не раздавалась, поскольку дружине невыгодно было брать ее без населения, гораздо выгоднее было оставаться при князе и получать от него содержание непосредственно. В удельный период земля становится главным объектом раздач, когда выработался принцип, по которому, выражаясь языком летописи, «владения волостями условливалось ступенью на родовой лестнице», что означает передаваемое от отца к сыну владение, полученное ранее отцом в соответствии с его служебным рангом. Отсюда произошло исторически первое название землевладения – «вотчина», от слов «отчич»¹ и «чин» (служебный ранг).

Со второй половины XV века вырабатывались правила раздач земли для поместного землевладения. В. Ключевский записал эти правила следующей формулой: «оклад – по чину, дача – по вотчине, придача и к окладу, и к даче – по количеству и качеству службы». Из этой формулы видно, что в раздаточной экономике вырабатывались сложные принципы для обеспечения внутренней балансировки. С целью стимулирования «придача» зависела от продолжительности и исправности службы, а для ограничения дифференциации размер земельной дачи был обратно пропорционален вотчинам. К концу XVIII века, когда продвижение по службе осуществлялось уже не за заслуги, а за выслугу лет, формула раздач земельного поместья свелась к раздаче по чину (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Базовый институт раздач

Исторический период	Формы раздач
IX–XII вв.	Дружина как милостники князя, придачок, система дарений, пиры, выдачи ресурсов из казны для выполнения уроков
XV–XIX вв.	Раздача поместья, пожалования, наделы, дачи, оклады
1917–1991 гг.	Капитальные вложения, фондируемые поставки (централизованное распределение ресурсов по отраслям и территориям), раздача жилья по очереди, отвод земли под строительство, наделение участками под дачи, бесплатное образование и здравоохранение.

¹ Отчич – сын и родовой наследник отца своего (Словарь Даля, Т.2).

В советский период была выработана сложная нормативная база натуральных раздач и тарифная сетка денежных должностных окладов. Несмотря на внешне уравнивающие правила распределения, итоги функционирования советской экономики выявили основной стандарт раздач этого периода: в соответствии с должностным положением. Выработанное на ранних этапах правило раздач – «каждому по чину» – не потеряло универсального характера и являлось неотъемлемым принципом раздаточной экономики.

Институт сдач. Выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через институт сдач – обязательное дополнение института раздач, поскольку невозможно раздать какие-либо блага, предварительно их не аккумулировав. Если под раздачей понимается процесс передачи материальных благ, ресурсов или услуг из единой собственности во владение различных субъектов хозяйственной жизни, то под сдачей понимается обратная передача вновь созданных или других имеющихся материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов и частных лиц в распоряжение всего общества.

Институт сдач представляет собой механизм сбора материальных благ и ресурсов с целью их последующего распределения через институт раздач. Раздаток – это объект, который не только подлежит раздаче, но с которого должна производиться сдача продуктами, деньгами, трудом или службой (государственной или военной). Сформировались следующие виды сдач: натуральные и денежные сборы, выполнение «повинностей», государственная служба по управлению хозяйством, военная служба.

Основу института сдач составляет служебная организация труда. Это такая организация хозяйственной жизни, когда любая общественная деятельность – производственная, управленческая, военная – приобретает характер служебного труда. Выполнение этих служебных обязанностей регулируется институтом сдач, который имеет следующие элементы:

- *объекты сдач* – это те блага, услуги, ресурсы, которые подлежат сдаче, а также те функции, которые подлежат обязательному выполнению;
- *законодательная основа* – юридические нормы и правила, регулирующие деятельность по сбору материальных и нематериальных благ, а также служебную организацию труда;
- *органы управления*, организующие сдаточный процесс и служебный труд;
- *правила сдач* – установленная нормативная система способов взимания продуктов, услуг и труда, на основе которых производится сбор материальных и нематериальных благ.

Для уяснения природы и сущности сдач покажем отличия их от налогов, существующих в рыночных экономиках:

Налоги в государствах с рыночной экономикой – элемент финансовой системы, существующие исключительно в денежной форме; сдачи – элемент

институциональной структуры раздаточной экономики и могут иметь как денежную, так и натуральную форму в виде продукции, услуг, живого труда.

Налогом обладается имущество и доходы, сдачами – трудоспособное население с выделенными ему ресурсами. Если в первом случае обложению подлежат результаты деятельности, то во втором – производственные мощности. При этом для того чтобы платить налог, надо получить доходы и иметь имущество, если их нет – налог не взимается. В случае со сдачами ситуация обратная – необходимо обязательно их осуществлять по заранее установленному нормативу, и для этого необходимо выполнить обязательную работу.

Функция налогов заключается в перераспределении доходов: налоги собираются с доходных групп населения и затем в виде социальной поддержки передаются бедным. Функция сдач заключается в формировании соответствующих ресурсов для их последующей раздачи, при этом каждый гражданин или хозяйствующий субъект сдает что-либо ему предписанное и одновременно получает то, что ему положено.

Одновременно с выработкой правил раздач формировались способы пополнения доходов казны, сначала княжеской, затем государственной, впоследствии государственной. В России казна формировалась в основном за счет дани, подати, оброков. С приходом князей славянские племена сдавали им мед, меха и воск, а также выполняли разнообразные повинности. Сдаточные отношения в этот период приобрели форму дани и имели разнообразные формы в виде «урока», «полюдья» или «повоза». Старинное слово «данье», означающее вклад, принос, дар, выявляет сущность отношений сдачи. По смыслу – это добровольная или принудительная передача продуктов или труда. Это выразилось в категории «дань», которую русская финансовая система сохраняла вплоть до XVIII века (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Базовый институт сдач

Исторический период	Формы сдач
IX–XII вв.	Уроки, дань Обязательная служба дружинников и бояр Обязательная воинская повинность – даточные люди Повинности (повоз, мостовщина, городовое дело и др.)
XV–XIX вв.	Тягло, подати, повинности Обязательная служба дворян до 1762 г. Оброк, барщина – помещику Корма – сборы областным правителям Рекрутская повинность
1917 – 1991 гг.	Поставка продукции по плановым заданиям Обязательный труд Воинская обязанность

В XII веке возникла еще одна форма сдачи продукции в виде «кормов». Областные управители того периода собирали мясо, печеный хлеб, сено, для чего в определенное время объезжали свои округа. Доля собранного шла в казну в пользу князя и центральных правителей. В период реформы местного управления Ивана Грозного кормления сначала были нормированы, а затем и вовсе заменены государственным оброком вплоть до конца XIX века. И дань, и оброк определяются в словарях через «подать» как наиболее распространенное и обобщенное название сдач. Производительное население Российской империи так и называлось «податным».

В отличие от двух первых наименований, в термине «подать» заложен принцип сдач в ответ на раздачу. Дело в том, что на разных этапах финансовых реформ шел поиск адекватной меры сдачи части произведенного продукта, о чем свидетельствуют периодические изменения податной единицы обложения. Главные принципы, которыми руководствовались реформаторы, состояли в поголовном обложении всего населения пропорционально возможностям каждого. Эти возможности, как правило, определялись величиной земельного надела и количеством трудоспособных членов семьи. Для обеспечения соответствия система выработала механизм передела через крестьянские общины. В. Ключевский в общине видел исключительно финансовый механизм, поскольку земля в общине распределялась соразмерно с рабочей и податными возможностями крестьян. Земля делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого, и делилась принудительно. Таким образом, каждый должен был отдавать часть произведенной продукции в соответствии с выданными условиями производства (землей), т.е. «по-дати», по тому, что дано.

В советское время аналогичные отношения передачи произведенного продукта для последующей раздачи также выражались термином «сдача» (сдача урожая, сдача объекта, сдача жилого дома). Плановая раздаточная экономика также неукоснительно следила за тем, чтобы произведенная, а затем сданная государству продукция была пропорциональна тем ресурсам (основным и оборотным фондам), которыми располагала первичная экономическая организация. Тем самым соблюдался принцип сдач «по-дати», что объясняется внутренней логикой раздаточных отношений.

Институт административных жалоб. Сигналы обратной связи, отражающие реакцию всех участников раздаточной экономики на возникающие проблемы, передаются через институт административных жалоб. Институт жалоб является проводником сигналов снизу-вверх для всей хозяйственной системы в целом. Любая жалоба включает три компонента: неудовлетворенность ситуацией, обоснование этой неудовлетворенности и просьбу по исправлению ситуации. Совокупность жалоб в определенный период дает полную картину наиболее проблемных участков хозяйства.

Элементами института административных жалоб являются:

- *законодательная основа* – совокупность всех юридических норм, определяющих порядок работы с жалобами;

- *управленческие органы*, ведущие прием жалоб и принимающие по ним соответствующие решения;
- *предметы обжалования* – это то, на что разрешено подать жалобу;
- *форма жалобы* – установленный бланк для подачи жалобы;
- *способы подачи жалобы* – правила приема и порядок прохождения жалоб;
- *сроки рассмотрения жалоб* – определенный временной интервал рассмотрения жалоб до окончательного ответа;
- *механизм приема решений по жалобам*.

От цикла к циклу совершенствовалась законодательная основа института административных жалоб, усложнялся и рационализировался порядок их прохождения, что привело к возникновению иерархического характера жалобы как проекции административной системы управления, по каналам которой осуществляет свой путь административная жалоба. Следствием этого стало включение механизма жалоб во все структурные единицы раздаточной экономики с целью коррекции принимаемых решений (табл. 5.4).

Таблица 5.4

Базовый институт административных жалоб

Исторический период	Формы административных жалоб
IX–XII вв.	Прием жалоб во время полюдья, в дальнейшем – ежедневный прием в столице
XV–XIX вв.	Челобитные письменные и устные (на Земских соборах) Челобитные индивидуальные и коллективные
1917–1991 гг.	Административная жалоба-обращение, проходящая по всем уровням иерархии, в форме индивидуальной или коллективной, устной или письменной

Еще во времена полюдья (IX–X вв.) русские князья отправлялись с дружиной к подчиненным племенам, чтобы, по выражению историка С. Соловьева, «исполнять свои обязанности относительно народонаселения». По жалобам своих подданных князь «вершил суд и расправу», изменял величину дани. Первоначально князь рассматривал жалобы во время регулярных поездок по сбору дани. Постепенно разбирательство жалоб превратилось в повседневное занятие князя. Личный суд князя по хозяйственным и уголовным делам играл важную роль. В период существования кормленщиков (XII–XIV вв.) выработался порядок должностной ответственности по жалобам. История сохранила факты, когда по окончании срока очередного кормленщика обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли жаловаться на его действия, если находили их неправильными. В результате многие наместники, проигрывая такие тяжбы, ли-

шались не только нажитых на кормлении доходов, но и старых своих наследных имуществ, платя убытки истцов и судебные пени.

На земских соборах XVII века жалобы выражались в форме докладов представителей челобитчиков «о всяких нуждах своей братии». При Петре I было создано специальное ведомство по приему челобитных и жалоб – рекетмейстерство. Право жаловаться давалось или отбиралось наряду с имущественными пожалованиями. Так, при Екатерине II право крепостного крестьянина жаловаться на помещика было отменено специальным указом 1767 г. В советский период жалобы также являлись сигнальным каналом обратной связи. Например, в 1960-е годы на фоне относительных успехов в производстве жилищная сфера сильно отставала в развитии, потому шел нескончаемый поток жалоб, вызвавший жилищную реформу.

Раздаточная экономика XX века довела до совершенства механизмы прохождения административных жалоб и принятия решений по ним. Каждый человек и каждый хозяйственник имели право жаловаться, но не каждая жалоба являлась руководством к действию. Необходима была критическая масса жалоб на каждом уровне, чтобы они перешли на следующий. Чем выше положение жалующегося, тем больший вес имела жалоба, поскольку, чем выше уровень управления, тем для большего числа хозяйственных ячеек необходима была координация потоков сдач и раздач. В результате жалоба приобретала соответствующий вес, от которого зависели очередность и объем выделения ресурсов. Поскольку раздачи осуществлялись через систему нормативов и жалобы демонстрировали отклонения от принятых норм, количество жалоб выступало индикатором сбалансированности системы в целом и каждого ее уровня.

Если решение проблем, поставленных в административных жалобах, своевременно происходит на тех уровнях, куда они были направлены, экономика находится в состоянии устойчивого функционирования. Если же уровень жалоб превышает нормальный, то они накапливаются на уровне предприятий, отраслей, территорий, а затем «выплескиваются» в средства массовой информации или направляются прямо в центральные государственные и партийные органы. Когда такие жалобы приобретают массовый характер, они свидетельствуют о кризисе раздаточной экономики. Тогда осуществляются масштабные социально-экономические реформы с целью решения накопившихся проблем.

Финансовые институты раздатки. Каждый субъект в раздаточной экономике стремится к максимизации своей доли как разнице между полученными раздачами и произведенными сдачами, а на уровне общества существует стремление к балансированию потоков сдач-раздач. Для реализации этого механизма служат: соответствующая система управления и финансовые институты раздаточной системы. Денежное обращение, ценообразование и государственный бюджет предназначены для обслуживания сдаточно-раздаточных потоков и, в конечном счете, для обеспечения эквивалентности между тем, что сдается, и тем, что раздается.

Первоначально правила сбора дани определялись княжескими уставами. Затем, координация потоков сборов и выдач происходила на двух уровнях: государственном с помощью государственной росписи и локальном – посредством «книг сборов и выдач», имеющих у каждого помещика и монастыря. И, наконец, план стал единой государственной «книгой» сдач-раздач, а вся разветвленная плановая деятельность оказалась необходимым элементом производственных раздаточных отношений в условиях всеобщего разделения труда.

Финансовые институты раздаточной экономики предназначены для денежного обслуживания сдаточно-раздаточных потоков и, в конечном счете, для обеспечения эквивалентности между тем, что сдается, и тем, что раздается, на уровне отдельного индивида, социальных групп, регионов и всего государства в целом. К финансовым институтам относятся денежное обращение, ценообразование, государственный бюджет.

Цены в раздаточной экономике имеют иную природу, чем в рыночной среде: они – продукт отношений сдач-раздач. В процессе исторического развития сформировались два основных принципа ценообразования:

- на все, что сдается или раздается, цена устанавливается административно на государственном уровне, при этом формируются отдельно сдаточные («закупочные», «приемные») цены и отдельно раздаточные («отдаточные») цены;
- на все, что разрешено к продаже, цена формируется в результате сделки только в том случае, если не ущемляются интересы каких-либо групп населения, в противном случае государство вмешивается в процесс купли-продажи и устанавливает определенный тариф, либо запрещает продажу. Это вмешательство может носить и эпизодический, и постоянный характер.

Посредством государственного бюджета осуществляется балансировка всех установленных сдач и всех необходимых раздач в денежном выражении на определенный период. Бюджетная деятельность на государственном уровне или составление росписей доходов и расходов началась примерно в XVII веке. Равенство совокупных доходов и расходов при небольшом уровне административных жалоб означало нормальное функционирование раздаточного хозяйства, в то время как дефицит государственного бюджета служил индикатором неблагоприятного положения экономики. Кризис раздаточной экономики, в частности, выражается в хроническом бюджетном дефиците.

Главное направление в развитии бюджетной деятельности состояло в координации сдаточных потоков со всеми предстоящими раздачами. Механизм, посредством которого осуществлялась эта координация, состоял в том, что каждая статья расхода соотносилась со специальным источником дохода. Вместе с тем существовала другая позиция по устройству бюджета, которая позже была реализована в качестве принципа «общего котла».

В основном потоки сдач и раздач были натуральными. Однако с увеличением размеров страны для отдаленных районов натуральные сдачи заменялись денежными. Тем не менее, XV–XIX века характеризовались преимущественно натуральными отношениями, но в XX веке раздаточная экономика приобрела денежно-натуральный характер, поскольку к денежным окладам присоединялись натуральные раздачи. Их объем зачастую превышал денежную часть всех выдач. Таким образом, в ходе эволюции раздаточной экономики, деньги как удобный инструмент, стали заменять натуральные потоки, при этом цены стали выступать в качестве инструмента балансировки отношений сдач-раздач.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства выполняет в раздаточной экономике следующие функции:

- *освоение* тех сфер экономики, в которых государство не может или не хочет заниматься управлением и регулированием;
- *дополнение* к тем сферам раздатка, в которых расширение действия раздаточных механизмов и государственного контроля сопряжено с огромными издержками;
- *выполнение задач* общественного воспроизводства в тех случаях, когда раздаточные институты находятся в кризисе;
- *апробирование* новых подходов, методов, технологий и их внедрение в экономическую практику.

Рынки – институт, управляемый конкуренцией на основе механизма спроса и предложения, основной целью которого является получение денежных прибылей. В то же время существуют рынки в рамках нерыночных систем, являющиеся искусственной конструкцией с ограниченным доступом, а в делах снабжения, валютного курса и контроля за ценами зависящие от санкций государства. «Поэтому, хотя рыночные институты являются, соответственно, институтами обмена, рынок и товарообмен – не одно и то же, ...простое присутствие рыночных элементов или даже рынка без свободного ценообразования не создает экономики, основанной на товарообменной парадигме» [Поланьи, 2002, с. 52].

Роль рынка в раздатке лучше всего показывает диалог российских историков. Дать, шедшая киевскому князю и дружине – указывал В. Ключевский – питала внешнюю торговлю Руси. Значило ли это – спрашивал Г. Плеханов – что торговля была главной пружиной хозяйственной деятельности русского народа? Нет – отвечал И. Кулишер – это значит лишь то, что торговля доставляла средства существования для князя и его дружины. Торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы самостоятельных горожан. Масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала продукты охоты и пчеловодства. Русские князья являлись посредниками с иноземными торговыми караванами [Кулишер, 2004. с. 167, 177, 179, 188].

В XV–XIX вв. запрещалось торговать товарами, которые государство продавало монопольно или сдавало на откуп. Механизм получения товаров для торговли был тот же самый, что и на ранних этапах – отправлялись в местности, где имелись меха, мед, воск и там их забирали по той цене, которая казной же назначалась. Затем эти товары перепродавались по более высокой цене, как своим, так и иностранным купцам. Орудием царя при этих коммерческих операциях являлись «гости» – привилегированная группа среди купцов, члены которой имели личные жалованные грамоты, доставляющие им различные преимущества, но главное – право повсеместной первой купли. Гости ведали таможенными доходами, закупали для царя товары и производили от его имени и на его счет торговые операции, заключали подряды с иностранцами. Не имея возможности везде лично осуществлять свои права, они в больших городах назначали живущих там знатнейших купцов, которые пользовались привилегиями гостей. Московские купцы старались захватить в свои руки доходные статьи в провинциальных городах.

Распределение торговцев по рядам в зависимости от вида продаваемых ими товаров было установлено правительством: «купцам по роду их торговли назначены особые места, рынки и местности; в прочих местах торговать им не дозволяется». Запрещение торговать в неуказанных рядах повторяется неоднократно. При описании лавок, жалованных посадским людям, очень часто отмечается их величина. Типичной лавкой являлось помещение в 2 сажени в ширину, в 2,5 – в глубину. Были лавки меньше нормальной величины, с которых оброка по жалованной государевой грамоте не бралось. В Соборном Уложении 1649 г. устанавливалась обязанность для всех занимающихся торговлей приписываться к посадскому тяглу. Эта обязанность в «тягле быть» распространялась на пушкарей, воротников, каменных плотников и кузнецов, которые «сидят в лавках и всякими торговыми промыслами промышляют». При взимании податей в качестве единицы обложения наряду с сохой (определенным количеством земли) и кожевенным чаном, еще фигурирует «лавка».

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства включал не только торговлю, которую вели специально назначенные люди, а также куплю-продажу (мену) объектов розданной собственности при условии, если на это имелось разрешение власти. Мена земельными участками была разрешена и осуществлялась под контролем государства. Указ о единонаследии 1714 г. прекратил мену вместе с прочими формами распоряжения недвижимыми имуществами. Впоследствии, при восстановлении других способов, такое дозволение не было распространено на мену.

Купля-продажа земельных участков носила специфический характер в том смысле, что продаже подлежали земли, на которые их владельцы не имели полных прав собственности, и при покупке их новый владелец получал тот же ограниченный, а не полный объем прав. Множество лиц владели землей на праве вечного и потомственного владения, с правом

отчуждения другим на том же праве. В таком случае акт купчей принимал характер и наименование посильной грамоты или отступной; именно через подобные сделки передавались тяглые участки. При этом вотчины, которыми владели на служебном праве, могли отчуждаться только с позволения действительного собственника этих имуществ – государства («с доклада»), в противном случае сделка не признавалась.

Наиболее распространенной формой легальной частной деятельности в советский период являлись личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Их могли иметь, как колхозники и работники совхозов, так и люди, никак не связанные по роду деятельности с сельским хозяйством. Хозяйственная деятельность колхозников в рамках ЛПХ обычно не ограничивалась садово-огородными работами, но включала труд по выращиванию домашней птицы, мелкого домашнего скота и строго ограниченного поголовья крупного скота. Производство и реализация продукции ЛПХ осуществлялись через колхозные рынки.

Вторым значительным сегментом частной деятельности было жилищное строительство. Это были жилищно-строительные кооперативы (ЖСК), жилье в личной собственности граждан и собственности колхозов. Многие хозяйственные руководители пользовались услугами так называемых шабашников – организованных отрядов строителей-мигрантов. Существовала и практика частной деятельности в качестве охотников или добытчиков ценных металлов (старателей). Однако свою продукцию последние должны были сдавать только государству и по строго фиксированным ценам.

В целом, институт рыночной торговли и частного предпринимательства в раздаточной экономике занимал особое положение. Им охватывалась вся торговая и предпринимательская деятельность частных лиц и хозяйствующих субъектов вне сферы государственного регулирования и управления. Его место и роль сравнимы с положением института государственного регулирования в рыночной экономике. Оба эти института находятся в противоречивом единстве с доминирующим типом отношений, но выполняют важные функции, обеспечивая устойчивость экономической системы в целом.

Таким образом, в России за длительный исторический период укоренилась раздаточная экономика (табл. 5.5). Основным принципом ее функционирования является координация сдаточных и раздаточных потоков – натуральных и финансовых – в рамках общественно-служебной собственности. Саморегуляция обеспечивается механизмом административных жалоб, представляющих собой сигналы обратной связи. В них фиксируются отклонения количества и качества получаемых ресурсов (услуг) от установленных нормативов. Трудовые отношения регулируются законами обязательного служебного труда посредством штатных расписаний. Такое устройство институциональной среды определяет правила деятельности всех хозяйствующих субъектов.

Таблица 5.5

Формы базовых институтов экономики раздатка

Базовые институты	Исторические формы		
	Урочный раздаток IX–XII вв.	Поместный раздаток XV–XIX вв.	Административный раздаток 1917–1991 гг.
Общественно-служебная собственность	Княжеская форма Община, посад, слобода Урочный хозяйственный механизм	Царская форма Поместья под условие службы, без права купли-продажи, наследования и дарения Вотчины с правом наследования и продажи только с разрешения органов управления Фабрики на посессионном праве Тягловый хозяйственный механизм	Государственная форма Государственное управление колхозами и совхозами, предприятиями, организациями и учреждениями, жилым фондом, земельными и природными ресурсами Плановый хозяйственный механизм
Раздачи	Дружина как милостники князя, придаток, система дарений, пиры, выдачи ресурсов из казны для выполнения уроков	Раздача поместья, пожалования, надель, дачи, оклады	Капитальные вложения, фондируемые поставки (централизованное распределение ресурсов по отраслям и территориям), раздача жилья по очереди, отвод земли под строительство, наделение участками под дачи, бесплатное образование и здравоохранение
Сдачи	Уроки, дань Обязательная служба дружинников и бояр Обязательная воинская повинность – даточные люди Повинности (повоз, мостовщина, городовое дело и др.)	Тягло, подати, повинности Обязательная служба дворян до 1762 г. Оброк, барщина – помещику Корма – сборы областным правителям Рекрутская повинность	Поставка продукции по плановым заданиям Обязательный труд Воинская обязанность
Административные жалобы	Прием жалоб во время полюдя, в дальнейшем – ежедневный прием в столице	Челобитные письменные и устные индивидуальные и коллективные по ведомствам	Административная жалоба-обращение, проходящая по всем уровням иерархии, в форме индивидуальной или коллективной

Институциональные циклы развития раздаточной экономики

Российская цивилизационная матрица в своем развитии прошла три институциональных цикла, с раздаточными структурированными фазами и квазирыночными трансформациями (рис. 5.2). Принципы выделения циклов базируются на уровне развития раздаточных институтов. Деление на основные периоды (фазы: перинатальная, структурированная, фаза институционального исчерпания) и переходные (трансформационная фаза) определяется доминирующим типом отношений и характером собственности. В основные периоды преобладала общественно-служебная собственность и отношения сдач-раздач, а в переходные периоды внедрялись частная собственность и рыночные отношения.

Каждый цикл начинается с новой формы государственности и с отрицания институциональной среды переходного периода. Длительность циклов зависит от множества исторических факторов (один охватывает более двух столетий, а другой – менее века). «Циклы означают не полное повторение, а скорее новое воплощение лежащих в их основе принципов. История повторяется, но ее темы выступают во все новых вариациях, когда изменяется не только содержание, но и ритм и темп» [Штомпка, 1996, с. 199]. В частности, на втором институциональном цикле происходило расширение границ Российского государства, интеграция разных частей в единое целое, адаптация институтов к новым территориям.

Современное переосмысление экономической эволюции в России основано преимущественно на циклическом фундаменте, однако различия в критериях выделения циклов очень велики. Подчеркнем, что выделенные институциональные циклы отражают уровень развития базовых институтов раздатка. Это главное отличие теории раздаточной экономики от всех других циклических теорий, в основу которых положены экономические или социально-политические параметры.

Каждый институциональный цикл в развитии России представлял собой смену четырех фаз (табл. 5.6). Начинаясь с *перинатальной фазы*, в рамках которой принимались конституции (Судебники, Уложения, Декларации), устанавливались новые правила, внедрялись новые формы базовых институтов, а вместе с ними и новая институциональная матрица. Это были периоды выстраивания социальных отношений на весь последующий цикл развития. В *структурированной фазе* институциональное ядро принимало устойчивые формы, способные продержаться целые столетия. Они кодифицировались и упорядочивались в институциональной матрице. В *фазе исчерпания* институты раздатка устаревали и уже не обеспечивали эффективное функционирование экономической системы. Компенсаторные институты начинали активно проявляться в стихийных, нелегитимных формах. Институциональная матрица «отрывалась» от реально происходящих экономических процессов. Многочисленные реформаторские попытки

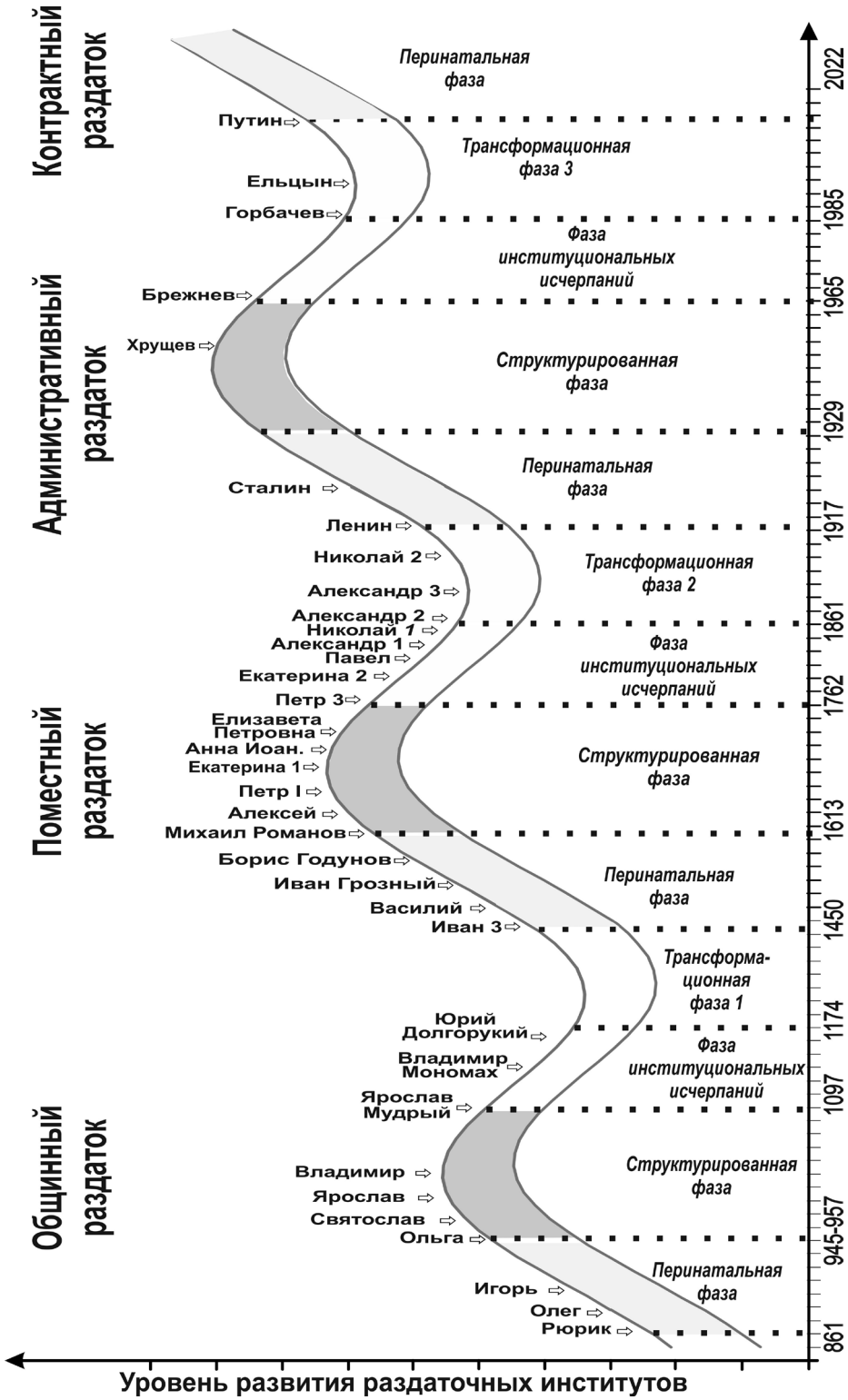

Рис. 5.2. Институциональные циклы раздаточной экономики России

приводили к осознанию полной ее непригодности для дальнейшего использования. В *фазе трансформаций* доминирующими становились компенсаторные рыночные институты, которые обеспечивали базовым институтам необходимую область свободы для инноваций.

Таблица 5.6

Характеристика фаз институциональных циклов России

Характеристики	Основной период			Переходный период
	фаза перинатальная	фаза структурированная	фаза институционального истощения	фаза трансформационная
Типовой сюжет	Создание условий для раздатка	Функционирование экономики раздатка	Кризис раздатка	Трансформация раздатка
Соотношение раздатка и рынка	Борьба нового раздатка с квазирынком	Жесткий контроль раздатка над рынком	Рыночная тень раздатка	Квазирынок – гибрид старого раздатка с рынком
Раздаток	Внедрение новых форм	Функционирование по устойчивым правилам	Дисфункции и конфликты	Поиск новых форм
Рынок	Искажение классических форм	Жесткие ограничения	Теневые и полуправовые формы	Имитация базовых институтов
Институциональные механизмы	Национализация. Коллективизация. Социальная фильтрация	Базовый хозяйственный механизм	Хозрасчет – передача части прав низовым звеньям	Приватизация, институциональные инновации

Перинатальная фаза: борьба раздатка с квазирынком. В истории России можно выделить три перинатальные фазы, с которых начинался каждый новый институциональный цикл. Состояние институционального ядра в этот период характеризуется как борьба нового раздатка с квазирынком и возвращение к доминанте исходного состояния. Базовые раздаточные институты после периода угасания начинают возрождаться в обновленных формах и требуют своего «места под солнцем». Это выражается в сворачивании компенсаторных рыночных институтов, которые в период институциональных трансформаций брали на себя роль доминирующих институтов. На поверхности цивилизационной матрицы России периодически разыгрывается историческая драма – *революция*. Это не только и не столько революция, хотя иногда революция (и не одна) становится частью процесса революции. Это, в отличие от инволюции, не шаг назад, а возобновление на новом уровне процесса эволюции, закономерного с точки зрения природы цивилизационной матрицы (табл. 5.7).

Вся перинатальная фаза протекала в борьбе и конфликтах, которые являются следствием реализации трех институциональных механизмов: национализации, коллективизации и социальной фильтрации.

Таблица 5.7

**Возобновление на новом уровне процесса эволюции,
закономерного с точки зрения природы цивилизационной матрицы**

1-й институциональный цикл: IX–XII вв.	2-й институциональный цикл: XV–XIX вв.	3-й институциональный цикл: 1917–1991 гг.
<i>Механизм национализации</i>		
Сельские общины, ремесленники и торговцы должны работать на княжеский род и дружину	Ликвидация частной собственности, конфискация частных земельных владений, лавок и амбаров, введение поместной системы	Отмена частной собственности на землю и недвижимость, отмена права наследования
<i>Механизм коллективизации</i>		
Община превращена в территориально-фискальную организацию, выполняющую поставки продукции в форме урока	Организация крестьянских общин, имеющих территориально-фискальный статус	Поэтапно: продразверстка – продналог – создание колхозов и совхозов с обязательной сдачей продукции государству
<i>Механизм социальной фильтрации</i>		
Племенные князья обязывались служить киевским князьям и платить дань, отказ означал применение репрессий	Перевод всех сословий на службу московскому государю. Опричный террор для бояр и служивых людей	Всеобщая трудовая повинность, репрессии против дворян и царской семьи, “кулаков”, идеологических противников

Механизм национализации – процесс перевода в общественно-служебную собственность имущества частных лиц. В процессе национализации происходило установление новых норм функционирования общественно-служебной собственности. Национализация подкреплялась *механизмом коллективизации*. Суть его состояла в переводе частных и индивидуальных форм в общественно-служебные формы (кооперативные, арендные, откупные) под управлением государственных органов. Третий механизм, также определяющий лицо перинатальной фазы – *механизм социальной фильтрации*, с помощью которого частные лица возвращались на службу государства независимо от их прежнего социального статуса. Для лиц, отказывавшихся

осуществить переход на государственную службу или оказывавших сопротивление, включался репрессивный механизм, являвшийся органической частью механизма социальной фильтрации.

На первом институциональном цикле княжеская власть переводила земли из собственности общин в собственность, работавшую на общественно-служебных принципах по существу и княжескую – по своей исторической форме. Это осуществлялось за счет внедрения механизмов сбора дани через погосты и введения урочного хозяйственного механизма. Одновременно формировались первичные экономические организации – общинные миры и посады, как базовые сельскохозяйственные и ремесленные единицы. Для тех местных князей и их соратников, которые отказывались переходить на службу «центральных» князей, применялся механизм социальной фильтрации с элементами репрессий в соответствующих исторических формах, а именно сжигание посевов и блокада.

Перинатальная фаза второго институционального цикла продолжалась со времени Ивана III до конца правления Ивана Грозного. Национализация проходила в три этапа: первый – введение поместного права и отмена частных вотчин, затем прикрепление крепостных крестьян через общину к поместным землям, и, наконец, национализация лавок и других торговых помещений в городах. В этот период практически вся собственность, земля и недвижимость в городах и на селе, перешла под управление ведомственных органов (приказов). Соответственно, все организационные формы – общины, поместья, посады стали функционировать как служебные, государственные. Все эти процессы сопровождалась социальной фильтрацией и репрессиями. Пики пришлись на времена Ивана III – борьба с новгородцами и «опричнины» на период Ивана IV – Грозного. В совокупности все три механизма – национализации, коллективизации и социальной фильтрации – полностью изменили институциональную среду, вернув ее к раздаточной экономике в новых формах.

На третьем институциональном цикле перинатальная фаза протекала стремительно, все механизмы работали в явном виде и предельно интенсивно с 1917 по 1922 год, а затем перешли в латентную форму в 30-е годы XX века. Сначала наиболее активно происходили процессы национализации частной собственности и первый этап социальной фильтрации в форме репрессий против царской семьи и дворянского сословия, спровоцировавшие гражданскую войну. Затем, национализация имущества нэпманов, создание колхозов и совхозов как результат включения механизма коллективизации, и, в заключение – повторная социальная фильтрация слоев, которые не смогли стать органической частью социально-служебной среды, сформировавшейся по итогам перинатальной фазы.

Структурированная фаза: контроль раздатка над рынком. Структурированная фаза – основная фаза институционального цикла, в рамках которой происходит замена механизмов перинатальной фазы базовым хозяйствен-

ным механизмом раздатка, принимающим разные формы на всех трех циклах. Каждый цикл и его форма раздатка – это адаптация к новой трудовой модели, новым технологиям и новым пространствам. Структурированная фаза имеет самую длительную протяженность, в ней постепенно накапливаются изменения, и требуется корректировка институциональных форм. Это вызывает необходимость реформ по совершенствованию элементов базового хозяйственного механизма: реформы князя Владимира на первом институциональном цикле, Петра I – на втором цикле, Н. Хрущева – на третьем цикле.

На протяжении всего исторического развития раздаточной экономики производственные ресурсы находились в общественно-служебной собственности, права на ее владение были распределены между всеми хозяйствующими субъектами, а доступ к ней осуществлялся в форме службы. Отсутствовала частная собственность, ограничивались купля-продажа, залог и наследование по завещанию. Разрешались только мена и наследование по установленному порядку, в особых случаях – продажа недвижимости с разрешения государственных органов. Работающее население «по горизонтали» было организовано в коллективные хозяйства, а «по вертикали» упорядочено по разрядам и чинам, и через обязательную систему регистрации прикреплено к месту жительства (табл. 5.8).

Наряду с военной и государственной службой существовала хозяйственная служба с оплатой по общегосударственному штатному расписанию; для выполнения служебных обязанностей работники по нормам получали через иерархическую систему условия жизнедеятельности в виде бесплатного жилья, образования и медицинского обслуживания. Хозяйственные объекты (мануфактуры, фабрики, колхозы, заводы и т.д.) в основном создавались государством и находились под контролем ведомственной системы управления по территориальному или отраслевому принципу.

Организации и предприятия для выполнения производственных заданий получали через раздачу – или безналичное фондирование по советскому образцу – все необходимые ресурсы: средства производства, сырье, материалы и комплектующие, жалование и другие оборотные средства, а также средства на строительство и содержание жилья. Исходя из потребностей, определяемых государственными органами с учетом имеющихся мощностей, устанавливались директивные задания по сдаче продукции, которые разрабатывались в количественных показателях и фиксировались в нормативах.

Единая система нормативов обеспечивала все экономические пропорции на продукцию, сдающуюся и раздающуюся, назначались централизованные цены на государственном уровне; для обеспечения потребительскими продуктами функционировали государственные магазины с фиксированными ценами; жалобы и обращения от всех служебно-социальных групп обрабатывались в органах управления, где для этого были предусмотрены специальные регламенты. В этой ситуации личные подсобные

Таблица 5.8

Этапы развития базовой модели российской экономики

Структурные блоки хозяйственного механизма	Общинный раздаток на основе урочного механизма IX–XII вв.	Поместный раздаток на основе тяглового механизма XV–XIX вв.	Административный раздаток на основе планового механизма 1917–1991 гг.
Система управления	Бояре введенные, наказы, пути, чети	Приказы, коллегии, министерства	Министерства, ведомства, комитеты
Формы организаций	Община, посад, слобода	Поместье, служебная вотчина, община, фабрики казенные, посессионные, вотчинные	Государственные предприятия и организации, колхозы, совхозы
Директивные производственные задания	Урок, дань на основе грамоты князя	Тягло, подушная подать, наряды, повинности – государственная роспись доходов и расходов	План для предприятий, организаций – Госплан
Единая система нормативов	Црен, чан, кузница, по-городье, почестье, от дыма, от орала, от сохи	Подушная, подворная, по-сошная подать, обжа, оброк	Территориально-отраслевая нормативная база
Централизованные цены	По закону «Русской Правды» в гривнах, кунах, ногатах	Указные цены	Тарифы и цены – Госкомцен
Безналичная система обеспечения	Роздань, дань, милость, дары, пиры	Наделение фабрик деньгами и ресурсами из государственной казны	Фондирование предприятий – Госснаб, финансирование – Госбанк
Оплата служебного труда	По родословцу – для бояр и князей, урочи – для работающих	Табель о рангах – для дворян, указные ставки казенного плаката – для крестьян и рабочих	Номенклатурный перечень для руководства, единая тарифная система и штатное расписание должностей – Госкомтруд
Обеспечение жильем и социальными благами состоящих на службе	Коллективное строительство жилья из выданных материалов – для общинников, раздача земли – для бояр	Наделение поместьями и служебными вотчинами, домами в городах, расселение в фабричном жилье	Раздача жилья по очереди и по нормативам, бесплатное образование, медицина
Система обязательной регистрации	Общинник не мог покинуть общину без разрешения, только для подачи жалобы князю	Крепость – прикрепление к земле, нельзя покинуть место жительства без разрешения вышестоящего начальства	Прописка по месту жительства – без прописки и жилья не брали на работу, без работы не прописывали
Сигнальная система	Жалобы князю	Иерархические жалобы, челобитные в ведомства	Административные жалобы, обращения в партийные органы, газеты

хозяйства, дачные и садовые участки, индивидуальное и кооперативное жилье, рыночная торговля на базарах выполняли функцию «подстраховки» раздаточных отношений и также находились под контролем государства. Из табл. 5.8 видно, что базовые институты – сдача-раздача, административные жалобы и общественно-служебная собственность – в конкретной практике воплощались в сложно устроенный хозяйственный механизм с органично переплетенными структурными блоками

Фаза институционального истощения: рыночная тень раздатка.

Фаза институционального истощения представляла собой логическое завершение структурированной фазы. В обществе происходило осознание неэффективности конкретной трудовой модели, и проводилась серия реформ по изменению сложившегося положения. В отличие от реформ структурированной фазы, суть которых состояла в усилении раздаточного характера институциональной матрицы, реформы фазы истощения плавно свертывали объем раздаточных институтов, и расширяли спектр действия рыночных институтов. Однако и этого было недостаточно для преодоления нарастающего кризиса, поэтому институт рыночной торговли и частного предпринимательства спонтанно расширял спектр своего действия в нелегальных теневых формах [Приложение 2].

Реформы в фазу истощения проводились по направлению усиления «хозяйственного расчета», т.е. предоставления все большей самостоятельности непосредственным субъектам хозяйствования. Эти реформы запускали бесконтрольно действующий механизм перераспределения ресурсов от непосредственных производителей к управленцам.

Этот латентный механизм действовал на протяжении всей фазы институционального истощения, он приводил к социальной поляризации и дифференциации материального положения управляемых и управляющих. Увеличение управленческого слоя и геометрический рост затрат на его содержание, с одной стороны, а также снижение реальных доходов населения при усилении кризисных тенденций в экономике – с другой, приводили к политической нестабильности и неизбежности осуществления мер по изменению соотношения базовых и компенсаторных институтов, введению частной собственности и отношений купли-продажи. Логическим завершением этой серии реформ становилось включение механизма приватизации, с помощью которого объекты общественно-служебной собственности передавались в частные руки. Механизм приватизации являлся своеобразным рубиконом между фазой истощения и фазой трансформаций.

На первом цикле фаза истощения началась с ликвидации поочередного правления князей и установления порядка закрепленности места правления за определенным князем. В период XI–XII вв. происходил

процесс дальнейшей приватизации – дробление земли на уделы до тех пор, пока древнерусское государство не распалось. На втором цикле фаза исчерпания началась с отмены обязательной службы для дворянства и с переносом зоны их ответственности на организацию труда крепостных крестьян в своих поместьях (1762 г.). В течение века вплоть до 1861 г. происходил медленный процесс «отрыва» помещичьих хозяйств от государства и крепостных крестьян от помещиков, который завершился отменой крепостного права, а по существу окончательной приватизацией. На третьем цикле фаза исчерпания началась с введения хозяйственного расчета на предприятиях в середине 1960-х гг. и продолжалась в направлении углубления этого процесса вплоть до приватизации 1990-х годов.

Трансформационные фазы: квазирынок капитализмов. Трансформационные фазы берут свое начало на фоне кризиса раздаточной экономики, когда существующая институциональная среда утрачивает свою эластичность и не соответствует изменившимся материально-технологическим условиям и потребностям населения. Кризис институтов раздатка выражается в том, что они перестают обеспечивать координацию потоков сдач и раздач как в рамках всего государства, так и на уровне отдельных социальных групп. Это означает, что весь совокупный объем сдач уже не может покрыть установившийся на определенном уровне объем общественно-необходимых раздач. Никакие экономические реформы не могут помочь раздаточной экономике справиться с накопившимися проблемами.

На всех трех циклах кризис проявляется в резком социальном расслоении, экономическом спаде и политической неуправляемости. В такой ситуации наступает переходный период, который начинается с преобразования института общественно-служебной собственности и сворачивании института административных жалоб. Трансформация института собственности происходит посредством передачи прав на многие ее объекты частным лицам или коллективам в полное владение.

В первый переходный период возникшая частная собственность существовала в форме вотчин: князья отчуждали свои уделы по купчим и дарственным, завещали их сторонним лицам в целом или в частях. В конце второго цикла 1-й шаг на пути трансформации института собственности был связан с отменой обязательной службы для дворянства и передачей им полных прав собственности на поместья; 2-й – отмена крепостного права и разрешение выкупа земельных участков бывшими крепостными крестьянами. Третий переходный период начался с преобразования государственной собственности посредством механизмов приватизации, что привело к созданию разнообразных негосударственных и частных субъектов хозяйствования.

На всем протяжении трансформационных фаз доминирующее положение занимает институт рыночной торговли и частного предпринимательства, развертывание которого происходит через заимствования многих институциональных элементов из рыночной среды западных стран. В этот период институциональная среда раздатка усваивает новые элементы и находит для себя новые формы, на основе которых преобразуется в новое качество. Квазирыночная среда является типичной основой трансформационных фаз раздаточных экономик и возникает в результате институциональной аномии, когда перестают работать правила старого раздатка на фоне еще не сложившихся рыночных механизмов. Другими словами, квазирынок – это такая экономика, в которой формальные рыночные отношения являются только внешней правовой оболочкой неформальных связей. Такая институциональная среда всегда возникает в России в периоды построения капитализма.

Эволюционное развитие российской экономики проявлялось не только в периодическом совершенствовании организационных и институциональных форм при неизменности базового ядра раздатка. Также на протяжении всей истории поддерживался институциональный дуализм, который проявлялся в наличии спецраздатка для правящего слоя (номенклатуры, элиты) и общего раздатка для остальных. Это две непересекающиеся реальности с разными нормативами, формами и механизмами раздач жилья, продуктов и услуг иного качества и ассортимента.

Фундаментальная гипотеза состоит в том, что отношение между объемом ресурсов в этих двух частях является показателем устойчивости российского общества. Если объем и уровень развития спецраздатка увеличивался более высокими темпами, и его доля становилась непропорционально больше доли общего раздатка, то экономика переставала развиваться, что вызывало бунты, восстания и революции. Такие явления были особенно частыми в периоды квазирынка, составляющие институциональную основу трансформационных фаз.

Экономическая эволюция России в формационном ракурсе

На структурированных фазах каждого институционального цикла производственные ресурсы находились в *общественно-служебной собственности*, права по ее владению были распределены между всеми хозяйствующими субъектами, а доступ к ней осуществлялся в форме службы. Отсутствовала частная собственность, ограничивались купля-продажа, залог и наследование по завещанию. Разрешались только мена и наследование по установленному порядку, в особых случаях – продажа недвижимости с разрешения государственных органов (рис. 5.3).

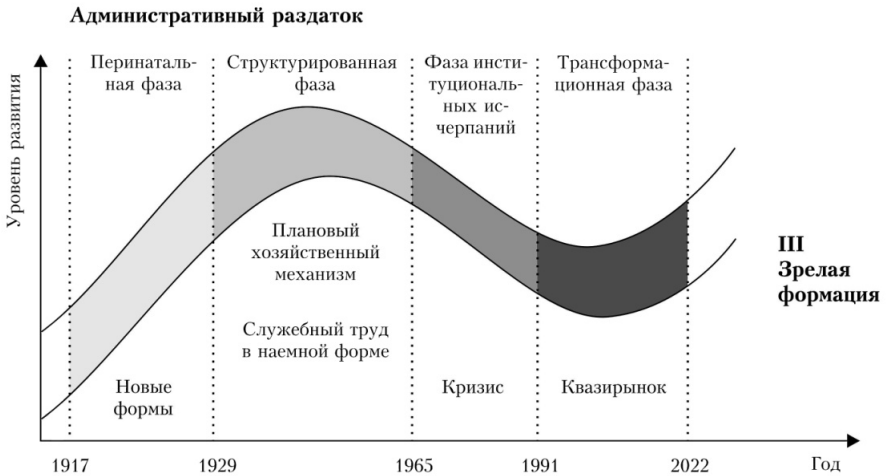
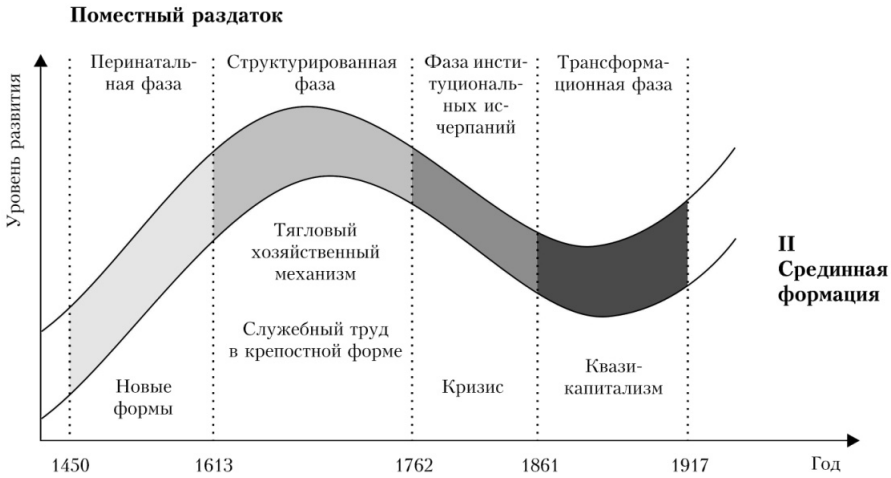
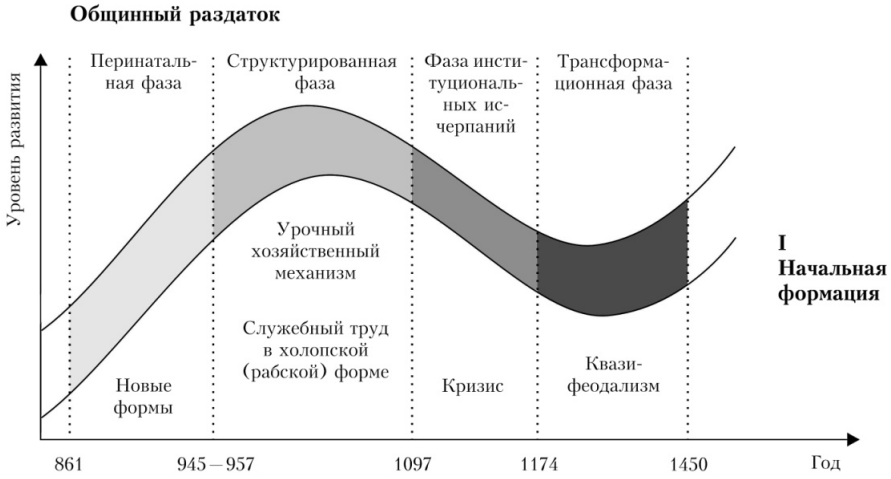

Рис. 5.3. Эволюция экономических формаций в России

В IX–XII вв. общинный раздаток был *начальной формацией* и опирался на урочный хозяйственный механизм: сбор ресурсов в государственную казну происходил на основе установленных «уроков» для сельских и городских общин. В ее рамках был создан механизм служебного рабства, при котором общинник обязывался реализовывать хозяйственную программу и мог покинуть общину только в случае подачи жалобы верховному правителю – великому князю.

В XV–XIX вв. функционировал поместный раздаток с использованием тяглого хозяйственного механизма, который стал *срединной формацией*. В этот период была найдена и использовалась такая институциональная форма, как служебная вотчина, в которой возник первичный синтез частных и государственных интересов.

В XX в. административный раздаток с плановым хозяйственным механизмом сформировался на основе *зрелой формации*, в рамках которой максимально проявились потенциал и возможности раздаточных механизмов. Методология оптимального планирования, логика дотационных схем, общественных секторов и фондов потребления позже заимствовались и использовались в западной экономике в кризисные периоды.

Причины укоренения раздаточной экономики России

Почему в России укоренилась раздаточная экономика, которая несмотря на неоднократные попытки ее преобразования в рыночную, тем или иным способом, возвращается к исходному типу институционального состояния? Определенное сочетание типа экономической системы, характера материально-технологической среды и социально-экономической структуры населения создает макроэкономическую среду каждого общества, в которой осуществляется его хозяйственная жизнь. Для России характерна макроэкономическая среда, в которой доминирует *коммунальный* характер инфраструктуры и высокий *этатизационный* потенциал населения.

Коммунальный характер материально-технологической среды – это среда, обладающая пятью признаками:

- она является фактором выживания и условием общественного благополучия;
- требует упорядоченных коллективных действий;
- объем ресурсов на ее поддержание превышает индивидуальные и групповые возможности;
- обладает технологической целостностью, т.е. ухудшение положения в одной части приводит к ухудшению в системе в целом;
- не зависит от платежеспособности населения.

Такая коммунальная инфраструктура стала общественным благом и условием выживания всего общества. Функции по поддержанию и разви-

тию коммунальной инфраструктуры выполняло государство. Оно создало соответствующую систему управления и через центральные органы определяло общие правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. В ходе исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России постоянно возрастала. При этом центр тяжести все больше переносился с природной среды (земли, лесов, недр и др.) на техническую инфраструктуру. В настоящее время коммунальный характер присущ многим отраслям с единой энергетической системой, централизованными коммуникациями, тепло- и водоснабжением. Устройство этих систем таково, что на каждом участке поддерживаются установленные из единого центра стандарты обслуживания и единые условия пользования.

Коммунальная инфраструктура в организационном ракурсе порождает то, что называется естественными монополиями, неизбежность которых обоснована в контексте транзакционных издержек. Опыт двух российских трансформаций показал, что естественные монополии в частных руках становились гораздо менее эффективными, чем в государственных. Это и приводило к необходимости восстанавливать государственные позиции в конце каждого цикла. Так, в 1916 г. российский «министр финансов Барк высказался за монополизирование (т.е. национализацию) всех тех отраслей, которые фактически уже монополизированы частным капиталом» [Мау, 2010, т. 1, с. 145].

Понимание этого обстоятельства на практическом интуитивном уровне сформировало *этатизационные* ценности большинства российского населения, что означает приверженность к сильному государству, руководящему и управляющему хозяйственной жизнью. Этатизационный потенциал населения – это та часть населения, которая признает и считает необходимым, чтобы государство активно участвовало в хозяйственной жизни общества, а приватизационный потенциал населения – те, кто считают, что государство не должно вмешиваться в хозяйственную жизнь.

Для макроэкономической среды рыночного типа характерны *некоммунальность* материально-технологической среды и преобладание *приватизационного* потенциала населения. *Некоммунальность* означает технологическую обособленность элементов материальной инфраструктуры и возможности их самостоятельного функционирования. В *некоммунальной* среде развиваются рыночные отношения, и рынок, основным регулятором которого является закон соответствия спроса и предложения. В рыночных условиях в социально-экономической структуре населения преобладают группы, ориентированные на частные способы организации экономической жизни, которые составляют *приватизационный потенциал* (от англ. private – частный, личный) населения. Например, в жилищной сфере рыночных стран преобладает частное домовладение в виде индивидуальных домов, частного арендного сектора, кондоминиумов и т.д. Обеспечение теплом

и водой осуществляется, как правило, с помощью обособленного оборудования, размещенного непосредственно в зданиях.

Таким образом, в российском государстве, к неизменным чертам которого относятся многонациональность, обширная территория, низкая плотность населения, суровый и разнообразный климат, нестабильная урожайность, обилие природных богатств, сформировалось институциональное ядро с доминированием раздаточных институтов. Это означает, что выживание суперэтноса здесь обеспечивается базовыми институтами раздатка, а рыночные институты выполняют компенсаторную функцию. В короткие периоды трансформаций происходит «рокировка»: рыночные институты становятся доминантными, а раздаточные институты преобразуются в новые формы. Специфика траектории хозяйственного развития России заключается в сосуществовании основных раздаточных периодов и переходных квазирыночных периодов, в которых происходит конфронтация неформально существующей раздаточной среды и формально распространяемых рыночных институтов.

ЧАСТЬ II

РАЗВИТИЕ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ РОССИИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Глава 6

ОБЩИННЫЙ РАЗДАТОК: ЗАРОЖДЕНИЕ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ

В IX–XII вв. первоначальной институциональной формой базовой модели России был общинный раздаток. В рамках общин изначально использовались раздаточные механизмы: старейшина распоряжался ресурсами и распределял занятия по выработанным правилам с учетом жалоб членов общин. Первая модернизация институциональной среды в рамках всего государства пришлось на правление князя Владимира, хотя условия для этого были созданы уже княгиней Ольгой. Он внедрил православную идеологию в форме божественной заповеди служения государству, в которой интегрировал христианские постулаты, языческие верования и обязательный служебный труд. Одним из его главных результатов стало формирование урочного хозяйственного механизма: сбор ресурсов в казну происходил на основе установленных уроков для сельских и городских общин (рис. 6.1).

В урочном механизме институты раздатка стали использоваться на уровне государства в целом. Сами общины также сохранили раздаточные способы функционирования, но с уже установившимися формальными правилами. Институциональная матрица общинного раздатка содержала нормативные способы регулирования. Для ее внедрения была применена силовая мощь первой российской империи, при этом сами князья превратились из сборщиков дани в правителей православного государства (табл. 6.1).

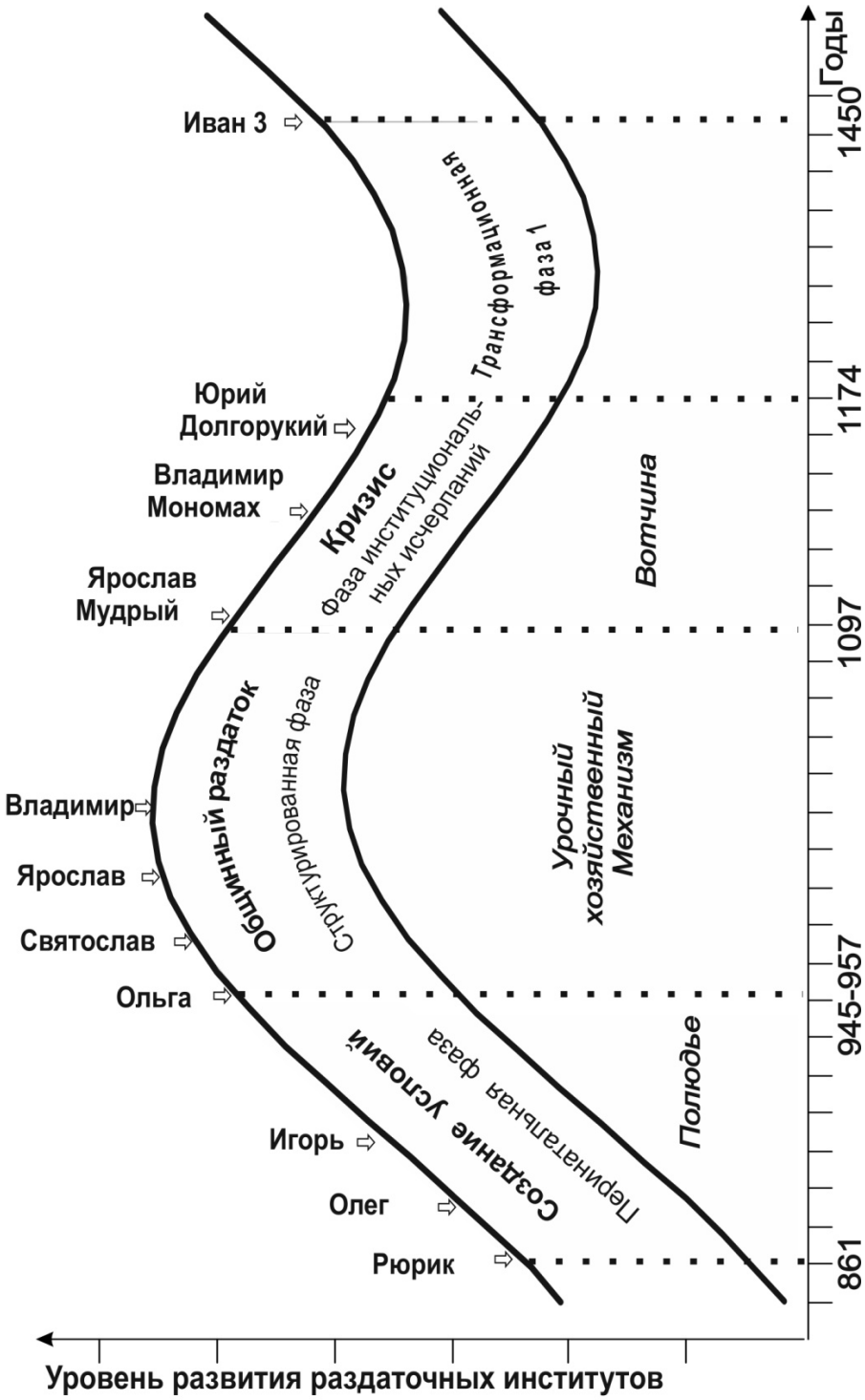

Рис. 6.1. Общинный раздаток – 1-й институциональный цикл России

Таблица 6.1

Институциональная матрица общинного раздатка на основе урочного хозяйственного механизма

Структурные блоки	Институциональные формы
Система управления	Бояре введенные, наказания, пути, чети
Формы организаций	Община, посад, слобода
Директивные производственные задания	Урок, дань на основе Грамоты князя
Единая система нормативов	Црен, кожевенный чан, кузница – для ремесленников, погородье, почестье – для горожан, от дыма, от орала, от сохи – для общинников-крестьян
Централизованные цены	По закону «Русской правды» в гривнах, кунах, ногатах
Безналичная система обеспечения	Розданы, данье, милость, дары, пиры, придаток
Оплата служебного труда	По Родословцу – для бояр и князей, оуроци (по урокам) – для работающих
Обеспечение жильем и социальными благами состоящих на службе	Коллективное строительство жилья из выданных материалов – для общинников, раздача земли – для бояр
Система обязательной регистрации	Общинник не мог покинуть общину без разрешения, только для подачи жалобы князю
Сигнальная система	Жалобы князю

Базовые институты общинного раздатка

Институт раздач. В рамках общинного раздатка институт раздач только начал формироваться. В родовой общине, лежащей в основе хозяйственной жизни, он существовал стихийно, основываясь на обычаях. Институт раздач естественным образом был вплетен в ткань общинной экономической организации.

Наиболее точная зарисовка общинной жизни принадлежит историку С. Соловьеву: «Деревня состоит из одного рода, который управляется сам собой и сообщается с высшими властями страны посредством своего главы, старшины. Избранный старшина управляет всеми работами, хранит общественную казну, вносит подати, раздает своим детям и братьям пищу и одежду, наказывает их за проступки» [Соловьев, 1988, кн.1, с. 92]. Одной из важных хозяйственных функций, которую выполняет управитель общины – быть «раздавателем пищи и одежды». Помимо общин существовала княжеская дружина, в которой также существовал институт раздач: «Дружина получала содержание от князя – пищу, одежду, коней и оружие. Разумеется, что за раздачей дружине у князя оставалось еще много мехов, меду и воску» [Там же, с. 213].

К концу первого институционального цикла начинают складываться нормы института раздач, поскольку главным объектом раздачи становится земля, а точнее – города и населенные пункты, хотя первоначально это мало интересовало дружинников. «Земли было много у русского князя, он мог, если хотел, раздавать ее своим дружинникам, но дело в том, выгодно ли было брать ее без народонаселения, им гораздо выгоднее было оставаться при князе и получать от него содержание непосредственно» [Соловьев, 1988, кн.1, с. 218]. Однако уже в XI веке дружине назначались земельные участки во временное владение.

К концу XI века стали распределяться земли между самими князьями и вырабатываться первые принципы раздач. «В 1097 году князья, внуки Ярославовы, собрались вместе и решили, чтобы каждый из них держал свою отчину. Что же такое разумелось под отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владел отец его и владеть которою он имеет право, если на родовой лестнице занимает ту же степень, какую занимал отец его, владея означенною волостью, потому что владение волостями условливалось степенью на родовой лестнице, родовыми счетами» [Соловьев, 1988, кн.1, с. 339].

Интерпретируя приведенную цитату современным языком, можно сказать, что в основе раздач главное место занимало должностное положение или статус. В дальнейшем союз князей регулярно распределял «столаы» на основе выработанных принципов. На Любеческом съезде было постановлено: «Каждо де держити отчину свою: Святополк – Киев Изяславлю, Володимер – Всеволожоу, Давыд и Олег и Ярославлю; а имже роздаял Всеволод городы» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 95]. Объектами раздач в период общинного раздатка также были и управленческие должности. Это касалось пригородных князей и власти посадников бояр, которые получали провинции на кормление, дающее им право сбора корма натурой.

Таким образом, институт раздач возник как естественная форма хозяйственной жизни, решавшая задачи обеспечения состоящих на государственной, военной и хозяйственной службе. Объектами раздач выступали предметы потребления, земельные владения и управленческие должности, подразумевающие получение дохода. С самого начала принципы раздач были тесно связаны со служебным положением: чем выше была социальная позиция, тем более значимыми были объекты раздач.

Институт сдач. В рамках общинного раздатка сразу сформировались те виды сдач, которые имели место и на последующих этапах, только в разных соотношениях. К ним относятся натуральные и (или) денежные сборы с трудоспособного населения, выполнение повинностей, т.е. обязательный сельскохозяйственный и ремесленный труд, служба по управлению хозяйством, военная служба. Механизм взимания сдач включал единицу обложения, законодательную основу и механизм сбора.

Натуральные и денежные сдачи в рассматриваемый период имели форму дани. Дань – первоначально военная контрибуция, платимая побежденным племенем – с течением времени приняла значение родового понятия, включавшего все обязательные платежи населения в пользу князя. Предметами, которыми взималась дань, являлись такие натуральные продукты, как мед, шкуры пушных зверей, зерновой хлеб, лен, домашние животные. В то же время дань взималась и деньгами, сначала иностранными, а затем собственными денежными единицами.

Вторым распространенным видом сдач являлись *повинности*, что означало выполнение определенных работ, таких как повоз – обеспечение средств передвижения для военных дружин, княжеских данщиков и гонцов, градоделание – строительство укреплений, постройка и починка мостов и т.д.

Военная служба также являлась важным видом сдач. Армия состояла из княжеской и боярских дружин, а также народного ополчения, которое составлялось из мужчин городского и сельского населения, возглавляемое выборным тысяцким. Обыкновенно в поход выступало не все население, но были случаи и поголовного ополчения. Во время похода для дружины и ополчения средство продовольствия (и обогащения) составляла военная добыча.

В рамках общинного раздатка сформировались единицы обложения – по дымам или сохам, означающие в сущности одно и то же: участок земли, обрабатываемый силами одного домохозяина. Распределение по сохам делало само население, государство исчисляло дань по погостам, т.е. по определенным территориальным единицам. Первичной законодательной основой сбора дани являлись уставные грамоты князей. Механизмом взимания дани сначала было полюдь. «Русские князья со своею дружиною выходили из Киева при наступлении ноября и отправлялись в земли подчиненных им племен славянских» [Соловьев, 1988, кн. 2, с. 215]. С X века князья посылали вместо себя для сбора дани специальных данщиков. В XI–XIII веках дань доставлялась из пригородов посадниками, а в пригороды – самим населением.

Таким образом, институт сдач являлся обязательным дополнением института раздач, поэтому они формировались одновременно. На первом институциональном цикле сформировались только начальные структуры института сдач, являвшиеся исходным пунктом его дальнейшего развития.

Институт административных жалоб. В рамках общинного раздатка русские князья отправлялись с дружиной к подчиненным племенам, чтобы – как свидетельствуют исторические источники – «исполнять свои обязанности относительно народонаселения» [Соловьев, 1988, кн. 1, с. 215]. По жалобам своих подданных князь «вершил суд и расправу», изменял величину дани. Право жалобы впервые было закреплено в уставных грамотах князей. Право жалобы смердов (сельских жителей) было зафиксировано в Русской Правде.

Уже на первом институциональном цикле административные жалобы подразделялись на гражданские, т.е. исходящие от рядовых граждан и на управленческие, т.е. исходящие от лица или социальной группы, занимающих определенное положение в структуре управления. Вот пример механизма действия управленческих жалоб: «Владимирцы, которые находились в пригородных отношениях к Ростову, притесняемые князьями, обращаются с жалобами к ростовцам. Ростовцы на словах были за владимирцев, но на деле не удовлетворяли их жалобам, и тогда владимирцы призывают других князей» [Соловьев, 1988, кн. 1, с. 661–662].

Первоначально князь рассматривал жалобы во время регулярных поездок по сбору дани. В структурированную фазу судебное разбирательство превратилось в повседневное занятие князя. Личный суд князя в XI–XII вв. играл важную роль и был обязан «в правду суд судити». Так, дневное расписание Владимира Мономаха включало время, когда он должен был «люди опрашивать». Судебная и административная жалобы еще не разделялись. Распространены были судебные поединки в X веке – если кто-то имел дело против другого, то звал его на суд князю, перед которым и препирались обе стороны. Дело решалось приговором князя. Если же обе стороны были недовольны результатом, окончательное решение принадлежало оружию: кто одолел в бою, тот и выигрывал дело.

Таким образом, институт административных жалоб, включающий как управленческие, так и жалобы от населения, являлся необходимым сигналом обратной связи. Именно поэтому он стал развиваться на самых ранних этапах становления раздаточной экономики в формах, соответствующих историческому периоду.

Институт общественно-служебной собственности. В рамках общинного раздатка общественно-служебный характер собственности только зарождался. В этот период русские князья установили очередное правление и не индивидуализировали права собственности на землю. Единой государственной властью была коллективная власть всего княжеского рода, основанная на союзе князей как равных друг другу членов. Вследствие этого субъектами раздаточной экономики различного рода благ выступали князья.

Основным типом хозяйственных организаций являлись общины, в рамках которых осуществлялся процесс производства. «Воображая себе русское общество древних времен, видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли русской рассеянных и имеющих своего распорядителя, и составляющих свой маленький мир» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 7].

Механизм координации сдаточно-раздаточных потоков в этот период состоял из установленной единицы обложения, специально созданных мест сбора дани – погостов, а также документов, определявших величину дани – уставных грамот князей. Князья производили описи своих владений, которые включали численность погостов и определение объема сдач. Первоначально личный доход князя полностью сливался с финансовыми средствами государства.

Таким образом, общественно-служебная собственность является необходимым условием существования институтов раздач, сдач и жалоб. Связь между ними взаимно однозначная: институт общественно-служебной собственности всегда порождает отношения сдаточно-раздаточного характера и включает жалобы с целью корректировки потоков сдач-раздач. При этом в рамках института общественно-служебной собственности заданы: определенная модель управления, базовый тип хозяйственной организации и механизм координации сдаточно-раздаточных потоков. На первом институциональном цикле существовала общинная форма хозяйствования и полудная модель управления.

Финансовые институты. В рамках общинного раздатка дань взималась не только натуральными продуктами, но и деньгами, следовательно, тогда и появились первые зачатки финансовых институтов, которые обслуживали процесс сдачи. Собственная денежная единица первоначально воплощалась в виде натуральных продуктов, которые и сдавались в форме дани – скот, куны, гривна. С X века гривна становится единственной денежной единицей. «Припомним, что древнейшую дань, о которой говорит Начальная летопись, Русь платила своим князьям или сторонним завоевателям мехами. Олег брал дань с древлян с избы по черной куне, т.е. по соболу. Термин «куны» получил значение денег, денежных знаков вообще» [Ключевский, 1987, т. 6, с. 209]. Финансовые институты первого институционального цикла находились в зачаточном состоянии. Но важно понимать, что их «зачатие» было осуществлено именно сдаточно-раздаточными отношениями.

Перинатальная фаза I институционального цикла

По территории Восточно-Европейской равнины проходили два магистральных торговых пути. Первый – днепровский, известный как «путь из варяг в греки». По нему осуществлялась торговля средиземноморскими товарами со стороны Северной Европы. Второй путь – волжский, по нему в Северную Европу поставлялись товары из Китая, Индии и Средней Азии. По этим торговым путям возникли первые русские торговые города. Новгород занимал особое положение, он был «северными воротами» обоих торговых путей. Первые города-государства были республиками, они и занимавшие место между ними славянские племена не образывали единого общества, а были территориальными соседями. Торговые пути часто подвергались нападению со стороны варяжских племен, которые грабили восточных славян и наносили торговле большие убытки. Тогда было решено нанять варяжские дружины для защиты от набегов их соплеменников, в частности, германское племя руссов. В результате они вошли в городское общество как новый этнический элемент, а их вожди – в состав элит как военное руководство.

Перинатальная фаза начиналась процессом формирования новой власти и создания из множества княжений единого государства, что было описано в исторической литературе как «собрание Руси». По последним выводам историков оно возникло в результате завоевания, хотя существовала легенда о призвании варягов, которая гласила, что в 862 г. новгородцы из-за непрекращающихся междоусобиц послали послов к варягам и пригласили их «княжити и володеть нами». В ответ на это князь Рюрик с двумя братьями и сильной дружиной явился и стал государем в Новгороде. На самом деле, «факт состоял из двух моментов, из наемного договора с иноземцами о внешней обороне и из насильственного захвата власти над туземцами» [Ключевский, 1987, т.1, с.155].

Сначала возникло два центра объединения славянских племен – Киев и Новгород. Затем новгородский князь Олег, спустившись по Днепру, овладел Киевом, убил княживших там Аскольда и Дира, а Киев сделал столицей государства. Процесс «собрания русской земли» продолжался до конца X века, когда в состав государства была включена земля вятичей. Этот процесс был достаточно длительным, поскольку покоренные племена отпадали при первой же возможности, и приходилось покорять их снова. Согласно летописи, древляне были покорены Олегом, вторично их покоряет Игорь, но при нем же они восстают и не только избавляются от киевской дани, но и угрожают Киеву, в третий раз их покоряет вдова Игоря Ольга, и с этого времени древлянская земля вошла в состав древнерусского государства. Владимир дважды совершал поход в землю вятичей, уже покоренную в свое время его отцом Святославом. Каждый новый князь начинал свое правление с того, что приводил опять в подчинение племена, входившие при его предшественниках в состав державы. Конец IX–X вв. прошел под знаком объединения древлян, северян, радимичей, вятичей, уличей и прочих вокруг полянской столицы. В результате к X веку сложился грандиозный «союз племенных княжений», охватывающий территориально почти всю Восточную Европу.

Механизм национализации. В начале цикла княжеская власть во многих случаях насильственно переводила земли общин в государственную собственность, усиленно внедряла уроки и уставы, формировала посады и общинные миры в качестве сельскохозяйственных и ремесленных организаций. Для тех, кто отказывался переходить на службу, применялся репрессивный механизм – сжигались посевы, и устанавливались блокады.

Механизм национализации состоял также в переводе ремесленников на службу государству и установлении для них нормативов выработки и сдачи продукции, обеспечивая материалами для работы и пропитанием. До прихода князей ремесленники работали на заказ потребителей. В период IX–XI вв. ремесленники работали уже исключительно на князей, бояр и дружинников, т.е. на государство. И только в XI–XIII вв. ремесленник продает изделия

торговому человеку, который реализует их в отдаленных районах. Ремесленники являлись по преимуществу зависимыми людьми и работали на удовлетворение запросов княжеско-дружинных кругов [Тихомиров, 1956, с. 92].

Механизм коллективизации – все общины были переведены на урочный хозяйственный механизм, т.е. они должны выполнять «урок» – сдачу определенной продукции в определенное время. Чертами общинного устройства были погостские собрания, на которых община решала свои дела, выборные старосты, общинная казна, взаимопомощь. Механизм коллективизации превратил общину из территориальной единицы в финансово-административную организацию, поскольку урочные задания и платежи раскладывались по погостам, т.е. целиком на общину, которая затем распределяла их по семьям. Община отвечала за поимку преступника и выплачивала виру. В результате – обязательное выполнение урочных заданий, повинностей, воинская обязанность и закреплённость за определенным погостом, т.е. местом проживания и местом работы – таковы были черты служебной формы организации труда этого периода.

Механизм социальной фильтрации обслуживал перевод местного населения на службу князьям. Так, согласно летописям, Ольга обратилась к жителям древлянского города: «Все Ваши города сдались мне и обязались платить дань и возделывают нивы свои и земли свои, а вы хотите умереть от голода, не соглашаясь на дань». В итоге при взятии этого города Ольга «старейшин града взяла в плен, а прочих людей одних перебила, а других отдала в рабство своим мужам» [Повесть временных лет]. Существовала принципиальная разница в отношениях великого князя к своим наместникам-князьям и племенным князьям: наместники получали дань, а племенные князья сами платили ее вместе с соплеменниками.

Модель управления. Функции князей заключались в организации военных ополчений, командовании войском, покорении новых племен, установлении и взимании дани, главным образом товарами, находившими спрос на внешних рынках, а также в их реализации.

В ходе образования древнерусского государства большую роль играла *дружина* князя. Дружина была неотделима от князя, участвовала в походах, находилась на полном его содержании и проживала на княжеском дворе. Дружина делилась на две части: старшую и младшую. Господствующее положение занимала старшая дружина из бояр, которые выдвинулись и разбогатели на службе у князя. Князь с ними советовался по многим вопросам. Из состава старшей дружины назначались правители отдельных районов (посадники, воеводы, тысяцкие) и послы в другие страны. Младшая дружина состояла из «отроков» и «детских». Младшими они были не по возрасту, а по положению и были только воинами. Из дружины выросло новое поколение боярского сословия, из которого формировалась княжеская администрация.

Земли было много, но она не имела ценности без обрабатывающего ее населения, поэтому земельные пожалования в этот период не осуществлялись. Главный доход князя, на который содержалась дружина, состоял из дани, которую князь собирал с племен. В основе отношений князя-вождя и его воинов лежала система дарений в разных формах, что стало зарождением института раздач. Существовал специальный термин *милостники* – те, кто получал от князя милость (коней, оружие и т.д.). *Придаток* – термин, также обозначающий милость князя. Все, что давал князь дружиннику, делало его зависимым от дарителя, такое пожалование привязывало дружинника к господину нерасторжимыми узами и налагало на него обязанность соблюдать верность вплоть до самой смерти. Князь зависел от дружинников не меньше, чем они от него. Государственные вопросы он часто решал не самостоятельно, а с дружиной.

Первоначальная модель, с помощью которой происходило взимание дани, было *полюдье* – «как бы военные походы, периодически повторяющиеся завоевания» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 105]. Князь с дружиной объезжал земли племен, делая остановки в погостах, собирал дань в основном мехами, медом, воском, т.е. продуктами, предназначенными для экспорта. Полюдье продолжалось всю зиму. Князь с несколькими сотнями дружинников поочередно останавливался в становищах – погостах, куда из окрестных мест свозили дань. В таком становище были теплые дома для дружинников, конюшни для лошадей, печи для выпечки хлеба, кузницы, амбары-склады для дани. Кормились дружинники за счет местного населения. И только весной собранная дань доставлялась в столицу. Из тех мест, где не успели побывать сами князья с дружинниками, крестьяне-общинники «везли повоз», доставляя дань самостоятельно. По мере установления твердых норм дани полюдье сменилось кормлением – системой управления в структурированную фазу.

Структурированная фаза I институционального цикла

В IX веке территориальная структура сначала представляла собой пестрый комплекс племенных княжений. Однако постепенно, когда установилась великокняжеская власть, сформировалась, по выражению К. Маркса, «нескладная, громоздкая и скороспелая империя, сколоченная Рюриковичами» [Маркс, 1856]. Таков итог перинатальной фазы, после которой развитие перешло в структурированную фазу. Началось административное деление территории с 970 г., когда Святослав Игоревич, отправился в поход на Балканы и рассадил своих сыновей в Киеве, Новгороде и других городах. Окончательно тип управления сложился во времена правления князя Владимира Святославовича, который оставил за собой столичный престол, а своих старших сыновей посадил в крупнейшие русские города. Тем самым возникло единое государство, различные регионы которого управлялись наместниками князя.

Зарождение раздаточной территориальной структуры. Каждая земля состояла из старшего города, пригородов и волостей. Городом (градом) называлось всякое укрепленное место, в котором размещалась центральная община. Волостью назывался округ, подчиненный каждому пригороду в отдельности, включавший сельские общины. Главная община давала пригородам защиту у себя во время опасности. В городах находились резиденция князя и основное место проживания бояр, загородные села служили местами для отдыха, охоты и вспомогательного хозяйства. Сельская местность находилась в подчинении города и платила ему дань. При этом определенные части ее территорий были приписаны к определенным городским районам, подчинялись им и платили дань. И даже некоторые улицы имели подчиненные деревни. Центром города был кремль – крепость (детинец), где находилась резиденция князя с дружиной. Снаружи у его стен располагались городской торг и посад – поселение купцов и ремесленников.

Зарождение механизма воспроизводства власти. Во главе древнерусского государства стоял Великий князь, власть которого являлась индивидуально-наследственной. Князь соединял в своих руках высшую административную, законодательную, судебную, военную и сакральную власть. В своей деятельности первоначально князья опирались на обычное право или Закон Русский.

Практиковалась наследственная передача власти, т.е. от отца к сыну, при этом было закреплено преимущественное право старшинства в случае перераспределения княжений между сыновьями великого князя после смерти одного из братьев. Если умирал старший брат, обычно сидевший в столице, то его место занимал следующий по старшинству, а все остальные братья передвигались по лестнице власти на одну ступеньку вверх, переходя на более статусные княжества. В случае, если кто-то из младших братьев умирал раньше старшего, его владения наследовали прямые потомки – сыновья и внуки. Такая организация передачи власти называлась *лестничной* системой престолонаследия. Однако такой порядок существовал лишь до тех пор, пока был жив глава рода. После смерти отца, как правило, начиналась активная борьба между братьями за власть. Победивший князь все княжения раздавал своим детям, возрождая лестничную систему.

Каждый князь обладал своим собственным двором, в котором концентрировалось большое количество всевозможных запасов. Эти «красные дворы» были сосредоточием княжеской челяди, арсенала оружия, складов различных изделий, изготовленных ремесленниками, и запасов, принесенных крестьянами. В центре стоял «княж двор», где кроме княжеских хором, находились жилые помещения для челяди, обслуживающей княжеское хозяйство.

На обязанности начальника двора лежала охрана имущества. Еще были: *сборщик платежей*, собиравший их с населения, *начальник конюшен*, далее шли *старосты* – сельский и ратайный. Один наблюдал за селами, другой – за

княжеской пашней. В администрацию князя входили *тиуны, мечники, ябедники, вирники, мытники, мостники, посадники, данщики, казначеи, печатники* и прочие чиновники. Они осуществляли суд и наказание, собирали судебные штрафы, таможенные сборы, следили за исполнением повинностей (повоз, мостовщина, городовое дело), управляли городами и волостями, вносящими обязательные платежи в казну.

Функции центральной власти в структурированную фазу представляли собой зарождение тех обязанностей, которые реализовывались всеми верховными правителями в дальнейшем, князь:

- являлся главнокомандующим – военным вождем, командующим вооруженными силами; место дружины занимали ополчения из подвластного ему городского и сельского населения, а также вооруженные отряды, приводимые боярами;
- руководил охраной торговых путей и мероприятиями по защите границ, строительством городов и валов (укреплений);
- «испомещал» княжеских слуг – раздавал земли и назначал на административные должности;
- издавал законы по уголовному и хозяйственному праву в виде уставов;
- создавал судебные органы и следил за отправлением суда;
- руководил строительством дорог, мостов и служебных объектов;
- способствовал устройению церкви и выплачивал церковную десятину;
- проводил социальные программы помощи бедным;
- налаживал отношения с окружающими странами и осуществлял взаимодействие с иноземными властями.

Чем больше становилось князей, тем мельче дробилась государственная земля. Каждый взрослый князь получал от отца особую волость. Благодаря этому отдаленные провинции постепенно превращались в княжества, в каждом из которых появлялся свой стольный город. Город обустроивался, князя украшали его храмами, монастырями, среди обывательских домов появлялись дворы княжеские и боярские. Благодаря распространению князей устанавливались одинаковые бытовые формы, общественные вкусы и понятия.

Зарождение административного аппарата. Князь правил через своих родственников и бояр-дружинников. В городах сидели посадники, собирать дань ходили в полюдье княжеские данщики с дружиной. Тысяцкие ведали городским войском. Ябедники, мечники, вирники собирали судебные штрафы в пользу князя и судили нарушителей от имени князя. Мостники и городники прокладывали дороги, строили мосты, возводили стены городов и привлекали ремесленников для выполнения этих функций.

Административные органы князя состояли также из тысяцких, сотских и десятских, поскольку войско делилось на тысячи, сотни и десятки. Когда возникли особые органы местного управления – посадники в городах

и волостели в волостях, функции тысяцких и сотских стали специализироваться. Это были, прежде всего, судебно-административные функции, подавление разного рода восстаний со стороны племен, военная помощь сборщикам дани, наведение порядка в городе. В тех городах, где находились князья, они становились главными помощниками по военному управлению и командованию войсками.

В структурированную фазу сам князь с дружиной уже не ездил собирать дань, а отправлял своих представителей из младших членов княжеской семьи или бояр, поручая им в управление определенную волость, и назначал «корм» для обеспечения. Бояре собирали дань, определенную часть оставлял на содержание себе и своим людям, а часть отправляли князю. В этот период сформировалась княжеская администрация на местах, которая сосредотачивалась в погостах, своего рода административных округах и контролировала местное управление. Бюджет княжеского двора и государственный бюджет были разделены на княжеские нужды, содержание его двора и на государственные потребности. Со своих земель князья отдавали десятину православной церкви.

Зарождение номенклатуры. Класс бояр состоял из «лучших людей» среди жителей, высших членов княжеского двора – дружинников, бояр земских и бояр княжеских. Дружина делилась на старшую, занимавшую высшее положение в государстве, и младшую, занимавшуюся дворовой и государственной службой. Исполняя во дворе низшие службы (ключников, конюхов и т.д.), они в то же время составляли военный полк князя. Источником перехода из младшей дружины в старшую были военная служба и управление волостями. Кроме княжеской дружины были дружины боярские, члены которых также входят в состав высшего класса.

С XI века из дружинного и земского слоев сформировался боярский класс, когда дружинники сделали местными землевладельцами, а земские бояре через дворовые службы переходили в класс княжеских мужей. Боярином становился тот, кто занимал высшее место на княжеской или земской службе и приобретал богатое имущество. Всякий боярин был непременно членом думы. «Люди градские» и «мужи» были сосредоточены в городах. В их составе выделяли гостей – чужестранных торговцев, купцов, пользовавшихся правом государственной службы, они также участвовали в военных походах, посольствах, делах управления и обладали правом землевладения. Низший разряд городских обывателей именовался черными людьми.

Зарождение нормативной системы. Методы выработки нормативов сбора дани соответствовали историческому периоду. Норматив должен был устанавливаться на такой величине дани, которая позволяла бы осуществлять необходимые расходы князьям, и в то же время оставшиеся продукты и блага смогли бы обеспечивать воспроизводство населения. Такие нормативы и были установлены впервые после драматических событий. В 945 г. после того, как князь Игорь, закончив сбор дани, вернулся за

дополнительными поборами, древляне убили его, тем самым показав, что больше не могут отдавать. Княгиня Ольга, жена Игоря, отомстила непокорным племенам, но установила уставы и уроки – первые нормативы сдач. «Под именем устава должно разуметь всякое определение, как что-нибудь делать, под именем урока всякую обязанность, которую должно выполнять к определенному сроку, будет ли то уплата известной суммы денег, известного количества каких-нибудь вещей или какая-нибудь работа» [Соловьев, 1988, кн. 2, с. 148].

В 945 г. была проведена административно-налоговая реформа, заменившая полюдье уплатой дани в форме урока в устроенных для этой цели постоянных центрах (погостах). Со времени правления Ольги были установлены нормы дани «от дыма» и «от рала». Единицей обложения была семья, которая имела один очаг, одну печь (дым) и одно пахотное орудие (рало). Обе эти единицы означали фактически одно и то же – участок земли, обрабатываемый силами одного домохозяина. Реформа состояла в наделении погостов функциями финансово-административных центров и назначении постоянных княжеских агентов. Смысл всех нововведений заключался в том, что вместо периодических наездов – осеннего и зимнего полюдья князя – была создана постоянно действующая и густая сеть финансовых органов. В результате государство исчисляло дань по погостам, которая взималась в постоянных объемах, а распределение по дымам и сохам делало само население.

Зарождение штатного расписания. В «Русской правде» в статье «уроки мостникам» и «уроки городникам» устанавливались нормативы оплаты труда. Городник получал одну куну при закладке и одну ногату при окончании устройства части городской стены. Ему также шло пищевое довольствие (мясо, рыба, пшено, солод для пива или кваса), овес на четырех коней. Все это городник получал до конца строительства городских укреплений. «Уроки мостникам» предусматривали поездку мостника с помощником на двух конях для строительства или починки моста, при этом кони получали овес.

Зарождение планирования как процесса координации сдаточно-раздаточных потоков, происходило в уставах князей. Например, Устав Ярослава о мостах представлял собой распределение мостовой повинности в Новгороде и его окрестностях. В нем перечислялись 19 сотен, которые представляли собой организации, состоящие на службе у государства.

Зарождение раздаточной финансовой системы. Сначала дань взималась иностранными деньгами. Первой металлической монетой для этого были арабские дирхемы. Чеканить собственные серебряные деньги начали при князе Владимире Святославовиче. Поскольку с давних времен в качестве денег использовали шкурки пушных зверьков, то и металлические деньги стали называть кунами (куна – шкурка куницы). Слово «деньги»

монгольского происхождения. С X века гривна становится единственной денежной единицей.

Пошлины – «вес и мера» – взимались для покрытия расходов при взвешивании и измерении товаров. «Мыт и перевоз» брались за предоставление помощи со стороны государства при перевозке товаров через реку. Кормчита – пошлина с содержателей корчем. Гостиная дань и «торговое» – это пошлины за предоставление иноземным купцам мест для склада товаров и за устройство рынков. «Русская правда» демонстрировала первую практику государственного ценообразования.

Зарождение социальных программ. Княжеские дарения были событиями регулярными. Устав Князя Владимира говорил о необходимости заботы над калеками и нищими. Летописец описал картины раздачи продовольствия больным и нищим: «на воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мед и квас в бочонках, и возили по городу» [Тихомиров, 1956, с. 92]. Раздачи относились не только к эпохе Владимира, согласно Повести временных лет, князь Святополк и Владимир Мономах также практиковали регулярные раздачи народу. Владимир Мономах учил детей: «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте» [Поучение...]. Развитие просвещения вводилось Владимиром, а князь Ярослав вменил осуществление народного образования приходским священникам. Церковные учреждения по образованию считались государственными. Учреждения для призрения – богадельни – также были поручены государством церкви.

Смердо-холопская трудовая модель. Ранняя категория зависимых людей – челядь и холопы. Челядь формировалась в основном из пленных, а холопы – из местного населения [Фроянов, 1980, с. 122].

Холопом был всякий зависимый человек, холопы были разные по степени зависимости, например, холоп обельный и холоп полный. Холопами могли быть и купцы, и ремесленники. Источником холопства также являлось поступление к кому-нибудь на службу в качестве управляющего-приказчика. «Холопом является человек в отношении к своему господину. Тот, кто решился служить другому – холоп, таково основное значение слова в Древней Руси» [Колесов, 2000, с. 51]. Холопов можно было продавать, убийство своего холопа никакого наказания не влекло, а за убийство чужого нужно было заплатить штраф князю и возместить стоимость «говорящего имущества» хозяину.

Существовала еще одна категория зависимых крестьян – *смерды* (рис. 6.2). По оценке В. Ключевского это были государственные крестьяне, находившиеся под властью князя. Князь выделял им земли в своих владениях, обеспечивал защиту, а за это они были обязаны не только платить князю оброк, но и участвовать в военных походах. Общинные земли считались государственными, и смерды были смердами князя. Однако под смердами в широком смысле скрывалось обобщенное название для всего крестьянства.

Рис. 6.2. Социальная структура общинного раздатка

Подавляющую часть населения страны составляли крестьяне (люди), которые обязаны были платить налог государству, сначала через полюдые, затем через кормления. Эти крестьяне по-прежнему объединялись в сельские общины – верви, в которых сохранялось многое от родовой общины. Хотя каждая семья и вела отдельное хозяйство, но была связана круговой порукой. Например, члены общины должны были вкладываться в виру – штраф за преступление, совершенное членом этой верви.

Третья категория зависимых людей – *закупы*, взявшие у барина купу (ссуду). Ролейный (пашенный) закуп получал от хозяина рабочий скот, инвентарь и зерно для посева для работы в хозяйстве владельца. У закупы могло быть свое крестьянское хозяйство, обеспечивающее жизнь его семьи. Если закуп сбежал, и его ловили, он становился полным холопом.

Еще одна группа зависимых людей – *рядовичи*, те люди, которые поступили на службу по договору или подряду. Именно из рядовичей состоял административный аппарат хозяйства князя или боярина.

Таким образом, основная масса земледельческого населения была организована в общины. Община – это сложная социальная организация, основанная на совмещении индивидуального и коллективного землепользования, с регулярными переделами пашенной земли, и наличием общих пастбищ. Члены общины были обложены податью (подымной, пооральной или поплужной), а также натуральными повинностями, такими как устройство дорог и построение крепостей, а при необходимости становились в ряды войска.

Обслуживающий аппарат высшей власти. Служебная организация князя поила, кормила, одевала и вооружала его дружинников, расходуя на это

часть тех средств, которые он вместе с дружиной добывал в военных походах, а также получал в качестве дани. Служилые люди занимались обслуживанием князя и дружины: готовили пищу, ухаживали за одеждой, присматривали за конями, поставляли к княжескому столу продукты питания, получение которых требовало специальной деятельности, занимались бортничеством, солеварением, рыболовством, разводили овец и свиней, другой скот. Кроме того, среди дворни были люди, занятые выпасом и кормлением конских табунов. Значительная часть слуг была связана с охотой: сокольники, ястребники, псары, бобровники. Среди дворовых холопов князя были ремесленники: кузнецы, оружейники, кожевники, ткачи, гончары, портные и ювелиры. Верхушку составляли слуги, выполнявшие административные функции. Представители служебной организации жили вне дружинных поселений. Селения обслуги окружали дружинные города и княжескую резиденцию.

Загородное хозяйство князя или боярина состояло из нескольких отраслей. Работали в этом хозяйстве челядь, холопы, закупы. Во главе села стоял управляющий – тиун, а отдельными частями хозяйства ведали подчиненные ему рядовичи. Администрация находилась в зависимости от владельца – князя или боярина, а трудовые функции исполняли люди, находившиеся в полной зависимости.

Ремесленники на службе у государства. В период общинного раздатка в городах преобладало ремесленное население. Историк Б. Рыбаков насчитал 64 специальности и делил их на 11 групп [Рыбаков, 1948]. Ремесленники селились компактно по специальностям, отдельные части столицы назывались Гончары, Кузнецы, Кожемяки. В Новгороде одна из частей, на которые делился город, называлась Плотницкой, другая – Гончарной, а улицы назывались по ремесленным специальностям: Щитная, Кузнецкая, Кожевники, Гончарная. Именно так зародился ведомственный жилищный сектор, при этом у ремесленников имелись личные подсобные дворы с домашними животными.

В условиях множества лесов была распространена деревообработка. Дома, крепостные стены и башни, церкви, мостовые – все делалось из дерева. Особое положение среди ремесленников занимали городники (строители городских стен и башен), мостники (укладчики мостовых), порочные мастера – изготовители стенобитных орудий – пороков. В Русской правде мощению улиц посвящен Устав о мостниках. Широкое распространение получили металлообработка, гончарное производство, кожевенное, оружейное дело и солеварение. Ремесленники ходили на войну в составе городского ополчения. При этом ремесло имело значимость наравне со службой князю. Различалось деревенское ремесло, княжеское, посадское и монастырское. Ремесленники имели свои единицы обложения – црен, кожевенный чан, кузница.

Торговцы на службе у государства. Торг – торговая площадь города, на которой посадские люди торговали. Мытник – княжеское должностное лицо

при рынке. Существовали торговые мерила, которые находились под непосредственным наблюдением князей и епископов.

На княжеских дворах жили не только ремесленники-холопы, но купцы-холопы. Услуги купцов использовались государством для сбыта собранной дани и продуктов в зарубежные страны. Воск, меха, сало, лен, мед и другие товары доставлялись в город из деревни, эти продукты поступали на рынок не путем продажи от производителей, а в составе дани. Городские люди платили особую дань, называвшуюся погородьем. Погородье состояло из сбора, выраженного в определенной денежной сумме, и почестья, состоящего из натуральных продуктов – мехов, меда, рыбы, орудий лова, вещей домашнего обихода.

Таким образом, социальный статус служилых людей был различным. Среди них были свободные, временно и полностью зависимые. Главным признаком принадлежности к служебной организации была наследственная прикрепленность к службе, которая могла быть отменена или заменена другой по приказу князя. Князь в соответствии со своими нуждами и интересами мог менять не только обязанности отдельных служилых, но и их наделы. Однако этим правом не обладали новые господа, к которым они попадали по пожалованью князя, в случае нарушения установленных норм служилые могли на них жаловаться [Флоря, 1992].

Фаза истощения I институционального цикла

Изменение центрального управления. В XI–XII вв. количество князей заметно увеличилось, между князьями завязывались сложные отношения. Чем больше размножался княжеский род, тем больше увеличивался служилый дружинный класс. Каждый взрослый князь имел особую дружину, а во второй половине XII века таких князей действовало несколько десятков. Старшие и младшие князья имели многочисленные дворы, по две или три тысячи человек дружины. Святополк хвалился, что у него до 700 одних отроков, т.е. младших придворных слуг. В мирное время дружины распределялись на прокорм по пригородам и селам.

В 1097 г. состоялся княжеский съезд, на котором был установлен новый принцип отношений между правителями: отчина (земля, в которой княжил отец) стала передаваться по наследству сыну, тем самым отменялась лестничная система занятия престолов, основанная на представлении, что все члены княжеской семьи являются совместными владельцами Русской земли. На смену ей пришло династическое правление.

На XI–XII вв. приходилась интенсивная законодательная деятельность князей. К ней относилась Правда Ярослава, Правда Ярославовичей, Уставы Владимира Мономаха, церковные княжеские уставы. В этот период древнерусское государство из монархии превратилось в объединение городов-государств. Во главе этого объединения стоял киевский князь, который зависел от вечевого собрания. Он мог направлять в земли, входившие в объединение,

князьями-наместниками своих детей и родственников, но земля в лице веча могла отвергнуть предложенную кандидатуру и пригласить другого князя.

Модель управления. С конца XII века формировалась вотчинная модель управления, возглавляемая представителем княжеской администрации – огнищанином, который назначался из дворовых слуг князя и заведовал княжеским двором и финансами. В его подчинении находился штат тиунов (слуг), которые ведали различными отраслями вотчинного управления – конюших, ключников и др. В волостях и селах княжеским хозяйством заведовали тиуны сельские. Другими должностными лицами княжеской администрации являлись мытники, ведавшие сбором торговых пошлин, вирники, собиравшие судебные штрафы за убийство и другие преступления, пятенщики, взимавшие пошлину за продажу лошадей.

Всюду, по волостям, погостам, сотням, представлявшим собой административные единицы княжества – сидели княжеские наместники, управители и чиновники. Дворцовые служащие отличались от бояр тем, что имели определенную должность и выполняли строго определенные функции. Их служба была регулярной и повседневной. Должности эти были разнообразны, как разнообразны были отрасли княжеского хозяйства.

С середины XII века началась война между юго-западными и северо-восточными Рюриковичами за доходы от Волжского пути. Они и раньше воевали друг с другом, но это были или неурядицы между соседями, или бунты отдельных обделенных «столами» князей. А потому войны были скоротечными и не особо жестокими. Однако в 1203 г. Киев был не просто захвачен, но разграблен и разрушен. В результате столицей стал Владимир, поскольку туда перешли доходы от обслуживания Волжского пути (рис. 6.3).

Рис. 6.3. Бюрократический механизм общинного раздатка

Расширение рыночной торговли. В 1068 г. произошло восстание в Киеве, движущими силами которого были купцы и ремесленники, недовольные действиями княжеских представителей. Причины недовольства заключались в стремлении князя контролировать торговлю, в особенности заморскую, господствовать над торгом. В результате были расширены товарно-денежные отношения, что привело к переводу торгового дела «с низа на гору». По мнению В. Ключевского, «Русская правда есть по преимуществу уложение о капитале». Она содержит свыше 20 статей о кредите и резах (ссудном проценте). Эти статьи направлены на регулирование товарно-денежных отношений, которые возникли в первую трансформационную фазу. В 1136 г. новгородцы, смещая князя Всеволода, в числе обвинений против него на первое место поставили то, что он не заботился о смердах, т.е. о народе. В 1146 г. киевляне жаловались на злоупотребления княжеских чиновников самому князю и просили его вмешаться (остановить коррупцию).

В итоге фаза окончания первого институционального цикла и демонтажа урочного механизма началась с ликвидации поочередного правления и закрепления места правления за определенным князем. В период с XI по XII век происходило дробление земли на уделы до тех пор, пока древнерусское государство окончательно не распалось.

Таким образом, в рамках первого институционального цикла зародилась базовая модель России. Общинный раздаток был первичной формой базовой модели раздаточной экономики, построенной на смердо-холопской трудовой модели и урочном хозяйственном механизме. В его развитии выделялись три фазы, в рамках которых менялись формы базовых институтов. В IX веке обширные земли и угодья оставались в общинной собственности, князь ограничивался данью и не вмешивался в хозяйственную деятельность. В X веке было создано многоотраслевое централизованное хозяйство, территориально структурированное и управляемое огромным штатом управленцев. В XI–XII вв. князь передал в собственность общинные земли и угодья своим приближенным боярам в форме вотчины.

Институт раздач прошел эволюцию от раздачи натуральных благ и денег до раздач земельных угодий. Институт сдач сначала существовал в форме дани, затем обрел форму урока, а в фазе исчерпания – одна часть сдач шла в пользу вотчинника, другая в пользу государства. Институт административных жалоб (челобитных) сначала был встроен в систему кормления, затем в централизованную систему управления, причем судебная и административная жалобы еще не были разведены. Система управления также менялась три раза – от полюдья к единому централизованному управлению, а затем к децентрализованному вотчинному хозяйству. При этом сдаточно-раздаточные отношения являлись доминирующими для всех трех институциональных фаз. В рамках общинного раздатка уже просматривались те структурные блоки институциональной матрицы, которые затем развивались и воспроизводились в более развитых и усовершенствованных формах на следующих институциональных циклах.

Глава 7

ПОМЕСТНЫЙ РАЗДАТОК: УКОРЕНЕНИЕ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ

В XV–XIX вв. российская цивилизационная матрица базировалась на поместном раздатке, при котором вся земля и средства производства распределялись ступенчато: государство наделяло помещиков, а они в свою очередь – крестьян. Потоки сдач также были двойными: один шел в государственную казну в виде тягла, т.е. податей и повинностей, а другой – в виде оброка и барщины направлялся помещику на основе крепостного права. При этом помещики были обязаны служить государству по военным и хозяйственным делам. В этот период окончательно сложилась система управления, когда функции закреплялись за ведомствами, принимавшими решения с учетом челобитных от всех слоев населения. К такому виду экономическую систему привела модернизация, осуществленная Петром I. Его реформаторская деятельность укоренила базовую модель раздаточного типа на основе тяглого хозяйственного механизма (рис. 7.1, табл. 7.1).

В рамках поместного раздатка жилищная модель также имела раздаточный характер: посессионных рабочих, прикрепленных к фабрике, обеспечивали бесплатным жильем; их семьи расселялись вокруг места работы, что формировало ведомственный сектор, аналогичный тому, который существовал на предыдущем цикле. Фабричные рабочие жили в своих избах, при каждом дворе были небольшие огороды, лес на постройку им предоставлял владелец.

При этом доход таких рабочих не ограничивался денежной платой, помимо этого они получали натуральные пособия и дрова. Крепостным крестьянам бесплатно выделялись дома или материалы для коллективного строительства жилья всей общиной (государством – в случае с «черными землями», помещиком – в случае с поместными участками). В городах преобладало служебное жилье для чиновников, дворянские и купеческие дома.

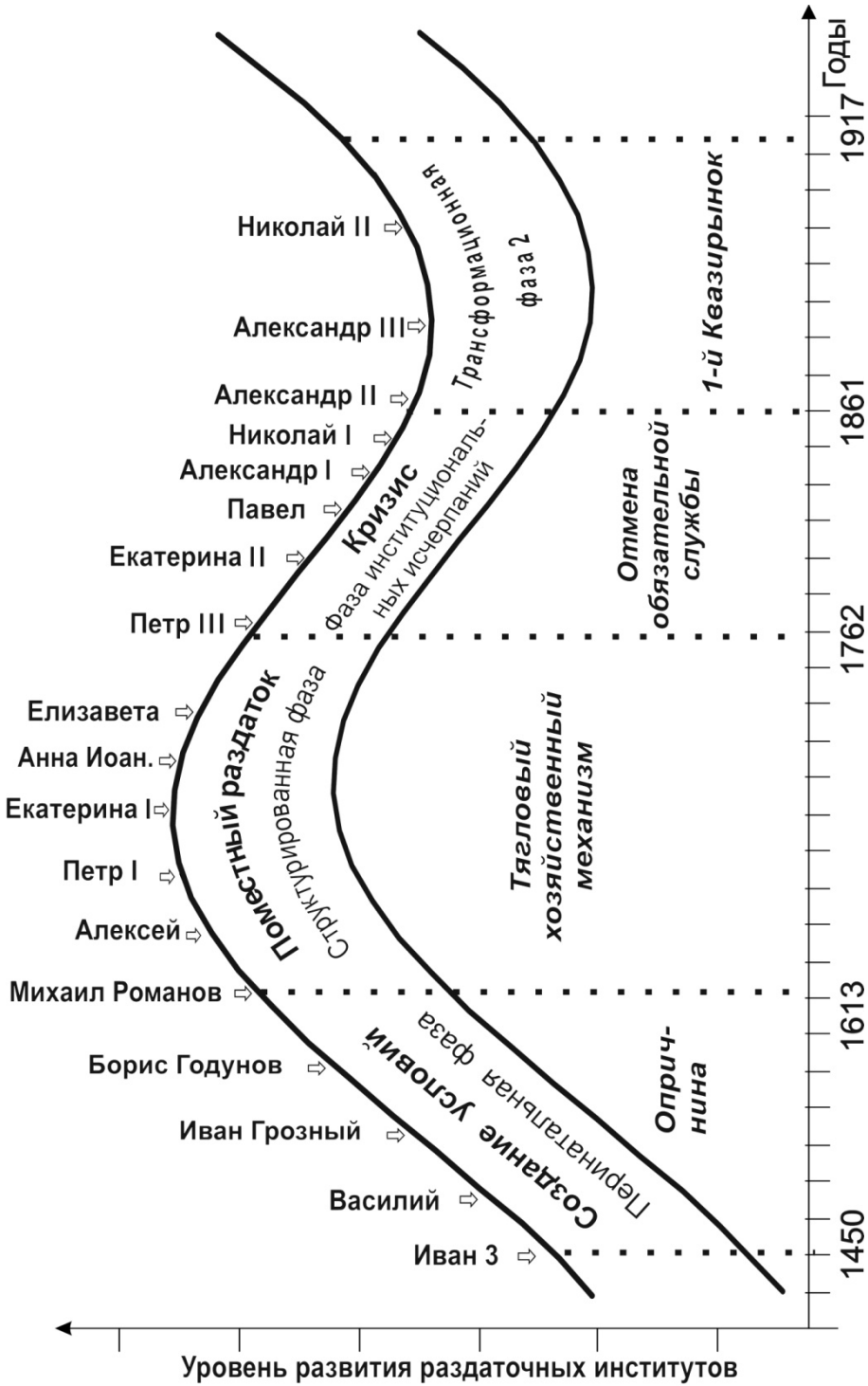

Рис. 7.1. Поместный раздаток – 2-й институциональный цикл России

Таблица 7.1

**Институциональная матрица поместного раздатка
на основе тяглового хозяйственного механизма**

Структурные блоки	Институциональные формы
Система управления	Приказы, коллегии, министерства
Формы организаций	Поместье, служебная вотчина, община, фабрики казенные, посессионные, вотчинные с крепостной рабочей силой, фабрики купеческие с наемной рабочей силой из крепостных крестьян, отпущенных помещиком на оброк
Директивные производственные задания	Тягло, подушная подать, наряды, повинности, государственная роспись доходов и расходов, книги сборов и выдач помещиков и монастырей, писцовые книги
Единая система нормативов	Подушная подать с ревизской души, подворная подать, посошная подать, обжа, оброк
Централизованные цены	Указные цены
Безналичная система обеспечения	Наделение фабрик ресурсами из государственной казны, прямые государственные вложения в экономику, бесплатное выделение земли и построек, прикрепление рабочей силы
Оплата служебного труда	Табель о рангах – для дворян, указные ставки казенного плаката – для крестьян и рабочих
Обеспечение жильем и социальными благами состоящих на службе	Наделение поместьями и служебными вотчинами, домами в городах, выделение дач, коллективное строительство жилья из выданных материалов в общинах и при фабриках
Система обязательной регистрации	Крепость – полное прикрепление к земле, нельзя покинуть место жительства без разрешения вышестоящего начальства
Сигнальная система	Жалобы, челобитные в ведомства

Базовые институты поместного раздатка

Институт раздач. Основным механизмом раздач имел форму пожалования для высших слоев общества и систему размещения – для основной массы служилого населения. Объектами раздач выступали не только земли, но и дворы в городах, промыслы, охота и рыболовство, а также денежное жалование и крестьяне. Источниками земельных раздач выступали вновь присоединенные территории, которые попадали в классификацию казенных земель. Кроме того, общий запас земли для раздачи в поместья и вотчины состоял из дворцовых земель, а также земель, поступивших в казну путем выморочности, конфискации и экспроприации. Истощение запасов земель, годных к раздаче, привело к постепенному введению денежного жалования, которое в XVI и XVII вв. давалось в дополнение к поместьям и соизмерялось с величиной поместной дачи.

Законодательной основой раздач во втором институциональном цикле служило поместное право, право пожалования, посессионное право и крепостное право.

Поместная система являлась основой института раздач, она определяла правила раздачи земель в поместное владение. Всеми делами по распределению земель и управлению земельными отношениями служилых людей заведовало особое центральное учреждение – Поместный приказ. В нем велись списки служилых людей с разделением их на статьи по размерам поместного владения и по окладам денежного жалования.

В поместном праве были четко сформулированы:

- условия предоставления участка земли – исключительно под условие службы: «поместьями могут владеть только лица, служащие государству, и никто другой» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 539];
- правила распределения земельных участков определялись в соответствии с должностным положением: «оклад – по чину, дача – по вотчине и служебному возрасту, придача и к окладу, и к даче – по количеству и качеству службы» [Ключевский, 1987, т. 2, с. 210];
- сроки владения – первоначально допускалось только пожизненное владение, но в XVIII веке, когда разрешили наследование, появилось понятие «родовое поместье».

На поместном праве раздавались дворы в городах (данные места) и огороды, которые нельзя было продавать. Но если владельца переводили на новое место по распоряжению правительства, то ему позволялось продать прежний двор и данное место.

Право *пожалования* сначала дополняло поместное право, а затем с времен Петра I полностью его заменило. В большинстве случаев земли жаловались за долговременную службу, за храбрость в военных баталиях, а также «за трудолюбие и ревностное попечение, что во время войны денежные платежи исправно текли» [Семевский, 1877, с. 214]. Пожалование

производилось письменным именованным указом сенату, который прочитывался на заседании первого департамента и сообщался для сведения – в третий. Нередко в указе выставлялся и мотив пожалования. Форма указа была такова: «Всемиловитейше жалуем (такие-то села и деревни) в полное и потомственное (или в вечное и наследственное) владение со всеми землями, лесами и всякими принадлежащими угодьями» [Там же, с. 215, 513].

Способ совершения пожалования состоял в выдаче жалованной грамоты и затем ввода во владение, совершаемого местными властями, которые получив грамоту, составляли акт ввода. Под жалованными грамотами понимались дарственные акты на имущество от государства частным лицам, которые содержали в себе пожалование недвижимого имущества, угодий и промыслов или укрепляли сделки на недвижимое имущество между частными лицами, а также между этими последними и главой государства. Важно отметить, что это не простое утверждение или укрепление частных сделок возмездных или безвозмездных. Дозволение предшествовало сделке, а не сопровождало ее, государство вмешивалось в нее элементом своего пожалования.

Право пожалования распространялось и на звания. Например, «гость есть звание, пожалованное великим князем какому-либо торговцу» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 147]. Причем пожалование сначала давалось каждому лично, а затем была выдана общая жалованная грамота классу гостей, предусматривающая всевозможные привилегии.

Крепостное право лежало в основе раздачи крепостных крестьян во владение частным лицам. В основном раздавались государевы крестьяне из дворцовых вотчин. Массовая практика раздачи крестьянских душ зафиксирована на протяжении середины XVII до конца XVIII столетия. Так, при Екатерине II было роздано 800 тыс. душ обоего пола, при Петре I – 43 655 населенных дворов с крестьянами, при Петре III – 5000 душ; Павел, вступив на престол, раздал своим приверженцам 100 тыс. крестьян с миллионом десятин казенной земли.

Посессионное право имело ограниченную сферу действия. Это «право вечного владения отведенными казной имениями и крестьянами, а также населенными имениями, даруемое фабрикантам и горным заводчикам с условием постоянной поддержки этих фабрик и заводов» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 552]. Законы XVIII в. называли такие имения казенными и предписывали за ними строгий контроль. Посессионный владелец мог продать деревни, предписанные к заводам и фабрикам, но лишь все вместе и с разрешения соответствующей коллегии.

Неотъемлемым элементом института раздач являлось установление объема прав по распоряжению выданным материальным объектом. *Право наследования* на поместья вводилось постепенно, к 1714 г. указом о единонаследии различия в правах наследования между вотчинами и поместьями исчезло.

Мена поместьями являлась древним правом распоряжения, дозволенное помещикам. До Уложения 1649 г. позволялась только мена поместья на поместье, после Уложения – и на вотчину. Уложение сняло и другие ограничения мены, но зато позаботилось о равенстве меняемых земель: чтобы населенное поместье не могло быть обменено на пустую вотчину. Мена была позволена лишь с согласия правительства – поместья «расписывались» в поместном приказе. В 1649 г. было разрешено меняться поместьями на кормовые деньги, т.е. на жалование. Однако законодательство долго колебалось: допускать ли продажу поместий. В результате был принят вариант продажи поместья за долги при несостоятельности. Все упомянутые сделки могли быть совершены не иначе, как с дозволения правительства, через поместный приказ.

И, наконец, институт раздач на втором, как и на первом, институциональном цикле включал в себя *право изъятия*. Ранее каждый новый князь мог взять пожалование назад, поэтому при перемене князя и при вступлении в наследство, каждый раз приходилось обращаться с просьбой о подтверждении грамоты. В XVIII в. регулярная практика изъятий привела к тому, что существовали имения конфискованные, отписные и выморочные, находившиеся в ведомстве особой канцелярии конфискации. Отписывались имения за недоимки, за долги банку, за разные вины владельцев, у вельмож, впавших в немилость.

Институт раздач характеризовался *многоуровневым механизмом*, который распространялся на все виды имуществ. Так, например, сначала государство наделяло церковь землями, а затем церковные учреждения раздавали земли своим служилым людям или на правах жалованных вотчин без права свободного отчуждения, или на правах поместного владения. То же правило действовало для общин. Община получала земли от государства, а затем она ведала раздачей участков необработанной или запустевшей земли новым поселенцам в срочное или бессрочное содержание. Сама же община имела полное право распоряжения землей и угодьями только внутри себя самой, среди прав отчуждения в актах встречалась только мена.

Другой массовой практикой, являвшейся следствием отмеченной черты института раздач, является «подмога», которую крестьянин обыкновенно получал деньгами или вещами от землевладельца при поступлении к нему на работу. Без этой помощи (например, скот, орудие) он не мог обрабатывать землю.

Таким образом, институт раздач второго институционального цикла в сравнении с первым приобрел более совершенную законодательную базу. На этом цикле формы института раздач были адекватны хозяйственным задачам поместного раздатка.

Институт сдач. В рамках поместного раздатка обнажилась сущность института сдач, поскольку в явном виде обнаружилось связи с институтом раздач и служебной организацией труда. Дело в том, что государство

закрепило за всеми слоями населения определенные обязанности: одни должны были служить по хозяйственным и военным делам, другие – кормить, тех, кто служит. Таким образом, все слои населения осуществляли отдачу трудовых усилий в разных формах и в том объеме, в каком было установлено через институт сдач. Поэтому для осуществления предписанных служебных обязанностей разные социальные слои получали через институт раздач части общественно-служебной собственности с правами по ее использованию.

В основе института сдач лежала государственная тягловая система, в которой определялись виды сборов (*подати, кормы*) и их окладные единицы, а также все виды повинностей для населения, которое так и именовалось тяглым или податным. *Подать* стала преемницей дани, оба термина использовались в финансовой практике как синонимы [Владимирский-Буданов, 1995, с. 105]. Кормы – это сборы, которые шли областным управителям, взимавшиеся ими при вступлении в должность и в установленные дни (на Петров день и на Рождество) в виде хлеба, мяса и сена. Они существовали и на первом институциональном цикле, только в другой форме: «кормы – древние полдюды, только иначе взимающиеся» [Ключевский, 1987, т. 6, с. 162].

Единицей обложения, как и на первом институциональном цикле, первоначально служила соха, лежащая в основе пососной единицы обложения. Затем в начале XVII в. такой единицей стала «живущая четверть», которая с конца 70-х годов XVII в. сменилась подворной податью. Реформы Петра I привели к установлению подушной подати, которая просуществовала до конца XVIII в. Периодические изменения единицы обложения были вызваны поиском адекватной меры сдачи части произведенного продукта в государственную казну. Главный принцип состоял в том, чтобы обложение осуществлялось пропорционально возможностям каждого в соответствии с потребностями государства.

Как и на предыдущем институциональном цикле, вплоть до конца XIX в. податные возможности населения определялись величиной земельного надела и количеством трудоспособных членов семьи. Поэтому все упомянутые единицы обложения учитывали оба эти обстоятельства. Так, утвердившаяся почти на два столетия подушная подать рассчитывалась по ревизской душе. «Под ревизской душой стали разуметь известную меру рабочих сил и средств, прилагаемых тяглым человеком к соответственно тяглому же земельному участку или промыслу, с причитающейся на них по разверстке долей государственного тягла» [Ключевский, 1987, т. 6, с. 162].

Поместная система определяла не только правила раздач земельных участков, но и устанавливала сроки и характер службы – государственной или военной, и этой своей стороной была встроена в институт сдач. В первой половине XVI в. была определена мера службы с земли, т.е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле. Так, со 100

четвертей земли дворянин обязан был быть на коне и с каждой следующей сотни четвертей ставить конника в своей свите.

Социальный слой населения, обязанный службой (придворной, военной, гражданской) и пользующийся за нее земельными владениями на поместном праве, назывался *служилым*. Дворянин XVI в. начинал свою службу с 15 лет, до этого он числился в недорослях. Придя на службу и записанный в служилый список, он становился «новиком». Тогда его в зависимости от первых служебных опытов верстали поместьем, а по дальнейшим успехам и денежным окладом, к которому бывали придачи за службу. Когда умирал служилый человек, его поместье оставляли за не имеющим еще земли взрослым сыном. Но из поместья выделялись доли на прожиток (пенсию) вдове и дочерям умершего. Вдове – до смерти, дочерям – до 15 лет, когда они могли выйти замуж. «Так, в служилой семье все дети служили: достигнув призывного возраста, сын – на коня, защищать отечество, дочь под венец, готовить резерв защитников» [Ключевский, 1987, т. 2, с. 214].

Крестьяне, проживающие на помещичьих землях, должны были осуществлять сдачи в форме оброка и барщинных повинностей, которые включали разнообразные виды сельскохозяйственных и строительных работ, при этом они не освобождались и от государственных податей. *Оброк* уплачивался натурой в виде части урожая, или в установленном количестве хлеба с выти (земельной единицы обложения). Иногда оброк переводился на деньги, и устанавливался денежный оброк. Величина оброка определялась не для каждого отдельного крестьянина, а для целой вотчины или села на длительный срок. Хлебный или денежный оброк дополнялся сдачами в виде продуктов питания (сыр, яйца, мясо, хлеб печеный, пиво, лен, куры и проч.); увеличение их количества понижало нормальный оброк и наоборот. Крепостное право было юридической формой служебной организации труда в раздаточной экономике второго институционального цикла. Прикрепление крестьян к земле имело совершенно тот же смысл, что и прикрепление служилых и посадских людей. Экономическая сущность крепостного права состояла в том, что «крестьянин не был прикреплен ни к земле, ни к лицу: он был, если можно так выразиться, прикреплен к государству; он был сделан государственным работником при посредстве помещика» [Хлебников, 1869, с. 273].

Городское население также было охвачено институтом сдач. Так, гости (купцы) на основе пожалованной грамоты не только имели привилегии, но и состояли на финансовой службе: заведовали таможами, оценивали и распределяли меха из Сибири, поступавшие в царскую казну. В присутственных местах, ведавших этими отраслями управления, гости занимали места голов и дьяков. Для отправления этой службы всякий торговый человек, возведенный в звание гостя, должен был переселяться из родного города в Москву. Посадские общины, как и сельские волости, платили подати, отправляли повинности и не были освобождены от личной

службы государству – через поставку *даточных* людей в войска, строительство и ремонт городских укреплений. С появлением промышленных предприятий на службу государству были поставлены и предприниматели.

«По мысли законодателя, частные предприниматели являются лишь промышленными агентами казны» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 555]. Истинным хозяином фабрик, мануфактур, рудокопных заводов была мануфактур-коллегия: частные предприниматели не только были обязаны брать разрешения по их устройству, но и те фабрики, которые приходили в запустение, отбирались в казну. Фабриканты обязаны были ежегодно доставлять образцы своих изделий мануфактур-коллегии. Заводчик уплачивал казне десятую долю прибыли, кроме того добытые металлы продавались заводчиками в казну по таксе, назначенной Берг-коллегией, и лишь тогда, когда казна не хотела или не в состоянии была купить, заводчик получал право вольной продажи.

Воинская повинность на втором институциональном цикле также была охвачена институтом сдач, как и на предыдущем цикле. С XV в. эта повинность сводилась к посошной службе: поставка ополченцев, как и все другие повинности, была разложена на сохи. При Петре I была введена рекрутская повинность, т.е. обязанность состоять сначала пожизненно, а затем 25 лет в регулярных частях.

Таким образом, институт сдач в рамках базовой модели поместного раздатка, подобно институту раздач, получил дальнейшее законодательное и организационное развитие. Он также усовершенствовал свои формы для решения хозяйственных задач данного исторического периода.

Институт административных жалоб. В основе этого института лежала подача челобитных¹ письменно или устно – на земских соборах. «Все значение сословий в области законодательства сводится к праву жалобы. То же единственное формальное право рельефно выделяется и в отношении к государям низших чинов» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 137].

Роль административных жалоб как сигналов обратной связи в раздаточной экономике России второго институционального цикла раскрыта в работе историка И. Дитятин [Дитятин, 1895]. В период московского государства духовенство, служилые люди, посадские, волостные и разных чинов люди «били челом государю, царю и великому князю о всяких своих тяготах, обидах и разореньях». Посадские, крестьянские старосты и выборные люди несли и везли свои «челобитья великие» в Москву самому царю или в приказы царские. Хотя московские цари и видели в них

¹ Полное собрание законов Российской Империи [1830, 22:16329]: Челобитная включала акт “лбом (челом) бить” – то есть, становясь на колени или кланяясь, таким образом, чтобы лоб касался земли перед царем. Слово челобитная использовалось практически до конца восемнадцатого столетия, а в 1786 г. был издан Указ, согласно которому она была переименована в жалобницу (жалобу), и словосочетание «бить челом» было заменено на слова “приносить жалобу” (подать жалобу) [Mugayeva, 2014 (эл. ист.инф.), дата обращения: 09.09.2024].

«докуку беспрестанную», но ответом на них было рассмотрение затрагиваемого вопроса и зачастую удовлетворение жалоб и ходатайств. Общинный мир пользовался правом жаловаться на злоупотребления, и жалобы выслушивались, просьбы рассматривались.

Челобитные подавались от имени отдельных лиц, от целых сословий, общин или от всех лиц, входящих в их состав. Челобитная начиналась со слов: «Царю и великому князю всея Руси бьют челом холопы и сироты твои государевы». Они подписывались или всеми челобитчиками или несколькими выборными представителями. Прибыв в Москву, жалобщики жили где-нибудь на подворье, выжидая, «как государь куда пойдет», чтобы при удобном случае вручить ему свою челобитную. При каждом выходе царя его сопровождали боярин и дьяк из челобитного приказа. Из этого приказа челобитные поступали на рассмотрение царя и в боярскую думу. Решение царя писалось думными дьяками на самих челобитных, которые после этого снова возвращались в челобитный приказ. Подьячие читали царское решение или ответ на жалобу «на площади, перед царским двором, всем людям», а по прочтению отдавали ее «именно тем людям, чья та челобитная будет». Но иногда челобитные направлялись прямо в челобитный приказ и оттуда выдавались на руки жалобщикам.

Такая подача челобитных лично самому государю практиковалась до издания Уложения 1649 г., которое запрещало, под страхом наказания батогами и тюрьмой, лично обращаться к государю и предписывало сначала обращаться в соответствующий приказ. Подписанная челобитная, возвращенная в соответствующий приказ с надписью «царь указал и бояре приговорили», за которыми следовало изложение самого приговора, обращалась в закон. Содержание челобитных было в высшей степени разнообразно и касалось всех вопросов управления в самом широком смысле этого слова: вопросы организации и функций административных учреждений, но только местных, вопросы податные и финансовые, вопросы тягло-сословного строя.

По оценке И. Дитятин, «челобитные затрагивали все сферы внутреннего административного строя, все стороны общественных отношений, которые регулировались в значительной степени под влиянием челобитных, и тех предложений и мер, которые указывались московскому правительству в этих челобитных» [Дитятин, 1895, с. 275, 281–282].

Примером влияния челобитных на формирование институциональной среды явилось реформирование местного управления при Иване Грозном, состоящее в *отмене системы кормления*. В период существования кормленщиков выработался порядок должностной ответственности по жалобам. По окончании срока кормленщика обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли жаловаться на его действия, если находили их неправильными. Вскоре жалоб стало так много, что царь изменил всю организацию управления, заменив правительственные органы, назначавшиеся им самим в Москве из среды служилых людей, выборными из среды самого населения.

Поместная система также сложилась под сильным влиянием челобитных. Московское законодательство начиная с конца XV в. обращало серьезное внимание на поземельные отношения: «огромное количество челобитных и данных по их поводу указов касаются именно поземельных отношений» [Россия..., 1898, с. 531]. В этой связи интерес представляла «Указная книга поместного приказа», обнаруженная еще в конце XIX в. В.Н. Сторожевым [Кистерев, 1993, с. 5–23]. Из этого документального источника видно, что многие законодательные акты по поместному вопросу фактически были ответами на коллективные дворянские челобитные. «Указная книга» послужила фундаментом той части Уложения 1649 г., которая посвящена была поместному праву.

Крепостное право складывалось постепенно и по тому направлению, какое ему фактически задавали челобитные служилых людей. «В этих челобитных выразилась инициатива многих отдельных мер, к которым прибегло московское правительство для достижения полной крестьянской крепости земле. Под влиянием этих челобитных изданы все указы о сыске крестьян, сбежавших с земли одного владельца на земли другого, об урочных годах, в течение которых сыск допускался, о водворении их на старых местах и т.д.» [Дитятин, 1895, с. 284].

Новоторговый устав, изданный в 1667 г. с целью установить «свободные торги», явился результатом «милосердного царского воззрения на всенародное слезное челобитье» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 238].

Роль административных жалоб в качестве сигналов обратной связи выразилась в том положении, какое занимал *челобитный приказ* среди других ведомств в период с 1550 по 1649 год, когда готовилось Уложение. «Челобитный приказ превратился в подготовительное законодательное учреждение и в общее хранилище законов, куда обращались другие приказы, желая осведомиться, нет ли уже указа по вопросу, который определенному приказу казался новым» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 233]. Составление Уложения 1649 г. также было вызвано челобитными разных слоев населения.

Первая попытка государственного *регулирования цен* также начиналась с челобитной. В 1601 г. посадские люди обратились в Москву с жалобой на то, что местные торговцы подняли цены на хлеб. Царь Борис приказал ввести в данном посаде единую цену на хлеб, обязательную для всех. Чтобы покончить со спекуляцией, указ вводил нормированную продажу хлеба [Скрынников, 1988, с. 41].

Именно по административным жалобам осуществлялся контроль за соблюдением установленных правил взаимодействия между помещиками и крестьянами. По данным Г. Котошихина, «когда боярам и другим чинам даются поместья и вотчины, то им пишут в жалованных грамотах, что им крестьян от сторонних людей и всяких обид и налогов оберегать. А подати с них собирать по силе, с кого, что можно взять, чтоб мужиков своих из поместий и вотчин не разогнать, и в нищие не привести. А будет который

вотчинник или помещик ...начнет с них снимать поборы великие... и будет на такого вотчинника и помещика *челобитье*, что он над ними так и чинил, то у таких помещиков и вотчинников поместья их возьмут назад на царя и впредь не будут даны до веку» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 541–542]. Исторические данные свидетельствуют, что у помещиков, которые разоряли своих крестьян, имение действительно отбиралось.

Административные жалобы являлись также ограничителями для увеличения сборов. В. Ключевский иронически замечал: «При новом расходе, не покрываемом наличными поступлениями, московское правительство обращалось к своей привычной финансовой арифметике, пересчитывало списочных плательщиков, по их числу распределяло «всвал» понадобившуюся сумму и предписывало собрать ее с угрозами за недобор в виде единовременного «запроса» или единовременного налога. Недоимки и докучливые жалобы, что платить невмочь, служили единственными сдержками такой беспечальной финансовой политики» [Ключевский, 1987, т. 3, с. 251].

Институт административной жалобы в этот период включал также *челобитные*, подаваемые на *земских соборах*. За счет этого расширялся канал связи между управляющими и управляемыми. Соборы «представляются... несомненно полезными, как средство непосредственного общения государя с землей: из челобитных выборных людей государи прямо знакомились с потребностями страны, недостатками управления и злоупотреблениями органов администрации» [Дитятин, 1895, с. 295].

Со времен Петра I институт административной жалобы существенно рационализировался. Прежде всего, был издан ряд указов, запрещавших людям всех сословий обращаться с просьбами и жалобами на высочайшее имя помимо правительственных учреждений. Были разработаны подробные правила для «прошений и жалоб, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны» [Плавильщиков, 1811]. Введена специальная должность рекетмейстера, который принимал и рассматривал жалобы от челобитчиков на медленное или неправоное решение их дел в коллегиях. В дальнейшем первой инстанцией приема жалоб стали смешанные присутствия, второй и последней – административные департаменты правительствующего сената.

По мере развития поместного раздатка все новые слои населения наделялись правом жалобы. С появлением в 1721 г. посессионных рабочих, закрепленных за мануфактурами, им, так же, как и остальным сословиям, разрешалось подавать жалобы в департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов. На характер действия механизма жалоб обратил внимание М. Туган-Барановский, который выявил взаимосвязь между количеством и регулярностью жалоб и принятием решений по изменению фабричного законодательства. Его фундаментальный труд

«Русская фабрика в прошлом и настоящем» изобилует описанием характера жалоб и реакцией власти на них.

Вот некоторые обобщающие выводы М. Туган-Барановского.

В течение всей первой половины XVIII века не прекращаются жалобы фабрикантов на недостаток рабочих. «Невыгодность работать с посессионными людьми – вот на что указывают фабриканты в просьбах об освобождении рабочих. Нередко при этом приводится и другой мотив – неповиновение посессионных фабричных и их постоянные жалобы на владельцев» [Туган-Барановский, 1997, с. 182].

Подводя итоги своего объемного исследования, Туган-Барановский резюмирует: «первый шаг нашего правительства в области фабричного законодательства был вызван взаимными жалобами фабрикантов и рабочих друг на друга. В конце 30-х годов в министерство финансов начинают поступать жалобы многих владельцев посессионных фабрик на стеснительность условий посессионного владения. К этому времени и в правительственных сферах окончательно укрепилась мысль о необходимости так или иначе ликвидировать посессионное фабричное владение» [Там же, с. 176].

В то же время во второй половине XVIII в. соответствующим указом у крестьян было отобрано право жаловаться, тем не менее, жалобы крепостных принимались, если они были переданы по установленным каналам.

Административные жалобы, дополнительно к функции сигнальной системы, служили оценкой функционирования поместного раздатка. «Екатерина II объясняла это таким образом: «я устанавливаю ежегодную сумму, всегда одну и ту же, на расходы, связанные с моим хозяйством. Покуда мне поставляют то, что я приказала, и никто не жалуется, что его обошли, я считаю себя удовлетворенной». Более того «в принципе такая же система преобладала на всех ступенях российского управления по крайней мере до 2-й половины XIX в.»» [Пайпс, 1993, с. 238]. Действительно, опыт исторического развития показал, что, если не контролировать количество жалоб, могут возникать ситуации *смуты*. «Жалобы, накопившиеся в царствование Михаила, произвели взрыв в Москве и других городах в начале царствования Алексея, следствием чего было Соборное Уложение, уничтожение закладничества, мера против английских купцов» [Соловьев, 1988, кн. 7, с. 39].

Таким образом, институт административных жалоб второго институционального цикла, так же, как и на первом цикле, передавал сигналы от всех слоев населения властям, осуществлявшим экономическую политику. Вместе с тем он значительно рационализировался, именно на втором цикле начался переход от непосредственной челобитной к административным жалобам через иерархическую структуру соответствующих ведомств.

Институт общественно-служебной собственности. В рамках поместного раздатка данный институт получил дальнейшее развитие. Во-первых, в явном виде был представлен и закреплен в юридических нормах служебный характер собственности на землю. Правило первого институционального цикла «кто служит, тот и пользуется землей» трансформировалось в принцип «кто пользуется землей, тот и служит». Во-вторых, многоступенчатость механизма раздач приводила к наслоению прав разных субъектов на одну и ту же вещь, а именно государства, общин и частных лиц. «Дарение не переносит общих прав собственности на одаряемого, в правах на дар продолжает участвовать и даритель» [Владимирский-Буданов, 1995, с. 536]. Государство владело землями сельских и городских общин, и эти земли именовались государственными.

Управление общественно-служебной собственностью на втором институциональном цикле происходило с помощью законодательного прикрепления к земле в той или иной форме всех слоев населения. Крепость определялась как запись, или документ, или свидетельство, выданное судебным органом на право владения недвижимой собственностью. На крепостное крестьянство смотрели так же, как и на поместные земли: это было государственное достояние, уступленное отдельным лицам и учреждениям.

Органы управления в этот исторический период существенно модифицировались. Такими организационными формами сначала были *ведомства*. Высший служилый класс именовался «боярами введенными», т.е. введенными во Дворец для постоянной помощи великому князю в делах управления. Бояре введенные получали кормления в виде наместничества в городах. В период с XVI по XVII век действовали специальные учреждения – *приказы*, которые преобразовывались из ранее существующих органов управления. Так, из личного управления дворецкого и казначеев возникли дворцово-финансовые приказы Большого дворца и Большой казны. Из военных ведомств – разрядный приказ, из судебно-административных ведомств – холопий приказ, затем разбойный и поместный приказы, из ведомства иностранных дел – посольский приказ, из областных – четверти и судные приказы.

Умножение и обособление приказов стало первой попыткой соединения однородных органов и упорядочивания системы управления, законченной Петром I через учреждение *коллегий*. С 1720 г. было организовано 12 коллегий, причем почти все эти коллегии преобразованы из прежних приказов; кроме того, многие прежние приказы были сохранены. К концу XVIII в. коллегии были постепенно закрыты, и на их месте образованы *министерства*, правила функционирования которых неоднократно корректировались.

Хозяйственная деятельность во втором институциональном цикле осуществлялась в поместьях и вотчинах, а с XVIII в. – также на фабриках

и заводах. Крестьянское хозяйство посредством ссуд, льгот, изделий и оброков так сильно переплелось с барским хозяйством, что обеим сторонам было трудно разграничиться. Это делало землевладельца инспектором крепостного труда и ответственным сборщиком казенных податей со своих крестьян. Подати превращались для крестьян в одну из статей барского тягла, подобно тому, как крестьянское хозяйство, с которого шли эти подати, входило в состав барского имущества.

Элементами механизма координации сдаточно-раздаточных потоков в период поместного раздатка служили *писцовые книги*, т.е. периодические кадастры государства, а также *рописи* и *передел* общинных земель.

Писцовые книги состояли из описания земель по количеству и качеству; населенных мест, где исчислялись дворы; доходности земли (урожайности); повинностей в пользу землевладельцев и местных властей и, наконец, сравнительной ведомости о прибыли или убыли доходов по сравнению с прежним описанием. Провинциальные власти обязаны были составлять «окладные росписи» – проект доходов и расходов по данной провинции и «сметные списки» – отчет о действительном исполнении прошлого года. Уездные росписи сводились в областном городе в общую областную роспись. Из местных росписей в Москве составлялись общие росписи по каждому отдельному финансовому ведомству. С XVIII в. составлялась государственная роспись, однако много денег получалось и расходовалось на местах.

Элементом балансировки потоков сдач-раздач также являлся *передел* общинных земель. Земля распределялась соразмерно с рабочей и податной возможностью крестьян, т.е. земля принудительно делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого двора. Это происходило потому, что размером надела определялась для каждого крестьянина соответственная тяжесть сословных обязанностей, падавших на крестьянство; как только это соответствие процессами рождения и вымирания нарушалось, земля переделывалась для восстановления равновесия. Переделы происходили через десятилетние периоды, совершались целым сходом участников и скреплялись записью в государственном учреждении.

Таким образом, институт общественно-служебной собственности поместного раздатка на втором институциональном цикле укоренился окончательно, увязав владение землей с несением службы в разных формах всеми слоями общества.

Финансовые институты. В базовой модели поместного раздатка роль денег при обслуживании раздаточных потоков усилилась. «За службу государь жалуется поместьем и деньгами» – таким стало правило этого исторического периода. Правительство не всегда располагало достаточным количеством годных земель для полного удовлетворения служилых людей по установленным окладам. Такие обстоятельства привели к постепенному введению денежного жалования, которое в XVI–XVII вв. давалось в дополнение к поместьям и соотносилось с величиной поместной дачи.

В середине XVII в. поместные оклады соразмерялись с денежными выплатами для каждого разряда служилых людей следующим образом: на каждый рубль денежного жалования давалось по 5 четвертей поместной земли. Впрочем, эта пропорция не всегда поддерживалась неизменной. Денежные оклады, подобно поместным, соответствовали не действительным дачам, а были связаны с характером и ходом самой службы. Люди высших чинов, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые, получали назначенные им денежные оклады сполна и ежегодно, низшие чины получали их через два года на третий. Вообще денежное жалование как дополнение к поместным доходам выдавалось служилым людям, когда надо было их подготовить к походу.

Крестьянская *подмога*, получаемая от землевладельца, также была комбинацией натуральных и денежных выдач. Так, в 1511 г. за крестьянами вотчинников Московского и Боровского уезда числилось до 2 тыс. руб. [Ключевский, 1987, т. 2, с. 283].

Так же, как и на первом, на втором институциональном цикле, деньги являлись необходимым атрибутом отношений сдач-раздач. По мере расширения Российского государства сдачи приобретали все более денежный характер. «За время царствования Михаила казна взимала хлебные сборы иногда натурой, а в иных случаях деньгами, точно так же производила и свои платежи служилым людям» [Ключевский, 1987, т. 8, с. 103]. С введением подушной подати прочно вошла в жизнь денежная форма обложения – подушный оклад сначала был установлен в размере 95 копеек, а затем опустился до 74 копеек; городские тяглые обыватели платили по 1 руб. 20 копеек.

Элементом сдач являлись и периодически вводимые денежные *сборы* тогда, когда общий объем сдач, производимый по установленной единице обложения, не покрывал всех расходов. Как только объем дополнительных сборов значительно превышал объем основных сдач, производилась реформа окладной единицы обложения, в результате которой происходило включение всех предыдущих платежей в один. В XVI–XVII вв. были введены полоняничные деньги – на выкуп пленных, стрелецкий хлеб – на содержание стрельцов, ямские деньги – на содержание ямской гоньбы, ямчужные деньги – сбор на покупку пороха и т.д. В XVII столетии эти многочисленные сборы были объединены и сведены в три крупных оклада: деньги данные, полоняничные и деньги оброчные.

Ценообразование с самого начала являлось инструментом экономической политики государства. В XVII в., когда хлебные сборы были заменены денежными, то цены, по которым натуральные платежи казне перекладывались на деньги, были довольно высоки. Напротив, цены, по которым она переводила свои хлебные дачи служилым людям на деньги, можно считать довольно дешевыми [Ключевский, 1987, т. 8, с. 103]. Уже в первой половине XVII в. существовали две казенные четверти (хлебная мера): одна была торговая, которую казна выдавала хлебное жалование

служилым людям, но в свои магазины казна принимала хлеб четвертью вдвое большей. Эта двойная практика постепенно вошла в употребление на рынке. Соответственно, в этот период существовали две категории цен – «казенная приемная» и «казенная отдаточная» [Там же, т. 8, с. 106].

Хлебные цены в 1601 г. резко поднялись в связи с трехлетним неурожаем. Московское правительство, чтобы помешать спекуляции, установило указные цены, понизив их вдвое [Ключевский, 1987, т. 8, с. 101]. В указной книге «о хлебном и калачном весе» 1623–1631 гг. содержится ряд актов, касающихся хлебного надзора за торговлей печеным хлебом в Москве. Периодически особо назначенная для хлебного дела комиссия устанавливала таксу, с которой обязаны были считаться московские хлебники и калачники. Анализируя хлебные цены в Москве в XVII в. и составив таблицу зависимости цены на муку, количество выпекаемого из нее хлеба и цены фунта печеного хлеба, В. Ключевский увидел однообразную прогрессию. На основании этого факта он пришел к выводу о нерыночном происхождении хлебных цен – «рыночные цены едва ли могут расти с такой правильностью» [Там же, т. 8, с. 68].

Указные цены на хлеб существовали и в XVIII в.: сохранились рапорты и отчеты о текущих ценах, какие присылались в Камер-коллегию и Ревизион-коллегию из провинциальных и уездных канцелярий или городских ратуш. О том, что цены устанавливались, свидетельствует и Указ 1620 г., на основании которого такса скота для Разбойного приказа была увеличена вдвое против указных цен, установленных при царе Федоре Ивановиче [Ключевский, 1987, т. 8, с. 112, 115]. В XVII–XVIII веках также были установлены цены на смолу, поташу, ревень, клей, соль, табак, мел, деготь, рыбий жир, дубовые гробы. Указ 1705 г. предписал принимать соль вольным порядком и продавать из казны вдвое дороже подрядной цены [Там же, т. 4, с. 123].

В XVII в. существовала категория вотчин, купленных из казны. Цены на них устанавливались государством и были настолько низки, что такая продажа рассматривалась как степень пожалования. Цена, по которой выкупались вотчины, сначала не была определена законом, и обыкновенно выкуп совершался по той цене, по которой совершена сделка продажи. Но когда контрагенты сделок, чтобы парализовать право выкупа фактически, стали обозначать в актах чрезвычайно высокую цену, тогда появилась потребность таксировать выкупную плату в 1619 г. и 1621 г. В дальнейшем такса была отменена, и установлены правила выкупа по цене, обозначенной в купчей [Владимирский-Буданов, 1995, с. 532, 538].

В конце второго институционального цикла *государственный бюджет* имел значительные дефекты. Государственная роспись не считалась обязательной к исполнению: каждое ведомство пользовалось широкими правами на запрашивание дополнительных ассигнований, могло по своему усмотрению накапливать остатки [Россия..., 1898, с. 190]. Ведомства были

государством в государстве, имея свой отдельный бюджет не только по расходу, но и по доходу; каждое министерство имело в исключительном своем заведовании особые источники дохода, не всегда входящие в общую роспись.

Таким образом, финансовые институты поместного раздатка на втором институциональном цикле все прочнее становились на службу государственной экономической политики. Главным их назначением было, как и прежде, обслуживание сдаточно-раздаточных потоков и обеспечение механизма координации сдач-раздач.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства. Торговля в рамках поместного раздатка осуществлялась специальным социальным слоем – купцами или гостями, которые, как и другие группы населения, состояли на службе государства. Купцы-послы получали свои посольские оклады, а простые купцы – месячину, месячный корм, который им раздавался по старшинству городов. Купцам нельзя было владеть земельной собственностью, поскольку каждый землевладелец должен был служить государству, а купец был человек *данный*, плативший в казну деньги со своего промысла. Если купец становился землевладельцем, то он должен был совмещать в себе два характера: человека служилого и человека данного, однако это было невозможно по условиям того времени.

Звание гостей в XVI в. жаловалось специальной грамотой, где определялись как привилегии, так и характер службы. Торговые люди гостиной и суконной сотен составляли второй разряд после гостей, занимающихся торговлей. Они были сгруппированы только в Москве, назначались правительством из числа лучших местных торговцев провинциальных городов. Служба членов этих сотен состояла в том, что они были товарищами при гостях в финансовом управлении, в награду они получали привилегии, хотя и меньшие, чем гости.

В XVIII в. мещанское сословие, куда входили купцы, пользовалось исключительным правом на торговлю и ремесла, однако розничная торговля в Москве была дозволена всем. Наказ Екатерины II полагал, что торговля дворян в городах противна существу самодержавного правления [Владимирский-Буданов, 1995, с. 245]. На купцов была возложена обязанность по управлению казенными фабриками и заводами.

К концу XVIII в. правительство стремилось к рациональной организации фабрично-заводской промышленности и торговли, которые, по замечанию М. Сперанского, «должны быть управляемы одним учреждением, поскольку торговля есть только ветвь общей народной промышленности» [Россия..., 1898, с. 279]. Действительно, Сенат был разделен на 5 департаментов, среди которых важное место занимал торгово-промышленный. Правительство поощряло предпринимателей в форме наград и в виде объявления благоволения. В Манифесте от 7 августа 1801 г. было сказано: «Кто откроет новую отрасль торговли и промыслов, изобретет новую

полезную машину, заведет фабрику в новом роде или в лучшем устройстве с большим действием или меньшим расточением сил и, наконец, всяк кто представит по этим предметам сочинение, да будет удостоверен в достойном возмездии и награде пользам изобретений его соразмерной» [Там же, с. 279].

Таким образом, в рамках базовой модели поместного раздатка институт рыночной торговли и частного предпринимательства находился на службе и под контролем государства.

Перинатальная фаза II институционального цикла

Во второй половине XV – начале XVII вв. происходила ликвидация удельной системы. В 1470-е гг. в состав Московского княжества был включен Новгород и его земли, в 1485 г. ликвидирована самостоятельность Тверского княжества, позже при Василии III была подчинена Рязань. С середины XV до середины XVII века территория увеличилась более чем в 6 раз. Иван Грозный завоевал Казанское и Астраханское царства. В XVII в. была присоединена Сибирь.

Механизм национализации. До второго институционального цикла господствующим типом землевладельца был своеземец-собственник, к ним относились крупные и мелкие бояре, купцы, посадские люди, крестьяне, попы, монахи, монастыри и церкви. На таких владельцах не лежало никаких служебных обязанностей, они платили налог с каждой обжи земли, так называемую обежную дань. А на втором институциональном цикле преобладающим становится тип землевладения, полностью зависящий от правительства. Это коренное изменение произошло на почве конфискации частной земельной собственности и преобразования ее в поместное владение и землевладение крестьянских общин. Колоссальных размеров достигла конфискация в царствование Ивана Грозного, однако она началась задолго до него и продолжалась после. Зависимое служебное землевладение в Новгороде впервые было введено Иваном Грозным после 1477 г., а отобранные у новгородцев земли раздавались служилым людям на поместном праве.

Однако еще до середины XVII в. существовали вотчины с правом наследования и распоряжения по собственному усмотрению, служба с которых была необязательна, хотя это положение дел было отменено с установлением уложенной службы со всех вотчин наряду с поместьями в 1556 г. Помещику, как и вотчиннику, надлежало быть на государевой службе «конну, людну и оружну», в сопровождении вооруженных слуг на лошадях. С каждых 100 четвертей пашни (80 га) в поход должен был быть отправлен ратник «на коне и в доспехе полном». Необходимость поддерживать боеспособность этой вооруженной массы заставляло правительство производить служилым людям регулярные денежные выдачи. До XVII в. брать в аренду лавки и торговать в них могли все, ограничения начинались с установлением крепостного права. В течение XVII в. в городах

были конфискованы торговые помещения, лавки, амбары, скамьи и места под ними, огороды и сады.

Механизм коллективизации. Все конфискованные земли предоставлялись в условное владение помещиков или в оброчное владение крестьян, которые прежде работали на них по подрядным договорам, заключенным с прежними собственниками. Повинности землевладельца переводились на оброк в государеву казну, но этот оброк определялся не на каждую деревню или двор, как определялся доход господина, а сразу на все имение. Раскладка нового оброка между отдельными членами становилась делом общины. Правительство требовало лишь своевременного выполнения платежей, недостаточность одного тяглеца не влекла за собой снижения общего размера платежа, а должна была компенсироваться соседями в соответствии с решением общины. Члены общины еще до XVII в. сохраняли права распоряжения государевой землей, например, продавали с условием, чтобы тягло не менялось, наследовали, дарили, однако к XVII в. такие продажи были запрещены.

Механизмом компенсации избыточного податного бремени был внутриобщинный передел. Целью передела было приведение величины используемых хозяйствами наделов с постоянно менявшимися в силу демографических причин трудовыми возможностями.

Обязательная служба с земли требовала соответствующий объем рабочей силы для ее выполнения и вызывала жалобы на неудобства свободного перехода крестьян с целью его ограничения и отмены. Особенно к этому стремились мелкие владельцы. Судебники устанавливали один срок крестьянского выхода – Юрьев день, но в конце XVII в. он был отменен. Подрядный договор был заменен крепостью по писцовым книгам.

Таким образом, механизм коллективизации на втором институциональном цикле привел к крепостному праву, т.е. прикреплению крестьян к земле, а также к механизму раскладки государственных повинностей на всю общину при круговой поруке.

Механизм социальной фильтрации. В 1560-х годах, обвинив своих бояр и служилых людей в измене и разделив страну на две части – земщину и опричнину, Иван Грозный осуществил опричный террор. Большинство членов Избранной рады, состоявших из потомков удельных князей подверглись жестоким репрессиям.

На протяжении всей перинатальной фазы велась борьба с закладничеством – нетягловым состоянием. Закладники вышли из тягла, стали жить за людьми разных чинов, перестали платить подати – в этом суть жалоб, которые получало правительство на запрет закладничества (1648 г.). В Уложении решился этот вопрос: закладничество воспрещалось под страхом наказания: кто вновь заложится, подлежит кнуту и ссылке в Сибирь, кто примет закладника, подлежит опале, а земли его отбираются на государя. Закладничество исчезло с полным преобразованием системы обложения после введения подушной подати.

«Стоглавым» собором были установлены ограничения на операции землей церквями. Покупка монастырями вотчин была запрещена без разрешения центральной администрации. В 1580 г. было введено запрещение отдавать вотчины в монастыри «на помин души». Все эти мероприятия ввели ограничения для выбытия земель из государственной службы. В 1667 г. церкви было запрещено держать корчмы и лавки.

Ограничение частной торговли. С конца XVII в. вводились меры к обособлению торгового класса. За службу в таможенных и кружечных дворах, а также у соболиной казны правительство жаловало торговых людей гостиным именем. Звание гостя из бытового явления переходило в отличие, жалуемое московскими государями за верную службу. Поскольку существовал перечень заповедных, требующих специального разрешения, и монопольных товаров (хлеб, пенька, икра, юфть и многие другие), то их закупками занимались купцы, действовавшие по поручению правительства.

С введением Новоторгового указа в 1667 г. иностранцам запрещено было торговать в розницу, а также между собой. Был создан Купецкий приказ для защиты интересов купцов. К середине XVII века торговля вином была уже традиционным предметом государственной монополии. В качестве финансовых агентов правительство часто использовало торговых людей. Их функциями были – сбор податей, управление таможенными и кабацкими сборами, чеканка монеты, продажа товаров, отнесенных к казенной монополии, управление оброчными статьями: мельницами, банями, а также изготовлением кваса, смолы и так далее. *Валютная политика:* привезенную из-за границы валюту надлежало сдавать в приграничных городах по установленному курсу, ее хождение внутри страны запрещалось.

Структурированная фаза II институционального цикла

Эволюция системы управления. Во второй половине XV – в начале XVII века была воспроизведена дворцово-вотчинная система, построенная на территориальном принципе управления. Функционировали два общегосударственных ведомства – Дворец и Казна. Во главе Дворца стоял дворецкий, ему подчинялись другие дворцовые слуги, они назывались «путными» боярами и ведали различными отраслями великого князя – «путями»: конюшенный, ловчий, чашник и т.д. Во главе Казны стоял казначей, который был хранителем великокняжеской казны и архива, ведал государственной печатью, управлял яскими и поместными делами, руководил вместе с князем внешней политикой.

В XVII – начале XVIII вв. руководство государственным хозяйством осуществлялось *Приказами*. К общегосударственной компетенции относились Посольский, Разрядный, Поместный, Челобитный, Стрелецкий, Пушкарский, Оружейная палата. Особую группу составляли дворцовые приказы, управлявшие различными отраслями царского хозяйства: Казенный приказ, Приказ Большого Дворца, Конюшенный, Ловчий, Сокольничий

и Постельничий Приказы, Приказ большого прихода. Приказы подчинялись царю и Боярской думе [Котошихин, 1859] – см. Приложение 1.

Возглавляли приказы, как правило, думные дьяки, в подчинении у которых находились подъячие, ведавшие делопроизводством. Каждый приказ был одновременно судебным ведомством в рамках своих полномочий. Для исполнения судебных функций выделялись отдельные чиновники – дети боярские, недельщики, денщики – для привлечения к суду и содержания под стражей.

Приказы возникали стихийно в течение длительного времени по мере расширения функций государства в связи с присоединением новых территорий. Приказы финансировались путем приписки к ним определенных территорий, с населения которых взимались налоги. Приказы часто дублировали друг друга, соединяли в себе административные, финансовые и судебные функции, совмещали функциональное управление с территориальным. В 1702–1705 гг. насчитывалось не менее 50 приказов.

Логика формирования приказов была «житейской», реакцией на сложившиеся условия. Например, посольский приказ занимался не только внешней политикой, но и массой других дел. В нем вели учет живших в стране иностранцев, ведали касимовскими татарами, снабжением донских казаков хлебом. В компетенции приказа была почта, кораблестроение, вотчины Строгановых, несколько монастырей, железодельные заводы, поскольку основатели этих заводов были иностранцами, а доходы с монастырских вотчин шли на нужды приказа. Владимирский судный приказ занимался кораблестроительным делом, в 1695 г. ему было поручено собирать новый налог «деньги на корабельную постройку», а если он уж собирал деньги на корабли, то должен ведать расходом этих денег. Стрелецкий приказ не только обеспечивал порядок в столице, но и руководил застройкой и другими делами городского хозяйства. Пушкарский приказ управлял пушкарями, мастеровыми пушечных дворов по 84 городам, Ямской приказ управлял населением ямских слобод, Поместный приказ заведовал крепостными, а Холопий – холопами, и т.д.

Через приказы государство осуществляло не только отраслевое или территориальное управление, но и управление социальными группами, являвшимися частью иерархии служилых чинов государства. Приказные чины обеспечивались поместьями и деньгами. Работа приказного рассматривалась как разновидность службы государству. Хотя денежное жалованье подъячих все больше приобретало регулярный характер, тем не менее деньги рассматривались лишь как составная часть жалованья – поощрения государем служилого человека за службу. Поэтому была распространена практика получения денег и подарков от челобитчиков, что являлось нормой и нередко основным источником доходов приказного. Более того, единственным источником существования подъячих была «прокормка с челобитчиковых дел».

Во времена коллегий термин «кормление от дел» был заменен иностранным эквивалентом «акцинденция», что переводилось как «от дел дозволенные доходы». Суть акцинденции состояла в том, что челобитчик платил по взаимной договоренности и определенной таксе сумму денег тому подьячему, который совершал для челобитчика какую-либо канцелярскую работу. Различие между акцинденцией и взяткой заключалось в том, что акцинденция была платой за труд, не сопряженный с нарушением закона в пользу челобитчика, а взяткой считалось получение денег чиновником за нарушение законов в пользу взяткодателя. В 1724 г. акцинденция была регламентирована.

В XVII в. все *дворцовое управление* было сосредоточено в приказе Большого Дворца, во главе которого стоял дворецкий, который управлял такими хозяйственными дворами, как сытенный, кормовой, хлебный, житенный и всех дворовых людей. Для обеспечения нужд Большого дворца ему были отданы доходы с кабаков, таможен, с мельниц, рыбных промыслов. С этой же целью он ведал тяглом и податями посадских людей более, чем в 40 городах, в Москве к нему было приписано 8 слобод торговых и ремесленных людей: котельников, оловянишников, кузнецов, плотников, рыбников, шатерников, горшечников, печников и кирпичников. Эти московские ремесленные люди находились в особом положении: они платили подати наряду с посадскими других приписанных городов, кроме того, «они повинны работать всякие дела на царском дворе, что прилучится, безденежно» [Котошихин, 1859, с. 73].

Дворцовое хозяйство, принадлежавшее царю, включало: солеварни, поташное дело, металлургические заводы, а также стекольные, сафьянный, кожевенный заводы, сады с виноградниками и обширные поля «десятинной пашни». Все это обслуживалось под управлением Дворцового, Хлебного и Тайного приказов. Для управления отдельными частями хозяйства назначались приказчики или воеводы, которые были обязаны подавать годовые отчеты с подробным перечнем доходов и расходов, а для ревизии их деятельности направлялись ревизоры из военных. На царских полях работали преимущественно крестьяне дворцовых сел, выполняя барщину, но привлекались и служилые люди – дети боярские и казаки. Для ремесленных работ были поселены 200 семей ремесленных и мастеровых людей разных специальностей. Дворы этих мастеров ставились за государственный счет.

В 1718–1720 гг. приказы были заменены на 12 коллегий. К ним относились коллегии: Военная, Адмиралтейская, Иностранных дел, Юстиц-коллегия, Штатс-контора – ведомство государственных расходов, Камер-коллегия – ведомство государственных доходов, Ревизион-коллегия по финансовому контролю, Мануфактур-коллегия, руководившая промышленностью, Берг-коллегия, отвечавшая за горное дело, Коммерц-коллегия по торговле, Вотчинная коллегия по земельной собственности и Духовная коллегия по делам церкви. Однако коллегии не заменили всех старых

учреждений, которые под своими именами продолжали существовать наряду с коллегиями: Тайная канцелярия, Медицинская канцелярия, Преображенский приказ, Сибирский приказ.

При Сенате были введены 4 должности – генерал-рекетмейстер, герольд-мейстер, генерал-прокурор и обер-фискал. Генерал рекетмейстер должен был принимать все жалобы на неправильное решение дел в коллегиях и канцелярии Сената и следить, чтобы жалобы на низшие органы управления не поступали прямо в Сенат, минуя коллегии. Основной обязанностью герольд-мейстера был сбор данных и составление послужных списков дворянского сословия, он должен был следить за тем, чтобы более одной трети из каждой дворянской фамилии не находились на гражданской службе («дабы земель не оскудеть»). Если приказы обладали всеми тремя финансовыми функциями – сбор, расходование денег и контроль, то теперь в коллегиях они четко были разделены по функциям.

Камер-коллегия – обеспечивала доходы с поместий, заводов, лавок и дворов, кроме того, в ней хранились переписные книги, документы по сбору и учету всех податей по всем губерниям, провинциям, уездам, имениям и погостам. Штатс-коллегия обеспечивала прием и сосредоточение денег в хранилище, планирование расходов и отпуск средств в соответствии с планами. Коммерц-коллегия осуществляла управление делами торгово-промышленного населения, собирала все сведения о купечестве и доходах с них, устраивала купеческие гильдии и ремесленные цехи, разбираала споры в торговой сфере.

Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия обладали функциями контроля за деятельностью рудознатцев и заводчиков, выдавали разрешение на строительство заводов, устанавливали цену на продукцию заводов, обладали монопольным правом покупать эту продукцию, контролировали экспорт, наказывали предпринимателей за нарушение горного законодательства, ведали также и легкой промышленностью. В дальнейшем отделенная Мануфактур-коллегия имела полную власть над предпринимателями и работниками мануфактур. В ее функции входило активное поощрение производства на отечественном сырье, материальная помощь, организация компаний и предоставление им привилегий, жесткая регламентация в сфере производства и сбыта. В любой момент при неисполнении предпринимателем условий содержания фабрики предприятие могло быть отписано в казну или передано другому человеку. Артиллерийская контора Военной коллегии ведала оружейными заводами в Москве и Туле, а также заводами в южных уездах.

Вотчинная коллегия занималась межеванием земель, разделами между совладельцами, дачами в поместье, продажами в вотчину заброшенных территорий, сдачами поместий за старостью и увечьем родственникам, дачей прожитков (пенсий) вдовам, распиской меновых поместий, дачей отказных послушных, ввозных грамот, и выписками из писцовых, переписных, окладных, отказных и межевых книг.

Служащие коллегий получали жалованье, единые оклады для трех основных категорий подьячих и дьяков были установлены указом 1715 г. Жалованье выплачивалось в смешанной денежно-натуральной форме (мука и овес). Кроме того, этот указ способствовал эволюции самого понятия жалованье: от разновидности эпизодической государственной награды, которую нужно было униженно просить, к постоянной сумме денег, приведенной в соответствие с размерами затраченного канцелярского труда.

В 1802 г. приказы были преобразованы в министерства, министерства делились на департаменты во главе с директором, департаменты – на отделения во главе с начальником, отделения – на столы во главе со столоначальником. Все министры назначались и увольнялись лично императором и несли персональную ответственность за деятельность своих министерств. Сначала было создано 8 министерств: военных сухопутных сил, военных морских сил, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, финансов, коммерции, народного просвещения. Министерство внутренних дел поглотило Мануфактур-коллегию, Главную соляную контору, Экспедиции государственного хозяйства, Главное почтовое управление и др. Ему были подчинены губернаторы и губернские правления, приказы общественного призрения. Министерская реформа была завершена в 1811 г., и в итоге стало 12 министерств.

Крепостная трудовая модель. Весь служилый класс был разбит на группы чинов, принадлежность к которым выражала и должность, и звание, и занятие служилого человека. Служилыми государя были все группы подданных, в том числе холопы и крепостные крестьяне, служившие своим господам. Следствием этого были права конкретного приказа собирать налоги, творить «суд и расправу» над подведомственной ему категорией населения.

К тяглу были привлечены все хозяйственные люди, жители городов и посадов, которые занимались не сельским хозяйством, а другими видами промыслов – рыболовством, разными рукоделиями, торговлей. Они облагались тяглом по установленным нормативам. Единицей обложения была соха, все остальные виды деятельности тоже перекладывались на соху. Правительство предписывало плательщикам самим распределять между собою тягло, для этого они должны были выбрать из своей среды уважаемых людей, которые и должны провести раскладку тягла. Для определения размера повинностей существовали особые окладные единицы.

Все тягла именные, они обозначаются по цели назначения, его несут лица, земли которых положены в сохи и обжи. Тягло означало каждую повинность, лежащую на разных лицах, а именно обязанность кормить войско в военное и мирное время, натуральная городская повинность, при которой местные жители рубят лес и ведут строительство городов. Городская мостовая повинность лежала на жителях города и на уездном населении. Ямская повинность – это сбор денег на организацию почтового дела. Тягло по

вооруженной защите государства: ратная служба, засечное дело, ямчужное дело, пищальные деньги, полонячные деньги, сборы ратным людям на жалованье и стрелецкие деньги. Обыкновенно ратных людей ставили с определенного числа сох и дворов (даточные люди), но в смутное время эта повинность принимала форму народного ополчения. В 1679 г. все подати были объединены в стрелецкую подать.

Как же определялась платежная способность разных хозяйств? Она определялась не количеством земли, а степенью ее доходности и урожайности. Писцы записывали возможности каждого отдельного имения особо. Они перечисляли число деревень в каждом имении, дворов в деревне, количество пашни паханной, перелога, дикого поля и пр., сена в копнах, лесу в десятинах и затем делали расчет, сколько сох или долей сохи составляет это имение.

Окладных единиц к XVII в. накопилось много, но в действительности различия между ними сводились к двум признакам. Первый – сельскохозяйственная единица, измеряемая количеством возделываемой земли. Это – соха, обжа, четь, выть. Второй – это хозяйственная единица, одинаково применимая и к сельскому, и ко всякому другому хозяйству. Это – двор, дворовая соха, дворовая четверть. Практические удобства этих единиц были различны, а потому правительство и переходило от одной к другой в беспрерывных поисках наиболее удобного способа обложения.

Источником сведений о плательщиках и основанием для разверстки повинностей служили «писцовые книги». Сведения, заключенные в писцовых книгах, составляли податный кадастр – «сошное письмо». В ходе составления писцовых книг определялся состав «тяглецов» – крестьян и посадских людей, которые несли государственные повинности в натуральной и денежной форме. Для сравнения: в перинатальную фазу в число тяглецов не включались лично зависимые холопы, закладники, жители обельных деревень и слобод. Маломощным крестьянам – бобылям – тягло заменялось оброком. Границы податного населения в эту фазу оставались неопределенными: посадский человек мог переменить черную слободу на белую, крестьянин осенью в Юрьев день – уйти к другому владельцу «во льготу».

Первоочередной обязанностью крестьян было поставлять продовольствие для содержания княжеской администрации, наместников, волостителей, подчиненных им тиунов, доводчиков, праветчиков. Одна из уставных грамот Василия III определяла эту повинность так: «на въезд волостелю, кто что принесет, то ему и взять, а на Рождество Христово дадут волостелю корм с тех деревень полоть мяса, десятеро хлебов, мех овса, воз сена, а на Велик день ... баран, десятеро хлебов. А не люб волостелю корм, и они ему дадут за полоть мяса десять денег, за баран алтын, за мех овса алтын, за хлеб по денге» [Акты..., 2003, с. 85].

Ремесленники на службе у государства. Существовали казенные и дворцовые слободы из ремесленников, выполняющие государственные

заказы. Отдельными слободами жили каменщики, кирпичники и гончары, работающие под руководством Приказа каменных дел, отдельными – служивые люди – стрельцы, пушкари, ямщики. Ремесленники каждой специальности селились обычно вместе. Все мастера золотого и серебряного дела находились в ведении казны и управлялись Оружейной палатой.

Раскладкой повинностей и решением внутренних дел занимался мирской сход во главе с выборным старостой. Подобный порядок был установлен как в черном посаде, так и в дворцовых слободах. Каждому производителю в такой слободе, например, в полотняном производстве поручалось «дело» или «урок», т.е. изготовление определенного количества ткани. Оплата производилась деньгами и хлебным жалованьем. Дело – это обязанность поставлять в год определенное количество продукции (ткани) определенного сорта – имело силу закона. Тяглые ремесленники жили в черном посаде и платили тягло, поместные ремесленники обслуживали потребности помещичьего хозяйства. Каждая отрасль ремесла имела своего святого покровителя, в честь которого ставилась церковь. Гости и купечество рассматривались как особая часть служилого класса, обязанного исполнять свои службы государю и управляемого через государственные органы (рис. 7.2).

В середине структурированной фазы второго институционального цикла Петром I была проведена комплексная реформа, укоренившая базовые институты раздаточной экономики.

Рис. 7.2. Социальная структура поместного раздатка

Суть реформ Петра I – упрочение базовой модели раздатка

Реформа института раздач. Государство стало активно участвовать в создании предприятий за счет казенных средств, в выдаче ссуд предприятиям, расширении бюджетной сферы. Впервые из государственного бюджета стали финансироваться Академия наук, Медицинская канцелярия и различные школы. До реформы казна использовала свои доходные статьи для закупок посредством торгов или службы своих агентов. При Петре I промышленность превратилась в особую повинность, при которой казенные фабрики и заводы сдавались принудительно образуемым из купечества компаниям под надзором и с регламентацией со стороны правительства.

Реформа института сдач. Была введена подушная подать, а единицей обложения стала ревизская душа. Члены общины были обязаны платить налоги в установленном совокупном размере, невзирая на отсутствие в платежных ведомостях выбывших плательщиков. Как оставшиеся плательщики распределяли общую сумму между собой, соответствовала ли она, в пересчете на каждого плательщика, утвержденному подушному окладу в 0.74 руб. с души мужского пола, власть не волновало – главное, чтобы общая сумма налога, определенная на всю общину, была собрана в срок и без недоимок. Холопы были положены в подушный оклад наряду с крестьянами, в связи с чем, холопство как особое юридическое состояние, свободное от государственных повинностей, исчезло. В итоге произошла *унификация крепостного состояния* для всех групп населения, подлежащих государственному тяглу. Эта мера в дальнейшем привела к тому, что полная ответственность за своевременный сбор подушной подати была возложена на помещика. Закон обязывал помещика кормить крестьянина в неурожайные годы, снабжать его семенами.

Реформа института общественно-служебной собственности. Элементами преобразования института собственности стали: во-первых, реформа системы управления как ведомственной – создание коллегий вместо приказов, так и территориальной; во-вторых, приравнивание статусов вотчинной и поместной собственности – обе стали наследственными родовыми, и с обеих должна была нестись обязательная служба; в-третьих, был изменен механизм наследования – введено право старшего сына.

До Петра I происходило постепенное сближение поместий, как условного владения, и вотчин – как наследственной собственности. С поместьями уже производили многие операции, такие же, как и с вотчинами, а именно – покупка поместья в вотчину, мена и сдача поместья сыну, наследование. В связи с этой практикой появилось понятие «родовое поместье». Однако возникла новая проблема: поместные оклады увеличивались по степени чинов и заслуг помещика, и как передавать это поместье сыну, еще не выслужившему отцовского оклада? Указ 1684 г.

предписывал большие поместья после умерших делить между сыновьями и внуками. Все это привело к тому, что поместные дачи постепенно заменялись пожалованием населенных земель в вотчину.

Таким образом, три признака сближения поместий – они становились родовыми, как и вотчины, дробились в порядке разверстки между прямыми и боковыми наследниками, как дробились вотчины в порядке наследования, поместное верстание вытеснялось вотчинным пожалованием. В указе 1714 г. о единонаследии предписано, что «недвижимые вещи» – вотчины, поместья, дворы, лавки не отчуждаются, но обращаются в род, недвижимое переходит к одному из сыновей по воле завещателя, остальные дети наделяются движимостью, отдельный пункт предусматривал и нормировал продажу вотчин по нужде. Таким способом была произведена *унификация разных форм собственности* – поместной и вотчинной в единую форму с правом наследования, запретом на отчуждение и неделимостью, с обязательной наследственной службой владельца. Кроме того, в 1701 г. была проведена национализация церковных земель, учрежден Монастырский приказ, который выплачивал денежные и хлебные дачи монахам.

Реформа служебного труда. Элементами реформы служебного труда стало принятие нового служебного реестра – Табеля о рангах, а также обязательная служба для не наследников, приписка крестьян к мануфактурам, изменение воинской службы. Служебный возраст дворянина сохранялся при Петре I, но с 1714 г. было введено обязательное обучение арифметике и геометрии. Для этого во всех губерниях были заведены школы, на каждую губернию было назначено по два учителя с установленным окладом. При этом образование рассматривалось как натуральная повинность молодежи, готовившая ее к обязательной службе. До Петра I служилые люди занимали положение на службе, прежде всего, «по отечеству», по степени знатности.

В Табеле о рангах (1722 г.) была сделана новая роспись чинов, все должности выстроены по табели в три параллельных ряда – воинский, статский и придворный, с разделением каждого на 14 рангов. При этом рядовой из недворян, дослужившись до обер-офицерского чина, получал потомственное дворянство. Была произведена реформа армии преобразованием дворянского поместного ополчения в регулярную сословную армию. Изменен принцип формирования армии: вместо беспорядочного набора желающих и даточных людей были введены периодические рекрутские наборы по норме – по одному рекруту с 20 тяглых дворов.

Реформа института административных жалоб. Нововведением стала должность рекетмейстера при Сенате, в обязанности которого входило отслеживание иерархического порядка прохождения жалоб, исполнения процедуры рассмотрения жалоб, создание ограничений прямому выходу жалобы на царя. В Указе 1718 г. «Каким образом челобитчикам поступать» Петр I отмечал, что практика обращения к нему толп челобитчиков более невыносима, что челобитчики его «непрестанно докучают о своих обидах»

езде, во всяких местах, не давая покою», и он должен был заниматься только разбором жалоб – на другое ему не хватало ни времени, ни сил. Поэтому реформа упорядочивала прохождение челобитных.

После образования губерний была введена следующая схема восхождения челобитных вверх: комендант – губернатор – Сенат – государь. После введения должности ландратов в 1715 г. цепочка удлинилась: комиссар – ландрат – губернатор – Сенат – царь. Одновременно было сказано, при каких обстоятельствах возможно обращение челобитчиков к царю – государственная измена, бунт, похищение казны. Все остальные челобитные должны были подаваться в заведенном раз и навсегда порядке, суть которого – в обязательности прохождения жалоб по всем инстанциям, не пропуская ни одного звена. Тем не менее сохранялась практика приема челобитных самим царем в том случае, когда эта жалоба была спорной или не имела прецедента. Огромное количество писем с жалобами поступало в Кабинет в нарушение принятых законов и уставов, построенных на соблюдении субординации.

Подчинение частного предпринимательства государству. Реформы в промышленности привели к тому, что разницы между казенными и частными предприятиями фактически не было. «Фабрика и завод при Петре I не были вполне частными предприятиями, руководимыми исключительно личными интересами предпринимателей, а получили характер государственных организаций, которые правительство вело посредством своего обязательного агента, гильдейского гражданина: за это купец, фабрикант или заводчик пользовался дворянской привилегией приобретать к фабрике и заводу деревни с крепостными рабочими руками» [Ключевский, 1987, т. 4, с. 194].

Возглавляли такие предприятия бывшие госчиновники или родственники царя (Морозов, Шувалов), сами предприятия меняли статус – из казенных их передавали в частные руки, и наоборот. «Частые переходы промышленного капитала из казны в частное владение и обратно подтверждали на практике отсутствие каких-либо принципиальных различий в способах его использования и экономической природе этого капитала» [Струмилин, 1954, с. 350]. При Петре I устройство фабрики рассматривалось как государственная служба, поэтому государство признавало своим долгом поощрять и награждать фабрикантов, исполнявших дело государственной важности.

Тягловый хозяйственный механизм поместного раздатка

Государственное финансирование. В рамках поместного раздатка развитие производства происходило за счет прямых государственных инвестиций, что означало создание казенных предприятий. Большинство предприятий при Петре I было построено именно таким образом, что являлось продолжением практики, начало которой было положено Пушечным

Двором, Оружейной палатой и Хамовным двором. Это были крупные военные государственные предприятия – казенный Пушечный Двор в Москве для производства артиллерийских орудий, Оружейная палата для изготовления стрелкового и холодного оружия, Тульская оружейная слобода, в которой работали от 100 до 300 мастеров.

Второй путь – это выявление и мобилизация частных капиталов административными мерами. Если отдельные капиталы были недостаточны для основания мануфактуры, группу купцов заставляли объединяться в кумпанство и вместе строить мануфактуру. Капитал, который скрывался от властей, не использовался, объявлялся тунеядным. Даже был издан указ: если кто-то будет скрывать капитал, а об этом узнают и донесут, доносчик получает треть этих денег, а остальные конфискуются государством.

Третий путь – для строительства мануфактур государство прибегало к методам экономического стимулирования, в которые входили бесплатный отвод земли, участков леса для заготовки древесины, выдача ссуд и субсидий. Ссуда обычно погашалась поставкой в казну готовой продукции.

Существовало четыре вида мануфактур: казенные, посессионные, вотчинные и купеческие. Все законы о казенных мануфактурах распространялись и на посессионные мануфактуры [Реформы..., 1937, с. 88]. В купеческих мануфактурах основной контингент наемных рабочих составляли тоже крепостные, отпущенные помещиками на оброк.

Управление промышленностью осуществлялось Мануфактур-коллегией и Берг-коллегией, которая управляла горными заводами. Основывать новые мануфактуры можно было только по разрешению этих органов, которое оформлялось специальным указом. Государство устанавливало для них объем производства, цены на продукцию, нормы выработки, заработную плату. Подавляющая часть мануфактурной продукции шла в распоряжение государства, цены на нее устанавливались государством и назывались «указными». В основе ценообразования лежал затратный принцип – учитывалась себестоимость плюс 10% прибыли.

Те заводы и фабрики, которые признавались особенно нужными – горные и оружейные заводы, суконные, полотняные и парусные фабрики – устраивались самой казной и затем передавались частным лицам. В других случаях казна ссужала значительные капиталы без процентов, снабжала инструментами и рабочими частных лиц, из-за границы выписывались искусные мастера, фабриканты получали значительные привилегии. Также при их устройстве владельцы получали постройки, земли, рабочие руки. Сбыт изготовленных изделий главным образом осуществлялся в казну. В тех случаях, когда товар не требовался казне, сбыт фабричных изделий обеспечивался высокой привозной пошлиной, а иногда прямым запрещением ввоза иностранных товаров того же рода, или даже монополией производства, предоставленной отдельным фабрикантам.

Государство управляло не только казенными и посессионными, но и остальными мануфактурами. Органы управления давали предприятиям государственные «наряды», т.е. производственные задания, и, если мануфактурист не справлялся с этими заданиями, у него предприятие отбиралось, а затем либо оставлялось в распоряжении государства, либо передавалось другому завододержателю. В 1743 г. у иностранца Арнольди, российских фабрикантов Сахарова и Плотникова были отняты суконные фабрики «за неразмножение» и переданы воронежскому купцу Постовалову. Вся эта практика и термин «завододержатель» показывает, что частная собственность не признавалась.

Одними из первых управляющими казенных заводов на Урале были Татищев и де Геннин. Ими был составлен «Наказ шихтмейстеру», в котором предписывалось, что все действия заводчиков должны были проходить под руководством государственных чиновников – шихтмейстеров. Государство должно было определять объем производства, ассортимент продукции, регулировать отношения между хозяином и рабочими, а также составлять «табель», т.е. производственный план по казенным заводам. Исходя из производственной мощности, норм выработки, производственных затрат и других показателей, должны были быть рассчитаны объем производства, величина прибыли и составлен сбалансированный план.

При Екатерине отношение правительства к фабрикантам изменилось, в них перестали видеть служилых людей. Поскольку правительство продолжало в них нуждаться, оно все равно покровительствовало предпринимателям [Туган-Барановский, 1997, с.116].

Фабрика XVIII в. выделяла товары, главным образом, поставляемые в казну или предметы потребления высших классов населения. Кустари же изготавливали грубые товары, расхोдившиеся преимущественно среди простого народа. По этой причине фабрика и кустарная изба мирно уживались друг с другом, почти не конкурируя между собой, причем фабрика являлась технической школой для кустаря.

Обеспечение трудовыми ресурсами. Рабочая сила для производства формировалась за счет покупок деревень с крепостными крестьянами и прикреплением к мануфактурам в качестве рабочих. Их невозможно было продавать и использовать помимо мануфактуры. Кроме того, к каждому казенному и посессионному заводу приписывались деревни с государственными крестьянами, которые выполняли ряд повинностей на мануфактурах: заготавливали руду, дрова и уголь. При этом они продолжали вести крестьянское хозяйство и нести тягло.

В 1736 г. вышел Указ, закрепляющий за мануфактурами всех квалифицированных рабочих «навечно». С самого детства рабочий поступал на попечение заводского начальства, бравшего на себя полное содержание рабочей семьи и за это требовавший постоянной работы. По терминологии того времени посессионные фабричные крестьяне были крепки фабрике, а не

владельцу. Власть фабриканта над ними была ограничена, правительство оставляло за собой право регулировать взаимные отношения владельца посессионной фабрики к рабочим.

Посессионная фабрика признавалась вместе со всеми находящимися при ней рабочими нераздельным целым. Владелец не имел право раздроблять фабрику, продавать крестьян отдельно от фабрики или переводить их на другую работу, изменять характер производства или сокращать его. Состоящих при фабрике рабочих владелец имел право использовать только на фабричные работы, выдавая им «достаточную» заработную плату. Размер этой платы, продолжительность рабочего дня, размер уроков устанавливались фабрикантами, но правительство признавало за рабочими *право обжаловать* постановления фабриканта, и в таком случае дело решалось министерством финансов по департаменту мануфактур и внутренней торговли, в ведении которого были посессионные фабрики.

Правительство могло по своему усмотрению устанавливать весь внутренний распорядок фабричных работ, определять все отношения рабочих к владельцу. За неисполнение содержанием посессионной фабрики его обязанностей, например, в случае прекращения фабричного производства, фабрика могла отбираться в казну. С другой стороны, фабрикант помимо «домашних наказаний» мог в некоторых случаях отправлять непослушного рабочего в Сибирь, но только с разрешения высшего правительственного органа, ведавшего посессионные фабрики.

Доход посессионного рабочего не ограничивался его денежной платой, рабочий получал от владельца разные натуральные пособия – даровое помещение, дрова, пользовались сенокосилками, неспособные к труду и малолетние содержались владельцем. Часто вместо готового жилья, рабочие получали дрова и лес на постройку изб от владельца. При каждом дворе были небольшие огороды. Такая практика сохранялась до конца второго институционального цикла, и в XIX в. крестьяне по-прежнему составляли главный контингент фабричных рабочих – летом они возвращались в деревню, а зимой работали на фабриках. При этом оплата подневольного труда приписных крестьян ограничивалась *указными ставками казенного плаката*: 4 коп. зимой и 5 коп. летом. Горный устав пытался подравнять оплату труда на казенных и частных заводах, установив ее для всех заводчиков на уровне предельных для каждой профессии ставок.

Государственная регламентация заработной платы – элемент тяглого хозяйственного механизма. Еще в первой половине XVII в. поденная плата ремесленника и заводского рабочего колебалась около 4–5 коп. в день. Указом Петра I в 1724 г., т.е. 100 лет спустя, эта норма сохранялась для всех приписных к заводам крестьян. И лишь полстолетия спустя, в 1774 г., после потрясений, связанных с восстанием Е. Пугачева, Екатерина II повысила эту норму вдвое до 8 коп. зимой и 10 коп. летом за рабочий день пешего крестьянина. Поденная плата дополнялась натуральными доплатами –

хлебом, дровами, бесплатным жилищем. В 1816 г. покупка крестьян к фабрикам и заводам была запрещена.

Квазичастные формы в промышленности. Частные формы предприятий, существовавшие во втором институциональном цикле, не являются частновладельческими в рыночном смысле этого слова. Дело в том, что, например, в земельных владениях существовали разные по объему прав поместья и вотчины, однако и с тех и других необходимо было осуществлять службу, т.е. выполнять определенные обязанности, установленные органами государственного управления. Так, и в промышленности, были казенные фабрики и заводы, управляемые коллегиями, а были частные владельцы, деятельность которых также регламентировалась органами управления. Правительство помогало частным владельцам, стимулировало их, давало разные привилегии, поскольку все подданные в разных формах служили государству.

При Екатерине II главным потребителем продуктов крупного производства также оставалось государство. Важнейшими отраслями, как и при Петре I, было суконное производство, горные, железные, медные и другие заводы. Большинство фабрик и заводов в XVIII в. основывалось при прямой или косвенной помощи правительства, рабочие руки отчасти доставлялись также правительством. Хотя в конце XVIII столетия правительственная опека над частной фабрикой ослабевала, тем не менее частная фабрика продолжала пользоваться поддержкой казны в форме денежных ссуд и разного рода льгот и привилегий. В период правления Елизаветы также практиковалась выдача казенных ссуд фабрикантам и введение монополии на производство тех или иных продуктов.

Фаза исчерпания II институционального цикла

Децентрализация системы управления. Екатерины II дала «Жалованную грамоту городам», в результате чего произошел перенос центра тяжести с центральных органов управления на территориальные. Однако начиная с Александра I и его реформы центральных органов – создания министерств – снова вернулся примат центральных органов управления, хотя местное управление получило толчок к своему развитию.

Снятие запретов на развитие частных форм. Расширение рыночных отношений происходило через применение наемного труда. Найм расширялся, но приобретал странные формы: помещик брал с крепостных оброк деньгами, и на эти деньги нанимал их же в качестве наемных рабочих. С 1801 г. была разрешена свободная торговля землей без крепостных, происходило увеличение купеческих мануфактур в некоторых отраслях, расширялись кустарные промыслы, появилась официальная группа торгующих крестьян. В 1804 г. была разрешена розничная торговля крестьян из лавок, в 1806 г. – оптовая, а с 1824 г. крестьянам можно было заниматься

не только торговлей, но и промышленностью. Это было связано с интересом помещиков, получающих с таких крестьян огромный оброк.

Реформа в сельском хозяйстве и промышленности. Фаза институционального исчерпания начиналась в 60-х годах XVIII столетия в связи с отменой обязательной службы дворян на основании «Указа о вольности дворянской». С 1769 г. зона ответственности помещиков как агентов по сбору основного прямого налога расширилась: если подушная подать не вносилась крестьянами в срок, у владельца удерживалась половина жалованья. Крестьянские выборные и старосты за неуплату могли быть задержаны и использованы в городе на тяжелых работах. В качестве крайней меры разрешалось гасить недоимку оброчными доходами помещика. В 1803 г. был принят указ о вольных хлебопашцах, который разрешал освобождение крестьян от крепостной зависимости за выкуп с землей по согласованию с помещиками.

В 1837 г. была проведена реформа государственных крестьян, а их было более 45% к середине XIX в., которые получили местное самоуправление под контролем создаваемых во всех губерниях, палат государственных имуществ. Они объединялись в особые сельские общества, из нескольких таких обществ создавались волости, управляемые выборными волостными сходами. В деревнях сельские сходы избирали старост.

Эта модель сельского самоуправления была сохранена после отмены крепостного права и распространена на бывших крепостных крестьян. Однако эта отмена происходила постепенно. Сначала в 1842 г. по Указу «Об обязанных крестьянах» крестьяне получали по воле помещика личную свободу и земельный надел в пользование, за который они должны были выполнять ряд повинностей в пользу этого помещика. Затем, в 1847 г. Указ о праве помещичьих крестьян разрешил выкупаться на волю с землей, после чего они могли зачисляться в разряд государственных крестьян. Хотя эти указы не имели серьезных последствий, однако создали условия для вызревания новых форм, которые затем использовались на третьем институциональном цикле. Помещики переводили крестьян на «месячину», т.е. принимали на себя их содержание, выдавая ежемесячно продовольствие.

Механизм хозрасчета в промышленности. В 1806 г. было введено в действие Горное положение. Правительство попробовало применить на казенных металлургических заводах установления, стимулирующие производство и снижение издержек. Цена сдаваемым в казну металлам определялась на пять лет вперед. Если издержки оказывались ниже доходов, 25% экономии должны были получать начальники заводов, 25% – служащие, половина прибыли причиталась казне. Суммы, ассигнуемые на устройство заводов, составляли особый строительный капитал, который мог использоваться только по целевому назначению. Кроме того, 5% доходов, полученных от продажи металла по установленным ценам, должны быть направлены на поддержание и ремонт строений.

Кризисные проявления тяглого механизма. Государственный долг непрерывно рос: так, долг в 1857 г. почти в три раза превысил 1856 г. Бюрократизация экономики постепенно блокировала хозяйственное развитие. В ходе административной реформы Александра I ряд функций управления отошли к Экспедиции государственного хозяйства, созданной на базе Мануфактур-коллегии и Соляной конторы.

Толчком к реформе послужил анализ, сделанный министром внутренних дел В.П. Кочубеем в 1803 г.: «Управление казенными фабриками, чем Коллегия поныне занимается, несообразно ни с обязанностью ее, ни с пользою, которой бы от них ожидать можно. Фабрики не могут процветать иначе, как в частных руках, и управление их должно быть основано на Коммерческом обряде. В казенном ведомстве заведения сии не только не могут принести ожидаемой прибыли и достигнуть совершенства, но по большей части приходят в упадок, как сие многими опытами в России уже доказано.

Главнейшими неудобствами при казенном управлении фабриками состоят в том, что для сего потребно множество чиновников и приказных, на содержание коих выходит по большей части вся получаемая прибыль, или раскладывая нужную на то сумму на товары, обходятся оные высокими казне ценами; сверх того, неопытность тех чиновников в Мануфактурном производстве не редко расстраивает фабрики. Заготовление нужных материалов на законном основании и с наблюдением разных письменных обрядов происходит обыкновенно весьма медленно на всех казенных фабриках, от чего в работах бывают частые остановки. Фабрики под казенным управлением не могут сбывать в скорости с рук готовых товаров, не имея права и удобства продавать их на кредит, как делают частные фабриканты для оборотов тех особливо товаров, которые по перемене вкуса выходят из употребления, или подвержены порче. Нельзя им притом войти в совместничество с партикулярными людьми за поставленными на товары ценами. Частные фабрики, соображая время и обстоятельства, по произволению и понижают цены без дальнейшей расгласки, а в казне, где всякая перемена устанавливается протоколами и указами, сделать сего с нужною поспешностью не можно» [Письмо..., 1803].

Помещики разорялись: перед ликвидацией крепостного права было заложено 66% помещичьих земель. Крепостное право заставляло хозяина фабрики содержать за свой счет безработных. Заработная плата рабочих состояла из двух частей – денежной «задельной» части, которая выдавалась за выполненную работу и провиант, т.е. бесплатный паек, который выдавался всем членам семей рабочих, в том числе и семей безработных. Число крепостных рабочих увеличивалось путем естественного прироста, но хозяин предприятия не имел права увольнять рабочих. Поэтому владельцы этих предприятий просили освободить их от посессионных рабочих. В 1840 г. правительство разрешило увольнять рабочих «в свободное состояние».

Происходило постоянное увеличение подушной подати. Так, за 20 лет в период с 1795 по 1815 год подушная подать увеличилась в три раза, примерно в три раза увеличилась оброчная подать с казенной крестьянской души. В 1816 г. – подушная подать снова увеличилась на 25 коп. на содержание сухопутных путей сообщения, а в 1818 г. – еще на 5 коп. – на содержание водных путей. При этом население в этот период продолжало нести натуральные повинности – дорожную, подводную, этапную, квартирную и прочие воинские и гражданские.

Таким образом, для внедрения поместного раздатка в начале второго институционального цикла была проведена национализация частных вотчин, а затем и городских торговых помещений. В итоге практически вся собственность, земля и недвижимость в городах и на селе перешла под управление ведомственных органов, а общины, поместья, посадки стали государственными. Эти процессы сопровождались жестокими репрессиями, пики которых пришлись на времена Ивана III (борьба с новгородцами) и Ивана Грозного (опричнина). Экономика поместного раздатка позволяла осваивать сложные природно-климатические пространства расширившегося российского государства.

В этот период использовалась такая институциональная форма, как служебная вотчина, в которой произошел первичный синтез частных и государственных интересов. Институциональная матрица, базировавшаяся на тягловом хозяйственном механизме, обеспечивала развитие российской экономики на протяжении двух веков. Все преобразования после Петра I касались лишь уточнения институциональных форм, расширения или сужения диапазона их функционирования, корректировки количественных нормативов.

Однако к середине XIX в. поместный раздаток практически полностью исчерпал свой экономический потенциал. Фаза исчерпания началась с отмены обязательной государственной и военной службы для дворянства и с переноса зоны их ответственности на организацию труда крестьян в поместьях. В течение века происходил медленный процесс обособления помещичьих хозяйств от государства, который завершился их приватизацией в результате отмены крепостного права, как формы обязательного служебного труда.

Глава 8

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РАЗДАТОК: ЗРЕЛАЯ ФОРМА БАЗОВОЙ МОДЕЛИ

Российская цивилизационная матрица в XX в. базировалась на административном раздатке, в котором общественно-служебная собственность находилась полностью под контролем государства. Третья модернизация России была осуществлена с помощью зрелых форм раздаточной институциональной матрицы, при которой вся произведенная продукция сдавалась, а все ресурсы раздавались на плановой основе. Административная модель управления строилась по территориально-отраслевому принципу, а многоканальная система приема жалоб и обращений обеспечивала обнаружение проблемных зон. Идеология обязательного служебного труда была переведена из религиозной плоскости православия в моральную позицию строителя нового общества (рис. 8.1).

Базовые институты административного раздатка

На третьем институциональном цикле базовые институты сформировались в административный раздаток с плановым хозяйственным механизмом (табл. 8.1). Однако если на предыдущем институциональном цикле все отношения назывались своими именами и просматривались в явном виде, то в связи с доминированием социалистической идеологии реальные экономические отношения сдач-раздач были скрыты за марксистской терминологией.

Так, государственная собственность выдавалась за общенародную, заработная плата по штатным расписаниям интерпретировалась как оплата по труду. Сдача произведенной продукции по плановым заданиям объяснялась наличием закона пропорционального и планомерного развития, а обязательный, и даже принудительный служебный труд представлялся в виде естественной обязанности каждого жителя страны участвовать в строительстве социализма. Запрет частной собственности подавался как преимущество социалистического общества, в котором отсутствует «эксплуатация человека человеком» и права которого защищались правом административной жалобы. Распространялся также миф «о самом дешевом и бесплатно предоставляемом жилье как отличие от недоступного для народа жилья при капитализме».

Институт раздач. В рамках административного раздатка институт раздач охватывал все стороны экономической жизни. Главное его отличие от предыдущего цикла состояло в том, что части общественно-служебной собственности не подлежали раздаче отдельным лицам в условное владение. Институт раздач являлся артериальной системой внутри единой государственной собственности, посредством него доставлялись к хозяйственным единицам сырье, оборудование, финансовые и трудовые ресурсы.

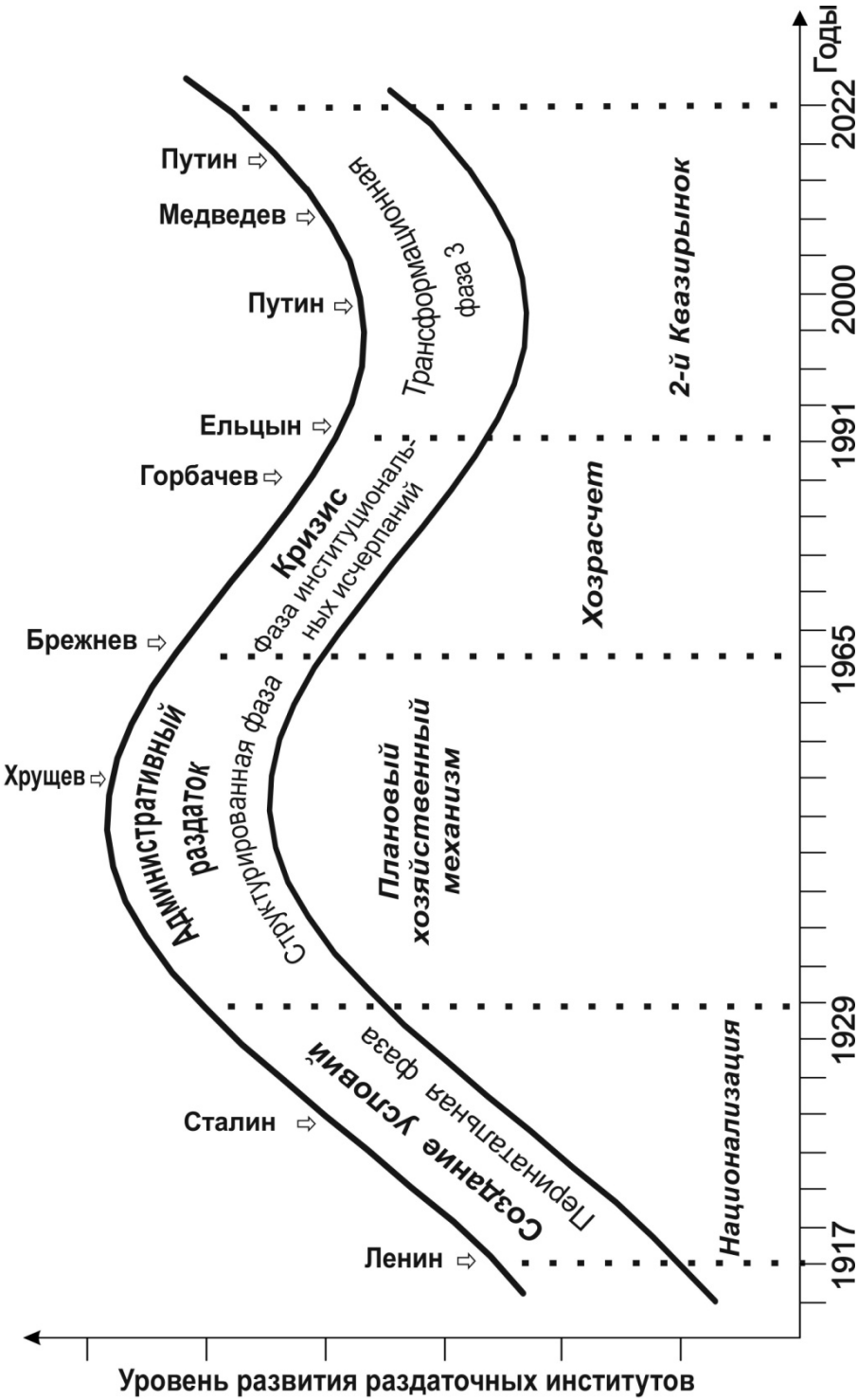

Рис. 8.1. Административный раздаток – 3-й институциональный цикл России

Таблица 8.1

**Институциональная матрица административного раздатка
на основе планового хозяйственного механизма**

Структурные блоки	Институциональные формы
Система управления	Три контура – партийный, отраслевой, территориальный в министерствах, ведомствах и комитетах
Формы организаций	Государственные предприятия и организации, колхозы и совхозы
Директивные производственные задания	План для предприятий, организаций – Госплан
Единая система нормативов	Территориально-отраслевая нормативная база
Централизованные цены	Тарифы и цены – Госкомцен
Безналичная система обеспечения	Фондирование предприятий – Госснаб, финансирование – Госбанк
Оплата служебного труда	Номенклатурный перечень для руководства, единая тарифная система и штатное расписание должностей – Госкомтруд
Обеспечение жильем и социальными благами состоящих на службе	Раздача жилья по очереди и по нормативам – для населения, без очереди и по высоким нормам – для номенклатуры; выделение земли под дачи по нормативу – для населения Бесплатное образование, медицина
Система обязательной регистрации	Прописка по месту жительства – без прописки не брали на работу, без работы не прописывали
Сигнальная система	Иерархическая жалоба, обращения в партийные органы и газеты

Институт раздач практически целиком охватывал сферу непромышленного потребления. Раздаче на полностью бесплатной основе подлежало жилье в городах и частично в сельской местности, услуги по образованию, здравоохранению, детскому дошкольному воспитанию, земельные дачные участки за городом для горожан и участки земли для личного подсобного хозяйства на селе. Услуги жилищно-коммунального хозяйства предоставлялись городскому населению на частично компенсационной основе: квартирная плата составляла одну треть эксплуатационных расходов, покрываемых из

бюджета. Личный автотранспорт также распределялся, но на основе полной компенсации владельцами установленной государством цены.

Институт раздач обслуживался разветвленной системой органов управления. В производственной сфере это были Госплан, Госснаб, Госкомтруд, Госбанк, Госкомцен, министерства и ведомства, в непроизводственной – отделы при местных Советах, например, отдел по распределению жилья и т.д. Органы по различным видам раздач встраивались в структуру управления всех хозяйственных единиц. В основе распределения ресурсов лежала установленная система нормативов, утвержденные правила формирования производственных и непроизводственных фондов, единые штатные расписания.

Преемственность действия института раздач наблюдается на жилищных отношениях третьего цикла и поземельных отношениях второго цикла. В 1930-е годы жилье стало раздаваться бесплатно по нормативам всем, кто находился на государственной службе, подобно тому, как в XIV–XVII вв. бесплатно раздавались поместья под условие службы. Качество и количество жилья, как и поместного земельного участка напрямую зависело от занимаемого должностного положения, выслуги лет и трудовых или военных заслуг. Некоторое время жилье, как и поместный земельный участок, носило характер служебного, ненаследуемого блага. Но вскоре через механизмы прописки квартиры, как и поместья на втором цикле, начали передаваться наследникам и стали аналогом «родовых поместий».

В 60-е годы XX в. были разрешены обмены квартир – сначала только государственное жилье на государственное, но затем и на кооперативное. Тем самым в скрытом виде было позволено осуществлять денежные сделки. Однако официально продажа жилья была введена после акта приватизации, т.е. передачи прав собственности его постоянным жильцам. При обменах строго контролировалась нормативная жилищная обеспеченность, с тем чтобы не было дополнительных каналов для увеличения жилищной очереди. При менах земель на втором цикле также осуществлялся строгий контроль центральным органом управления, при этом сделки могли совершаться только с разрешения правительства. Так же, как и земля в поместном праве, при утрате владельца жилье передавалось в государственные органы для последующих раздач.

Таким образом, институт раздач в период административного раздатка, так же, как и во времена общинного, а затем и поместного раздатка, обеспечивал соответствие социально-должностного статуса с качеством и количеством раздач. Чем выше был социальный статус в управленческой иерархии, тем выше была имущественная, жилищная и доходная обеспеченность. Таково инвариантное свойство базовой модели России.

Институт сдач. Служебная организация труда приняла форму обязательного участия в производственной и управленческой деятельности на объектах государственной собственности. В законодательной форме была зафиксирована обязанность трудиться для каждого гражданина, проживающего на территории Советского государства.

Все хозяйствующие субъекты (предприятия, организации, колхозы, совхозы), получая материальные ресурсы из бюджета, должны были сдавать произведенную ими продукцию с целью последующего ее распределения. Остатки прибыли, после ее нормативного расходования, также должны были сдаваться в бюджет. Регулирование процесса сдачи произведенной продукции, как и процесса раздачи материальных и финансовых ресурсов осуществлялось на основе государственного плана и под управлением министерств и ведомств.

Все трудоспособное население получало материальные блага в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, места в детских дошкольных учреждениях, путевки в санатории и пионерские лагеря, небольшие земельные участки и т.д. Другими словами, без участия государства население не могло иметь средства к полноценному существованию. Например, не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить работу, бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование.

Занятое в общественном хозяйстве население осуществляло и денежные сдачи – например, в форме подоходного налога. Он исчислялся по прогрессивной шкале и вычитался из заработной платы по месту работы ежемесячно. Этот платеж, хотя и назывался налогом, на самом деле представлял собой денежные сдачи на формирование жилищного сектора, квартиры из которого бесплатно раздавались «за службу и под условие службы».

Воинская служба осталась обязательной повинностью для населения. На ее основе мужчины, достигшие 18 лет и не поступившие в высшие учебные заведения, забирались на военную подготовку сроком на 2–3 года. В случае войны происходила массовая мобилизация мужского населения.

Институт административных жалоб. После его разрушения во вторую трансформационную фазу институт жалоб был воссоздан практически с нуля. В течение третьего институционального цикла он достиг высокого уровня развития, пронизывая политические и экономические структуры. Несмотря на то что теория марксизма, ставшая господствующей идеологией советского общества, не содержала ни одного положения, касающегося функции жалоб, условия раздаточной экономики поставили руководителей государства перед необходимостью создавать органы по приему жалоб и механизмы их обслуживания. Именно В.И. Ленину, как свидетельствуют исторические источники, принадлежала инициатива по организации приема граждан руководителями органов власти и регулярных поездок должностных лиц по стране для приема от населения жалоб по аналогии с поездками Екатерины II сразу после вступления на трон [О работе... 1980, с. 6].

В 1919 г. Народным Комиссариатом Государственного контроля (НКГК) было учреждено Центральное бюро жалоб и заявлений, а затем его местные отделения. Были установлены: порядок подачи жалоб, сроки их

рассмотрения, форма жалобы, основания для обжалования и т.д. – обычные элементы института административной жалобы. В дальнейшем происходила его постепенная адаптация к институциональной среде, в результате чего к 1960-м годам XX в. институт административной жалобы приобрел свои окончательные зрелые формы.

Действующее в этот период законодательство и сложившаяся практика не ограничивали права граждан на содержание жалобы. Могли быть обжалованы незаконные, нецелесообразные и аморальные деяния, индивидуальные и нормативные акты, действия и бездействие в сфере управления, производства, обслуживания. Субъектами обжалуемых действий могли быть не только органы управления, но и предприятия, учреждения, организации, а также должностные лица и рядовые служащие. Жалоба могла подаваться с целью защиты личных прав и интересов, прав и интересов других лиц, публичных прав и интересов.

По форме жалоба могла быть письменной или устной, даже переданной по телефону, радио, индивидуальной и коллективной. По одному и тому же факту граждане могли обращаться много раз в один и тот же орган либо – в разные, одновременно или в разное время, поскольку в законодательстве отсутствовали количественные ограничения права на жалобу. Законодательными актами было установлено, что жалобы могли направляться в компетентные органы управления, депутатам, прокуратуру, общественные организации.

В качестве сигналов обратной связи плановый хозяйственный механизм активно использовал институт административных жалоб. Граждане и хозяйствующие субъекты имели право жаловаться и активно использовали это право. Но не всякая жалоба являлась руководством к действию: необходима была критическая масса жалоб на каждом уровне иерархии, чтобы они попадали на рассмотрение следующего уровня управления. Чем выше положение жалующегося, тем больший вес имела жалоба, поскольку, чем выше уровень управления, тем для большего числа хозяйственных ячеек необходима была координация потоков сдач и раздач. В результате жалоба приобретала соответствующий вес, от которого зависели очередность и объем выделения ресурсов.

Сигнальный механизм в форме *голоса* (жалобы) был замечен Я. Корнаи. Анализируя централизованную экономику, он подчеркивал ее нерыночный механизм обратной связи, базируясь на теории А. Хиршмана. В самом общем виде действие такого механизма выглядело следующим образом: данные о выполнении планов обобщались в письменных отчетах, которым сопутствовал еще один сигнал – живая речь, *голос*. Эта обратная связь существовала в условиях сильной централизации. Ведомство, управляющее предприятием, разрабатывало очень подробные предписания по номенклатуре выпускаемой продукции, но уж если они изменялись, то именно под воздействием обратной связи. Таким образом, сигналы передавались не циклическим колебанием цен, в отличие от действующих в капита-

листической экономике, а через статистические «количественные» данные, и предупреждающие *голоса*, поступавшие от хозяйственных руководителей и населения [Корнаи, 1990, с. 80, 86, 123, 254].

Я. Корнаи анализировал данное положение для разных экономических явлений, сгруппированных нами по нескольким институциональным механизмам:

Механизм 1. Распределение инвестиций по узким местам с учетом жалоб. Осуществление капиталовложений постоянно сталкивается с недостатком ресурсов, узкими местами. Все больше возникает жалоб из-за дефицита, и эти жалобы заставляют государственные органы прибегать к прямому вмешательству. При распределении ресурсов предпочтение следует отдать той отрасли, в которой сохраняется острый дефицит и откуда раздаются жалобы. Инвестиционные планы составляют на продолжительный период, однако на принятие решения оказывает влияние и сиюминутная ситуация – не так просто абстрагироваться от повседневных жалоб. Упомянутые критерии отбора основываются на неценовых сигналах, которые отчасти представляют собой конкретные данные, отчасти – это *голос* участников инвестиционного процесса и даже его тональность [Корнаи, 1990, с. 200, 301, 367].

Механизм 2. Жалобы руководителей – выявление острых проблем. Наиболее важные результаты напряженности заработной платы – текучесть кадров и рост количества жалоб. Следуя классификации А. Хиршмана, оба вида обратных связей появляются одновременно – как *выход*, так и *голос*. Это не значит, что рабочие немедленно начинают действовать (собственными силами или через профсоюзы) против руководителей, которые тоже борются за корректировку заработной платы. Ведь именно к руководителям поступают жалобы, а текучесть рабочей силы вызывает трудности в повседневной работе [Корнаи, 1990, с. 422, 424].

Механизм 3. Жалобы потребителей – сигнал неудовлетворенного спроса. Голос потребителя, его жалоба на дефицит позволяют судить о спросе. И чем настойчивее потребитель в своем поиске и громче его жалоба, тем мощнее этот сигнал [Корнаи, 1990, с. 123].

Механизм 4. Минимизация жалоб как критерий политической стабильности. С этой точки зрения была рассмотрена ситуация потребительских цен. Бюджетное ограничение домашнего хозяйства является жестким, поэтому потребитель пытается сопротивляться повышению цен с помощью *голоса*. Вот почему потребительские цены становятся политическим вопросом. Те, кто теряет, поднимают *голос*, давая выход своему возмущению, поэтому понятна сдержанность в подходе к регулированию квартплаты и, в целом, к серьезным реформам потребительских цен [Корнаи, 1990, с. 502, 529].

Преимущество института жалоб между разными историческими эпохами подтверждает и тот факт, что в общине крестьянин не сталкивался лицом к лицу с властью. Между ним и административным органом всегда стоя-

ла община в лице своего представителя. В период административного раздатка практика коллективных жалоб через представителя дополнилась индивидуальными жалобами в профсоюзы, но главным образом – в парткомы. Таким образом, можно считать парткомы наследниками функции посредничества между сельским сообществом и вышестоящей властью – институционально обновленной формой обратной связи власти с народом в период «руководящей роли КПСС».

Институт общественно-служебной собственности. В рамках административного раздатка данный институт приобрел новые черты, при этом получили развитие его базовые признаки. Прежде всего, была прекращена практика раздачи производственных ресурсов (земля, фабрики, заводы) в условное владение частным лицам. Вся собственность приобрела статус государственной в разном виде, никто не обладал всей полнотой прав на какую-либо ее часть. Сущность государственной собственности в раздаточной экономике состояла в том, что государство, являлось владельцем основных ресурсов и мощностей, раздавало и закрепляло их за хозяйствующими субъектами. При этом государство определяло соответствующие правила ее использования и объем сдач продукции или услуг хозяйствующими субъектами.

Государство также задавало и опосредовало все экономические связи. Непроизводственные фонды (жилищный фонд, земельные участки за городом) раздавались под условие службы гражданам, используя опыт предыдущих институциональных циклов. Служебный характер собственности специально не акцентировался, поскольку государственная собственность представляла для каждого место службы (работы), а обязанность трудиться была зафиксирована в Конституции и стимулировалась отсутствием возможности получения иных источников дохода.

Для управления общественно-служебной собственностью была создана административная модель, в основе которой лежал принцип нормативных распоряжений. Административная модель управления характеризовалась иерархическим устройством, при котором нижестоящие звенья управления находились в прямом подчинении вышестоящих звеньев. Ведомственная (министерская) структура организации управления, выработанная на предыдущих институциональных циклах, сохранилась, но сильно усложнилась в связи с индустриальным уровнем развития хозяйства.

Механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков в рамках института общественно-служебной собственности стало планирование и собственно сам Государственный план. Основу планирования составлял балансовый метод, сущность которого заключалась в установлении соотношения между ресурсами и их распределением через систему балансов. Балансы представляли собой таблицы, содержащие две количественно равные по сумме части, отражающие, с одной стороны, ресурсы, а с другой –

их распределение. Содержание балансового метода сводилось к уравновешиванию того, что есть и что необходимо. Балансы использовались для отыскания равновесия производства и потребления самых различных элементов хозяйства: трудовых, материальных, финансовых и прочих [Зембатова, 1990, с. 16].

В условиях общественно-служебной собственности доминировала государственная форма организации – она учреждалась органами государственной власти, которые обеспечивали ее необходимыми производственными ресурсами и регулировали ее хозяйственную деятельность. Первичными хозяйственными ячейками выступали в промышленности – производственные предприятия, в сельском хозяйстве – колхозы и совхозы, в жилищно-коммунальном хозяйстве – жилищно-эксплуатационные участки и т.д. Все они работали на основе утвержденного плана, получали все виды ресурсов из единого центра по установленным каналам, руководствовались утвержденными штатными расписаниями и нормативной базой, подчинялись вышестоящим звеньям управления, пользовались правом жалобы в определенном режиме. Другими словами, у первичных хозяйственных единиц были общие правила функционирования, задаваемые институтом общественно-служебной собственности.

Финансовые институты. В рамках административного раздатка роль денег как средства сдач и раздач, после второй трансформационной фазы, возродилась. Деньги являлись преимущественно инструментом плановых расчетов и выполняли функцию перевода качественных натуральных потоков в количественные счетные величины. Анализ финансирования капиталовложений в социалистических странах привел Я. Корнай к выводу, что «под денежной вуалью скрываются процессы количественного регулирования» [Корнай, 1990, с. 540].

Поскольку продукты сдавались, а ресурсы раздавались в рамках единой государственной собственности, цены устанавливались государственными органами централизованно. Начало этому процессу положил Декрет СНК от 1921 г., на основании которого было принято «Положение о комитете цен». На Комитет цен возлагалось установление оптовых и розничных цен на все товары, отпускаемые государственными предприятиями и учреждениями друг другу, кооперации и населению, а также устанавливались твердые заготовительные цены для покупки государственными учреждениями. С тех пор стали приниматься постановления типа «О закупочных и сдаточных ценах на ... (перечень продуктов), продаваемых государству колхозами, совхозами» или «О государственных розничных ценах на продовольственные и промышленные товары».

Когда цены на промышленные товары резко повысились (1923–1926 гг.) в ущерб сельскохозяйственным товарам, государство вмешалось в процесс ценообразования на основе положения «О необходимости усиления планового начала». Такое усиление выразилось «в воздействии на

складывающиеся рыночные отношения путем нормирования, планирования и регулирования оптовых, розничных и заготовительных цен» [Малафеев, 1964, с. 34, 66]. Это вмешательство в процесс ценообразования стало постоянным, и выражалось в регулярной практике государственного установления цен на все виды товаров и услуг.

Задача сквозной увязки доходов и расходов всех хозяйственных субъектов решалась за счет связи финансовых планов с производственными планами и планами снабжения через государственный бюджет, который был основной частью планового хозяйственного механизма. Доходы и расходы бюджета устанавливались в строгом соответствии с народнохозяйственным планом. Успешное исполнение бюджета являлось важным фактором, содействующим выполнению плана. Государственный бюджет представлял собой совокупность союзного и республиканских бюджетов, а в рамках одной республики – совокупность всех местных бюджетов.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства. Торговля в административном раздатке носила преимущественно государственный характер и осуществлялась через государственные базы и магазины. Для этих целей на основе высшего и среднего образования готовились профессиональные кадры для торговой сети. В то же время была разрешена рыночная торговля в городах в специально установленных местах, где товары реализовывались по договорным ценам. Как правило, разрешение на торговлю могли получить колхозники, вырастившие свою продукцию самостоятельно на отведенных приусадебных участках.

В середине третьего институционального цикла были разрешены и распространены обмены квартирами из розданного населению государственного жилищного фонда на правах пожизненного владения. Сделки обслуживались государственными обменными бюро, следившими за тем, чтобы не происходило ухудшение жилищных условий и в результате обмена не появлялось право на постановку на учет для получения нового жилья. Вскоре обмены стали прикрывать куплю-продажу в случае обмена большей квартиры на меньшую с доплатой или при обмене государственной квартиры на кооперативную.

Перинатальная фаза III институционального цикла

Механизмы внедрения экономики административного раздатка включали репрессивные меры, как и на предыдущих циклах. Сначала была национализирована частная собственность дворянского сословия и царской семьи, а также с помощью налогов было изъято имущество нэпманов; затем в принудительном порядке стали создаваться колхозы, проводилась социальная фильтрация тех слоев, которые не смогли стать частью служебной структуры.

Механизм национализации. На основании Декрета о Земле 1917 г., все слои населения кроме крестьян лишались частной собственности на зем-

лю, в 1918 г. все недвижимое имущество в городах было сначала изъято из торгового обращения, а затем передано в государственную собственность, было отменено право наследования. Национализация осуществлялась путем насильственного безвозмездного отчуждения собственности буржуазии в пользу государства.

Прежде всего, были национализированы акционерные и частные банки, во главе с Государственным банком, была установлена государственная монополия – исключительное право государства на осуществление банковских операций и создание новых кредитных учреждений. Государственный банк был переименован в Народный банк и поставлен во главе всех других. Затем были национализированы железные дороги, речной и морской флот и вся крупная промышленность.

В результате была создана государственная форма общественно-служебной собственности, требующая адекватного хозяйственного механизма и системы управления. Первым шагом на этом пути стала модель «военного коммунизма», которая создав централизованный аппарат управления, не имела механизмов местного управления и столкнулась с многочисленными проблемами.

Механизм коллективизации. Сначала коллективизация предполагалась как добровольный процесс, но с 1929 г. приняла принудительный характер. Основной формой объединения крестьян стали колхозы – бывшие сельхозартели с обобществлением основных материальных ресурсов (земли, скота, техники), но сохранением личного подсобного хозяйства крестьян. Колхозы превратились в организации, включенные в государственные планы по производству и сдаче сельхозпродукции. В 1933 г. была введена система обязательной сдачи продукции по твердым нормам с каждого гектара и твердым государственным ценам.

Оплата труда колхозников осуществлялась с помощью трудодней, которые служили условной единицей измерения затрат труда членов колхоза, и определения их доли в конечных результатах деятельности колхоза. Ежедневно в трудовую книжку колхозника записывалось количество выработанных им трудодней. В конце года, после обязательных поставок продукции и расчетов с государством, весь оставшийся фонд оплаты труда делился на общее количество трудодней всех членов колхоза и определялся вес одного трудодня. Затем происходило начисление продукции на трудодни, причем распределение происходило в натуральной форме. С введением в 1932 г. паспортной системы колхозники их не получали до середины 1960-х годов, они фактически были принудительно прикреплены к земле.

Механизм социальной фильтрации. В 1929 г. реализовывалась политика «ликвидация кулачества как класса», в ходе которой у зажиточных крестьян изымали имущество, землю, а их самих с семьями выслали в отдаленные необжитые районы, направляли на лесозаготовки и в лагеря для переселенцев, лишая всех политических и гражданских прав. С конца 1929 г.

до середины 1930 г. имущество таких хозяйств было передано в неделимые фонды колхозов и составило 34% всей стоимости колхозного имущества. Была определена норма раскулачивания – в среднем 5–7% от общего количества крестьянских дворов. Чтобы выполнить эти цифры, в число раскулачиваемых попадали середняки и даже бедняки из числа «сочувствующих».

Еще в 1928 г. появился тезис о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет усиливаться. Начиная с 1930 г. было проведено несколько процессов против тех, кто, якобы, умышленно мешал строительству нового общества: ученые-бактериологи, руководители пищевой промышленности, сюда были включены «Промышленная партия», «Трудовая крестьянская партия», «Союзное бюро ЦК меньшевиков». Почти все обвиняемые погибли в тюрьмах и лагерях. В 1930-е годы стала создаваться система лагерей ОГПУ, тогда же было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ). Труд заключенных стал включаться в пятилетние планы. Внутри ГУЛАГа были созданы специальные отраслевые управления: Главлеслаг, Главпромстрой, Главное управление лагерей железнодорожного строительства.

Военный коммунизм на основе служебного труда. Это метод централизованного управления, состоявший в концентрации всех видов материальных ресурсов в руках государства и их последующем распределении в натуре в соответствии с заявленными потребностями хозяйственных организаций. Его организационная структура была основана на полном подчинении всех предприятий центру в форме Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), состоявшего из 71 главка. ВСНХ занимался фондовым распределением и доведением заданий по производству в натуральных показателях. Главки устанавливали схемы снабжения, планы производства и реализации продукции. Продукцию положено было сдавать на учет в органы ВСНХ, которые распределяли ее по ордерам без оплаты. Денежные средства выдавались по сметам из центра, а все поступления полностью сдавались в доход казны. Для решения хозяйственных вопросов на местах были созданы губсовнархозы (губернские советы народного хозяйства), однако предприятия подчинялись главкам.

В 1918 г. была введена всеобщая трудовая повинность и организована борьба с трудовым дезертирством. Снабжение продовольствием строилось на продрозверстке и нормированном распределении по карточкам на основании декрета 1920 г. «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов», который охватывал значительную часть населения. Позднее бесплатными стали продукты питания и одежда, жилье, коммунальные услуги. В качестве органов распределения создавались кооперативы и потребительские коммуны. В 1919 г. они были объединены в единый распределительный орган – потребительскую коммуну, контролируемую Народным комитетом по продовольствию.

Отношения между городом и деревней строились на основе прямого продуктообмена с целью аккумуляции продовольствия в государственных фондах для обеспечения нужд армии и рабочих, занятых на оборонных предприятиях. В 1919 г. совнарком издал декрет об обязательной сдаче крестьянами государству всех излишков хлеба и фуража. Государственные органы выдавали планы по изъятию хлеба губерниям, те в свою очередь, распределяли задания по своим уездам, волостям, селениям, крестьянским дворам. Весь этот процесс получил название *продразверстки*. Однако на практике государство изымало у крестьян не только излишки хлеба, но и необходимое для семьи продовольствие, семенное и фуражное зерно. В 1920 г. помимо хлеба продразверстка распространилась на картофель, овощи и прочие продукты. За эти поставки предусматривалась оплата по твердым ценам, но поскольку бумажные деньги обесценились, то фактически продразверстка означала прямую конфискацию продовольствия.

В итоге денежное обращение, ценообразование, финансово-кредитная система были полностью разрушены. Натурализация хозяйства практически стала полной. Голод, разруха, огромная текучесть кадров, спекуляция, мешочничество, что впоследствии стали называть «теневой экономикой» – таковы были результаты политики военного коммунизма. Поэтому на фоне государственной централизованной модели управления была запущена новая экономическая политика (НЭП) как попытка встраивания рыночных механизмов в формирующуюся административную систему.

Прежде всего, это выразилось в изменении системы управления – были упразднены главки в системе ВСНХ, их функции на местах перешли к крупным районным управлениям и губернским совнархозам. В 1922 г. все мелкие и средние государственные предприятия были сняты с централизованного снабжения и переведены на полный хозрасчет. Они должны были сами формировать план производства и сбывать свою продукцию, закупать сырье и материалы.

Крупные предприятия были разделены на две группы: одна оставалась на бюджете государства и централизованном снабжении, ее продукция распределялась внутри национализированного сектора. Но не реализованная ее часть могла продаваться на рынке, а чистая прибыль передавалась государству. Вторая группа крупных предприятий переводилась на полный хозрасчет с правом самостоятельно формировать свои хозяйственные связи, но при условии реализации продукции в первую очередь государственным и кооперативным предприятиям. Таким образом, сохранялось централизованное руководство, и одновременно внедрялся хозрасчет.

Стали создаваться тресты – объединения однородных или взаимосвязанных между собой предприятий в качестве хозяйственных единиц, способных работать на началах самокупаемости. К середине 1923 г. они охватывали до 90% продукции государственной промышленности.

Тресты наделялись широкими полномочиями, они самостоятельно решали, что производить, где реализовывать продукцию, осуществлять закупки ресурсов на рынке. После выплаты фиксированных платежей в бюджет тресты распоряжались доходами от реализации продукции, самостоятельно используя прибыль и покрывая убытки. Однако правительство пристально следило за финансовым состоянием трестов и даже предлагалось карать всех членов правления трестов длительным сроком лишения свободы и конфискацией всего имущества, если эти руководители не смогли достичь безубыточности.

Затем тресты стали объединяться в синдикаты с целью обеспечения снабжения и сбыта продукции. В конце 1922 г. 80% трестов в промышленности было охвачено синдикатами, которые сосредоточили в своих руках оптовую торговлю и монополизировали рынок. «Ножницы цен» между промышленными и сельскохозяйственными продуктами были результатом их вздувания синдикатами и трестами.

В рамках НЭП была восстановлена денежная оплата труда, отменена карточная система распределения, введена тарифная система, по которой заработная плата выплачивалась в зависимости от квалификации рабочих. Были ликвидированы основные ограничения на перемену места работы, разрешался свободный найм рабочей силы. В 1922 г. были созданы фондовые биржи, где разрешалась купля и продажа валюты, золота, облигаций государственных займов по свободному курсу.

В 1921 г. было принято решение о замене продразверстки *продналогом*. Продналог устанавливался как долевое отчисление от произведенной продукции, при этом учитывался объем урожая, имущественное положение той или иной семьи, число членов семьи. Сначала этот норматив был на уровне 20%, затем снизился до 10% от продукции. Остававшуюся часть сверх налога можно было продавать государству или на рынке по свободным ценам. Было разрешено брать землю в аренду и нанимать работников, хотя устанавливались большие ограничения.

Поощрялось развитие разных форм кооперации: потребительской, снабженческой, кредитной, промысловой. Развивалось производственное кооперирование в форме сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли, куда входили бедняки и середняки. В эти кооперативы государство направляло сельскохозяйственные орудия, удобрения, племенной скот, семена, денежные средства.

Правительство разрешило частному предпринимательству брать в аренду мелкие и средние промышленные и торговые предприятия. Фактически эти предприятия принадлежали государству, программа их работ утверждалась в учреждениях государственной власти на местах, но производственная деятельность осуществлялась частными предпринимателями.

Одним из признаков НЭПа явилось развитие концессий по договору с иностранными фирмами, которые поставляли новую технику, оборудование, принимали у себя советских инженеров-стажеров. Около 95% промышленных предприятий получали в 1920-е годы западную техническую помощь, которая помогла достаточно быстро восстановить многие отрасли экономики. В сферу торговли был допущен частный капитал, в основном в розничную торговлю, где его удельный вес в общем обороте достигал 83%. Но в оптовой торговле 77% занимало государство и только 8% – кооперация, а 15% – частный капитал, который при этом не допускался в сферу внешней торговли, осуществлявшейся на основе государственной монополии.

Несмотря на активное развитие рыночных отношений, в годы НЭПа сохранялось государственное регулирование экономики, и параллельно происходила закладка планового механизма. В 1921 г. были образованы: Госбанк, а затем другие банки – Внешторгбанк, Промбанк, Центральный сельскохозяйственный банк, Комитет цен как межведомственный орган по установлению оптовых и розничных цен на товары, отпускаемые государственными предприятиями друг другу, кооперации и населению, Госплан, вобравший в себя специалистов, работавших над ГОЭЛРО¹. Во всех ведомствах стали создаваться плановые подразделения, методологически подчиненные Госплану.

Главная проблема НЭПа состояла в том, что пропорции обмена между промышленным и сельскохозяйственным секторами стали заметно нарушаться. Промышленность не поставляла в деревню нужного количества своей продукции. Сельское хозяйство сдавало недостаточное количество зерна на экспорт для закупок за границей необходимого промышленного оборудования. Кризис хлебопоставок начался в 1925 г. и продолжился в 1926–1927 гг. С 1928 г. наблюдался рост цен на частные заготовки хлеба, крестьяне предпочитали продавать зерно через частные каналы по более высоким ценам, что приводило к снижению объемов государственных заготовок. В связи с этим были задействованы «чрезвычайные меры» – конфискация хлебных излишков, незаконные обыски крестьянских амбаров. Фактически началась компания по принудительному изъятию хлеба у так называемых «кулаков».

Итак, основными чертами новой экономической политики были: замена продразверстки продналогом; свободная торговля; хозрасчет на госпредприятиях, в трестах и синдикатах; допущение частного и иностранного капиталов, концессий, товарных и фондовых бирж, коммерческих кредитов; экономическое регулирование цен на промышленные и сельскохозяйственные товары; монополия внешней торговли и расширение прав местных органов власти [Майминас, 1989, с. 428].

¹ ГОЭЛРО – Государственная комиссия по электрификации России, созданная в феврале 1920 г.

Структурированная фаза III институционального цикла

В рамках структурированной фазы третьего институционального цикла происходило становление административного раздатка и планового хозяйственного механизма с жесткой централизацией управления экономикой и идеологическим прессингом.

Административная система управления. Она представляла собой иерархическую систему принятия решений, руководства и подчинения. Экономика управлялась директивными органами по трем пересекающимся контурам: отраслевому, территориальному и партийному (рис. 8.2). Госплан СССР разрабатывал планы и их основные направления. Затем эти планы, спускаясь по иерархии вниз к министерствам, главам, объединениям и предприятиям, конкретизировались в директивные производственные задания предприятиям.

Основными характеристиками административной модели управления были такие черты, как:

- осуществление решений сверху вниз, по вертикали;
- абсолютный приоритет административных рычагов над экономическими;
- бюрократический аппарат как исполнительный механизм, обеспечивающий выполнение решений.

Рис. 8.2. Управленческие контуры административной модели раздаточной экономики

В конце 1929 г. тресты потеряли хозяйственную самостоятельность и постепенно превратились в посредническое звено системы управления. В этом же году синдикаты были преобразованы в промышленные объединения – главки, которые стали частью административной системы управления. Они больше не занимались оптовой торговлей, поскольку ее заменило централизованное распределение по фондам и нарядам.

В начале 1930 г. происходило почти полное вытеснение частного капитала из различных секторов экономики, к этому же времени были практически аннулированы все частные концессии. В этом же году произошла налоговая реформа во всех секторах экономики: вместо 63 различных налогов и платежей в бюджет было введено два основных вида – налог с оборота и отчисления от прибыли, для колхозов устанавливался подоходный налог. Кредит был заменен централизованным финансированием, ранее самостоятельные банки стали подчиняться наркомату финансов, они перестали быть кредитными учреждениями, на их счетах находились финансы государственных предприятий, которые можно было использовать в строгом соответствии с планом.

В 1933 г. была введена система обязательной сдачи сельхозпродукции (в народе даже появилась «первая заповедь колхозника – наша главная задача молотьба и хлебосдача») по твердым нормам с каждого гектара посевных площадей и твердым государственным ценам. В 1935 г. был принят «Устав сельскохозяйственной артели», в соответствии с которым колхозники получали право иметь небольшие приусадебные участки, держать корову, свиней, овец, птицу, излишки продукции с приусадебного участка можно было реализовывать на городских рынках. Но начиная с 1946 г. государство стало урезать приусадебные участки и облагать хозяйства большими денежными налогами. Кроме того, каждый крестьянский двор должен был сдавать и натуральный налог мясом, молоком, яйцами, шерстью и другой продукцией. На рынке можно было продавать продукцию при наличии справки о том, что соответствующее хозяйство выполнило свои обязательства перед государством.

Плановый хозяйственный механизм. Весь третий институциональный цикл система административного управления строилась на плановом и централизованном распределении материальных и финансовых ресурсов с доведением до хозяйственных организаций соответствующих фондов и показателей. В 1926 г. к Госплану стали переходить основные регулирующие функции в народном хозяйстве. С 1927 г. для промышленных предприятий стал устанавливаться государственный производственный план, пятилетнее планирование стало основной деятельностью плановых органов. В итоге весь третий институциональный цикл был расписан по пятилеткам. Первый пятилетний план пришелся на 1929–1933 гг.

Система директивного планирования с жесткой централизацией возникла тогда, когда была заменена структура ВСНХ отраслевыми наркоматами, преобразованы тресты и синдикаты, введены главки. В итоге

в течение нескольких лет сложилась строго иерархическая трех- или четырехзвенная структура управления, в рамках которых стали доводиться детализируемые по уровням плановые задания и контролироваться их исполнение. К 1954 г. насчитывалось 46 союзных и союзно-республиканских отраслевых министерств. Каждое из них состояло из большого числа подразделений и служб.

Установление цен было полностью централизовано, проводилась политика поддержания стабильных низких цен на сельскохозяйственную продукцию и оптовых цен на промышленную продукцию. Цены стали важнейшим каналом перераспределения национального дохода на нужды индустриализации. Модель оптовой цены – это среднеотраслевая себестоимость плюс прибыль, исходя из нормы рентабельности 3–5% к себестоимости. Такую цену позднее назвали затратной.

Трудовая модель служебного найма. Управление трудовыми ресурсами осуществлялось через тарифное штатное расписание, устанавливались задания по производительности труда, численность работников, фонд заработной платы. Тарифная система включала тарифную сетку, ставки, разряды, нормы выработки для рабочих, оклады для инженерно-технических работников. Помимо материального поощрения была внедрена достаточно сложная система нематериальных стимулов – присуждение почетных званий, орденов и медалей. Хотя их вручение всегда сопровождалось значительным материальным поощрением – премиями, квартирами, продвижением по службе. Стимулирование осуществлялось за выполнение плановых показателей, что породило погоню за «валом». В 1931 г. была закрыта биржа труда, и было провозглашено отсутствие безработицы.

В 1932 г. была введена система внутренних паспортов и прописки, которые ограничивали свободу передвижения, было объявлено о запрете на увольнение рабочих по собственному желанию. Наркомтруд получил право переводить квалифицированных рабочих и специалистов на работу в любое место страны и любую отрасль экономики, не спрашивая на то согласие самого работника. В 1938 г. появились трудовые книжки, которые хранились в отделе кадров предприятий. Без отметки в трудовой книжке о причинах увольнения с предыдущего места работы работника не могли принять на новое место.

В 1946 г. наркоматы были преобразованы в министерства, также были установлены гражданские звания – ранги, классы, напоминающие Табель о рангах Петра I (рис. 8.3).

Реформа 1954 г. упразднила 200 главков и отделов министерств, 147 трестов, 93 местных органов управления, 898 снабженческих организаций и более 4 тыс. мелких структурных подразделений.

Перестройка управления промышленностью была осуществлена по территориальному принципу. В 1957 г. в ходе этой реформы были упразднены многие отраслевые союзные министерства, а появились территориальные советы народного хозяйства (совнархозы). Тем самым была сделана по-

пытка децентрализации управления. Однако она привела к так называемому «местничеству», которое заключалось в том, что совнархозы стремились реализовывать собственные интересы нецелевого характера в ущерб реализации планов поставок той продукции, которая требовалась для общегосударственного потребления.

Рис. 8.3. Социальная структура административного раздатка

Фаза истощения III институционального цикла

В аграрной сфере произошло снижение сельскохозяйственного налога в 2,5 раза, списание недоимок по налогам за прошлые годы, увеличение размеров личных подсобных хозяйств. Одновременно были снижены нормы обязательных поставок государству продукции животноводства, увеличены закупочные цены, расширены колхозные рынки. Активизировался процесс укрупнения и слияния колхозов, проводилась политика преобразования колхозов в совхозы. Для колхозов план обязательных закупок зерна был снижен, объявлен твердым и неизменным на 10 лет. После выполнения плана остальная продукция оставалась в распоряжении колхозов. Сверхплановые закупки проводились по повышенным ценам.

В социальной сфере был принят закон о пенсионном обеспечении (1956 г.), размер пенсии зависел от стажа работы и возраста. Началось массовое жилищное строительство. Был принят закон о сокращении рабочей недели, введение двух выходных дней, повышена минимальная заработная плата.

В промышленности главным мероприятием стало введение хозрасчета, т.е. расширение самостоятельности предприятия за счет сокращения числа директивных показателей, замена валовой продукции как основного показателя на объем реализации, оставление в распоряжении предприятия большей доли прибыли при изменении порядка ее распределения. На основе прибыли формировались фонды экономического стимулирования – фонд материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, а также фонд развития производства. Произошла смена модели оптовой цены – рентабельность была предусмотрена в размере 15% к производственным фондам, при этом учитывалась фондоемкость продукции в разрезе отраслей. Была введена плата за производственные фонды с целью их рационального использования.

Система централизованного распределения материальных ресурсов сохранилась, по важнейшим изделиям эту функцию выполнял Госплан, а по остальной продукции – Госнаб, который осуществлял прикрепление потребителей к поставщикам, загрузку мощностей и реализацию фондов. В области ценообразования главным органом стал Госкомитет по ценам, ставшим в 1969 г. самостоятельным ведомством, а не структурой Госплана. Вопросы контроля за деятельностью министерств решались со стороны других функциональных ведомств – Госкомтруда, Минфина, Центрального статистического управления.

Эти меры дали краткосрочный эффект, многие нововведения были отторгнуты системой: самостоятельность в установлении хозяйственных связей и оптовой торговле пришла в противоречие с системой фондирования и разнарядки. Цены по-прежнему не учитывали дефицитность продукции, базой цены остались затраты среднеотраслевые или индивидуальные. Сохранилась оценка предприятий по выполнению плана в объемных стоимостных показателях. Уже в начале 1970-х годов до предприятий доводились задания по производству еще более детальные, чем в 1965 г. Вновь стали утверждаться показатели производительности труда, себестоимости и др. Министерства вновь укрепили свое положение как доминантного органа управления, увеличили число директивных показателей, расширили номенклатуру планируемой и распределяемой продукции.

К 1970-м годам стали появляться ограничения и регламентации, что подрывало саму идею хозрасчета. Так, были введены лимиты на создание фондов экономического стимулирования, сверх которых они не могли быть увеличены. Всю дополнительную прибыль в виде «свободного остатка» приходилось перечислять в государственный бюджет. При этом задания на следующий плановый год устанавливались с учетом прежних достижений. Под контроль вышестоящих организаций попал и фонд развития производства, который стал включаться в централизованный план капитальных вложений. Тем самым произошло ограничение полномочий предприятий самостоятельно распоряжаться собственными средствами. Аппарат министерств постепенно разрастался, возникали новые подразделения. Фактическое при-

нятие решений распределялось между многочисленными инстанциями партийно-хозяйственной иерархии, где все документы надо было «увязывать» и «согласовывать». В реформе были заложены несовместимые принципы: расширение прав предприятий и усиление централизации.

В 1979 г. была проведена еще одна попытка реформирования хозяйственного механизма. Для этого был установлен показатель нормативно-чистой продукции, по которому предприятия должны были учитывать только вновь созданную стоимость без затрат на сырье и материалы. Предполагалось, что это будет стимулировать внедрение новой техники, повышение качества продукции, заставит отказаться от деления продукции на выгодную и невыгодную.

Итогом функционирования административного раздатка с плановым хозяйственным механизмом стал острый дефицит самых необходимых товаров, крайне низкое качество продукции, очереди на все виды товаров и услуг, штурмовщина, бюджетный дефицит, инфляция, денежная эмиссия, неэффективные крупномасштабные программы, социальное расслоение. Кризисные явления в экономике выразились в расцвете блата в разных сферах («ты – мне, я – тебе») и «теневой экономики», которая была неоднородна по своей структуре. К ней относилась как индивидуально-трудовая деятельность в форме кустарного производства, так и деятельность, связанная с хищениями товаров и сырья, махинациями с отчетностью, изготовлением на государственных предприятиях неучтенной продукции и ее продажей через государственную торговую сеть, валютные операции.

В научных публикациях много писалось об ограниченности и порочности административно-командной системы, о ее неспособности обеспечить мобилизацию резервов для роста эффективности производства, несовместимости с научно-техническим прогрессом, ухудшении качества руководителей, беспомощности системы тогда, когда масштабы решаемых задач выходили за рамки «натурального» управления. Ни одна сфера административно-командной экономики не была свободна от дефицита. Это явление хроническое, оно наблюдалось постоянно: на рынке потребительских товаров и услуг, в производстве, в распределении рабочей силы, в сфере капитальных вложений. «Когда в системе проявляется всеобщий, хронический, самовоспроизводящийся, интенсивный дефицит, то такую систему можно назвать экономикой дефицита» [Корнаи, 1990, с. 20]. Главной причиной дефицита, по мнению Я. Корнаи, были «мягкие бюджетные ограничения». Государство выступало в качестве богатой и безотказной страховой компании, готовой компенсировать чуть ли не любые потери предприятий и учреждений, избавляя их от борьбы за свое существование.

Мощный ресурсный и технологический потенциал, созданный в 1930–50-е годы, позволял в течение длительного времени совмещать реализацию крупномасштабных целей: развертывания военно-стратегических программ и повышения жизненного уровня населения. Однако в результате такая эконо-

мика оказалась неспособной противостоять социальным, ресурсным, военно-политическим вызовам 1970–80-х годов, что привело систему к коллапсу.

Суть структурного кризиса этой индустриальной формы состояла в том, что сложился устойчивый, самовоспроизводящийся комплекс ресурсных ограничений, который обуславливал одновременно замедление экономического роста и падение его эффективности, технологическую деградацию. Образовалась структурная ловушка: «Вся система жизнеобеспечения страны была ресурснорасточительна, когда строили, то закачивали колоссальные объемы ресурсов и в громадных масштабах перепотребляя первичные ресурсы. Экономика не могла выдержать такого режима» [Белоусов, 1995, с. 25].

«Экономику дефицита» Я. Корнаи сравнивал с гигантским насосом, который, не считаясь с естественными экономическими тенденциями, по команде перекачивал сырье, материальные и трудовые ресурсы из одной отрасли в другую, в любом заданном направлении. Постоянный дефицит в плановых экономиках представлял собой естественное свойство. Система директивного управления и внеэкономического принуждения порождала повсеместное стремление предприятий и учреждений к расширению своих масштабов, к количественному росту выпуска продукции, не считаясь с затратами, а порой и с качеством. Для нее типичными стали пренебрежение к экономической эффективности, постоянный и неутоляемый «инвестиционный голод», огромные сверхнормативные запасы сырья, материалов и оборудования у предприятий.

С 1985 г. началась «перестройка», которая увязывалась с концепцией «совершенствования хозяйственного механизма» и возвратом к идеям хозяйственной реформы 1965 г. Это означало предоставление предприятиям большей хозяйственной самостоятельности в развитии производства, обновлении продукции, материальном стимулировании работников в зависимости от финансовых результатов работы предприятия.

В 1987 г. был принят закон о государственном предприятии, давший свободу в распоряжении прибылью: вкладывать ее в производство или повышать заработную плату. В результате зарплата росла, но купить в магазине на эти деньги было нечего, так как в стране усиливался товарный дефицит. В 1988 г. были приняты законы, по которым разрешалось открывать частные предприятия в 30 видах производственной деятельности, что привело к легализации теневого сектора экономики.

На волне демократизации стало распространяться рабочее самоуправление, создавались Советы предприятий, выбранные на общих собраниях трудовых коллективов, они имели право избрания и увольнения директоров. Но в конце 1980-х годов власть вернулась к директорам предприятий. Кризис ликвидировать не удалось, наоборот, продовольственная проблема еще больше обострилась, были введены карточки на многие товары. Процессы исчерпания потенциала планового хозяйственного механизма повторили проблемы, возникшие в конце предыдущего институционального цикла и привели в конечном счете, к новой трансформационной фазе с введением рыночных отношений.

Глава 9

ЖИЛИЩНЫЙ РАЗДАТОК – КЛЮЧ К БАЗОВОЙ МОДЕЛИ РОССИИ

Жилищный раздаток являлся органической частью базовой модели России, проходя фазы своего развития на институциональных циклах общинного, поместного и административного раздатка. Основными секторами жилищного раздатка были ведомственное жильё при заводах для рабочих, общинно-колхозный сектор для крестьян, элитный сектор для чиновников, купечества, интеллигенции. Поместное право – раздача жилья под условие службы, выработанное в XVI в., в дальнейшем укоренилось и использовалось для проведения экономической политики и индустриализации.

Жилищный раздаток, суть которого состояла в бесплатном обеспечении работающих типовым жильём через ведомственные каналы, как это происходило на предыдущих институциональных циклах, стал решающим фактором ускоренной индустриализации 1930-х годов. В зрелой форме он приобрел многосекторный вид – к ведомственному жилью добавился муниципальный сектор, а наличие секторов кооперативного и индивидуального жилья придавало определенную гибкость. В итоге, на всех трех институциональных циклах жилищный раздаток обеспечивал расселение трудовых ресурсов, что становилось мощным рычагом подъема экономического потенциала государства.

Перинатальная фаза III институционального цикла

Институт частного предпринимательства в жилищном секторе был уничтожен Декретом «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». Была отменена частная собственность на все без исключения участки – застроенные и незастроенные, принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, ведомствам, учреждениям, находящимся в пределах всех городских поселений. Этим же декретом было установлено, что право строить новые дома во всех городах с населением свыше 10 тыс. человек является исключительной прерогативой местных Советов [Собрание..., 1989].

Еще до революции органы царского правительства установили запрет на повышение квартирной платы, которая оставалась неизменной, а падение реального курса денег свело ее фактическое значение к ничтожной величине [Энциклопедия..., 1930, с. 286]. С введением политики «военного коммунизма» Декретом 1921 г. квартирная плата была отменена совсем, в результате жилищное хозяйство городов пришло в полный упадок, дома разрушались, нового строительства не велось.

Возникла необходимость в новой экономической политике, которая была нужна для восстановления почти полностью разрушенного народного хозяйства. Ее мероприятия были направлены на возрождение в допустимых пределах рыночных отношений. Опираясь на общие политические принципы,

жилищная политика также стимулировала высвобождение рыночных сил в жилищном секторе. Для этого была изменена структура базовых институтов жилищной собственности путем ограничения сферы действия института государственного обеспечения, возрождения института частного предпринимательства и введения института жилищно-кооперативной собственности.

В 1922 г. был издан Закон «О праве застройки», отменивший Декрет 1918 г. в той его части, в которой право строить было предоставлено только местным Советам. В связи с этим 1923–1926 гг. стали периодом довольно широкого частного строительства. Вторым мероприятием явилась частичная денационализация домовладений. Наиболее ценная часть жилого фонда была оставлена в руках государства, а все остальные строения были возвращены их прежним владельцам, при этом был установлен запрет на административные переселения и уплотнения. Также были установлены основные принципы политики в области квартирной платы:

- квартирная плата – источник обеспечения самокупаемости жилого фонда; ее ставки должны устанавливаться на уровне необходимых затрат в жилищном хозяйстве;
- учет комфортабельности квартиры и ее месторасположения. Так, за отдаленность района квартирная ставка снижалась на 10%, за отсутствие водопровода, канализации, электрического освещения – на 5–10%, за темные и полутемные комнаты – на 50–75%, за подвальные и полуподвальные комнаты – на 20–50%;
- экономическое регулирование в пользовании квартирами. В жилищном законодательстве отмечалось, что административный метод регулирования заменен методом экономического воздействия путем кратного роста оплаты излишков занимаемой сверх установленной нормы площади [Шейнис, 1929, с. 6];
- экономическая доступность жилища достигалась введением льгот для малообеспеченных и установлением предельной ставки квартплаты;
- вводилась зависимость оплаты жилья от дохода и социального положения квартиросъемщика.

Главное значение квартирной платы было в пополнении доходов местного бюджета для нужд жилищного хозяйства.

Нужны были дополнительные источники финансирования государственного жилищного строительства, поэтому стал собираться специальный налог. Впервые местный целевой сбор на жилищное строительство (квартирный налог – КН 1) был введен в 1922 г. В Положении указывалось, что местный квартирный сбор взимается с лиц, занимающих жилые помещения в пределах городских поселений. Исключение составляли милиционеры, учащиеся и пенсионеры. Таким образом, первый квартирный налог взимался со всего (за некоторым исключением) городского населения в зависимости от занимаемой площади. После реформы подоходного налога 1923 г. КН 1 перестал

существовать, поскольку был унифицирован в подоходном налоге, и таким образом стал составной частью нового подоходного налога.

Жилищное строительство было лишено прямого источника финансирования, и потому в 1924 г. снова был введен целевой сбор на жилищное строительство, или квартирный налог – КН 2. Он отличался от своего предшественника и объектом обложения, и характером построения. К КН 2 привлекались только так называемые нетрудовые элементы (1/3 городского населения), в то время как КН 1 платило почти все городское население. Особенность КН 2 заключалась в том, что он строился в зависимости не только от занимаемой площади, как КН 1, но и учитывал доход квартиросъемщика.

Сходство двух квартирных налогов состояло в том, что они имели целевой характер: «поступления целевого квартирного налога обращаются в местные фонды рабочего жилищного строительства» [Собрание..., 1927, Ст. 172]. Второй квартирный налог без принципиальных изменений просуществовал до 1930 г.

Таким образом, в течение 1921–1928 гг. формировались принципы и правила государственного жилищного сектора. Параллельно возникали жилищные кооперативы на основе уставов, согласно которым они рассматривались как самостоятельные организации жильцов, управляющие домами на началах аренды у местных Советов и под их контролем. Декретом 1924 г. «О жилищной кооперации» было установлено три ее вида:

- жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ), призванные эксплуатировать муниципальные дома;
- рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества для строительства новых и восстановления разрушенных домов (РЖСКТ), пользовавшиеся поддержкой государства в виде материальных и финансовых льгот;
- общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ), объединяющие группы кустарей, ремесленников и мелкой буржуазии, лиц свободных профессий, квалифицированных служащих, т.е. те слои населения, которые могли создавать кооперативы без прямой поддержки государства.

После принятия Закона 1924 г. ЖАКТы стали возникать во всех городах, и к концу года основная часть муниципального фонда была охвачена жилищными товариществами. На ЖАКТы возлагались задачи двойного рода: с одной стороны, воспитание у населения чувства хозяина и развитие опыта самоуправления, с другой – эксплуатация жилищного фонда на принципах самокупаемости. ЖАКТы действовали как автономные кооперативные организации, состоящие с коммунальными органами в отношениях арендодателя и арендатора.

Развитие жилищно-строительной кооперации столкнулось с проблемой паевых средств рабочих. Фактическое безденежье рабочих масс вы-

нуждало к созданию льготных условий: денежный взнос составлял не более 10%, а ссуда государства – 90% со сроком возврата в 60 лет. Многие кооперативы возникали в основном за счет государственных средств, при этом кооперативное строительство происходило очень медленно, и было крайне дорогостоящим.

К концу перинатальной фазы были сформированы основные принципы жилищной политики: усиление темпа строительства новых жилищ; упорядочение организации строительства и его удешевление; накопление средств внутри самого жилищного хозяйства, в частности за счет квартирной платы; целесообразная постройка эксплуатации жилищного фонда; развитие кооперативного строительства; привлечение частного капитала в жилищное строительство.

В перинатальную фазу в стране была самая высокая интенсивность жилищной мобильности также за счет административных и репрессивных мер, осуществляющих социальную фильтрацию. Так, из домов обобщественного фонда были выселены граждане, принадлежащие к «нетрудовым» категориям населения. [БСЭ..., 1932, т. 25, с. 456]. Репрессии во всех социальных слоях приводили к освобождению квартир высшего и среднего руководящего состава, служащих всех категорий. В эти квартиры вселялись новые руководители и работники государственного аппарата, военные, служащие. Таким образом, волны жилищной мобильности совпадали с этапами социальной фильтрации.

Структурированная фаза III институционального цикла

В 1930-е годы раздаток с доминированием государственного обеспечения развивался путем отрицания принципов жилищной политики 1921–1928 гг. Практика поддержания разнообразных форм собственности, внедрения самокупаемости на основе дифференцированной квартплаты, привлечения частного капитала в жилищное строительство и развития всех форм жилищной кооперации не устраивала идеологов ускоренной индустриализации.

С 1929 г. происходил демонтаж так и не успевшего сложиться экономического механизма и, прежде всего, было запрещено частное строительство. Во главу угла было поставлено расселение рабочей силы вокруг промышленных новостроек. За период 1929–1932 гг. было построено 1500 предприятий, за 1933–1937 гг. – 4500 и за 1938–1940 гг. – 3000 [Народное хозяйство..., 1987, с. 33]. Для обеспечения работы этих предприятий требовался огромный приток рабочих в промышленность.

Мобильной формой комплектования кадров предприятий и строек за счет излишков трудовых ресурсов села явилась созданная в начале 1930-х годов государственная система оргнабора рабочих, с помощью которой было набрано 18 млн неквалифицированной рабочей силы для городов. В этот период наблюдалась самая высокая за всю историю страны интенсивность прироста городского населения за счет перекачки трудовых ресурсов из села

в город [Заславская, Корель..., 1985, с. 128; Социальные процессы..., 1987]. Огромная армия рабочих требовала скорейшего расселения, поэтому в 1929 г. для финансирования жилищного строительства создавались специальные капиталы Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства, источниками которых являлись ассигнования из госбюджета, отчисления из фондов улучшения быта рабочих и служащих, целевой квартирный налог [Свод..., 1926, П.312].

Однако принятых мер было недостаточно, и в 1931 г. принимается Постановление «О быстрейшем обеспечении жилищами рабочих угольной промышленности и развитии облегченного жилищного строительства», согласно которому должно быть развернуто строительство стандартных домов в объеме, удовлетворяющем потребность не менее 700 тыс. рабочих и их семей. Также должно развиваться строительство с максимальным применением сборных стандартных деревянных домов, изготавливаемых заводским способом [Партийное строительство..., 1931, с. 73–74].

Это постановление привело к тому, что дома для рабочих в основном были барачного типа, неблагоустроенные и некомфортабельные. Качество жилищного строительства резко упало. В 1934 г. было принято Постановление «Об изменении жилищного строительства», в котором указывалось, что «облегченное малоэтажное, каркасное, щитовое и барачное строительство допускать в качестве временных жилищ только с разрешения СНК союзных республик».

Капитальные вложения в жилищное строительство регулярно росли. Тем не менее средств для обеспечения нормальных жилищных условий не хватало – сказывался «всасывающий эффект» индустриализации, забирающий все большее количество ресурсов в промышленность, а людей – в города. В целях экономии средств в градостроительстве был взят курс на типовое проектирование квартир минимальных стандартов.

В постановлении «О типовых проектах жилищного строительства» 1939 г. указывалось: «...при разработке типовых проектов массового строительства предусмотреть проектирование жилых секций с квартирами небольшой площади и не допускать при проектировании ничем не оправданных архитектурных излишеств» [Собрание..., 1989]. Именно с этого и началась эра городов с массивами прямоугольных конструкций с однотипными жилыми ячейками. Были разрушены архитектурные традиции, распущены независимые архитектурно-художественные объединения, мастерские зодчих были реорганизованы в административные подразделения внутри проектных институтов.

Большие изменения произошли и в институте жилищно-кооперативной собственности. К концу 1926 г. доля ЖАКТов в использовании муниципального жилого фонда составляла 49%, а к 1931 г. – 75% [БСЭ..., 1932, с. 456]. Наряду с этим ЖАКТы охватывали своим влиянием и промышленный жилищный фонд, поскольку с их помощью происходило закрепление работников за предприятием. В 1931 г. был принят закон, согласно которому «работ-

ники предприятий, потерявшие с ним трудовую связь вследствие нарушения трудовой дисциплины, теряют право на площадь в домах этих предприятий» и автоматически выбывают из состава членов ЖАКТа [Там же, с. 456]. Но окончательное прикрепление работников к их месту жительства и месту работы было достигнуто в 1932 г. установлением единой паспортной системы и обязательной пропиской.

Доля строительных кооперативов в общем объеме жилищного строительства начала резко падать: в 1924–1928 гг. она составляла 14%, в 1929–1932 гг. – 7% и, наконец, в 1933–1937 гг. 4%. При этом жилищно-строительные кооперативы переходили на тип закрытого хозяйства, обслуживающего нужды промышленного предприятия. Таким образом, жилищная кооперация во всех ее формах была поставлена в зависимость от предприятий, а население прикреплено к месту проживания и месту работы.

Однако до 1937 г. жилищная кооперация все же являла собой небольшие очаги демократического управления, хотя и в очень ограниченной форме. Это входило в противоречие с нарастающим бюрократизмом в управлении, поэтому было принято решение о ликвидации жилищно-арендной кооперации и о полном прекращении государственной помощи жилищно-строительным кооперативам, что обрекало их на гибель. Годом всеобъемлющего распространения государственного обеспечения жильем стал 1937 г., поскольку оба альтернативных института – частного предпринимательства и жилищной кооперации – были ликвидированы.

Одним из источников финансирования государственного жилищного строительства остались прямые налоги с населения. Налоговая реформа 1930 г. унифицировала квартирный налог КН 2, существовавший с 1924 г., который был поглощен подоходным налогом. Жилищное строительство осталось без такого важного источника финансирования, как целевой налог. Поэтому в 1931 г. по «инициативе трудящихся масс» были введены единовременные сборы на нужды жилищного строительства в городах. Сборы были повторены в 1932 г. и затем, начиная с 1933 г, сделались постоянной частью системы налоговых платежей населения в форме единого сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства (культжилсбор), и фактически он стал третьим квартирным налогом [Дьяченко, 1978, с. 282]. Таким образом, как только КН 2 был «впитан» подоходным налогом, ему на смену пришел новый квартирный налог, который просуществовал до 1943 г.

Третий квартирный налог по принципам взимания ничем не отличался от подоходного налога: объектом и того и другого обложения была заработная плата рабочих и служащих, причем целевой жилищный сбор составлял около половины от общей суммы платежей городского населения. Характерно, что этот квартирный налог никак не был связан с жилой площадью, занимаемой квартиросъемщиком; тем самым исчез жилищный характер этого налога. В то же время те изменения, которым подвергался квартирный налог – КН 3, являлись следствием изменений подоходного

налога: «В 1940 году в связи с изменением подоходного налога были внесены существенные изменения в построение сбора на жилищное строительство» [Марьяхин, 1964, с. 200].

Еще одно изменение произошло с квартирным налогом – значительная доля его стала вноситься в государственный бюджет. Единственное, что «роднит» третий квартирный налог с предыдущими – его целевой характер, предназначенность для жилищного строительства. В 1943 г. произошло очередное слияние подоходного налога с КН 3. Целесообразность этого мероприятия объяснялась тем, что плательщиками в обоих случаях были одни и те же лица, порядок уплаты был одинаковым, различие заключалось лишь в размерах и сроках платежей [Плотников, 1954, с. 310].

Таким образом, к 1943 г. подоходный налог включал в себя три квартирных налога: 1922–1923, 1924–1930 и 1931–1943 гг. Их общая доля, по нашим оценкам, составляла более 80%, в том числе доля последнего квартирного налога – 46% [Подоходный ... 1940, с. 69]. Для наглядности процесс преобразования подоходного налога показан на рис. 9.1.

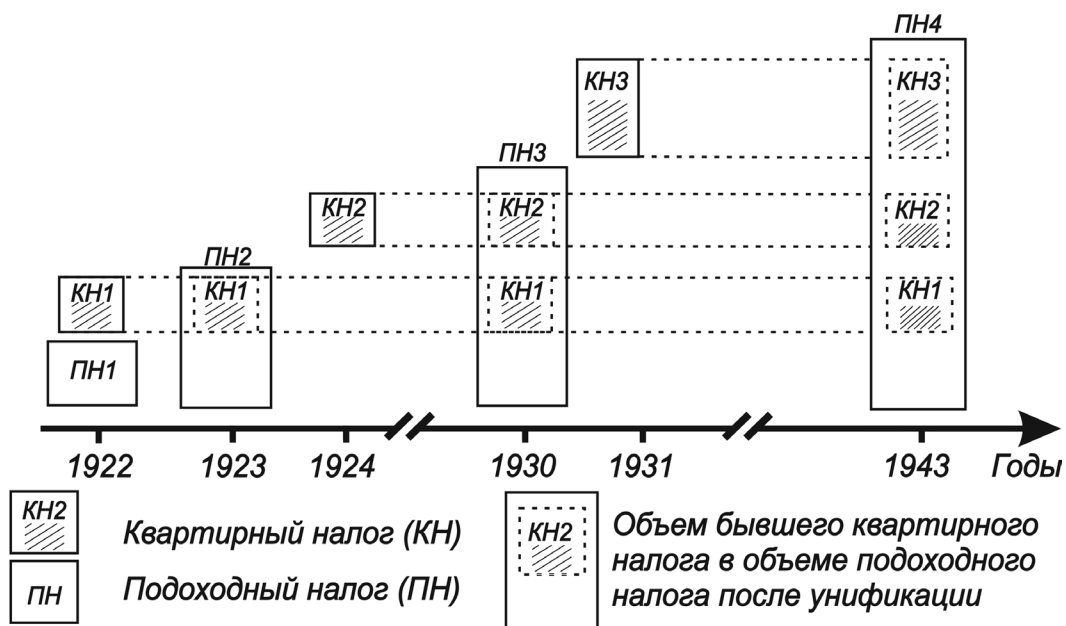

Рис. 9.1. Соотношение квартирного и подоходного налогов по этапам реформ налогообложения

Отметим несколько принципиальных моментов.

Во-первых, квартирные налоги в отличие от прочих налогов имели целевой характер. Все постановления, сопровождающие введение этих налогов, декларировали целевое предназначение: «на нужды строительства рабочих жилищ».

Во-вторых, с каждой последующей реформой принципы обложения подоходным и квартирным налогами сближались. Так, первый квартирный налог взимался пропорционально занимаемой площади, доходы квартиросъемщика при этом не учитывались; второй квартирный налог строился с учетом одновременно и дохода, и занимаемой площади; принципы исчисления третьего квартирного налога и подоходного налога уже полностью совпадают.

В-третьих, этот процесс сопровождался выхолащиванием сути квартирного налога, его отрывом от жилищных условий семьи. И, наконец, каждый последующий квартирный налог вводился сразу же после поглощения предыдущего, поскольку необходимо было компенсировать источник финансирования жилищного строительства в бюджетах городов.

С 1943 г. квартирные налоги как элементы налоговой системы перестали существовать, к этому же времени произошло перерождение подоходного налога. Главной его целью стало не регулирование предпринимательской деятельности и доходов, а формирование средств централизованного бюджета для строительства государственного жилья. «Подоходный налог с городского населения, введенный в 1922 г. как элемент новой экономической политики, имел своей целью регулирование тех групп населения, которые получали совокупные доходы от участия в торговых, промышленных и кредитных предприятиях в качестве собственников, совладельцев, арендаторов, пайщиков, вкладчиков, от занятий торговлей, подрядами, поставками, посредничеством, коммивояжерством, биржевыми и кредитными операциями, от денежных капиталов, процентных и дивидендных бумаг» [Марьяхин, 1964, с. 74].

Положение 1922 г. о подоходном налоге не предусматривало обложения заработной платы рабочих и служащих, а также доходов государственных и кооперативных предприятий [Марьяхин, 1964, с. 76]. Таковы были исходные принципы подоходного обложения, однако к 1943 г. подоходный налог стал рассматриваться как «дополнительный источник бюджетных средств для повышения жизненного уровня трудящихся и обеспечения расширенного воспроизводства» [Тульчинский, 1979, с. 272–273]. Действительно, в большей своей части подоходный налог через государственный бюджет финансировал жилищное строительство, однако характер его не был целевым, как квартирные налоги. Именно поэтому механизм финансирования жилищного строительства приобрел латентный характер, что в дальнейшем послужило укреплению идеологической основы бесплатности для населения государственного жилья.

Вторым источником финансирования жилищного хозяйства являлась квартирная плата. Никаких изменений в принципах ее исчисления не произошло, оплата городских квартир производилась согласно постановлению 1928 г. Вместе с тем само построение квартирной платы было таково, что с изменением социального положения и качества жилища квартиросъемщика при той же площади она изменялась, поскольку зависела от дохода и от комфортабельности жилья. Поэтому поступления в жилищное хозяйство в виде квартирной платы увеличивались с ростом уровня заработной платы и улучшением качества жилого фонда.

Программным документом, наметившим реализацию крупномасштабной жилищной программы, стало Постановление 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» [Собрание..., 1989]. В соответствии с этим документом намечалось: увеличение капиталовложений, создание индустриальной базы домостроения, стимулирование всех видов строительства – кооперативного, индивидуального, хозяйственным способом предприятий, а также повсеместное внедрение типовых проектов, выделение средств на жилье не только по ведомственным, но и территориальным каналам.

Доля вложений в жилищное строительство в общей сумме капитальных вложений в период 1955–1960 гг. колебалась в пределах от 23 до 25%, что являлось рекордным значением для всего третьего институционального цикла. Достижения в виде 11–12 квартир, вводимых ежегодно в указанные пять лет в расчете на 1000 жителей [Ежегодный бюллетень..., 1975–1989], произошли за счет сформированной базы поточно-индустриального строительства. В целях максимальной типизации сборных железобетонных конструкций и ограничения количества их типоразмеров Госстроем СССР был утвержден единый каталог конструкций для жилищного и гражданского строительства.

В результате этих решений строительство в стране было почти полностью переведено на конвейер, осуществляющий типовую многоквартирную застройку большими массивами силами крупных строительных организаций. Таким образом, государственная форма обеспечения населения жильем, завершила процесс институционализации, получила свое технологическое воплощение и вобрала в себя сопротивление к альтернативным формам.

Финансирование жилищного строительства осуществлялось из государственного бюджета, при этом основным источником финансирования оставался подоходный налог. Таким образом, полностью завершилась метаморфоза, в результате которой целевой квартирный налог принял форму подоходного налога. Связано это было с изменениями, произошедшими с квартирной платой начиная с 1961 г. Денежная реформа 1961 г., изменившая масштаб цен, но никак не отразившаяся на постановлении 1928 г., по которому взималась квартирная плата, привела к тому, что все население стало оплачивать жилье по единой, предельной, ставке. В начале 1960-х гг. квартирная плата перестала быть налогообразным сбором, потеряла связь с зарплатой квартиросъемщиков и качеством жилья, но так и не стала ценой жилища, а превратилась в чисто символическую величину. Это создало иллюзию, что жилище может быть бесплатным¹.

Такие изменения квартплаты привели к постепенной стабилизации доходов жилищного хозяйства с единицы площади, однако в связи с удорожанием 1 кв. м жилой площади в силу большей комфортабельности и благоустроенности строящегося жилья эта отрасль стала убыточной и была переведена на государственные дотации. Источником этих дотаций стал

¹ К 1980 г. было намечено отменить квартплату совсем [КПСС..., 1983–1990].

подходный налог в той его части, которая до этого времени не расходовалась на жилищное строительство. Происходило одновременно два синхронных процесса: с одной стороны, поступления от квартплаты росли значительно медленнее затрат на эксплуатацию жилья, которые раньше были связаны с ростом зарплаты, что обеспечивало повышение доходов жилищного хозяйства в силу налогообразного характера квартплаты. С другой стороны, увеличились поступления в бюджет от подоходного налога, поскольку большинство населения в связи с ростом денежных доходов при неизменной доходной шкале налогообложения стало выплачивать налог с зарплаты по максимальному проценту.

История дает еще один аргумент в пользу вывода об изменении сути подоходного налога. В 1960 г. был принят Закон «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих» [Справочник ... 1961, с. 439]. При этом в докладе Н.С. Хрущева отмечалось, что «существование налогов с населения не вызывается необходимостью ни с точки зрения их классового значения, как это имело место в прошлом в смысле ограничения доходов капиталистических элементов, ни с точки зрения обеспечения доходов государственного бюджета СССР» [Марьяхин, 1964, с. 240].

Однако выполнить намеченные планы оказалось невозможно. Такое обоснование имело отношение к подоходному налогу в его первоначальном смысле, но не работало для квартирного налога, которым тогда уже являлся подходный налог. Отмена налога могла состояться при условии увеличения квартирной платы до размеров самоокупаемости и самофинансирования жилья, однако был выбран другой путь – квартплату было намечено отменить. Одновременная отмена подоходного налога и квартирной платы предполагала нахождение альтернативного источника финансирования жилищных отраслей, а это, в свою очередь, требовало коренной реформы всей экономической системы, позволяющей найти новую основу для балансировки государственного бюджета. Такая задача и ставилась реформой 1965 г., но не была решена.

Таким образом, подходный налог с населения являлся прямым вычетом из заработной платы для финансирования как жилищного строительства, так и эксплуатации жилого фонда. Последнее доказывает и факт, что в период с 1960 по 1986 год имело место прямое количественное совпадение между расходами на жилищные отрасли из государственного бюджета и подходным налогом (рис. 9.2).

Утверждение о том, что подходный налог является реальным источником финансирования жилищных отраслей, не следует понимать буквально в том смысле, что именно те деньги, которые были собраны в виде подоходного налога, непосредственно перераспределялись на строительство и эксплуатацию жилого фонда. Известно, что мобильность государственного бюджета обеспечивалась не целевым характером его построения по принципу «общего котла», когда нет четкого закрепления определенных источников доходов за конкретными направлениями расходов. Именно поэтому дело было не в ме-

ханическом закреплении подоходного налога за государственным жилищным сектором, а в количественных пропорциях и принципиальном построении подоходного налога как целевого жилищного сбора.

Млрд.руб.

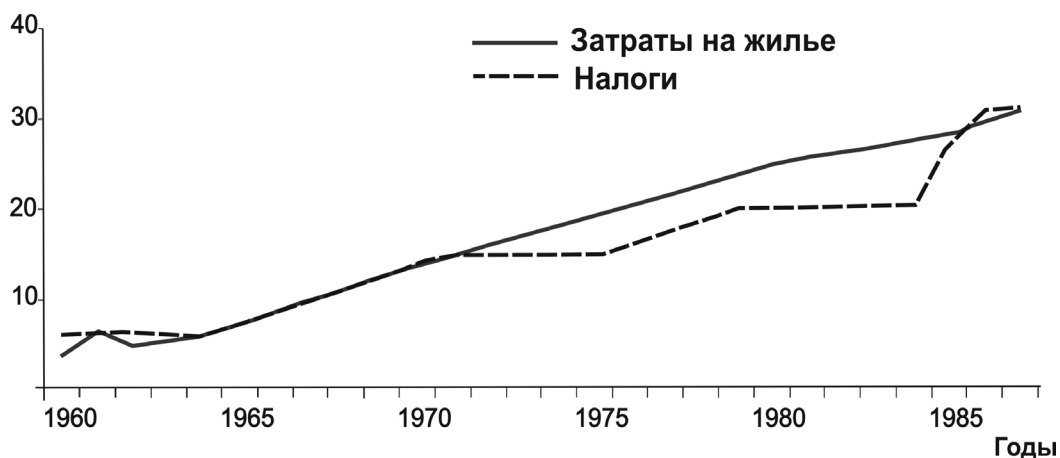

Рис. 9.2. Соотношение всех государственных затрат на жилье и налогов с населения в период 1960–1987 гг.

Источник: [Народное хозяйство..., 1966, с. 781; 1971, с. 730; 1976, с. 742; 1986, с. 425, 559; 1988, с. 517.

Таким образом, в 1930–1950-е гг. жилищный раздаток имел следующий институциональный механизм. Средства, предназначавшиеся для государственного жилищного строительства, изымались у населения прямыми налогами и распределялись через многоканальную систему финансирования и ресурсного обеспечения из единого центра по отраслевому принципу и политическим приоритетам. Организация распределения построенных квартир осуществлялась как бесплатная раздача в порядке очереди по месту работы. Квартирная плата была дифференцирована по потребительским свойствам квартир и доходам квартиросъемщика, но не связана с эксплуатационными расходами.

Цель жилищной политики, принятой в 1959 г., заключалась в «осуществлении перехода в распределении жилой площади к предоставлению отдельной квартиры на семью» [Справочник ... 1961], с тем чтобы к 1980 г. каждая семья могла проживать в отдельной квартире. Это было одно из направлений «проектной» 20-летней перспективы – «наше поколение будет жить при коммунизме» [Майминас, 1989, с. 430], инициируемое административной моделью управления. Вместе с тем это было качественно новое направление в жилищном развитии, ориентации не только на нужды производства, но и на потребности отдельного человека. Постановление 1958 г. «Об изменении порядка планирования капитальных вложений на жилищное, коммунальное, культурно-бытовое строительство и на развитие строительной индустрии» отделило капи-

таловложения на жилье от промышленных, и тем самым они перестали растворяться в производстве [Собрание..., 1989].

Главный итог структурированной фазы – внедрение жилищного раздатка с механизмом государственного обеспечения, ведомственное управление жилищными ресурсами, полное закрепление населения страны за местом жительства и местом работы.

Фаза исчерпания III институционального цикла

Отличие устройства государственного обеспечения в 1960–1980-е годы заключалось в существовании противоборствующих субъектов обеспечения жильем, с одной стороны, ведомств и министерств, а с другой – территориальных органов власти в лице местных Советов. Такое противоречие, стало основой для социальных конфликтов, приведших в итоге к кризисному состоянию государственного обеспечения. В 1930–1950-е гг. полноправными владельцами жилого фонда являлись ведомства, осуществлявшие жилищное строительство в рамках производственных программ для обеспечения предприятий трудовыми ресурсами. Индустриальные города, возникавшие в этот период, представляли собой хаотично разбросанные по территории заводы с жилыми районами вокруг них.

Таким образом, в 1930–1950-е гг. жилищный раздаток имел следующий институциональный механизм. Средства, предназначавшиеся для государственного жилищного строительства, изымались у населения прямыми налогами и распределялись через многоканальную систему финансирования и ресурсного обеспечения из единого центра по отраслевому принципу и политическим приоритетам. Организация распределения построенных квартир осуществлялась как бесплатная раздача в порядке очереди по месту работы. Квартирная плата была дифференцирована по потребительским свойствам квартир и доходам квартиросъемщика, но не связана с эксплуатационными расходами.

С 1957 г. началось создание альтернативного центра по обеспечению потребностей населения в жилье. Было принято решение о создании отделов капитального строительства при местных Советах, которые должны были взять на себя функции координаторов в организации городской среды, проводить единую жилищную политику на подведомственной территории. На цели обеспечения квартирами тех социальных групп, которые не работали на предприятиях, строящих жилье, из центрального бюджета стали выделяться средства непосредственно в местные бюджеты. Было принято также решение о передаче уже имеющегося жилого фонда предприятий в ведение территориальных органов. Пакет этих постановлений наделил местные Советы всеми необходимыми правами для осуществления локальной жилищной политики.

В результате таких мероприятий в 1960-х годах произошло сложное преобразование механизма государственного обеспечения, которое раздели-

лось на две части – ведомственную и территориальную. Первая, по сути, представляла собой жилищный квазирынок. Территориальная часть государственного обеспечения стала принимать муниципальные формы жилищного сектора. Именно это существование под единой «крышей» разных по своей сути форм обеспечения жильем создало объективную предпосылку для внутреннего распада механизма государственного обеспечения 1960–80-х годов.

Подавляющая доля строительства осуществлялась крупными министерствами силами строительных организаций ведомственного подчинения. Большая часть построенного жилья также находилась в их руках и эксплуатировалась ведомственными жилищными организациями. Другими словами, ведомственная структура создавала экономическую среду жилищного сектора, располагая крупными финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами.

Главный стимул деятельности ведомств в этом направлении – комплектование рабочих кадров для своих производств. В силу этого производства между собой находились в острой конкурентной борьбе, а длина очереди на получение жилья являлась главным регулятором жилищного квазирынка. Если очередь двигалась быстро, то увеличивалась и мобильность кадров, которые, получив квартиру, могли более свободно распрощаться собой; если же очередь двигалась медленно, то рабочие стремились туда, где она движется быстрее, и тем самым опять создавалась ситуация оттока ресурсов. В результате объективно складывалась «нормальная» длина ведомственной очереди и происходила регуляция притока и удержания рабочей силы за определенным предприятием. В рамках одного ведомства раздача квартир осуществлялась, в конечном счете, по положению в иерархической структуре: чем выше должность, квалификация, «нужность» этому производству, тем больше шансов на быстрое получение более комфортабельной квартиры.

Иные цели и функции были у территориальной части государственного обеспечения. Целью местных Советов было обеспечение жильем особо нуждающихся групп. В очередях на получение жилья при местных Советах стояли пенсионеры, многодетные семьи, инвалиды труда и войны, работники «нематериальной» сферы, т.е. те социальные группы, которые оказались маргинальными по своему положению в социальной структуре общества и рассчитывали на материальную поддержку государства.

С 1958 г. жилищная кооперация была возрождена Постановлением «О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации», но только в одной форме – строительной. Кооперативное строительство должно было осуществляться собственными силами пайщиков за счет собственных средств. К 1962 г. в стране насчитывалось всего 20 жилищно-строительных кооперативов (ЖСК). Постановлением «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве» был введен новый порядок финансирования и кредитования ЖСК (60% ссуды сроком на 15 лет). Это привело к расширению масштабов кооперативного строительства. Однако в 1976–1985 гг. наметилось

снижение кооперативного строительства до 6–7% от общей вводимой в стране жилой площади [Народное хозяйство..., 1986].

Если сравнить жилье, построенное за счет государственных капиталовложений и средств жилищно-строительных кооперативов, по таким показателям, как средний размер квартир, структура дома по виду квартир, удельный вес жилой площади в общей площади квартир, то очевидна идентичность того и другого вида строительства. Здания строились по единым проектам и технологиям государственными строительными организациями. В реальной практике строительства государственного жилого дома необходимо было провести проектно-изыскательские работы, осуществить снос старого жилья и подготовку площадки (в крупных городах 60% жилищного строительства велось на застроенной территории). В этом случае 6% от сметной стоимости дома отчислялись для строительства объектов культурно-бытового назначения. При распределении построенного жилья 10% предназначалось строителям, 6% – гражданам, чьи дома попали под снос. Все эти затраты были предусмотрены в планах государственного жилищного строительства, в то время как жилищная кооперация от них освобождалась. В связи с этим государственные строительные организации с большим трудом включали кооперативное строительство в свои планы.

Вместе с тем, несмотря на незначительные объемы, жилищная кооперация выполняла функции обеспечения жильем тех социальных групп, которые по тем или иным причинам «выпали» из сферы государственного обеспечения и другого пути получения жилья не имели. К таким группам относились семьи, работавшие по найму на Севере, одинокие люди среднего возраста, молодые семьи, проживающие с родителями и формально по государственным нормам обеспеченные жильем. Несмотря на невыгодные финансовые условия кооперативного жилья по сравнению с государственной формой обеспечения, таких людей по стране набиралось достаточно много.

Институт частного предпринимательства в жилищном секторе был рожден еще в 1948 г. в форме индивидуального строительства и был ограничен государственным регулированием. В 1960-х годах в городских поселениях и в сельской местности индивидуальным застройкам была оказана государственная поддержка. Однако в течение всего периода ввод в действие жилых домов населением за собственный счет и с помощью государственного кредита сокращался. В крупных городах к 1970 г. индивидуальное строительство было вообще запрещено. Даже в сельской местности, где испокон веков велось индивидуальное строительство, в 1960–80-х годах получила широкое распространение многоквартирная многоэтажная застройка. «Несмотря на очевидную неадекватность условиям жизни на селе, данный тип застройки в течение длительного времени преобладал над остальными. Даже при наличии достаточных для строительства собственного дома денежных накоплений сельские жители предпочитали встать в очередь на получение государственной квартиры» [Тапилина, 1984, с. 66, 67].

К концу 1980-х годов жилищный сектор характеризовался абсолютным сокращением объемов жилищного строительства, снижением доли капитальных вложений, значительным уменьшением числа построенных квартир на 1000 жителей, ухудшением дел в жилищно-коммунальном хозяйстве в связи с износом 70–80% основных фондов и дефицитом средств на их воспроизводство, а также резким снижением качества жилищного строительства.

В 1980-е годы произошла поляризация населения по жилищным условиям: на одном полюсе сосредоточивались значительные «излишки» жилья, на другом – сильная стесненность при росте жилищных очередей и увеличении сроков его ожидания до 12–15 лет. При этом было выявлено наличие ярко выраженной связи жилищного статуса с положением в государственной системе управления: чем выше место в должностной иерархии, тем выше жилищный статус [Римашевская и др., 1986, с. 23].

После введения политики «перестройки» официальная концепция изменения жилищной ситуации была изложена в Постановлении 1986 г. «Об ускорении решения жилищной проблемы». Ее главная цель – обеспечение к 2000 г. каждой семьи отдельным жильем, квартирой или индивидуальным домом. Предполагалось использовать механизмы жилищного раздатка, наращивая темпы и объемы государственного строительства. Надежды на административные методы – мобилизацию усилий, изыскание дополнительных ресурсов и даже на «всесоюзное социалистическое соревнование» – показали недооценку органами власти реальной экономической и политической ситуации.

С 1986 г. наблюдался рост жилищного строительства, однако с 1988 г. началось снижение объемов ввода нового жилья. Одна из причин такой ситуации в жилищном строительстве была связана с половинчатостью проводимых экономических реформ, инерцией структур управления и нарастающим кризисом в экономике.

В связи с переходом в 1987–1988 гг. на самоокупаемость и самофинансирование 80% промышленных предприятий должны были формировать фонды жилищного строительства за счет своей прибыли, а не за счет централизованных капитальных вложений. Экономическая реформа сохранила фондовое распределение капитальных вложений и прежнюю систему ценообразования, что привело к противоречию между децентрализацией финансирования ведомственного жилищного строительства и централизованным распределением ресурсов инвестиционного комплекса. В результате новых реалий у ряда предприятий существенно сократились финансовые возможности для жилищного строительства, а у многих появились проблемы с материальным обеспечением денежных средств. Следствием явилось расширение применения «хозяйственного способа» в строительстве жилья, по сути, самостроительства, что привело к существенному удорожанию и увеличению сроков возведения домов.

Ситуация осложнялась еще и тем, что обострился старый конфликт между ведомственной и территориальной частями государственного обеспечения.

Суть углубления конфликта состояла в следующем: до Перестройки местные Советы получали до 20% ведомственного жилья, построенного за счет государственных капитальных вложений, и тем самым (помимо собственного строительства) обеспечивали жильем очередников. В результате декларированной самостоятельности предприятий ведомства перестали отдавать часть нового жилья территориальным органам, мотивируя это тем, что оно построено на их собственные средства. Административный нажим местных Советов приводил к снижению заинтересованности предприятий в строительстве жилья и стимулировал расширение иных каналов использования этих денег: выдачи их в виде кредитов под кооперативное и индивидуальное строительство или для выкупа государственных квартир. Постановление 1988 г. «О мерах по ускорению развития жилищной кооперации», способствовало некоторому расширению сферы действия института жилищно-кооперативной собственности.

Политика гласности привела к тому, что на страницах газет было опубликовано огромное количество материалов о взяточничестве, блате, самообеспечении прекрасным жильем высших чиновников и их детей, что нашло подтверждение в Постановлении 1987 г. «О серьезных нарушениях в ряде республик, краев, областей принципа социальной справедливости при распределении жилья». Стала очевидной декларативность равного права на получение жилья для всех социальных групп.

Кроме того, был окончательно разоблачен миф о самом дешевом и бесплатно предоставляемом жилье. Большинство граждан осознало, что «наши квартиры – это наши же заработанные деньги, только через механизм распределения переданные в общий фонд» [Попов, 1987, с. 45]. Это способствовало росту общей напряженности социальной обстановки в стране. Общество охватили настроения «экспроприации льгот» и «жилищного передела». Основная линия конфронтации проходила между чиновниками и остальной частью общества. В условиях нестабильности и неустойчивости собственного положения многие бюрократы спешили закрепить свои привилегии в законе.

С принятием постановления «О продаже гражданам в личную собственность квартир в домах государственного и общественного жилищного фонда» в конце 1988 г. правительство было вынуждено взять курс на трансформацию жилищного раздатка. Центр тяжести в жилищной политике 1989–1990 гг. был перенесен с ориентации, выраженной в призывах «строить больше, эксплуатировать лучше, распределять справедливее», на создание базы для вложения денег населения в жилищный сектор – через выкуп государственного жилья или строительство индивидуальных домов. Половинчатость этого постановления проявилась в сужении сферы его действия: выкупу подлежала только квартира, в которой живешь, или жилье в доме, предназначенном для капитального ремонта.

Вялотекущий процесс продажи жилья не повлиял на общую жилищную ситуацию в стране, хотя пробил брешь в идеологической доктрине о социалистическом, значит государственном, жилье. Помимо стирания стереотипов,

приватизация жилья вступила в конфликт с системой прописки, ограничивающей свободу передвижения и выбор места жительства, создавая тем самым давление в сторону ее отмены.

Кризис жилищного хозяйства раздаточного типа

Устройство жилищного хозяйства раздаточного типа. Жилищное хозяйство представляло собой отрасль по обслуживанию государственного жилья. Городские системы жилищного хозяйства различались между собой структурой жилищных секторов. Например, в Москве и Санкт-Петербурге жилищный сектор был представлен в основном (до 70%) муниципальным фондом. В малых городах преобладал индивидуальный сектор жилья. В индустриальных городах, развивавшихся на вновь осваиваемых территориях, преобладало ведомственное жилье. Чаще всего такие города представляли собой «города-заводы», в которых все жилье принадлежало одному или нескольким предприятиям.

Деятельность жилищных обслуживающих организаций регулировалась на основе государственного плана. Центральные государственные органы определяли объемы необходимых для отрасли материальных, финансовых и трудовых ресурсов (*раздачи*), а также задавали правила их использования. Ресурсы поступали в государственные жилищные организации. Эти организации в соответствии с объемом полученных ресурсов должны были обеспечить выполнение норм обслуживания (*сдачи*). Объектом обслуживания являлся государственный жилищный фонд. В отношении него определялся нормативный набор услуг, который оказывался жильцам, проживающим в государственном жилье.

При несоблюдении нормативов обслуживания и возникновении проблем включался механизм обратных связей в форме административных жалоб. Жильцы подавали жалобы как в обслуживающую структуру, так и напрямую в центральные государственные органы, если эти жалобы не были удовлетворены. Если руководители отрасли не могли в пределах выделенных средств обеспечить необходимый стандарт обслуживания, также включался механизм жалоб, но уже со стороны руководителей. Они обращались в вышестоящие организации и в центральные органы, определяющие принципы их функционирования. Центральные государственные органы рассматривали все виды жалоб и учитывали их при балансировке раздаваемых ресурсов государственным организациям с требуемыми от них сдачами – стандартным уровнем обслуживания (рис. 9.3).

Система обслуживания государственного жилья имела два основных сектора. Один из них был представлен жилищными организациями, обслуживающими ведомственный фонд. Другой сектор был представлен обслуживанием местного жилищного фонда.

Ведомственное жилищное хозяйство обеспечивало обслуживание жилищного фонда, построенного государственными предприятиями и организа-

циями, находящегося на их балансе и содержащегося за их счет. Обслуживание ведомственного жилья велось жилищно-коммунальными управлениями (ЖКУ) промышленных предприятий, на балансе которых находилось жилье. Задачей ЖКУ являлось содержание не только жилья, но и заводских гостиниц, детских садов, общежитий, домов культуры и пр.

Рис. 9.3. Устройство жилищного хозяйства раздаточного типа

Нижними производственными звеньями являлись жилищно-эксплуатационные участки (ЖЭУ). Сектор ведомственного жилищного хозяйства имел свои особенности. Служба эксплуатации не всегда могла быть выделена «в чистом виде». Так, обслуживание инженерных коммуникаций жилищного фонда осуществлялось энергетическим цехом, не входящим в состав ЖКУ и обслуживающим одновременно заводское инженерное оборудование. ЖКУ, по сути, представляли собой заводской цех, поэтому условия их работы, финансовое обеспечение, материальная база и организация труда персонала отражали специфику предприятия.

Кадровое обеспечение службы жилищной эксплуатации также несло на себе отпечаток кадровой политики всего предприятия. С одной стороны, здесь часто работали члены семей работников предприятия или бывшие работники завода, сменившие тяжелые условия заводского труда на более легкие. С другой стороны, имела место восходящая карьера работников жилищно-эксплуатационной службы, когда они переходили на работу в основное производство. Работники жилищно-коммунальных служб оплачивались по самой низшей тарифной сетке, принятой на предприятии. Работники служб

эксплуатации ведомственного жилья пользовались большинством льгот, установленных для основных категорий работников предприятия в обеспечении продуктами и товарами, пользовании заводским транспортом, заводскими учреждениями социальной сферы.

Местное жилищное хозяйство обеспечивало обслуживание жилищного фонда, находящегося на балансе местных органов власти и содержащегося за счет средств местного бюджета. Местный фонд пополнялся за счет строительства, ведущегося по заказу местных органов власти, обязательных отчислений ведомств от нового строительства и за счет передачи существующего ведомственного жилья на баланс местных советов.

Правила деятельности государственных организаций в обоих секторах жилищного хозяйства задавались характеристиками институциональной среды в раздаточной экономике. К ним относятся:

- единая государственная политика квартирной платы за жилье и арендных ставок за использование нежилых помещений;
- осуществление производственной деятельности на основе единых отраслевых нормативов, в которых устанавливалось соотношение между объемами работ и затратами на их выполнение;
- нормативное государственное регулирование заработной платы на основе Единого тарифно-квалификационного справочника. В нем определялись требования к квалификации всех профессиональных групп работников, должностные оклады, которые устанавливались Госкомитетом по труду и социальным вопросам;
- для жилищных организаций разрабатывались штатные расписания и должностные инструкции, в которых осуществлялась привязка государственных норм и нормативов к конкретным условиям и отражалась специфика обслуживаемого фонда;
- в штатном расписании указывались все должностные группы работников по категориям, требования к квалификации (разряд, классность), нормативная численность работников, ставки должностных окладов, доля разрешаемой премии в процентах к окладу, а также суммарный фонд оплаты труда по каждой должностной позиции;
- должностные инструкции описывали подчиненность работников, режим рабочего времени, требуемый уровень подготовки и рабочие функции.

В организационном отношении секторы местного и ведомственного жилищного хозяйства подчинялись центральным (союзным и республиканским) органам. Взаимодействия с верхними и нижними звеньями управления государственных жилищных организаций в обоих секторах осуществлялись на основе административной модели управления, при которой все нижние производственные звенья не имели хозяйственной самостоятельности. Смета их доходов и расходов являлась составной частью смет тех организационно-

управленческих структур, частями которых они являлись. Это означало иерархическое устройство сметы жилищных организаций. Движение финансовых средств в пределах иерархической сметы задавалось нормативным порядком. В то же время фактический финансовый механизм сильно отличался от нормативного.

Перераспределительно-бюрократический финансовый механизм.

До создания трестов финансирование каждого домоуправления осуществлялось напрямую из городского бюджета. Объемы финансирования определялись на основе нормативных штатных расписаний и ставок оплаты труда, а также нормативов материального обеспечения необходимых работ.

При образовании районных жилищных трестов им были переданы объемы финансирования и сумма нормативных штатных расписаний всех вошедших в их состав домоуправлений, ставших в новой системе управления жилищно-эксплуатационными участками – ЖЭУ. Будучи низовым звеном трестовской структуры, бывшие домоуправления потеряли самостоятельность в распоряжении финансовыми средствами. Субъектом, принимающим решения относительно того, какие функции будут выполнять ЖЭУ и какой объем средств ими будет тратиться, стало руководство треста. В тот период материальное обеспечение работ осуществлялось в основном в натуральной форме, поэтому финансовый механизм действовал в сфере распределения и перераспределения фондов оплаты труда между различными работниками и звеньями управления.

В 1970-х годах государственные организации получили право сохранять недоиспользованную часть фонда оплаты труда и не должны были ее возвращать в бюджет, как это было в 60-е годы. Распоряжение экономией фонда оплаты труда, полученной во всех звеньях государственных организаций, осуществлялось верхним уровнем управления. Такое право позволяло в рамках установленного стандарта перераспределять ресурсы между звеньями с учетом особенностей жилищного фонда.

С момента своего возникновения тресты повсеместно стали создавать специализированные службы с общерайонными функциями. Способом создания новых внутритрестовских структур являлось переструктурирование позиций в пределах штатного расписания треста, включавшего в себя штатные расписания входящих в его состав ЖЭУ. При этом позиции соответствующих работников (кладовщиков, маляров, плотников, сантехников) убирались из штатных расписаний, закрепленных ранее за ЖЭУ, и передавались вновь образованным трестовским службам. Как правило, число ставок в новых структурах было меньше суммы забранных из ЖЭУ. Таким образом, централизация части обслуживающих функций на уровне треста представляла собой *первый способ перераспределения части средств*, положенных нижним звеньям, на уровень руководства треста.

Поскольку в 1970-е годы в отрасли жилищного хозяйства наблюдался дефицит кадров, то в организации труда рядовых работников – дворников,

слесарей, электриков – стал развиваться бригадный метод. Суть его состояла в том, что бригада с меньшим, чем это предусмотрено штатным расписанием, числом работников, выполняла весь положенный по штатному расписанию объем работ. После внедрения бригадного метода эти участки были переданы на обслуживание бригадам дворников, нагрузка каждого из дворников, таким образом, была увеличена. Каждый из членов бригады получал доплату дополнительно к ставке штатного расписания. Тем не менее сумма доплат была меньше нормативного фонда, полагающегося на недостающих работников. Коллективные формы организации труда позволили сформировать *второй источник дополнительных средств*, поступающих с нижних звеньев в распоряжение руководства треста.

Нормативный порядок оплаты труда работников предполагал помимо ставки основной заработной платы выплату премий (в долях от основной ставки) за качество выполнения работы. Бюджетная дотация, получаемая жилищными трестами для планового фонда оплаты труда работников, обычно включала в себя полную величину всех премий, которые могли быть получены работниками. Оценка качества выполнения работ низовых звеньев проводилась руководством треста, которое лишало работников премий при несоблюдении критериев качества работы и норм трудового поведения (пьянки, прогулы и т.д.). Поэтому выплачивался обычно не весь объем предусмотренного премиального фонда. Таким образом, премиальная система и не выплачиваемые премии представляли собой *третий способ увеличения централизованной части фонда оплаты труда*, которая поступала в распоряжение руководства треста.

Многолетнее действие финансового механизма в административной модели управления жилищным хозяйством сопровождалось постоянным перераспределением части положенного низовым звеньям фонда оплаты труда на уровень руководства треста в форме так называемой «экономии». Часть «сэкономленного» фонда оплаты труда раз в квартал и по итогам работы за год направлялась на премирование работников всех уровней. Неиспользованная часть, составлявшая, по нашим данным, около 18% ежемесячного нормативного фонда оплаты труда нижних производственных звеньев (ЖЭУ) служила источником доплаты руководителей аппарата управления и трестовских производственных служб.

Таким образом, финансовый механизм в государственных организациях приобрел перераспределительный характер, поскольку средства постоянно перераспределялись с нижестоящих звеньев, выполняющих основные производственные функции, на вышестоящий уровень управления, который направлял значительную часть этих средств на создание новых управленческих единиц и звеньев. Это приводило к постоянному дефициту средств, необходимых для выполнения работ по содержанию жилищного фонда и вызывало рост жалоб жильцов на качество обслуживания, направляемых сначала в обслуживающие организации, а затем в виде активных жалоб в центральные и мест-

ные органы. В этих условиях руководители обслуживающих организаций стали запрашивать все больший объем бюджетных средств. Поскольку районные жилищные тресты являлись единственными структурами, обслуживающими муниципальный фонд на территории района, то местный бюджет был вынужден покрывать все возрастающие запросы этих монополистов.

Так возникла практика взаимодействия государственных организаций с бюджетом, называемая в экономической науке «мягкими бюджетными ограничениями». Сутью этой практики является покрытие за счет бюджета всех предъявляемых монопольными структурами фактических затрат, даже если они превысили запланированные. Постепенно увеличивалось расхождение между нормативными пропорциями и реальными соотношениями в численности и расходовании средств. Укомплектованность управленческого персонала составляла 88–100%, в то время как укомплектованность рабочими текущего ремонта и младшим обслуживающим персоналом составляла лишь 41–48%. Если по штатному расписанию разброс между уровнями заработной платы должен был в среднем составлять 4 раза, то фактически он составлял 8 раз.

В массовом масштабе руководители трестов жаловались на неуккомплектованность штатных расписаний и дефицит кадров, а также на низкий уровень штатных ставок заработной платы. В то же время они скрывали превышение фактических выплат работникам в сравнении со штатными расписаниями и сверхнормативный рост управленческих издержек. В основе такого поведения лежал финансовый механизм, который содействовал улучшению материального положения руководителей даже при ухудшении работы руководимых ими организаций. Более того, жалобы руководителей на дефицит кадров и дефицит средств, совпадая во времени с жалобами населения на ухудшающееся обслуживание, провоцировали увеличение бюджетных расходов, дефицит которых ощущался всеми отраслями.

Глава 10

КВАЗИРЫНОК РОССИЙСКИХ КАПИТАЛИЗМОВ

В трансформационные фазы институционального цикла происходил переход от одной модели раздатки к другой, поэтому эти фазы по существу являлись переходными между основными периодами, которые включали три фазы институционального цикла – перинатальную, структурированную и фазу исчерпания. Переходными они называются потому, что в них происходило спонтанное преобразование устаревших институтов раздаточной экономики в рамках института рыночной торговли и частного предпринимательства. К ним относятся периоды – с конца XII до середины XV века, со второй половины XIX до первой трети XX века и период с 1991 года до настоящего времени.

Переходные периоды сильно отличались от всего хода исторического развития и потому вызывали острые дискуссии относительно их места и роли в развитии российской экономической системы. «Такие эпохи, столь утомительные для изучения, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами. Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего. Их значение не в них самих, а в их последствиях, в том, что из них вышло» [Ключевский, 1987, т. 1, с. 351].

Результаты третьей трансформационной фазы, которую в настоящее время переживает Россия, прогнозируются в данной главе. «Самым общим образом мы можем констатировать, что находимся на пороге радикальных и далеко идущих преобразований, где старое не исчезает и не уступает место новому, но вступает с ним в самые неожиданные комбинации» [Филиппов, 2011, с. 19].

Характеристика трансформационных фаз

Переходные периоды начинались на фоне кризиса раздаточной экономики, когда существующая институциональная среда утрачивала свою эластичность и не отвечала изменившейся материально-технологической среде и потребностям основных групп населения. Кризис институтов раздаточной экономики выражался в том, что они переставали обеспечивать координацию потоков сдач и раздач как в рамках всего государства, так и на уровне отдельных социальных групп. Это означало, что весь совокупный объем сдач уже не мог покрывать установившийся на определенном уровне объем общественно-необходимых раздач. При этом в явном виде проявлялся дисбаланс того, что отдают и что получают разные социальные группы.

Внутренние экономические реформы были не способны помочь раздаточной экономике справиться с накопившимися проблемами. На всех трех институциональных циклах кризис проявлялся в резком социальном расслоении, экономическом спаде и политической неуправляемости. В такой ситуации начиналось преобразование института общественно-служебной собственности в институт частной собственности (рис. 10.1).

В первый переходный период частная собственность существовала в форме вотчин. Князья (великие и удельные) отчуждали свои уделы по купчим и дарственным, завещали их сторонним лицам в целом и по частям. В конце второго институционального цикла первый шаг на пути трансформации института собственности был связан с отменой обязательной службы для дворянства и передачей им полных прав собственности на поместья. Вторым шагом стала – отмена крепостного права и разрешение выкупа земельных участков бывшими крепостными крестьянами.

В результате на втором переходном периоде, как и на первом, доминировал институт частной собственности. Третий переходный период начался также с преобразования отношений собственности посредством приватизации и создания негосударственных и частных субъектов хозяйствования.

Трансформация института общественно-служебной собственности в институт частной собственности создала необходимые условия для расширения института рыночной торговли и частного предпринимательства и его выхода из прежних нормативных рамок. Так, первый переходный период XII–XV вв. характеризовался бурным ростом городов, что всегда связано с развитием торговли. Во второй переходный период «главной фигурой был купец-ростовщик, сдиравший три шкуры с населения за свои товары» [Боффа, 1990, т. 1, с. 19]. Третий переходный период также резко сместил акценты с общественного производства в сторону рыночной торговли.

Параллельно разворачиванию института рыночной торговли и частного предпринимательства в переходные периоды происходит сворачивание института административной жалобы, через который население обычно артикулирует общественные проблемы и защищает свои права. Во втором переходном периоде «как ни естественно само по себе, как ни преходяще, казалось бы, право жителей государства заявлять свои просьбы, желания и жалобы, это право далеко не всегда признавалось государями» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 137]. В третий переходный период институт жалобы также был подвергнут демонтажу вместе с административной моделью управления. Однако, несмотря на полуразрушенный институт жалоб, население продолжало обращаться в высшие органы власти.

Ценности и условия жизни подавляющего числа граждан входили в противоречие с институциональной средой переходного периода, в которой доминировал институт рыночной торговли и частного предпринимательства, и пре-

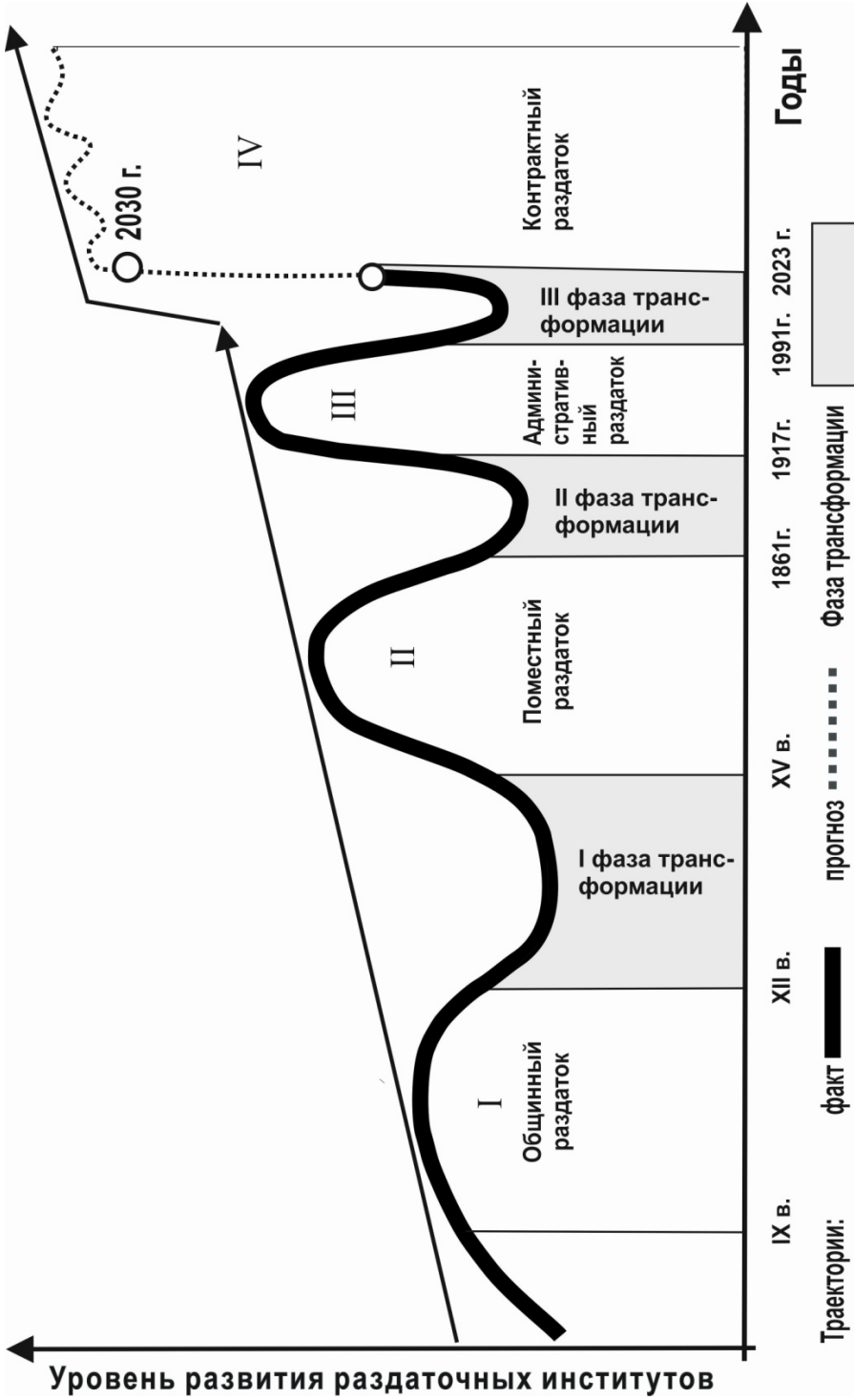

Рис. 10.1. Фазы трансформации институциональных циклов России

кращал действовать институциональный канал обратной связи через административные жалобы. Это приводило к поддержке большинством населения действий государства по восстановлению в новом качестве институтов раздаточной экономики. Конец переходных периодов выглядел как сворачивание института рыночной торговли и частного предпринимательства на фоне разворачивания институционального ядра раздаточной экономики в новых формах. Результатом являлось обновление и модернизация раздаточной экономики на следующем цикле ее развития.

В переходные периоды накануне нового институционального цикла происходило изменение государственности (Древняя Русь – Российская империя – СССР – Российская Федерация), как знак полного отрыва от старых институциональных форм и переход к новым, что позволяло привести в соответствие политические и экономические институты на новом историческом этапе.

Внешне, по характеру институциональной среды и по распространенным названиям новых экономических явлений, переходные периоды напоминали европейские экономические системы в конкретный исторический период и потому часто получали в теориях соответствующие названия. Так, первый переходный период получил название «феодализма» в работах Н.П. Павлова-Сильванского, второй переходный период именовался «капитализмом» в работах В.И. Ленина и марксистской школы в СССР на протяжении 70 лет, и наконец, третий переходный период именовался периодом «построения рыночной экономики».

Именно поэтому институциональная среда переходных периодов часто сравнивалась с европейской реальностью соответствующего исторического времени. Например, было установлено «тождество основных начал строя удельной Руси и феодальной Европы» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 482]. Проводилась параллель между отдельными явлениями западного феодализма и русскими удельного периода; это – вассальные службы, ленное землевладение и раздробление суверенной власти. Все это, по мнению историков того времени, пункты весьма существенные, однако взятые в совокупности совершенно непримиримы с общим пониманием удельного государства [Владимирский-Буданов, 1995, с. 289].

Между тем фактически был зафиксирован квазифеодализм, при котором многие явления внешне напоминали свои европейские аналоги, но по генезису и по последствиям резко от них отличались. Феодализм удельной Руси превратился в свою противоположность – самодержавное государство с обязательной службой всех групп населения. Автор теории феодализма на Руси понимал это: «Я в своих работах имел в виду удельную Русь XIII–XV столетий с ее феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 482].

Аналогичная ситуация происходила и с осмыслением капитализма, который продолжался с 1861 г., отмены крепостного права, и до 1917 г.

Многие явления того времени были схожи с капиталистическими в европейском понимании этого строя, однако специфика экономической системы этого периода вызывает сомнения относительно ее рыночной природы. «К началу XX века в России уже утвердился капитализм, но произошло это значительно позже и во многом иначе, чем в крупных странах Запада. В силу различных исторических и географических причин капитализм в России лишь в малой степени выступал в своей классической форме – форме свободной конкуренции. В основном же его развитие шло «сверху» путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала» [Боффа, 1990, т. 1, с. 16].

Здесь также был установлен феномен квазикапитализма, при котором явления лишь по форме напоминают капиталистические, а по сути несут всю специфику очередного преобразования раздаточной экономики. «Историческая действительность, в которой развивался капитализм в России, в корне отличалась от той действительности, в которой капитализм родился и развивался в своих классических формах» [Боффа, 1990, т. 1, с. 25]. Это было связано с тем, что «капитализм вырастал не «снизу», а насаждался сверху – путем выгодных гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации продукции, путем прямого развития государственного предпринимательства» [Нуреев, 2011, с. 133]. Результатом квазикапитализма стало возрождение раздаточного государства.

В переходные периоды осуществлялся поиск нового институционального стержня для следующего этапа развития раздаточной экономики. Сначала эта будущая институциональная основа заимствовалась из рыночной среды и апробировалась в рамках переходных периодов, а затем адаптировалась к раздаточной среде, при этом отбрасывалось все, что вступало с ней в конфликт. Как правило, этими конфликтными элементами являлись частная собственность и договорные отношения.

В первый переходный период новым элементом, внесенным из европейского феодализма, были договорные служебно-поземельные отношения. Впоследствии они были преобразованы в государственные служебно-поземельные отношения и легли в основу всей раздаточной экономики второго институционального цикла. Феодализм характеризовался принципом службы с земли за какой-либо феод. Причем эта служба осуществлялась по свободному договору.

В западной истории были широко известны переходы французских вассалов со своими владениями к английскому королю и от него обратно. Это означало признание подвассальности земли высшему территориальному господству сюзерена, обусловленной личным подчинением ее собственника. Аналогичные отношения существовали и в первую трансформационную фазу: «наши источники удельного времени дают нам несколько указаний на то, что договор боярской службы влек за собой территориальную подвассальность

боярской вотчины, что наши бояре переходили от одного князя к другому со своими землями, и имели право отъезда с вотчинами» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 113].

В XVI в. по указу Ивана Грозного служба с земли была введена как всеобщее обязательное правило. При этом была установлена ее регламентация по норме. «Эти всеобщая обязательность и регламентация являются следствием укрепления государственной власти. Но начало службы с земли идет из старины. В удельное время, однако, такая служба с земли не была всеобщее обязательной, как при Грозном, но обуславливалась свободным договором боярина с князем» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 110].

Во второй переходный период широкое распространение получили тресты, «в великом множестве возникавшие в начале века, прежде всего, в США» [Гайдар, 1995, с. 90]. Именно эта форма организации хозяйства легла в основу третьего институционального цикла развития раздаточной экономики, став стержнем административной модели управления. В данном случае легко устанавливался элемент заимствования. Основатель Советского государства В.И. Ленин подчеркивал: «Нам, партии пролетариата, неоткуда взять умения организовывать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, – неоткуда, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма» [Цакунов, 1989, т. 1, с. 193].

В период капитализма тресты существовали, несмотря на их монопольный характер, как частная форма организации. Однако в основе административного раздатка тресты уже выступали как государственная форма. «Тут и происходит процесс, по выражению Ленина, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм» [Гайдар, 1995, с. 91]. Именно этот институциональный элемент, заимствованный из рыночной среды, пересаженный в раздаточную экономику, дал ей на третьем институциональном цикле новую жизнь и всем базовым институтам новую форму.

Третий переходный период обогатил раздаточную экономику контрактным правом. Контрактные отношения являются повседневным элементом хозяйственной практики рыночных стран. В России с начала третьего переходного периода шла апробация контрактов в государственной сфере, и уже возникла такая отрасль права, как «административный договор».

Под *административным договором* понимается многосторонний акт, устанавливающий взаимные права и обязанности его участников. Он основан на административно-правовых нормах и выработан в результате добровольного согласования воли двух (либо более) субъектов административного права, одним из которых всегда выступает субъект государственной власти. Договорное регулирование вырабатывает у властного субъекта умение работать более гибко, творчески, инициативно, не рассчитывая исключительно на приказ и принуждение [Бахрах, 1996, с. 180–183].

Черты российских капитализмов

Сравнение черт первого и второго российского капитализма приводит к выводу об институциональной идентичности двух периодов, отстоящих друг от друга на столетие. В настоящее время состояние российской экономики имеет сходство с первым российским капитализмом не только по типу институциональной среды, но и по набору системных противоречий. Это сходство проявляется в доминирующей и двойственной роли государства, совмещающего функции регулирования и предпринимательства; в обширном госсекторе монопольного характера; в финансовой связи чиновничества и высшего слоя предпринимателей; в распределении госзаказов по компаниям, принадлежащим узкому кругу правящего слоя.

В период первого капитализма, как и в настоящее время, в России сохранялся большой государственный сектор. Все банки были подчинены Госбанку не только в финансовом, но и в административном отношении. Элементами финансовой системы были также акционерные банки, тесно связанные с иностранными банками. Кризис 1900–1903 гг. ускорил слияние банков с промышленностью. Связь осуществлялась через личные унии – банковские деятели становились во главе промышленных компаний. Каждая акционерная фирма России находилась в зависимости от одного или нескольких банков.

Позиции государства не ограничивались государственным сектором. Инструментом государственного регулирования были и госзаказы. Такие заказы давали почти все ведомства. Еще одним направлением государственного воздействия были казенные монополии – сохранялась питейная монополия, действовали акцизы на сахар и табак. Другими словами, одна часть промышленности находилась в собственности государства, а другая часть в той или иной степени подлежала государственному регулированию.

Как и сейчас, российская буржуазия в период первого капитализма привыкла надеяться на помощь государства: казенные заказы были надежным источником доходов, высокие пошлины защищали от конкуренции. Если предприятие оказывалось на грани банкротства, его хозяева обращались за помощью прежде всего к государству. Однако отношение буржуазии к государственному диктату было двойственным: с одной стороны, буржуазия была недовольна ограничением сферы своей деятельности, с другой стороны, устанавливались тесные связи между частными предпринимателями и чиновниками, что порождало коррупцию.

Особенно тесные связи между государством и промышленной буржуазией наблюдались при производстве вооружения. Например, весь руководящий состав Морского министерства одновременно занимал высокооплачиваемые должности в кораблестроительных компаниях. Директора государственного банка, Департамента торговли и мануфактур, Горного департамента и других высших государственных учреждений состояли

в правлении крупнейших компаний и коммерческих банков. Другими словами, уже первый российский капитализм базировался на слиянии буржуазии и чиновников в единый слой предпринимателей. Только третью часть предпринимательской элиты составляли не дворяне и не чиновники, а купцы.

После экономического кризиса 1900–1903 гг. стали образовываться монополии в форме синдикатов, чему способствовали и казенные заказы. Правительство устраивало конкурс и давало заказ той фирме, которая назначала самую низкую цену на свои изделия. Чтобы не сбивать цены, промышленники договаривались между собой, и конкурс становился фикцией. В 1902–1904 гг. родились наиболее известные синдикаты: «Продамет», «Продуголь», «Продвагон», «Кровля». А к 1909 г. синдикаты объединяли основную часть предприятий в ведущих отраслях промышленности. Помимо синдикатов среди российских монополий были распространены тресты и концерны. В нефтяной отрасли монополии рождались сразу в форме международных трестов.

Аграрная реформа 1905–1907 гг., как и 1991 г., имела цель направить развитие сельского хозяйства по фермерскому рыночному пути, для этого крестьянину было разрешено выходить из общины вместе с землей. Однако к 1916 г. вышли из общины и получили землю в собственность менее четверти всех крестьян.¹ Большинство не только отказалось выходить из общины, но и защищало общину с оружием в руках: когда чиновники и землемеры являлись в деревню выделять желающих, крестьяне нередко встречали их кольями и вилами. Из общины выходили крайние полюса – «кулаки» и беднота. Но не вся беднота, а та часть, которая уже стала наемными рабочими. Кулаки скупали участки выделявшихся бедняков, объединяли их, и на этой основе создавали крупные фермерские хозяйства.

Как и в период рыночных реформ 1990-х годов, в период первого капитализма жилье было приватизировано. При фабриках оно было передано владельцам на праве частной собственности, которые стали сдавать его своим рабочим. Дома, в которых жили крестьяне в общинах, также стали их индивидуальными владениями. С 1870 г. началось строительство доходных домов частными лицами, и строительный бум продолжался до 1911 г. В конце XIX – начале XX века горожане жили в основном в частных домах, муниципального жилья не было. Строительство государственного жилья ограничивалось служебными домами. Основные усилия были сосредоточены на создании условий для частного строительства. Московские власти взяли на себя подготовку участков, прокладывая водопровод и канализацию. Содействие частному строительству осуществлялось также льготной продажей строительных материалов.

¹ Дубровский С. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л.: Прибой, 1925, с.105. URL:<https://library6.com/books/528100.pdf>, (дата обращения: 09.09.2024).

Однако уже к 1911 г. власти осознали проблему ограниченности рынка жилья из-за низкой платежеспособности рабочих и служащих. Квартплата для малообеспеченных слоев была непомерно высока. Когда перед властями впервые встала проблема «доступного жилья», был задуман механизм муниципального финансирования типового жилищного проекта для рабочих на льготных условиях кредитования. Квартиры должны были предоставляться низкооплачиваемым жителям города за невысокую квартирную плату.

По итогам развития первого капитализма в России было сформировано крайне негативное отношение к частнику, как у правительства, так и у населения.

«К началу мировой войны власти были готовы перейти к политике достаточно жесткого регулирования в аграрном (и не только в аграрном) секторе, а общественное мнение было готово отнестись с пониманием к мерам подобного рода» [Мау, 2010, с. 123]. В записке министерства финансов 1916 г. отмечалось, что российская экономика вступила в новый этап, когда для ее эффективного развития необходимо государственное регулирование. Подчеркивалось, что будущее России властно требует создания должной планомерности правительственных экономических преобразований. Ведомственная политика должна быть заменена правительственной политикой, опирающейся на единый план, обязательный для всех ведомств. Этот план должен был охватить единой системой все движение продукта от производителя к потребителю, опосредовать связи между ними, регулируя их взаимоотношения [Там же, с.136, 138, 141].

Но эти задачи, поставленные царским правительством еще до революционных событий, были реализованы только при плановом хозяйственном механизме административного раздатка.

При российских капитализмах ценности и условия жизни подавляющего числа граждан входят в противоречие с квазирыночной средой, в которой не действует канал обратной связи через административные жалобы, и потеряна мотивация к труду из-за массовой ориентации на «быстрые» деньги. Именно это, в конечном счете, выливается в поддержку служебно-социальными группами действий тех политических сил, которые намерены провести реформы по восстановлению раздаточной матрицы.

ЧАСТЬ III

ДРУГОЙ НОВЫЙ КУРС ДЛЯ РОССИИ

Глава 11

ЭКОНОМИКА КОНТРАКТНОГО РАЗДАТКА

«Новый курс» вывел западную экономику из Великой депрессии. Для России нужен другой новый курс, который означает переход к экономике контрактного раздатка и идеологии солидаризма с целью формирования эффективной и справедливой реальности. Механизм обратной связи в форме «голос – жалобы» позволит социуму активно участвовать в реализации нового пути.

Контрактный раздаток: интегральная форма базовой модели

Российская экономика в 1990-е годы активно заимствовала западные институты, однако это происходило без учета ограниченного и открытого порядков, в которых развивалась рыночная экономика. Вследствие попытки осуществить модернизацию с помощью экстрактивных институтов российский капитализм сразу превратился в квазирынок и не смог преодолеть кризисные тенденции советского раздатка, а, напротив, привел к увеличению неравенства, отмене социальных прав, усилению экономической неэффективности.

В отличие от западных практик вспомогательного использования квазирынка в исходно рыночной среде, ключевое свойство квазирынка в России состоит в том, что он становится доминирующей институциональной моделью в периоды «капитализмов». В квазирыночной модели под внешними конкурентными механизмами (конкурсы, тендеры, аукционы) скрываются искаженные по отношению к нормативному порядку раздачи «своим».

Основной организационной формой квазирыночных институтов в России является государственно-коммерческий гибрид, в котором существуют крупные государственные корпорации и федеральные фонды. Эта форма коренным образом отличается как от государственных предприятий в экономике раздатка, так и от частных фирм в рыночной экономике. Она создает противоречия между долгосрочным характером государственных инвестиций и частными, во многом корыстными интересами при их освоении (рис. 11.1).

Рис. 11.1. Экономика квазирынка в трансформационные фазы

Гибридные формы периодов квазирынка нацелены на закрепление практик, в которых латентные раздаточные механизмы продолжают играть главную роль, и позволяют под прикрытием форм рыночной экономики получать государственный ресурс для личной выгоды. В результате нарушается баланс сдач-раздач: при объемных раздачах общественных ресурсов отсутствуют адекватные сдачи полезных обществу результатов.

Гибридные организационные формы периодов квазирынка создают дефекты институциональной среды – масштабную коррупцию, оппортунизм в использовании государственных ресурсов, погоню за сверхприбылью с помощью ренты, отсутствие мотивации к труду и мотивов инвестирования на фоне усиливающейся технологической отсталости. Особенно тяжелыми последствиями чреват бюджетный оппортунизм, порождающий порочный круг в использовании средств госбюджета для обогащения чиновников и руководителей бюджетных организаций через манипулирование штатными расписаниями, сметами на капитальный и текущий ремонт. При

этом ухудшающееся состояние своих отраслей они объясняют недофинансированием и возможными угрозами «безопасности», настаивая на увеличении бюджетных расходов. Но дополнительно выделенные средства опять оседают у руководителей организаций и их ближайшего окружения. Таким образом, этот порочный механизм обеспечивает замкнутый контур деградации социальной и бюджетной сферы.

Квазирынок отличается от классического рынка тем, что он использует механизмы купли-продажи для присвоения уже созданных производственных систем и инфраструктуры. Если рынок движим интересами предпринимателей и потребителей, то квазирынок, прежде всего, обслуживает интересы властных структур через механизмы предпринимательства. Нормативно-функциональные отношения сдач-раздач, которые в структурированных фазах подчинены реализации государственных задач, в трансформационных фазах переводятся в плоскость неформальных связей, нацеленных на получение личной прибыли от использования государственных ресурсов. Внешне присутствуют все атрибуты рыночного хозяйства: частная собственность, отношения купли-продажи, свободное ценообразование. Однако сохраняется латентное раздаточное содержание: частные компании и фирмы в массе своей не вырабатывают рыночно-ориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс в разных его формах и стремятся использовать связи во властных структурах для контроля над конкуренцией.

Организационные формы квазирынка являются априорно неэффективными в связи с имманентным конфликтом государственных и личных интересов, одновременно создавая институциональные ловушки в экономике, из которых общество зачастую выбирается уже революционным, а не эволюционным путем. В этом одна из причин того, почему квазирыночные фазы имеют внутренние причины внезапного торможения и порождают длительную стагнацию на фоне революционного обострения глубинного народного архетипа «борьбы с иностранными захватчиками», к которым в этот период относят именно собственный правящий класс, вывозящий ресурсы и обслуживающий западные интересы.

В период «второго капитализма» тотальные размеры приобрела коррупция на всех уровнях управления и во всех сферах. При квазирынке широко распространялся и бюджетный оппортунизм¹ – манипулирование ставками штатного расписания, превращение экономии фонда оплаты в источник регулярных «премий» для управленцев, маскировка избыточной дифференциации в оплате труда между управляющими и трудовым коллективом, регулярная практика одновременной занятости бюджетников в нескольких организациях (рис. 11.2).

¹ Оппортунизм (opportunism) – преследование личного интереса с использованием коварства, включающего просчитанные усилия по сбиванию с правильного пути, обману, сокрытию информации и другие действия, мешающие реализации интересов организации [Уильямсон, 1996, с. 686].

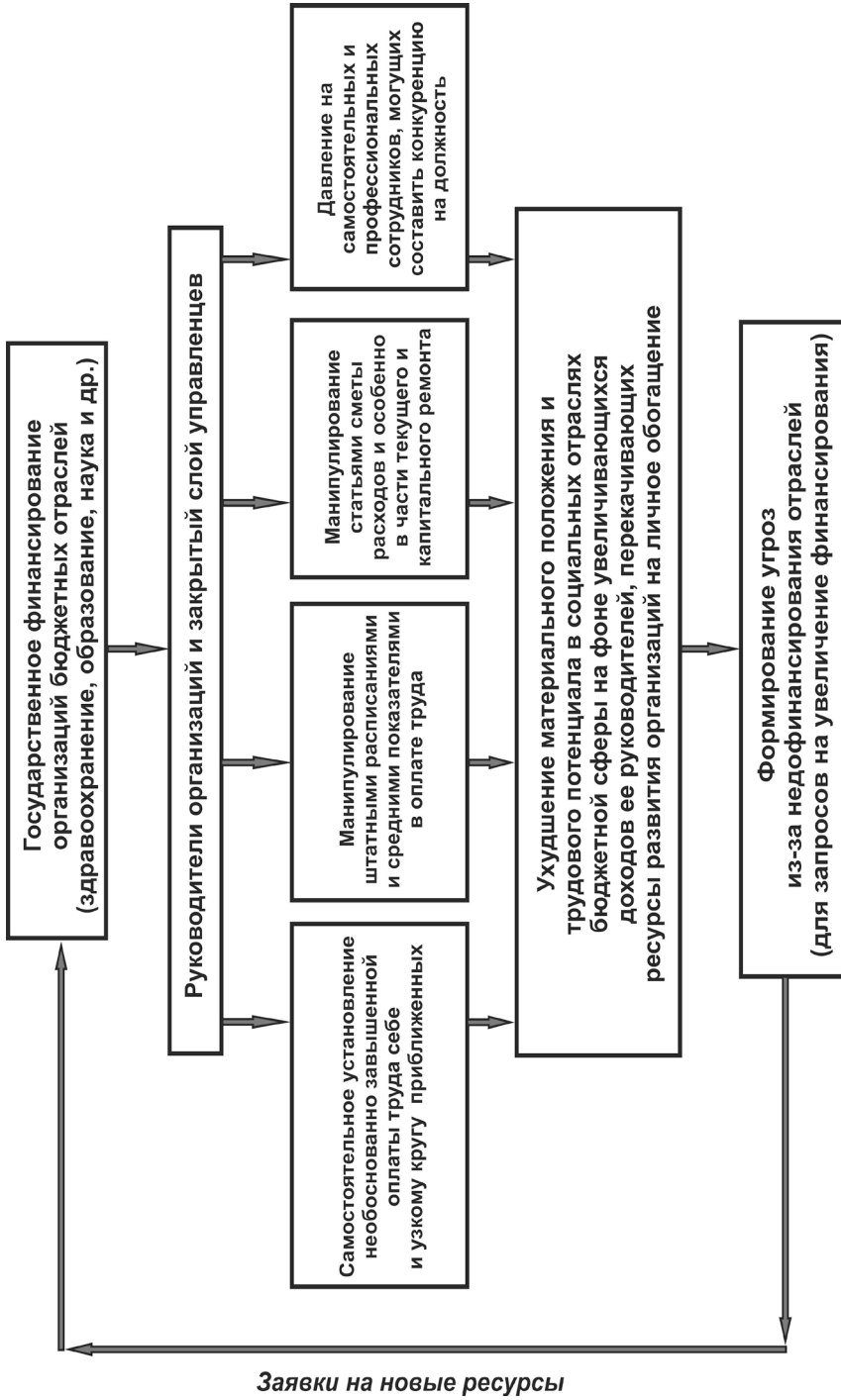

Рис.11.2. Механизм бюджетного оппортунизма при квазирынке

Коррупция в высших органах власти возникла как производная от раздачи государственной собственности за цену, не соответствующую ее реальной стоимости, путем «назначения» собственников. Фактически создан механизм общего совладения бывшей государственной собственностью чиновников и предпринимателей.

Отсюда непрерывный поток денег от олигархов к управленцам высшего уровня, воспринимаемый обществом как «взятки» и «откаты», а на самом деле представляющий собой передачу дивидендов от совместного владения бывшей государственной собственностью.

Второй вид коррупции был связан с попытками новых фирм, которые развернули свой бизнес уже в рамках вновь введенных рыночных правил, получить государственный ресурс. Фактически для этих фирм включен аукционный механизм: кто больше даст и будет давать весь период владения ресурсом, тот его и получит.

И, наконец, взятки в рамках бюджетной и социальной сфер на самом деле означают введение рыночных отношений «явочным порядком». В фазу институционального исчерпания эти сферы уже были подвержены сильной коррозии теневых форм. И в трансформационную фазу, когда бюджетная и социальная сферы фактически перестали финансироваться государством, рынок бюджетных услуг за деньги был введен из-за необходимости выживания.

Масштабы оппортунизма при квазирынке существенно превышают «норму» рыночной среды, а хищническое использование всех видов ресурсов свидетельствует об отсутствии долгосрочной мотивации в бизнесе. Потенциал квазирыночной модели быстро исчерпывается, в том числе и в связи с низкой платежеспособностью населения. Рыночные периоды заканчиваются нерешенными вопросами – как, например, обеспечить жильем рабочий класс, сельских жителей-колхозников и служащих-«бюджетников», если их доходы с трудом покрывают необходимые затраты на простое воспроизводство семьи? Как проводить технологическое обновление, если некуда размещать рабочую силу и т.д. В итоге для решения программ модернизации единственным выходом становилось обращение к раздаточной модели в новых формах.

Необходимость перехода от квазирынка к модели контрактного раздатка, которая использует разные формы собственности, вызвана тем, что в прошлом результатом модели квазирынка после краткого роста стала длительная стагнация российской экономики с деградацией человеческого потенциала, а радикальная смена курса на обновленный раздаток исторически происходила уже без участия реформаторов.

Контрактный раздаток – это экономическая модель порядка открытого доступа, при которой обеспечивается раздача общегосударственных ресурсов предпринимательским и бюджетным структурам на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими госзаказа, сформированного на базе государственных программ стратегического развития отраслей и территорий (табл. 11.1).

Таблица 11.1

Сравнение моделей контрактного раздатка и квазирынка

Госзаказ	Квазирынок	Контрактный раздаток
Тендер (конкурс)	Закрытый, с заранее известным результатом, с использованием подставных фирм	Конкурентный, прозрачный, выбор эффективного подрядчика
Условия контракта	Регулярный пересмотр сроков и сумм без штрафов	Расторжение контракта со штрафами в случае нарушения сроков и расходов
Расходование средств	Извлечение собственником доходной части до реализации проекта, «откаты», нарушение сметы в ущерб проектным задачам, необоснованное увеличение выплат менеджерам	Финансирование проектных задач строго по нормативам и условиям контракта, выплаты доходов менеджерам и собственникам после завершения и сдачи проекта с удовлетворительной оценкой
Осуществление проектных задач	Не предусмотренный наем субподрядчика за средства, не соответствующие масштабам проекта, и изначальное снижение стандарта качества реализации проекта	Самостоятельное осуществление проекта в контрактные сроки по документации с обеспечением максимально возможного качества
Выбор поставщиков и контрагентов	Привлечение аффилированных компаний (родственников и друзей) с многократным завышением цены на их услуги	Привлечение по рыночным ценам фирм, доказавших свою эффективность и надежность
Контроль и санкции	Отсутствие контроля за расходованием государственных средств, сроками и качеством работ, отсутствие штрафных санкций за нарушение условий контракта и привлечение компании к другим проектам по госзаказу	Общественный и государственный контроль за ходом выполнения контракта и качеством работ, в случае несоответствия – расторжение контракта со штрафами и невозможностью в дальнейшем работать по госзаказу
Цели и мотивации	Максимальное изъятие государственных средств в целях личного обогащения и вывоза в офшоры	Выполнение общественно значимых проектных задач с надлежащим качеством и за адекватное вознаграждение менеджеров

На современном этапе эволюции интеграция рынка и раздатка означает синтез двух типов – экстрактивный и инклюзивный, что соответственно приводит к формированию порядка либо открытого, либо ограниченного доступа. Первый тип синтеза основан на модели квазирынка, второй – контрактного раздатка. Квазирынок становится причиной стагнации экономики, отсталости общества, рентоориентированности режима, а контрактный раздаток как новая универсальная модель приводит не только к динамичному росту, но и к сочетанию экономической свободы и социальной справедливости.

Таким образом, контрактный раздаток – это институциональная система, в которой сосуществуют разные формы собственности, с правовым запретом использования государственного ресурса в частных целях. При контрактном раздатке хозяйствующие субъекты разных форм собственности действуют самостоятельно исходя из условий контракта, а государство в форме стратегического планирования направляет их активность в нужное русло (рис. 11.3).

Мелкий и средний бизнес – важная часть государственной стратегии развития экономической активности, которому нужны льготные кредиты, инфраструктура и земля, – все то, что является объектом государственных раздач, поэтому такая система является контрактным раздатком.

Исходя из объективных закономерностей, выявленных в новой парадигме, эффективной моделью развития России в будущем может стать только контрактный раздаток (табл. 11.2).

Модель контрактного раздатка сможет функционировать только в порядке открытого доступа. В чем главное различие между порядком ограниченного доступа к общественным ресурсам и демократическим порядком открытого доступа? Сакральный характер власти сменяется на отношение к власти как к работе высшего управленческого персонала. Если в порядках ограниченного доступа правитель – наместник Всевышнего на Земле (монарх) или носитель высших идеалов (диктатор), то в порядках открытого общества руководитель государства – служащий верхнего звена управления, контролируемый общественными институтами (рис. 11.4).

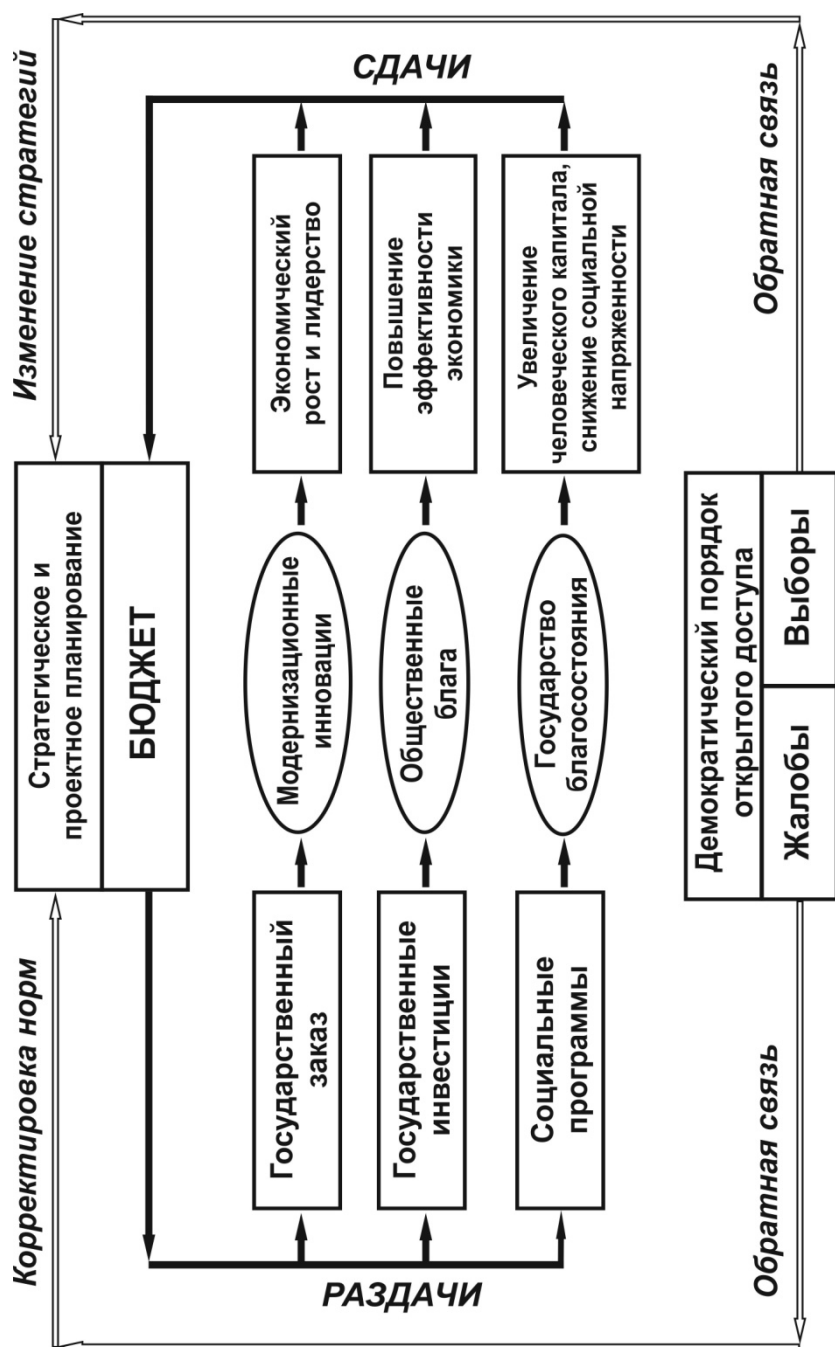

Рис. 11.3. Социальное государство на основе контрактного раздатка

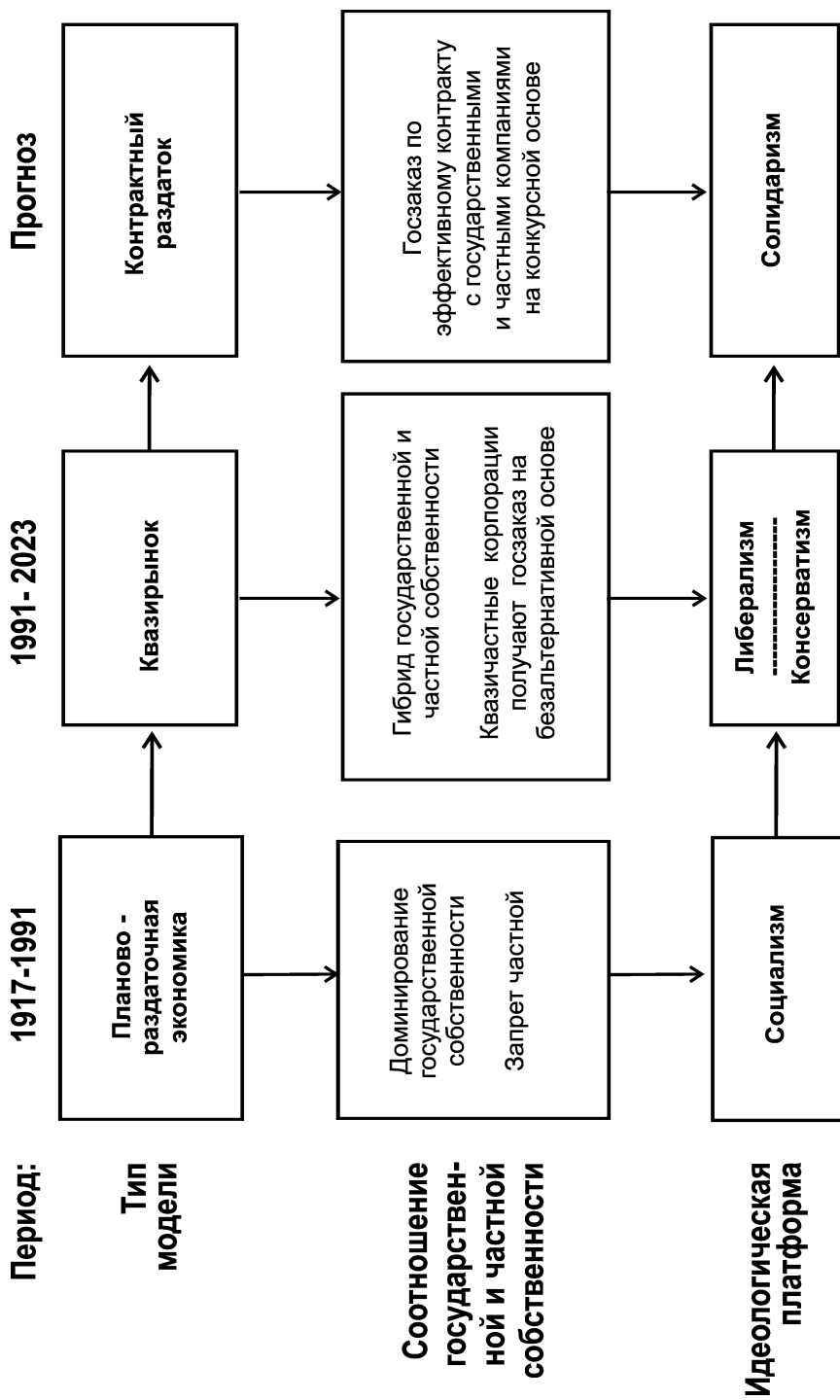

Рис. 11.4. Эволюция модели российской экономики в XX–XXI вв.

Таблица 11.2

**Сравнение раздаточной экономики СССР
и контрактного раздатка**

Структурные блоки	Раздаточная экономика	Контрактный раздаток
Система управления	Ведомственная, иерархическая	Программно-бюджетная
Форма организаций	Государственная, коллективная	Государственная, частная, акционерная
Производственная программа	Директивные задания	Частные и государственные инвестиции, госзаказы
Нормативы	Единые отраслевые	Стандарты
Цены	Централизованные	Свободные цены и регулируемые тарифы
Система финансирования	Госбанк, безналичное фондирование	Ценные бумаги, банки государственные и частные
Оплата труда	Общегосударственное штатное расписание	Трудовые контракты государственного и частного вида
Обеспечение жильем и социальными благами	Бесплатная раздача по нормам и нуждаемости (ведомственный, отраслевой, партийный контуры), жилищные кооперативы, индивидуальное жилье	Покупка, аренда, социальная и служебная ипотека, пособия, общественные сектора с раздачей малообеспеченным
Регистрация	Обязательная	Уведомительная
Сигналы обратной связи	Административные отчеты и жалобы в органы управления	Прибыльность, иски в суды, гражданские жалобы

Жилищная модель в контрактном раздатке

Массовое жилищное строительство, практиковавшееся в советское время, в постсоветский период сменилось на «уплотнительную» застройку элитным жильем внутри микрорайонов. Высокие и постоянно растущие цены превратили новое жилье в сектор недвижимости, в основном ориентированный на вложение капитала обеспеченных слоев. Фактически в 1990-е годы жилищная модель была направлена на удовлетворение запросов новой элиты. К 2002–2003 гг. верхний платежеспособный слой насытился, и с помощью государственных мер по развитию ипотеки был подключен «верхний

средний» слой населения, возможности которого к моменту кризиса 2008 г. стали близки к своему исчерпанию.

Рыночная жилищная модель встретила серьезные препятствия в виде неплатежеспособности «базового» слоя населения, который по приблизительным оценкам составлял около 50% численности занятых – это практически все работающие на государство в том или ином виде, исключая слой управленцев верхнего и среднего уровня. Одновременно рыночная жилищная модель столкнулась и с ограничениями по коммунальной и социально-бытовой инфраструктуре, поскольку использовала мощности советского периода и не развивала их в нужном объеме.

В целом современное состояние жилищного сектора экономики России имеет следующие черты:

- недостаточный уровень обеспеченности населения жильем, при низком уровне благоустройства жилищного фонда и значительном износе коммунальной инфраструктуры;
- для подавляющей части семей (80%) улучшение жилищных условий является недоступным из-за низких доходов и высоких цен на жилье;
- высокая стоимость жилья в соотношении со строительными издержками;
- несбалансированное с реальным спросом предложение различных типов жилья;
- изношенные мощности строительного комплекса и производства строительных материалов, недостаточная их модернизация на основе современных инновационных технологий, дефицит квалифицированных трудовых ресурсов в строительном комплексе;
- монопольные ограничения по выдаче разрешений на подключение к коммунальным мощностям;
- градостроительные нормы и правила землепользования не приведены в систему на региональном уровне.

Главной задачей новой жилищной стратегии должно стать создание многосекторной жилищной модели, способной удовлетворять потребности населения в доступном и комфортном жилье на основе разных организационных форм. Новая жилищная модель России должна использовать инструменты, являющиеся результатом синтеза государственных и рыночных методов. По отдельности каждый из этих двух методов был уже апробирован в разные исторические периоды развития России и исчерпал свой потенциал, поэтому в настоящее время необходимо их сочетание и комбинирование. Государственные органы при этом смогут активно влиять на увеличение платежеспособного спроса населения, формируя разные механизмы обеспечения жильем в зависимости от доходов. Результатом станет многосекторная жилищная модель, включающая:

- *частный сектор*, формирующийся на платной основе по рыночным ценам, или по ипотеке с рыночным процентом, а также через приватизацию и наследование;
- *государственный сектор на платной основе*, с льготным процентом и длительной рассрочкой на 15–25 лет («государственная ипотека»), а также на основе бесприбыльной аренды с правом выкупа по фиксированным ценам;
- *социальный сектор на бесплатной или частично платной основе* (включая взнос в виде старой квартиры) для очередников и определенных законодательством РФ групп населения (с использованием механизмов «социальной ипотеки») включает также все жилье социального найма;
- *арендный сектор*, включающий жилье, сдаваемое по рыночным ценам, в основном используя не легализованные формы;
- *сектор корпоративного (нового ведомственного) жилья* – на платной основе по рыночным ценам, а также для служебного пользования. Заказчиком этого фонда могут выступать предприятия и организации всех форм собственности.

Массовое жилищное строительство на основе многосекторной жилищной модели с разными формами доступности создаст благоприятные условия для эффективного развития экономики и задействует ее производственный потенциал.

Международная практика показывает, что для устойчивого развития жилищной модели необходимы как рыночный, так и государственный сектора. Рыночный сектор построен на отношениях непосредственной оплаты жилья при покупке либо оплаты в рассрочку в форме ипотечных кредитов, процент по которым регулируется рынком. Будущий государственный сектор также приходит к выработке новых институтов кредитования, например – в форме государственной и социальной ипотеки (табл. 11.3).

Таблица 11.3

Государственный и рыночный сектора жилищной модели

Признаки	Государственный сектор	Рыночный сектор
Управленческий механизм	Госзаказ на основе потребностей в кадрах	Частный заказ на основе платежеспособности
Базовые отношения	Государственный контракт с фиксированными ценами	Частный контракт по договорным ценам
Формы обеспечения	Государственная ипотека по схемам регулируемых цен и рассрочек	Частная ипотека по рыночным схемам

Радикально изменить сложившуюся ситуацию можно только возобновив массовое строительство государственного жилья, предназначенного для распределения на арендных условиях между нуждающимися двух типов – социально незащищенными гражданами и служащими, работающими на государство. Причем в государственном секторе следует практиковать платные формы предоставления жилья, предусматривающие его постепенный выкуп (рассрочка до 20 лет по государственным ценам без процента и без первоначального взноса). Специфика государственного жилищного сектора заключается в целевом его характере, т.е. возможности получения жилья только для лиц, работающих на государство в разных сферах (социальной, бюджетной, военной и т.д.).

Для этих групп населения создан механизм государственной ипотеки – за счет существенного снижения процента, низкого объема первоначального взноса, удлинения периода погашения кредитов. Если ипотечная форма кредитования для банковской системы – способ заработать, то государственная ипотека вводится для облегчения доступа к жилью тем, кто работает в госсекторе или служит. В период выплаты по государственной ипотеке жилье находится в условном владении и не является частной собственностью ее владельца. Все права на данное жилье приобретаются по завершении выплат.

Такая жилищная политика уже начала активно проводиться и фактически использует модернизированный вариант советской формы обеспечения жильем, но с существенным улучшением.

Работник предприятия или организации может сразу, а не после 10 лет и более стояния в очереди, получать жилье в ипотеку от предприятия под низкий процент (в случае социальной ипотеки) или без процента (в случае служебной ипотекой) при условии его работы в течение оговоренного периода времени. Эти условия фиксируются как в ипотечном контракте, так и в его трудовом договоре. За период отработки, при условии рождения детей, государство погашает его задолженность в определенных пропорциях (например, по программе для молодых семей). А поскольку нанятый работник уже живет в приличном «ипотечном» жилье, то высока вероятность регулярного прибавления семейства, стимулируемого не только жилищными условиями, но и бонусами демографической государственной программы.

В конце трудового срока, установленного договором, жилье переходит в собственность работника, и он может распоряжаться им по своему усмотрению, как и своей рабочей силой. Если же работник разрывает отношения с предприятием раньше срока, то остаток суммы по ипотеке ему придется доплачивать по рыночной стоимости квадратного метра и коммерческой процентной ставке, что должно быть обговорено в трудовом договоре в момент его заключения.

Социальный сектор – это сектор социального найма, обеспечивающий жильем очередников из определенных законодательством РФ категорий населения (ветеранов, инвалидов и т.д.). Он основан на прямой раздаче бесплатного жилья из государственного сектора. Однако социальный сектор может формироваться и на частично платной основе, как в советские времена,

когда бесплатно обеспечивалось лишь улучшение, поскольку необходимо было вернуть государству старую квартиру для формирования «цепочек» улучшения.

Неотъемлемым элементом новой жилищной модели стал государственный заказ на строительство определенного типа жилья с заключением государственных контрактов. Государственный заказ формирует запрос на определенный жилищный стандарт качества и необходимый объем жилищного строительства. Для его выполнения проводится конкурс среди подрядчиков. С победителями конкурса заключается государственный контракт, где фиксируется себестоимость будущего жилья и норматив рентабельности. Тем самым оказывается существенное влияние на формирование предложения конкретного типа застройки и установленной ценой за 1 кв.м.

Государственный контракт является эффективным механизмом регулирования объема строительства определенного типа с целью балансирования спроса с адекватным предложением, поскольку на объем выданных ипотечных кредитов формируется госзаказ по жилищному строительству для данной территории. С помощью льготной ипотеки государство получает конкурентоспособный инструмент для привлечения кадров в перспективные направления экономики.

Институциональная среда нового государственного сектора существенным образом отличается от госсектора советского типа. Новыми составными элементами жилищной модели становятся государственный заказ, государственный контракт и государственная ипотека (табл. 11.4).

Жилищный вопрос – это узел, в котором завязана и экономика, и социальная сфера. Политическая ситуация не может быть стабильной в обществе, где большинство граждан лишены надежды на удовлетворение базовой потребности в жилье, несмотря на свою добросовестную работу. Особенно это касается «бюджетников», чьи доходы даже теоретически не могут приблизиться к уровню, достаточному для участия в ипотеке и приобретении нового жилья. Большинство семей для решения жилищных проблем вынуждены выстраивать обменные цепочки с использованием приватизированного советского жилья, при этом их жилищные условия зачастую ухудшаются – в тех случаях, когда квартиру приходится делить для отселения взрослых детей.

Таблица 11.4

Старый и новый государственный сектор

Признаки	Госсектор советского типа	Новый госсектор
Управленческий механизм	Госплан	Государственный заказ
Базовые отношения	Директивные задания	Государственный контракт
Формы обеспечения	Раздача по очередям	Государственная ипотека

С внедрением рыночных механизмов оказался практически свернут сектор общественного жилья, который когда-то был доминирующим. Если же обратиться к международной практике, то можно видеть, что покупка жилья на рынке и собственное жилье не являются исключительными механизмами жилищной политики. Практически везде в мире существует арендный муниципальный (или общественный) сектор скромного по качеству и площади жилья, доступного для семей со средним и небольшим достатком. Обязательные признаки этого сектора – нормирование, очереди на получение, строгий контроль за реальным уровнем доходов граждан, претендующих на социальное жилье.

В России в период трансформации получился гибрид: на муниципальной земле в бывших государственных, а теперь муниципальных домах, обеспеченных муниципальной инфраструктурой, живут собственники приватизированных квартир, зачастую не способные полноценно содержать свою недвижимость. Такая жилищная модель, характерная для переходного периода, и привела к деградации инфраструктуры жилищного сектора.

Служебный труд в контрактном раздатке

Служебный труд являлся интегрирующей основой России, поскольку увязывал через свои механизмы разнокалиберные регионы и большое количество народов и народностей. Но такой характер труда для своей реализации требовал раздачи материальных условий деятельности и эквивалентности сдач-раздач. Многонациональное население России во всех трех институциональных циклах находилось на службе у государства, привнося в его развитие свой опыт адаптации к определенной территории, ставшей частью российской и советской империй. Именно служебные механизмы раздаточной экономики снимали национальные и религиозные противоречия до тех пор, пока сам раздаток не попадал в кризис.

Квазирынок, устраняя принцип служебного труда, открывал простор межнациональным конфликтам за ресурсы, располагающиеся в зонах мононациональных регионов. В периоды квазирынка Россия из служебной империи превращалась по своей внутренней организации в колониальную. Правящая элита опять возвращалась к политике «сбора дани» и вывоза ее на Запад, а служебные производительные сословия превратились в «рентопотребителей», зависящих от связей с властными структурами. Результатом квазирынка каждый раз становилась угроза территориального распада или реального завоевания, что и являлось причиной быстрого восстановления раздаточных механизмов под эгидой новой идеологии.

Западные идеи – христианство и марксизм – в России существенно трансформировались и приобретали особый смысл, освящая государственное служение. Православие обосновывало путь к Творцу только через ратный и хозяйственный труд на государство, в то время как протестантизм критерием соединения с Творцом считал достижение личного успеха. Социализм в России

стал государственной идеологией построения нового «светлого будущего». Внедрение идеологии служебного труда после периодов квазирынка меняло природу российского государства и экономически, поскольку вновь его ресурсы направлялись на внутренние цели и на осуществление трудовой деятельности всех социальных групп. Так на основе идеологических проектов разворачивался каждый из трех институциональных циклов по принципу – от раздатка через квазирынок к новому раздатку.

Тем не менее квазирынок в России – объективная четвертая фаза институционального цикла, в которой происходит использование неформальных раздаточных практик властных структур в рыночном оформлении. Такая институциональная среда дает временный экономический эффект благодаря внешней открытости и переориентации внутренних модернизационных задач развития на ресурсное обслуживание мировой экономики, а также за счет рыночного использования уже имеющейся инфраструктуры и индустриальных объектов, созданных на предыдущем цикле.

Действительное предназначение трансформационных фаз состоит не в переходе к рынку, а в том, чтобы создать свободную среду для экспериментирования и включения механизма институциональных инноваций. С помощью этого механизма осуществляется подбор новых форм базовых институтов, которые и составят основу институциональной матрицы на следующем цикле. В трансформационные фазы заимствуются институты и механизмы рыночной модели из практики западных стран, которые по мере их освоения существенно видоизменяются в соответствии с природой российской экономики. Так уже было не раз в российской истории – трансформационные фазы задумывались реформаторами не как вспомогательные этапы развития раздаточной экономики, а как действительный переход к рыночной организации хозяйства. Однако весь объем изменений приводил к парадоксальному эффекту – предполагался переход от раздаточной к рыночной модели, а на самом деле происходило восстановление самой раздаточной экономики.

Вместе с тем трансформационные фазы не являются отступлением от поступательного развития институтов раздаточной экономики, а напротив, представляют собой имманентные фазы их развития. Институциональная среда раздаточной экономики по своему устройству достаточно сложна и, находясь в кризисном состоянии, не может быть реформирована по определенному плану группой даже самых достойных реформаторов. Поэтому в такие переходные периоды осуществляется преобразование базовых институтов раздаточной экономики за счет временного вывода всех сфер из-под контроля государства и предоставления инициативы хозяйствующим субъектам.

Глава 12

НОВЫЙ СОЛИДАРИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

Идеи и идеологии формируют субъективные ментальные конструкции, с помощью которых интерпретируется окружающий мир. Они создаются или обновляются тогда, когда требуется новый импульс для развития общества. Если существующая идеология препятствует прогрессу, ее отменяют, и начинается формирование новой идеологии.

Развитые страны находятся в поиске новой идеологии, о чем свидетельствует распространение идей левого спектра, практика выборов несистемных политиков [Ореховский, 2020] и современные теоретические конструкции, вводящие категории для описания нового формата справедливого и свободного общества. Т. Пикетти исследует историю поиска справедливости, при этом идеология рассматривается им как необходимый элемент выстраивания социальных институтов. Однако «только идеи не могут изменить мир. Без серьезных сдвигов баланса сил и материальной мощи влияние идеологии невелико. Но без конкретных идей и идеологий о преобразовании мира материальные и социальные силы сами не знают, в каком направлении двигаться» [Пикетти, 2021, с. 142]. Российское общество на современном этапе также выдвигает запрос на социальную справедливость.

Ключевым вопросом развития цивилизации всегда был вопрос о том, как согласовать индивидуальную свободу с коллективной ответственностью, налагаемой взаимозависимостью людей? Решение этой дилеммы происходило через понятие солидарности, с помощью которой обосновывалось представление, что свобода индивида приходит с признанием необходимости соблюдения прав и свобод других членов общества. «Индивид не утрачивает свободы из-за солидарности, он обретает в ней осознание своей ответственности; он, подчеркивал О. Конт, вынужден видеть себя как “звено в цепи поколений”. Свобода и солидарность вовсе не антиномии, они соучаствуют в генезисе справедливого строя» [Блэ, 2018, с. 14]. Другими словами, каждый человек должен понимать, что вокруг него существуют и другие люди, от которых зависит он сам, и которые зависят от него. Именно поэтому целью является не борьба с другим человеком, группой или классом, а поиск оптимального способа сосуществования с ними.

Истоки идей солидаризма можно увидеть в работах Э. Дюркгейма при анализе характера связей, соединяющих членов общества в процессе эволюции, в древности – с помощью «механической солидарности», а затем в современности – через договорную «органическую солидарность» [Дюркгейм, 1991]. В концепции П. Кропоткина также высказана идея о взаимопомощи и солидарности как факторе эволюции. «С самых древнейших зачатков эволюции главную роль в этическом прогрессе человека

играла взаимная помощь, а не взаимная борьба... Социальная борьба плодотворна и прогрессивна только тогда, когда она помогает возникновению новых форм, основанных на принципах справедливости и солидарности» [Кропоткин, 2007, с. 4, 9].

Разработка концепции солидаризма продолжилась среди мыслителей начала XX века тех стран, которые впоследствии стали социальными государствами [Окара, 2010]. В ней подчеркивается, что с тех пор, как существует мир, борются между собой «дух индивидуализма» и «дух общественности». Для блага человека необходимо существование общества, но как только общество слишком ограничивает личность, последняя ищет освобождения, и индивидуалистическое начало вступает в борьбу с началом коллективистическим.

Индивидуализм и социальные (коллективные) тенденции наиболее гармонично примиряются в солидаризме, который рассматривает каждого индивида как часть целого, исходя из принципа, что индивид многим обязан тому обществу, в котором живет. Но солидаризм в то же время исходит из того, что общество, которое не обеспечивает индивиду возможности развить его творческие силы, неизбежно идет к упадку. Солидаризм означает наибольшую гармонию индивидуального и социального начал, развитие частной активности, укрепление начал государственности, наряду с обеспечением независимости и самостоятельности личности [Гинс, 1930].

Однако в тот период солидаризм опередил время, поскольку человечество еще не прошло через период полного отрицания частной собственности и не получило неопровержимые доказательства губительности такой практики. К тому же, солидаризм в то время не был наполнен современными интеллектуальными смыслами, теоретической парадигмой и практическими решениями, а восходил к философским и религиозным конструкциям типа «соборности», что сближало его с сектантством и вызывало отторжение [Щупленков О., Щупленков Н., 2013].

Во второй половине XX века идея солидарности обрела новое экономическое измерение и стала представлять новую концептуализацию функций государства. «Она позволяла ослабить власть государства, одновременно расширяя его полномочия. Но государство должно гарантировать выполнение социального договора и соблюдение принципов справедливости и равенства в договорах оказания услуг во имя общего интереса. Такое государство соответствует сущности общества, которому надлежит быть солидарным» [Блэ, 2018, с.15].

Мировоззрение приверженцев солидаризма – признание равноценности институтов рынка и раздатка. Так, современная западная мысль создала понятия, в которых практически воплощается это мировоззрение – порядок открытого доступа, инклюзивные институты и экономика общего блага, партисипативный социализм в противовес порядку ограниченного доступа, экстрактивным институтам и спонтанной рыночной экономике. «В порядке открытого

доступа граждане разделяют системы убеждений, которые акцентируют равенство, совместный доступ и всеобщее включение. Чтобы поддержать эти убеждения, все порядки открытого доступа используют институты и проводят политику, позволяющие распределить выгоды и понизить индивидуальные риски участия в рыночной деятельности, которые включают всеобщее образование, набор программ социального страхования, а также обширную инфраструктуру и общественные блага» [Норт и др., 2011, с. 204].

Идеология солидаризма должна базироваться на той роли рынка и раздатка, которую они играют в цементировании институциональных основ мировой цивилизации. В самом общем смысле все совершаемые действия можно классифицировать как «получения» – направленные *на себя*, и как «отдачи» – направленные *от себя* на поддержание общества. Баланс «получений» и «отдач» представляет латентный, эмпирически не верифицируемый, механизм воспроизводства жизни на Земле. Для его поддержания социально-экономические отношения между людьми организованы одновременно по типу рынка и по типу раздатка. В рынке стремление «получать» превалирует над «отдачей», а личная мотивация прибыли обеспечивает реализацию общественных потребностей. В раздатке – мотивация служения определяет доминирование отношений «отдач» над «получениями». Оба типа экономик всегда существовали вместе, дополняли или временно замещали друг друга на разных отрезках времени.

Гармоничное соотношение рыночных и раздаточных отношений на глобальном уровне приводит к балансу «отдач» и «получений», а, следовательно, способствует выживанию и развитию глобального сообщества. Если соотношение неравновесное, то возникает либо дефицит экономической свободы и частной инициативы, порождаемой рынком, либо отсутствие необходимого уровня социальной справедливости, обеспечиваемой раздатком. В случаях резкого нарушения баланса «отдач-получений» в странах происходят революции либо рыночного буржуазного, либо раздаточного социалистического типа. Возникают новые религии и идеологии с ориентацией на индивидуальность (протестантизм, либерализм) или на коллективность (православие, социализм).

Вместе институты рынка и раздатка представляют то противоречивое единство, которое позволяет человечеству двигаться вперед. Движение это циклическое, и за ним скрыта логика эволюционного развития, которая базируется на регулярной переоценке и преобразовании устаревших форм рынка и раздатка. «Чтобы сохранить способность сопротивляться упадку, организации, полагающиеся преимущественно на один из двух механизмов реакций, нуждаются в том, чтобы время от времени им предъявляли и другой механизм. Им необходимо проходить через регулярные циклы, в которых поочередно будет доминировать один из этих двух механизмов» [Хиршман, 2009, с.119].

В цивилизационном масштабе рынок акцентирует внимание на идеях экономической свободы и прав личности, раздаток – на социальной справедливости и общественном служении. И потому в постоянной борьбе они заставляют человечество искать компромиссы, двигаться по эволюционным ступеням, усложнять картины мира и находить новый баланс «отдач» и «получений» (рис. 12.1).

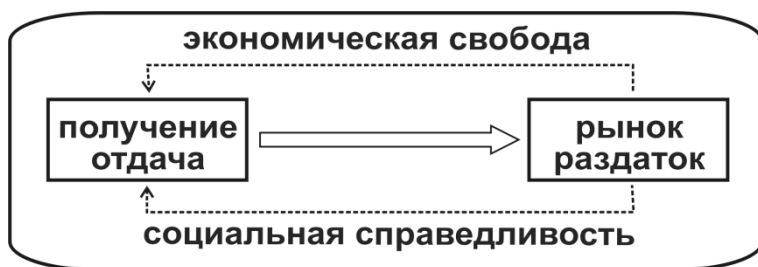

Рис. 12.1. Концептуальная рамка идеологии солидаризма

Несмотря на объективные ограничения роль личности в институциональном развитии определяющая, поскольку в ней заложен механизм познания и совершенствования: *бытие определяет сознание, но осознание изменяет бытие*. «Пассионарные» личности улавливают раньше других дисбалансы между экономической свободой и социальной справедливостью, угрожающие выживанию и возглавляют общественные движения по коррекции социального механизма. Потому поиск равновесия между рынком и раздатком в постоянной борьбе их сторонников является механизмом перехода от одной эволюционной ступени к другой с целью построения солидарного общества. «Солидарное общество – это общество, непрестанно балансирующее между индивидуальным и коллективным, и основывающееся на стремлении к взаимности и на обмене» [Блэ, 2018, с. 21].

Социологом П. Сорокиным в XX веке была выдвинута гипотеза о том, что «доминирующим типом возникающего общества и культуры не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а тип, который мы обозначим как интегральный. Он должен включать в себя большинство позитивных ценностей и быть свободным от серьезных дефектов каждого типа» [Сорокин, 1997, с. 115]. Современный американский философ К. Уилбер постулирует наступление интегральной стадии развития, в которой происходит симбиоз противоположностей [Уилбер, 2017]. В результате частная и государственная формы собственности, социальная справедливость и экономическая свобода, индивидуальное стремление к успеху и коллективное творческое развитие, демократический порядок открытого доступа и управленческая иерархия станут дополнять друг друга, гармонизируя общество в целом (табл. 12.1)

Таблица 12.1

Сравнение нового солидаризма с социализмом и либерализмом

Идеология	Новый солидаризм	Социализм	Либерализм
Экономическая модель	Синтез раздатка и рынка на основе всех форм собственности	Плановый раздаток на базе государственной собственности	Свободный рынок на базе частной собственности
Роль государства	Целевое социальное государство	Тотальное господство государства	Минимальная роль государства – «ночной сторож»
Политическая модель	Порядок открытого доступа с инклюзивными институтами	Авторитаризм на основе порядка ограниченного доступа	Демократия в порядке ограниченного доступа
Концептуальная основа	Субъектность в рамках общественного консенсуса	Организованный служебный коллективизм	Индивидуализм
Мотивация	Стремление к успеху и творческое развитие личности в контексте добровольного общественного служения	Обязательное общественное служение	Личный финансовый и творческий успех
Власть и общество	Равноправный диалог власти и гражданского общества	Огосударствленное общество как базис государственного аппарата	Гражданское общество как противовес власти
Обратная связь	Гражданская жалоба между конкурентными выборами, включающая общественные протесты	Институт административных жалоб	Выборы, гражданские протесты
Целевой ориентир	Свободное общество равных возможностей для всех граждан	Общество равных возможностей получения социальных благ	Свободное общество с рыночными контрастами и неравенствами

Сам термин «солидаризм» уже указывает на то, что такая идеология выступает против возведения классовой и сословной розни в принцип, что стремится к преодолению социальных антагонизмов во имя национальной и общечеловеческой солидарности. Солидаризм апеллирует не к силам борьбы и вражды, а к силам единения, солидарности, органически сочетает идею социальной справедливости с идеей свободы человеческой личности, что является синтезом лучших сторон либерализма и социализма.

По мнению Т. Пикетти борьба за равенство и образование, а не сакрализация собственности привела к экономическому прогрессу. Опираясь на уроки мировой истории, можно представить себе *партисипативный социализм участия* в XXI веке: новый эгалитарный горизонт с универсальной целью, новую идеологию равенства через социальную собственность, образование и обмен знаниями и властью [Piketty, 2019].

Широкое обсуждение вызвала идея безусловного базового дохода [Ореховский, 2020, с. 36–40], которая еще не нашла практической реализации, но именно она может привести к новому институциональному формату общества. Пока молодежь обретает свою жизненную специализацию, им нужна поддержка общества в виде гарантированного дохода, при этом взрослое поколение уже реализует свою «жизненную задачу» и этим себя обеспечивает. Другими словами, в ближайшем будущем «перед экономической наукой стоит цель идентифицировать такие институты и выработать такую политику, которые будут способствовать удовлетворению общественных интересов» [Тироль, 2020, с. 14].

Таким образом, *солидаризм* в новом формате – это принцип построения социальной системы, основанный на балансе индивидуальных и общих интересов, в которой ее граждане обладают реальной субъектностью, равными возможностями, правом на выборы и гражданские протесты в рамках сильного социального государства.

Такая идеология не является ограничителем социальных действий и способом тотального контроля, а формирует эффективную институциональную модель развития. Идеология солидаризма способствует гармоничному развитию общества, поскольку синтезирует идеи либерализма и социализма. Фактически теоретическими конструкциями, раскрывающими различные стороны такого образа будущего, служат: «порядок открытого доступа», «инклюзивные институты», «партисипативный социализм», «экономика общего блага», «интегральное общество», – которые обосновывают, что одновременное использование институтов раздатка и рынка в контексте социального государства и солидарного общества становится необходимым условием гармоничного развития и экономического роста.

В современном российском обществе отношение к идеологии двойственное. Исторический опыт государства с коммунистической идеологией показал опасность жестких ограничений, ради снятия которых в России 1990-х годов ввели запрет на государственную идеологию, но получили

идейную дезориентацию населения. В связи с этим с 2000-х годов стала выстраиваться консервативная идеология, в которой при декларации традиционных ценностей скрыта мотивация сохранения существующего ретроориентированного режима. Текущая попытка построения идеологии, основанной на идеализации успехов прошлого [Малинова, 2015], блокирует конструктивный проект перехода к новому этапу развития. «После неудавшихся экспериментов с построением «либеральной демократии» в 1990-е годы и «госкапитализма с корейским лицом» в 2000-е годы высшая российская элита утратила какое-либо четкое видение будущего и строит свою политику на апелляциях к великой истории России.

Однако развитие страны невозможно без согласованного желаемого образа будущего, который разделялся бы основными группами в российском обществе. В свою очередь, для формирования такого образа необходимо понимание того, куда движется мир и как меняется глобальная система координат, в которой России нужно будет найти адекватное место» [Яковлев, 2021, с. 45]. Другими словами, новая идеология должна включать как адекватную парадигму для объяснения закономерностей исторического пути, так и образ будущего, построенного на основе регулятивной системы обратных связей и активного участия граждан в развитии справедливого общества.

Глава 13

АКТИВНОСТЬ СОЦИУМА ЧЕРЕЗ ИНСТИТУТ ЖАЛОБ

Одним из существенных отличий между порядками ограниченного и открытого доступа являются институциональные формы жалоб как каналы связи власти и общества. В порядках ограниченного доступа жалобы – атрибут административного управления, при котором контроль за принятыми мерами осуществляют вышестоящие органы без участия гражданского общества. Сами жалобы в основном имеют латентный, непубличный характер, всплескиваясь на страницы средств массовой информации в особо острых случаях. В порядках открытого доступа жалобы приобретают гражданский характер, так как поступают не только в органы управления, но и демонстрируются на публичных мероприятиях в форме пикетов, митингов и шествий. Они активно используются в промежутках между выборами, показывая направление формирования стратегического курса.

На международной конференции «Культура жалоб в Восточной Европе и Евразии», которая состоялась в 2013 г., жалобу впервые определили как универсальную практику общения между гражданами и властью. «Жалоба является отнюдь не только объектом социально-исторических исследований. Современный мир создает новые контексты и новые запросы на понимание и исследование жалоб. В новых контекстах жалобы приобретают новые смыслы и новую ценность, а значит, методология исследования жалоб должна развиваться» [Богданова, 2014].

Роль института жалоб в рыночной экономике

Теоретические основы изучения практики гражданских жалоб заложил А. Хиршман. Жалобы гражданского типа помимо каналов иерархического административного управления включают разнообразные формы легального публичного протеста.

«Голос мы будем понимать как любую попытку не уйти, но изменить нежелательное состояние дел с помощью индивидуального или коллективного призыва к непосредственному руководству, к более высокой власти, способной повлиять на это руководство, или с помощью различных типов действий и протеста, в том числе направленных на мобилизацию общественного мнения» [Хиршман, 2009, с. 36]. Он приводит пример из советской практики, в котором *голос* и *жалобы* выступают как синонимы: «иллюстрацией этой обратно пропорциональной зависимости между опциями *выход* и *голос* может служить поток *жалоб* на низкое качество товаров и услуг, постоянно публикуемых в советской печати» [Хиршман, 2009, с. 39].

Когда эффективность фирмы или организации падает, это выражается в ухудшении качества производимых услуг или товаров. Информация о падении качества доходит до менеджеров по двум основным каналам: некоторые

клиенты перестают покупать продукцию фирмы или какие-то члены выходят из организации: это опция *выход*. В результате доходы падают, число членов уменьшается, а руководство вынуждено искать способы исправить те ошибки, которые заставляют людей голосовать ногами. В другом случае клиенты фирмы или члены организации сообщают о своем недовольстве напрямую руководству или органу, который стоит над руководством фирмы или организации: это опция *голос*. В результате руководству приходится искать причины и возможные пути устранения недовольства клиентов.

Выход и *голос*, как механизмы рыночные и нерыночные, представлены действующими силами, равными по рангу и значимости. Они показывают, как взаимодействуют рыночные и нерыночные институты обратной связи при восстановлении равновесия: когда рынок не в состоянии достичь оптимального состояния, общество способствует возникновению нерыночных социальных институтов, пытаясь устранить этот разрыв (рис. 13.1). «Не может быть сомнения, что конкуренция является главным механизмом восстановления. Однако возможен альтернативный механизм, который способен дополнять механизм конкуренции или заменять его, поскольку нерыночные силы не обязательно действуют с меньшим «автоматизмом», чем рыночные» [Хиршман, 2009, с. 13].

Рис. 13.1. Механизм социального государства с двойной обратной связью

Во многих организациях доминирует один из двух механизмов: с одной стороны, есть конкурирующие фирмы, в которых к заботе о качестве и производительности подталкивает только *выход*, а *голос* играет крайне незначительную роль. С другой стороны, есть первичные человеческие коллективы, такие как семья, племя, церковь и государство, *выход* из которых сильно затруднен, хотя и возможен. Для того чтобы зафиксировать свое несогласие с тем, как идут дела в таких организациях, человек должен добиться того, чтобы его *голос* был услышан. Для клиента или члена организации обращение к *голосу*, а не к *выходу* – это попытка изменить порядок деятельности, ее направление и продукцию фирмы, покупателем которой он является, или организации, членом которой он состоит.

Теория Хиршмана посвящена сравнительному анализу двух опций и их взаимодействию: при каких условиях люди будут прибегать к опции *выход*, а не *голос*, и наоборот; какова сравнительная эффективность этих двух видов протеста как механизмов восстановления; в каких ситуациях будут одновременно использоваться оба канала протеста. Основной теоретический вывод – *выход* вытесняет *голос* – имеет практическую актуальность для понимания «местоположения» института жалоб в раздаточном ядре экономики России: наличие опции *выход* резко уменьшает вероятность того, что опция *голос* будет широко и эффективно использована; а в жизни организаций *голос* играет важную роль только в тех условиях, когда *выход* практически невозможен.

В случае ухудшения положения фирмы или организации ее доминирующей формой реакции бывает либо *выход*, либо *голос*. Когда недовольные клиенты фирмы или члены организации не могут воспользоваться опцией *выход*, им остается только опция *голос*. Тогда они оказываются в ситуации, похожей на те, что существуют в основных социальных организациях, таких как семья, церковь и государство. Роль *голоса* будет возрастать по мере сужения возможностей *выхода*, а при нулевой возможности *выхода*, *голос* остается единственным каналом воздействия на руководство.

Третьей важной категорией является *верность*, поскольку определяет условия порождения механизма жалоб. В российском контексте раздаточной экономики *верность* выступает аналогом категории *служебный труд*. Описывая *верность*, А. Хиршман точно определяет черты служебного труда, который является базовой трудовой моделью на протяжении всей хозяйственной практики России. *Верность* закрывает возможность *выхода* и понуждает использовать *голос*. Благодаря *верности*, люди могут оказаться запертыми в своих организациях, а потому используют *голос* с большей целеустремленностью, чем во всех других случаях [Хиршман, 2009, с. 81].

Соотношение качества двух механизмов *голоса* и *выхода* видится в том, что в выборе между ними *голос* часто проигрывает потому, что его эффективность зависит от открытия новых способов устранения недостатков. В этом случае *верность* помогает скорректировать баланс, поскольку повышает издержки на использование опции *выход*. *Верность* и институциональные пре-

пятствия для *выхода* функциональны в тех случаях, когда для эффективного использования *голоса* нужна немалая изобретательность, тогда как *выход* близок и доступен. Именно поэтому особые препятствия для *выхода* зачастую могут быть оправданы на том основании, что они способствуют стимулированию *голоса* в разлагающихся, но не безнадежных организациях, которым свобода *выхода* грозит гибелью.

Однако существует и обратная сторона медали, в которой *верность* не играет столь благотворной роли. «Высокая плата за вход в организацию и суровые наказания за *выход* относятся к числу главных инструментов насаждения *верности* посредством подавления *голоса* или *выхода*, либо того и другого одновременно» [Хиршман, 2009, с. 90]. Таковы всевозможные институты авторитарных режимов, созданные для укрепления *верности*. Ценой *выхода* может быть как отлучение от организации, так и потеря самой жизни, а также лишение средств к существованию. К числу организаций, способных столь сурово наказать за *выход*, относятся самые традиционные группы – семья, род, религиозная община и государство.

Общий результат этой теории крайне важен для понимания механизма функционирования института жалоб в раздаточной экономике России. «Осознание исходной нестабильности любого оптимального сочетания этих двух опций может помочь в совершенствовании институтов, необходимых для того, чтобы обе опции сохраняли действенность» [Хиршман, 2009, с. 119].

Одним из практических результатов теории А. Хиршмана стала американская программа «We the People – Your voice in our government», которая стимулировала прямую коммуникацию граждан с президентом США при помощи жалоб и обращений [Богданова, 2014].

Д. Ле Гранд, британский экономист, профессор Лондонской школы экономики провел анализ моделей предоставления общественных услуг с помощью фирм и организаций разных форм собственности, опираясь на теорию А. Хиршмана, и выделил четыре модели [Ле Гранд, 2011, с. 195]:

Модель доверия, при которой профессионалам и управленцам просто доверяют, поскольку они знают, что лучше всего подходит потребителям, и способны предоставлять высококачественные услуги без вмешательства со стороны правительства;

Модель показателей как одна из версий административного управления, в которой центральное руководство ставит цели, а также определяет вознаграждение при достижении успеха и наказание при провале;

Модель голоса, в которой потребители выражают свою неудовлетворенность посредством жалоб вышестоящему руководству или выборным представителям;

Модель выбора и конкуренции, в которой потребители, пользуясь бюджетными средствами, выбирают услуги, предоставляемые конкурирующими фирмами и организациями.

Главный вывод состоит в том, что модель *голоса* не является самостоятельной моделью, а дополняет все другие. Сами по себе механизмы *голоса* не создают достаточных стимулов для улучшения ситуации. Если у фирмы и организации есть монополия на данную услугу, она может игнорировать жалобы потребителей, почти ничем не рискуя. Эту проблему можно обойти, соединив *голос* с любой другой моделью, например с *доверием*, и полагаться на профессиональные мотивации, с помощью которых могут устраняться любые промахи, о которых им сообщают потребители. Также модель *голоса* можно объединить с *административным управлением*. Фирмы и организации, игнорирующие жалобы, могут быть наказаны вышестоящим руководством. Модель *голоса* также может быть объединена с *выбором*. Если поставщики знают, что неудовлетворенные люди могут отказаться от них, то появится стимул улучшать результат своей деятельности.

Возможность *выбора* даст *голосу* необходимую ему силу – таков теоретический вывод, который расширяет и усиливает результат А. Хиршмана. Если фирма и организация не прислушается к жалобам и не сделает что-то, чтобы их удовлетворить, им придется заплатить определенную цену: они потеряют своих потребителей и связанные с ними ресурсы. Поэтому включается сильный стимул разобраться с вопросами, поднятыми потребителями. Именно этот вывод работает на аргументацию об универсальном характере института жалоб, который активно используется в рыночной среде, но может усилить эффективность рыночных практик.

Идею об эффективности использования жалоб для успешных конкурентных стратегий в условиях рынка выдвинули Д. Барлоу и К. Меллер [2011]. Что такое жалоба с точки зрения бизнеса? – задается ключевой вопрос. *Жалоба* – это заявление о не оправдавшихся ожиданиях. Но жалоба оказывается возможностью для организации вернуть расположение недовольного клиента, устранив недостатки услуги или товара. А для этого нужно полностью пересмотреть роль жалоб в современных деловых отношениях. Стратегии успешны тогда, когда жалобы клиентов признаны важным источником деловой информации. Во многих случаях информацию, извлекаемую компанией из жалоб клиентов невозможно добыть никаким другим способом.

Был рассмотрен порочный круг плохого отношения организации к жалобам, и установлена его последовательность: клиенты уходят, разочарованные работой организации и превращаются в послов «злой воли», выражающих недовольство своим знакомым. Общественность начинает понимать, что в этой организации жаловаться бесполезно. Клиенты перестают выражать претензии, и компания теряет возможность узнать, как улучшить обслуживание в соответствии с потребностями клиентов. Качество продукции и обслуживания не улучшается, что приводит к еще большему недовольству клиентов. Потребители, по-прежнему пользующиеся услугами или товарами компании, делают это исключительно из-за сниженных цен, которые последняя вынуждена устанавливать, чтобы выдержать конкуренцию. Они не ожидают

от компании ни широкого ассортимента, ни хорошего обслуживания. Персоналу компании также не нравится обслуживать враждебно настроенных клиентов. Порой работники даже начинают их оскорблять. Служащие компании все больше и больше чувствуют, что они «просто отсиживают положенное время». Те, кто может найти себе другое место, уходят, лишая компанию опыта знающего работника, а вынужденные остаться имеют слабую мотивацию и не способны добиться расположения клиентов. Это, в свою очередь, приводит к дальнейшему уменьшению количества клиентов: разочарованные, они отказываются от услуг компании, сообщая всем и каждому, какая она плохая. Вот и бесплатная «реклама». Порочный круг начинается снова.

Фактически в этом заключается «тайное знание» победителей в конкурентной борьбе и механизм их успешности. Он состоит в выявлении приоритетов и выборе стратегий конкурентных преимуществ через жалобы. В настоящее время на Западе распространяются учебные программы по проблемам управления жалобами клиентов, что также доказывает их универсальный характер и возможность использования не только в государственном секторе при предоставлении общественных услуг, но и для разработки и реализации рыночных конкурентных стратегий.

Жалобы, поступающие от клиентов непосредственно в организацию, представляются наиболее эффективным и самым дешевым способом получения информации об оценке клиентами товаров и услуг. Компании, которые хотят отзываться на быстрые изменения условий рынка и быть успешными в конкурентной среде, прислушиваются к жалобам клиентов и немедленно на них реагируют – таково «*now how*» лидеров рынка.

Институт жалоб как нерыночный сигнал обратной связи

С самого начала разработки теории раздаточной экономики главным пунктом ее критики было положение об институте жалоб как эффективном сигнале обратной связи и механизме, обеспечивающем институциональное развитие экономики. Аргументы сводились к тому, что на жалобы практически нет действенных ответов, а делаются только отписки; более того, указывалось, что жалобы возвращаются тому начальнику, на которого жалуются. Социологи констатировали негативное отношение к жалобщикам, а в смутные времена жалобы превращались в доносы. Чаще всего жалоба рассматривалась на социально-психологическом уровне как элемент патерналистского российского менталитета.

Тем не менее экономическая система России с древнейших времен и до сегодняшнего дня совершенствовала механизмы института жалоб, активно поддерживая их на всех уровнях управления вплоть до современных цифровых методов и сбора жалоб на президентских линиях общения с народом. «Роль механизма жалоб на этом длинном и сложном пути российской модернизации действительно интригует. Он функционировал как чрезвычайно важный способ восстановления справедливости, доступный большинству людей

на протяжении столетий. Институт жалоб пережил несколько исторических разрывов и в некотором смысле выступает нитью, сшивающей разные эпохи» [Bogdanova, 2021]. Такие разрывы происходили в переходные периоды, когда осуществлялась трансформация раздаточной экономики и переставал работать традиционный механизм обратной связи.

Действительно, если от жалоб «одна докука», по словам Ивана Грозного, или, как сетовал Пётр I, что «он должен заниматься только разбором жалоб – на другое ему не хватает ни времени, ни сил» [Анисимов, 1997, с. 263], то почему институт жалоб все глубже интегрировался в управленческую иерархию даже в советский период, несмотря на отсутствие положения о его необходимости в марксистской идеологии? Ответ на этот вопрос был дан в теории раздаточной экономики. В ее рамках было установлено, что в экономике раздаточного типа регулировка ресурсных потоков осуществляется с использованием института жалоб, с помощью которого социально-экономическая система России саморегулируется и воспроизводится в более развитых институциональных формах.

Большая ошибка состоит в том, что широко распространенная практика обращения с жалобами в органы государственной власти связывается исключительно со специфическим российским менталитетом. Предполагается, что институт административных жалоб должен быть заменен судебными исками в современной правовой системе, однако это не происходит, как раз, по мнению большинства исследователей, из-за патерналистского отношения с властями. Между тем институт административных жалоб является составной частью общей институциональной системы, и для решения большинства проблем, как это ни парадоксально, действия в рамках института жалоб наиболее экономичны и результативны, в отличие от дорогостоящей и долгой судебной системы.

Административные жалобы – часть системы управления и принятия решений, в которой каждый орган власти обязан реагировать на жалобы. Административный характер жалоб означает их жесткий регламент – кто и на что имеет право жалобы.

Впервые тип административной жалобы выделил исследователь истории русского права И. Дитятин, отделив ее от судебной жалобы или иска: «Статья Уложения содержит два вида челобитных – судных и об иных делах. “Челобитья судные” – это жалобы на решения суда. Под “челобитьями об иных делах” Уложение разумеет жалобы на всякого рода “тяготы и разорения от налогов и поборов” со стороны правительственных органов, просьбы о тех или иных льготах, и мерах, имеющих облегчить положение челобитчиков» [Дитятин, 1895, с. 281].

Ярким подтверждением административного характера жалоб являются, например, положения манифеста об «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г., показывающие место и роль жалоб в механизме управления:

§ 71. К министру поступают: 1. Высочайшие указы, повеления, постановления и учреждения <...> 5. **Жалобы** (здесь и далее выделено мною – О. Б.) на департаменты, ему подчиненные. <...>

§ 115. В Совет министра поступают: 18. Разные неудовольствия и **жалобы** служащих и частных если министр найдет их заслуживающими внимания. <...>

§ 234. <> Когда на решения их принесены будут в Правительствующий сенат **жалобы**. <...>

§ 265. Министры, принимая **жалобы** на места и лица, им подчиненные, и истребовав по оным все нужные объяснения, полагают скорое и справедливое решение. <...>

§ 266. Сверх просьб и **жалоб**, письменно присылаемых, каждый министр назначает один или два дня в неделю для принятия просьб и **жалоб** словесных, учреждая порядок принятия оных. <...>

§ 287. Ответственность возбуждается: (1) **жалобами**, непосредственно Его Императорскому Величеству поданными. <...>.

§ 312. По **жалобам** и просьбам, прямо в департамент входящим или от министра посылаемым, директор последует в разрешении их тем же правилам и предосторожностям, какие выше в § 265 для министра постановлены.

§ 313. Для словесных изъяснений по делам службы, для принятия просьб и **жалоб** в делах, департаменту принадлежащих, директор назначает один или два дня в неделю и учреждает порядок приема и отзывов.

§ 383. Директор подвергается ответственности: 1. По **жалобам**, приносимым Его Императорскому Величеству. 2. По **жалобам**, приносимым министру.

Министерства СССР во многом заимствовали регламент предыдущего периода. Так, в «Общих положениях о министерствах СССР» одной из задач ставилась работа с жалобами. «Министерство СССР организует своевременное и внимательное рассмотрение писем (заявлений и жалоб) трудящихся, добиваясь правильного решения поставленных в этих письмах вопросов, а также принимает меры к устранению сообщаемых в письмах трудящихся недостатков в деятельности предприятий, организаций и учреждений системы министерства» [Постановления..., 1965]. В отдельных инструкциях¹ были прописаны механизм прохождения жалоб и характер реагирования на них.

Таким образом, институт административных жалоб – традиционный канал обратной связи нерыночного типа, существовавший на протяжении всего исторического развития России. Законодательная основа этого института постоянно совершенствовалась, рационализировался порядок прохождения жалоб, следствием чего стала трансформация челобитной в административную жалобу и включение института жалоб во все уровни иерархии с целью коррекции принимаемых решений.

¹ См.: [«О порядке...», 1980].

Важное свойство административных жалоб – институциональный характер, что означает механизм прохождения их по каналам *иерархической* системы управления, влияние на оценку деятельности руководящих лиц с учетом количества жалоб, необходимость регулярной отчетности перед вышестоящим звеном по жалобам. Контроль эффективности уровней власти внутри административной системы осуществляется, прежде всего, по жалобам, поскольку отчетная статистика может быть искажена заинтересованным ведомством. Фактически, минимизация количества жалоб является до сих пор критерием успешности функционирования органов управления.

Екатерина II – поясняет историк Р. Пайпс – объясняла это таким образом: «Я устанавливаю ежегодную сумму, всегда одну и ту же, на расходы, связанные с моим хозяйством. Покуда мне поставляют то, что я приказала, и никто не жалуется, что его обошли, я считаю себя удовлетворенной». В принципе такая же система преобладала на всех ступенях российского управления, по крайней мере, до 2-й половины XIX века [Пайпс, 1993].

На аргумент о неэффективности жалоб, когда их возвращают тем, на кого жалуются, надо смотреть с той точки зрения, что при процедуре возврата жалобы высший орган управления узнает о проблемах низшего звена и советует или даже приказывает разобраться с проблемой, иначе вышестоящее начальство сделает выводы о его несоответствии занимаемой должности. Если проблема системная, а не единичная, попытка расправиться с авторами жалоб свидетельствует лишь о том, что проблема не может быть решена данным руководителем. Таков латентный механизм передачи информации о проблемных участках внутри системы, хотя на поверхности он выглядит, как тупик для жалобщика. Жалобы имеют накопительный эффект, и их влияние на систему происходит с определенным лагом. Кроме того, неудовлетворенные жалобы переходят с регионального на федеральный уровень управления, в СМИ и провоцируют гражданские протесты.

На российском интернет-форуме представитель Президента отметил, что активная работа в соцсетях – это теперь прямая обязанность губернаторов: «"золотой стандарт" работы власти в соцсетях – это не просто написать человеку ответ на его обращение, ...стоит приехать и лично посмотреть, как власти реагируют на жалобы» [Губернаторы в Контакте..., 2019]. Кроме того, были проанализированы рабочие поездки глав всех субъектов РФ по своим регионам за 2019 г. и составлен их рейтинг, который опирался на применение нестандартных подходов, включающих незапланированные выезды на проблемные объекты по жалобам [Составлен рейтинг..., 2019]. Страницы губернаторов в соцсетях, по существу, стали новой формой «жалобной книги». [Губернаторы российских регионов..., 2018].

Административные жалобы работают как сигнальный механизм следующим образом: сначала единичный случай, затем некая совокупность, на основе которой готовится управленческая жалоба и обоснование проектирования новых институциональных форм, а также корректировка приоритетов вы-

деления ресурсов. На характер действия механизма жалоб обратил внимание М. Туган-Барановский, выявивший взаимосвязь между объемом и регулярностью жалоб на изменение фабричного законодательства: «Первый шаг нашего правительства в области фабричного законодательства был вызван взаимными жалобами фабрикантов и рабочих друг на друга» [Туган-Барановский, 1997, с. 210].

Сигнальный механизм в форме жалоб был выделен исследователем нерыночных экономик Я. Корнаи. Описывая экономику советского типа, он, базируясь на теории А. Хиршмана, подчеркивал свойственный ей механизм обратной связи в форме жалобы как *голоса*. В самом общем виде действие этого механизма выглядит следующим образом: сигналы передают не циклическое колебание цен в отличие от действующих в рыночной экономике, а различные «количественные» данные и предупреждающие *голоса*, поступающие от хозяйственных руководителей и населения [Корнаи, 1990, с. 80].

Еще одно свойство жалоб – *креативность*: фактически через жалобы осуществляется коллективный мозговой штурм. Несмотря на установленный регламент подачи через формальный бланк, жалоба пишется в свободной форме, и ее автор довольно часто предлагает способ решения своей проблемы. Зачастую управленцы черпают идеи именно из этих предложений. Не случайно жалобы и предложения часто идут в одном пакете (например, «Книга жалоб и предложений»). И. Дитятин обратил внимание на то, что большинство жалоб содержат предложения об исправлении сложившейся негативной ситуации. В его исследовании сделан вывод, что челобитные затрагивали все сферы, которые регулировались в значительной степени под влиянием предложений, указанных в поданных жалобах: «Только в этого рода челобитных и выражалась народная инициатива, так как они не только возбуждали вопрос о новом законе, но часто, если можно так выразиться, проектировали новый закон; причём *проект челобитной сплошь и к ряду обращался в самый закон*» (курсив мой. – О. Б.) [Дитятин, 1895, с. 281].

Институт жалоб – единственный *легальный канал артикуляции проблем при взаимодействии с властью*, связанный с возможностью перенаправления этой жалобы на следующий уровень управления вплоть до публичной прямой линии с президентом. Реальная практика функционирования института жалоб в России свидетельствует, что жалобы в авторитарных системах предоставляют возможность участвовать в ее совершенствовании. Действительно, в советский период каждый гражданин и любой хозяйствующий субъект имели право жаловаться и активно использовали это право. По оценке Ф.-К. Нерара, «жалобы писались потому, что это был единственный способ донести недовольство до руководства – от районного уровня до высших политических кругов СССР. Поэтому можно сказать, что они стали доказательством активного участия людей в стремлении улучшить функционирование советского проекта» [Мухаматулин, 2015, с. 220 (эл. ист. инф.)].

В современной России эта функция жалоб усиливается, поскольку государственный контроль общественной и экономической жизни требует ответственного функционирования сигналов обратной связи. Об этом свидетельствует создание государственных порталов, инициированных органами федеральной власти, нацеленных на сбор жалоб и предложений населения по разнообразным проблемам в регионах страны. «Количество всевозможных ресурсов в Интернете, через которые могут обратиться собственники многоквартирных домов с жалобой на работу управляющей компании, ежегодно растет» [Литвинцев, 2022, с. 111].

Институт административных жалоб – *механизм выявления уникальных сбоев* социально-экономических систем.

Приведем пример из сферы ЖКХ. Во время прямой линии к президенту обратились жители одного из регионов, показав платежку на услуги ЖКХ в 40 и 50 тыс. руб. на однокомнатные квартиры в барачном доме при среднем тарифе примерно в 5 тыс. руб. Это вызвало крайнее удивление президента. В результате последующих разбирательств выяснилось, что из этого дома большинство жителей выехало, остались несколько семей пенсионеров, на которых и разложили затраты по всему дому. Этот случай требовал вмешательства федеральной власти, поскольку на уровне региона проблема жителей не могла быть решена. Современная отрасль ЖКХ декларируется как сегмент рыночной экономики, однако многоквартирные дома имеют смешанную структуру собственности, и их жители обладают правом жалобы, которую, активно используют.

Любая жалоба включает три компонента: неудовлетворенность ситуацией, обоснование этой неудовлетворенности, просьбу и (или) предложение о разрешении этой ситуации. Вся совокупность жалоб за определенный период дает полную картину о проблемных участках хозяйства.

Административные жалобы (в отличие от судебных или бытовых) имеют сложную внутреннюю структуру и бывают четырех видов (рис. 13.2):

жалобы-сигналы – наиболее сильная форма выражения недовольства состоянием дел; с такими жалобами население обращается в вышестоящие органы управления, к депутатам, в СМИ;

жалобы-обращения – с ними обращаются непосредственно в те организации, которые отвечают за решение данной проблемы;

латентные жалобы представляют собой жалобы, высказываемые только в тех случаях, когда об этом специально спрашивают, например, в ходе опросов, и выражают проблемы, с наличием которых население вынужденно смирилось, и представляют собой тот резервуар, в котором проблемы постепенно накапливаются и превращаются в жалобы-сигналы.

локальные протесты возникают после безуспешной подачи жалоб в разного рода инстанции, однако на самой акции, как правило, вновь подается обращение к вышестоящему органу власти, что, по сути, делает их неформализованной частью института жалоб.

Рис. 13.2. Институциональный механизм принятия решений по жалобам

Экономика находится в состоянии стабильного функционирования, если основу административных жалоб составляют жалобы-обращения. Увеличение доли латентных жалоб и жалоб-сигналов означает ухудшение экономического положения.

Институт жалоб как механизм обратной связи имеет свои специфические особенности.

Первая особенность – реакция властей на жалобы происходит с существенным лагом. Поэтому кажется, что этот механизм не только не эффектив-

ный, но и просто не работающий. Однако неудовлетворенные жалобы-обращения пополняют «резервуар» латентных жалоб, который имеет пределы, а после их достижения выплескиваются как жалобы-сигналы высшему руководству страны. Значительный объем таких сигналов часто приводит к изменению политики в той или иной сфере. Пример из текущей практики – новая жилищная политика была сформирована в связи с потоком жалоб социально-служебных слоев на невозможность приобрести жилье, вообще, никогда. Именно это привело к изменению жилищной модели, дрейфующей в настоящее время от «чисто» рыночной к формам государственной поддержки через жилищные сертификаты и льготную ипотеку.

Вторая особенность – растущий поток жалоб, не всегда свидетельствует об ухудшении положения, иногда это означает, что нерешенным вопросом начали заниматься. В такой ситуации латентные жалобы переходят в активную фазу жалоб-обращений, демонстрируя надежду населения на решение накопившихся проблем, о которых ранее говорить считалось уже бесполезным. В новосибирском эксперименте по внедрению частных компаний в ЖКХ произошло именно это: новые компании были «завалены» жалобами на проблемы, накопившиеся практически за весь советский период [Бессонова, Кирдина, О’Салливан, 1996].

Третья особенность жалоб: оценка региональных властей вышестоящим уровнем по объему жалоб побуждает к блокировке любых недовольств, особенно в публичной форме, что загоняет «болезнь» внутрь социального организма. Кроме того, нереализованные жалобы-обращения с регионального уровня все равно перетекают на федеральный уровень в форме острых жалоб-сигналов. Например, опросы населения в 2010 г. показали, что почти 90% недовольны ценой и качеством услуг ЖКХ [Кульпина, Прудник, 2010, с. 166], а в 2016 г., по данным уполномоченного по правам человека, каждая четвертая жалоба на федеральном уровне связана с ЖКХ [Москалькова, 2017].

Теория Хиршмана приводит к трем принципиальным результатам относительно российской практики. Прежде всего она снимает с российской ментальности «проклятье жалобничества» [Muravyeva, 2014], доказывая, что жалобы оказываются объективным и эффективным механизмом обратной связи в условиях *верности* – служебного труда в условиях, когда трудно использовать возможность *выхода*.

Второй результат этой теории – формирование оценок современной ситуации, когда уже разрешен *выход*, но продолжают работать жалобы. Интегральный показатель по выводу капиталов за рубеж и «утечки мозгов», с одной стороны, а с другой – жалобы на разные стороны повседневного быта и условий труда в совокупности могут стать важнейшим индикатором качества государственного управления.

Третий результат состоит в том, что расширяется понятие жалобы, поскольку добавляются формы легального протеста в виде пикетов и массовых публичных выступлений. Этим вводится понятие *гражданской*

жалобы, влияющей на власти гораздо эффективнее, чем любая административная жалоба. «Механизмы жалоб снимают социальную напряженность. В любом обществе жалобы работают как предохранительный клапан. Механизмы подачи жалоб помогают устранять нарушения прав граждан и, как минимум, дают надежду на защиту. Эта функция важна везде, и особенно ценна, если все остальные каналы недоступны» [Vogdanova, 2021].

Акцент на эмоциональном происхождении жалоб и особом менталитете россиян, любящих жаловаться властям и активно злоупотребляющим этим правом, создает порочную иллюзию относительно реальной роли жалоб в развитии общества. Однако надо, наконец, признать, что институциональная система создает, постоянно рационализирует институт жалоб и побуждает, создавая определенные институциональные обстоятельства, жаловаться на те проблемы, которые должны решаться специальными органами государственного аппарата. Тем самым поддерживается важный для стабильности экономической системы информативный канал обратной связи. Если принять точку зрения о злоупотреблениях и дисфункциях института, то жалобы надо просто отменить, чтоб не мешали работать. По такому пути пошла Екатерина II, отменив право жалобы крестьян на помещиков, вскоре она столкнулась с восстанием этих крестьян под предводительством Е. Пугачева. После чего не только вернула право жалобы, но и подняла минимальную оплату труда. Другой вариант – не отменять институт жалоб, а просто их игнорировать. По мнению историков, такая политика приводила к ситуации «смуты», или выражаясь современным языком, к массовым протестам.

В этом своем качестве институт жалоб представляет собой своего рода институциональный «разум» системы, поскольку чаще всего жалобы указывают на наиболее уязвимые места текущего состояния экономики. Не случайно все встречи с Президентом России превращаются в сбор жалоб от населения, поскольку этот канал обратной связи несколько сдерживает коррупционные аппетиты местных чиновников и подконтрольных им управляющих компаний, несмотря на их якобы частный характер.

Российские власти в большинстве своем понимали, что, перекрыв этот канал обратной связи от населения, они окажутся в информационном вакууме, зная чиновничий менталитет по искажению реальности в свою пользу. И, несмотря на недовольство потоком жалоб с мест, они не отменяли институт жалоб, а работали над структурированием института в целом. В СССР, несмотря на отсутствие положения об институте жалоб в марксистской идеологии, жалобы были важнейшим сигналом обратной связи для планово-раздаточной экономики, на что обращал внимание известный венгерский экономист Я. Корнай.

Современная власть также работает над этим каналом обратной связи и расширяет его в сторону цифровизации, создавая разнообразные

платформы по приему обращений граждан, используя инициативу снизу. Сначала люди активно использовали соцсети для своих нужд, а затем стали записывать ролики, обеспечивая наглядность проблемы, публичность, коллективность и массовый охват. Жалоба уже не лежит в тиши кабинетов, а гуляет по медийному пространству. Это зачатки общества открытого доступа в России, несмотря на все попытки местных властей фильтровать информацию снизу.

Таким образом, на протяжении всего исторического развития институт жалоб в России был встроен в механизм принятия решений и существенно повлиял на формирование институциональной среды. В современной экономике нерыночный сигнал обратной связи в форме института жалоб продолжает активно использоваться. В западных странах институт гражданских жалоб дополняет регулярные выборные процессы. В России это единственный официальный канал артикуляции проблем населения.

Перспективы института жалоб в России связаны с расширением его использования через государственные порталы в регионах, поскольку в совокупности государственный сегмент экономики, бюджетный сектор и пенсионная часть общества составляют до 80% всей экономики. Частные фирмы также будут вынуждены активнее перенимать опыт по работе с жалобами клиентов, чтобы выжить в экономике, постепенно возвращающей свой преимущественно раздаточный характер в обновленных институциональных формах. В экономике контрактного раздатка институт *административных* жалоб преобразуется в институт *гражданских* жалоб, поскольку будет включать и легитимные протесты, и цифровые жалобы. А сами жалобы, из-за их негативной коннотации, поддерживаемой даже исследователями, будут переименованы, скажем, в *послания граждан властям*, как когда-то *челобитные* были официально переименованы в *жалобы*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интегрально-институциональная парадигма построена на целостном (холистическом) восприятии социальной реальности и методологии матричного подхода. На этой основе выявляются базовые модели развития, составляющие суть любой матрицы как системы с эндогенной программой по самовоспроизводству. Новая парадигма рассматривает эволюцию как развитие институциональных форм рынка и раздатка. Закономерности понимаются как наличие эволюционной программы с широкими возможностями субъектов по ее качественной реализации, а не как неотвратимая данность, регламентирующая общественный процесс и блокирующая свободу воли.

В интегрально-институциональной парадигме преодолевается антагонистическая дихотомия цивилизационных концепций «Запад – Восток», а также опровергается однозначная связь типов экономики с типами политических режимов (рынок и демократия, нерынок и авторитаризм). В итоге устраняется конфронтация идеологий либерализма и социализма, что является выходом из интеллектуальной ловушки, в которой находится общественная мысль России. Существует эволюционная программа перехода к социальному порядку открытого доступа как магистральному пути для всего человечества, независимо от доминирующей институциональной модели в предшествующем развитии – рынка или раздатка. Это развитие – циклическое, с фазами взлетов и кризисов, ускорения и стагнации. Каждая страна реализует эту программу в своих национальных формах и в своем историческом темпе. Интегрально-институциональная парадигма также снимает проблему противопоставления рыночного и демократического Запада нерыночному и авторитарному Востоку и открывает возможность перехода к социальному порядку открытого доступа для России, поскольку новая реальность состоит уже не в конфронтации рыночных и раздаточных экономик, а в их совмещении.

Главное отличие новой парадигмы состоит в том, что рынку противопоставляется не государство (план), а раздаток как однотипный рынку объективный механизм координации, в то время как государство в лице его иерархических органов управления – только субъект использования этих отношений, как рыночных, так и раздаточных. «Это великая ловушка двадцатого столетия: нам постоянно говорят, что рынок и государство противоположны друг другу. Но это ложное противопоставление. Государства создали рынки. Рынкам требуется государство. Одно не может существовать без другого» [Гребер, 2015, с. 75]. Государством разрабатывается и внедряется хозяйственный механизм, на основании которого кодифицируется институциональная матрица, координирующая деятельность хозяйствующих субъектов.

Раздаток является равнозначным способом экономической организации наряду с рынком с самого начального этапа развития человечества. Рынок и раздаток в новой парадигме рассматриваются как два универсальных и взаимно необходимых способа координации, экономическая эволюция впервые

представлена как рыночно-раздаточное развитие. Новая дилемма XXI века – это квазирынок или контрактный раздаток, причем внешне обе модели выглядят аналогично – ресурсы распределяются через госзаказ на конкурсной основе, контракты заключаются с правовыми гарантиями. Однако квазирынок опирается на экстрактивные институты и защищает монопольное присвоение общественной ренты незначительной группой лиц в личных интересах, в то время как модель контрактного раздатка опирается на инклюзивные институты, что обеспечивает включение всех социальных групп в процесс общественного развития. Таким образом, в рамках новой парадигмы сделан вывод, что в результате институциональной эволюции, в ходе которой раздаток и рынок совершенствуют свои формы, создается новая реальность, состоящая не в противопоставлении рыночных и раздаточных институтов, а в их синтезе. Интеграция рынка и раздатка приводит к формированию либо модели квазирынка, либо контрактного раздатка. Квазирынок является причиной рентоориентированной мотивации и стагнации экономики, в то время как контрактный раздаток – новая универсальная модель, приводящая к динамичному росту.

Если анализ сфокусировать на базовых институтах раздатка, то становится очевидной логика институциональной траектории России, в основе которой лежало освоение некомфортных для проживания территорий с помощью раздаточных форм хозяйства. Раздаточная матрица исторически сформировала институциональные механизмы выживания социума в природно-технологической среде, закрепленные в хозяйственных стереотипах поведения и ценностных ориентирах населения. Она накладывала существенные ограничения на действия российских правителей при выборе и реализации экономических стратегий. Базовые институты раздатка воплощались в сложно устроенный хозяйственный механизм, не раз уже выводивший Россию из кризисного положения. В этом механизме необходимую роль играли и рыночные институты, подстраховывая раздаток и временно замещая его в периоды трансформаций.

Институциональное ядро раздаточной экономики сформировалось в глубокой древности, с самого начала существования хозяйственной системы. Только проявлялось оно в примитивных, простейших формах общинного раздатка. Однако это было уже то зернышко, из которого выросло все институциональное древо современной хозяйственной жизни России. На Западе в сравнимый исторический период формировались качественно другие процессы. Главное различие заключалось в формировании отношений собственности. Если в России зародилась общественно-служебная собственность, то на Западе – частная. Общины в Европе строились на основе частной собственности общинников, а князья, осевшие в Европе, становились частными, индивидуальными собственниками земли и впоследствии превратились в феодалов.

Логика институционального развития России привела к планомерно-раздаточной экономике. Советский Союз не просто повторил российскую имперскую историю, взяв на вооружение раздаточные механизмы, а развил их и довел до максимального совершенства с точки зрения возможностей конкретной исторической эпохи. Методология оптимального планирования, логика дотационных схем, методика формирования общественных секторов и фондов потребления были позже заимствованы западной экономикой в ее кризисные периоды. Внутренняя динамика всего цикла советской экономики также была воспроизведена по однотипным историческим лекалам только в более сжатые сроки, практически с тем же уровнем насилия, который наблюдался и в предыдущих циклах. Дилемму современных дискуссий «кровавый диктатор» или «эффективный менеджер» можно в равной мере отнести и к князю Владимиру, и к Петру I, и к Сталину. Следует отметить, что переходы к каждой новой модели экономики раздатка сопровождались репрессиями во всех трех циклах: партия большевиков использовала методы принуждения прошлых эпох от Рюрика и Ивана Грозного до полицейских практик своего непосредственного предшественника – правительства Николая II.

Тем не менее насилие нельзя рассматривать как неотъемлемую часть исключительно экономики раздатка – рыночная экономика в аналогичные стадии своего развития также проходила через насильственные формы. Эти конфронтационные методы являются следствием той эпохи, в которой рынок и раздаток являлись идеологическими антиподами, а их социальные носители жестоко противостояли друг другу. В современный период важно отделить устаревшие методы внедрения базовых институтов от самой раздаточной матрицы. Использование адекватной модели экономики раздатка в определенный исторический период поднимало российское общество на новую ступень развития, на ее основе не раз преодолевалось технологическое отставание.

Идеология в России запускает механизм перехода от одного институционального цикла к другому, поскольку образ будущего в ней связан с отрицанием существующего порядка. В начале XX века идеология социализма, отрицающая частную собственность, способствовала укоренению раздаточной экономики, лежащей в основе российского государства с момента его возникновения. В конце XX века идеология российского либерализма привела к внедрению рыночных институтов в российскую экономику, но в результате сформировалась экономика квазирынка, обслуживающая рентоориентированный режим. Такая модель являлась, как на рубеже XIX–XX веков, так и в настоящее время, причиной экономической стагнации и острой социальной поляризации. Но на современном этапе существующий социально-экономический механизм выполняет вспомогательную и временную роль «скорлупы» для вызревания новой модели развития, в результате чего должен произойти переход к новому институциональному циклу на основе экономики контрактного раздатка и идеологии солидаризма.

Приложение 1

РАЗДАТОЧНАЯ ЭКОНОМИКА В МЕМУАРАХ Г. КОТОШИХИНА

Элементы хозяйственного механизма раздаточной экономики второго институционального цикла в начале его структурированной фазы можно увидеть из сочинения Григория Котошихина. «О России, в царствование Алексея Михайловича»¹

О дворах царских: Казенном, Сытленном, Кормовом, Хлебленном, Житенном, Конюшенном.

1. *Казенной двор*; а в нем Приказ, и на том дворе царская казна: из той казны берут к царю, и к царице, что понадобится, на что с царского повеления, и раздают всякого чину людям в жалованье. Да в том же Приказе скорнячников и портных мастеров с 100 человек. Денежной приход в тот Приказ с посадских торговых людей, которые в том Приказе ведомы, а будет их с 500 человек: и те деньги раздают на жалованье подьячим и ремесленным людям. Кому что дается из его царской казны как жалование, и то расписано ниже сего по статьям.

2. *Сытленной двор* именуется потому, где питье держат; куда то питье направляется, тому раздача расписана ниже: на пиво солод берут из царских житниц, с Житенного двора; хмель покупают из царской казны в рядах; и в городах и в деревнях ягоды на пива и на мед, берут с дворцовых сел с крестьян, которые живут близко Москвы; а др. фрукты собирают из царских садов на Москве и по селам.

3. *Кормовой дворец*; на том же дворе поваров мастеров и учеников, и судомоев, и водовозов, и сторожей, будет больше полутора ста человек. Там готовят всякие яства царю и царице и царевичам и царевнам, и в раздачу, про кого что приготовлено. Для сметаны и молока и сыров устроен под Москвою коровий двор, коров с 200, также и в ближних селах устроены коровьи дворы: что от тех коров будет сделано сыров и масла, то отдают на царской же расход.

4. *Хлебной двор*; в нем степенной ключник, да два путных стряпчих и подключников с 20 человек, хлебников и калачников и пирожных мастеров и сторожей с 50 человек, чин у них таков же что и у Кормового двора людей. Учinen у того ключника, для записки по приему и расходу хлебных запасов и для сыску и расправы, Приказ; раздача бывает против такого обычая по чину людям, как о том писано выше о Сытном дворе. Дается царское жалованье дворовым всяких чинов людям, и подьячим, погодно, из Приказа Большого Дворца, из судных пошлин. Всех дворцов винокуром, и сторожем, и поваром, и хлебником, и иным чином, царское жалованье дается хлебное, четвертей по

¹ Составлено по книге [О России..., 1859 (эл. ист. инф.)].

20 и по 15 человеку ржи и овса. Готовят на царском дворе хлеба и калачи, в раздачу всяким людям, без соли, не жалея соли, но для чина такого. Берут по царской потребности рожь и пшеницу с царского Житенного двора, и отдают молотъ по царским мельницам, на Москве и по селам.

5. *Житенной двор*; ведает его, принимает всякой хлеб и раздает дворянин да подъячий, будет на том дворе для хлебного приема с 300 житниц. Приход бывает того хлеба из царских дворцовых сел, и из Понизовых городов, и с полей, что сеется на царя; расход того хлеба на всякие царские потребности, в жалованье соборных и простых царских церквей попам и дьяконам и церковным причетникам, и дворовым и иных чинов людям, и стрельцам.

6. *Конюшенной двор*; кто бывает конюшим, тот первой боярин чином и чстью: приказано им смотреть, по человеку, седельную, санную, каретную, колымажную казну, принимать и раздавать овес и сено, и присматривать за лошадьми, погодно посылаются они, по переменам, по приказам в города и в села, на конские площадки; куда царь поедет в поход, они ездят перед царскими лошадьми, для охраны.

Все те вышеописанные чины люди честные, и пожалованные годовым денежным жалованьем, поместьями, и вотчинами. Стадные конюхи, которые на Москве и в городах и по селам пасут лошади; будет их около 200 человек. Ремесленные люди: каретники, шлейники, седельники, коновалы, кузнецы, сыромятники, колесники; будет их около 100 человек. Корм тем всем лошадям, овес и сено, собирают с конюшенных и дворцовых сел с крестьян, и с царских лугов, и с Подмосковных монастырских вотчин, овсом и деньгами; а чего не достанет в котором году, овес берут с Житенного двора, сено закупают в городах и по деревням на царские деньги, берут те деньги из Приказа Большой Казны. В том Приказе денежные доходы собираются только с одной слободы, с торговых людей; а будет их с 500 дворов. Да в том же Приказе ведомы Московские бани, и в городах; с них бывают откупы и собирают деньги.

О Приказах.

Общий принцип. Во всяком Приказе, с городов, посадов, волостей, сел, деревень, таможен, кабаков и со всяких откупов денежные доходы, которые города и слободы и волости и села, в котором Приказе ведомы, принимают и раздают подьячие, помесечно. И всего на Москве, кроме городских и патриарших Приказов и таможен, 42 Приказа; дьяков в тех Приказах, и по городам с воеводами, 100 человек, подъячих 1000 человек. Устроены Приказы на царском дворе: Тайных Дел, Приказ Большого Дворца, Мастерские Палаты, Аптекарской, Серебряного и Золотого Дела, Оружейный, Монастырский; остальные все Приказы устроены от царского двора поодаль, на площади за церквами.

1. *Приказ Тайных Дел*; в том Приказе ведомы гранатного дела мастера, и всякое гранатное дело и заводы; на строение того гранатного дела и на заводы деньги, на покупку и на жалованье мастеровым людям, берут из разных Приказов, откуда царь велит.

2. *Посольской Приказ*. В этом Приказе ведомы 5 городов, для приказного устройства, на всякие покупки на расход, на жалованье подьячим и сторожам, собирают деньги с тех городов, которые в том Приказе ведомы, с кабаков и с таможенных доходов, погодно; в тот же Приказ со всего Московского государства, с царских дворцовых и черных волостей, с помещичьих и вотчинных крестьян и бобылей, собираются деньги пленным на выкуп, погодно, по указу.

3. *Разрядный Приказ*. Ведомы в этом Приказе всякие воинские дела, городскими строениями, крепостями, починкою, оружием и служивыми людьми; также ведомы бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие, дворяне Московские, дьяки, жильцы, дворяне городовые, дети боярские, казаки, солдаты; и кого куда случится послать на службы, в войну и в воеводства в города и во всякие посылки, и за службы о жалованье и о чести и о прибавке денежного жалованья указ в том же Приказе.

4. *Приказ Большого Дворца*. В Приказе ведомы больше 40 городов, посадские люди, тяглом и податью с кабаков, таможен, вод, мельниц, рыбных ловель, откуп, ежегодно; дворцовые села и черные волости, и рыбные угодья, и бобровые гоны, и бортные угодья, и сенные покосы в царских угодьях, сел и с волостей дворцовые подати, хлебом и деньгами, и всякими податями, и сеном, а с рыбных и сенных угодий откуп, и с перевозов и с мостовщины¹ откуп, деньгами; да Московские слободы, восемь слобод, торговые и ремесленные люди: котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбаки, шатерники, горшечники, печники, кирпичники, с них подати берут против того, что и с иных посадских людей, они повинны работать всякие дела на царском дворе, что прилучится, безденежно. Расход тем деньгам бывает на церковные строения, как царь ходит по монастырям, по церквам, в тюрьмы, в богадельни, нищим и убогим людям на милостыню и на погребения, на дворцовые на всякие расходы, на покупки дворцовых запасов, на жалованье подьячим, трубникам и работникам. А будет трубников, литаврщиков, суренщиков, в царском доме всех человек со 100;

5. *Стрелецкий Приказ*. В этом Приказе ведомы стрелецкие приказы, Московские и городовые; собирают там стрельцам жалованье со всего Московского государства, с вотчинных крестьян, кроме царских дворцовых сел и волостей крестьян, с крестьян собирают стрелецкие хлебные запасы, по указу, и велят им те запасы на всякой год оставить Москве; как бывает им стрельцам служба, те стрелецкие запасы велят им оставить на службе, в котором городе доведется; с крестьян дальних мест за запасы и за провоз берут деньгами, по расчету.

6. *Приказ Казанского Дворца*. В этом Приказе ведомо Казанское и Астраханское царства, Понизовые города; в те города воеводы и к ним указы посылаются, о всяких делах, из того Приказа. Денежной сбор собирается с По-

¹ Мостовщина – сбор на мощение дорог и мостов.

низовых городов, которые близки к Москве, с посадских людей, крещеных и некрещеных татар, мордвы, черемисы, погодно, также с таможен, кабаков, откупов, медовых бортных угодий, ловель звериных, лисиц, куниц, горностаев, белки, звериною рухлядью и медом. Из Казани, и из Астрахани, и из иных тамошних городов, доходов не присылается никаких, потому что остаются в тех городах на жалованье ратным и служилым людям и кормовым и ясачным, на всякие расходы, на заводы судовые и соляные и рыбные. Присылается из тех городов казна, с ясачных людей, лисицы, куницы, белка, горностаи, песцы, зайцы, волки, немалое число, также и рыбу и рыбные запасы всякие, как о том писано выше сего, с рыбных царских промыслов, и соль, которую добывают для царя за Астраханью. Привезши к Москве рыбу отдают в Приказ Большого Дворца; а соль в Приказ Большого Прихода.

7. *Сибирский Приказ.* В этом Приказе ведомо Сибирское царство и города, против такого ж обычая во всем, что и Казанское и Астраханское царства. В том царстве больших и средних больше сорока городов, кроме пригородов. Денежных доходов с тамошних городов не бывает никаких, остаются на жалованье служилым людям, присылается из Сибири в царскую казну, ежегодно, соболи, мехи соболя, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белка в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, зайцы, волки, бобры, барсы. У той соболиной и всякой мягкой казны, для оценки и приему и раздачи, бывают погодно главный гость, с ним товарищи, целовальники и сторожи, торговые выборные люди, погодно; выбирают их к той казне свои братья, гости и торговые люди, с присягой и крестным целованием, что им царские казны не красть, соболей своих худых, и иные мягкие рухляди в казну не приносить и не обменивать, также кому велят в казну продавать, или за службу и за товары давать, цены лишние для своей прибыли не прибавлять и для дружбы никому худые не выдавать за добрые; а велено им цены ставить всяким зверям по прямой Московской цене. Что той казны будет продано, те деньги выдают на всякие расходы и на жалованье подьячим и сторожам.

8. *Поместный Приказ.* В этом Приказе введена вся земля Московского государства, и что кому дано поместья и вотчины, или кто у кого вотчину купит и кому вновь что дадут, указ и записные книги в том Приказе. Доход в тот Приказ поступают пошрины с продажных вотчин и с новых поместных дач, с четвертей. Эти деньги расходуются на приказные покупки и на жалованье подьячим.

9. *Приказ Большой Казны.* В этом Приказе ведомы гости, гостиная и суконная сотня, серебряного дела мастера, многих городов торговые люди; и собирают с гостей и с торговых людей из городов, которые ведомы в том Приказе, и с крестьян и бобылей, тягло, подати, откуп, и иные поборы ежегодно. Выдают те деньги на всякие расходы, где доведется. Да в том же Приказе ведомо железного дела завод, от Москвы 90 верст, под городом Тулою: и делают там железо, и пушки, и ядра льют для царя. Те пушки и ядра посылаются по всем городам, а железо, которое остается от мушкетного и всякого

царского дела, продают людям всяких чинов; а если понадобится царю еще железо, и то железо покупают у торговых людей. У промысла того железного дела бывают люди иных государств; а работники того города торговые люди и нанятые.

10. *Большой Приход*. Доходы идут в тот Приказ на Москве и с иных городов, с лавок, гостиных дворов, погребов и с меры, чем всякие товары и питье меряют, также таможенные пошлины, мыто, перевоз, мостовщина. Из той казны расходы идут на послов в Москве, также на иноземных купцов, им покупается всякий корм, хлеб и мясо, конской корм, сено, овес, дрова, и дается деньгами; кормовым иноземцам и их женам, вдовам, дочерям, переводчикам, Черкесам, Запорожским и Донским казакам также дается поденный корм, по указу; Московским послам, посланникам, гонцам, как их посылают в иные государства дается жалованье в дорогу; на суда, которые ходят по Москве реке и по Волге для хлебного, рыбного, соляного и иного товарного промысла, на товарную покупку, которую покупают, отвозят и продают в Архангельске; на жалованье подьячим и судовым работникам, которые работают на соляном царском дворе.

11. *Пушкарский Приказ*. Ведомы в том Приказе пушечные дворы, Московские и городовые, казна, пушкари, всякие пушечные запасы и сборы; в том Приказе ведомы небольшие города. Деньги берут на строения и на заводы из Приказа Большой Казны. На изготовление пушек медь привозят из Архангельска, а иные пушки подряжаются делать Голанцы, Любчя и Амбурцы. Для порохового строения учинены на Москве и в иных местах дворы и мельницы; мастера у того дела бывают иных государств и русские люди.

13. *Царицына Мастерская*. Ведомо в том Приказе царицы, царевичей, царевен платье, и мастеровые люди, против того что и в Царской Палате; в той же Палате ведают на Москве слободой Кадашево, больше 2000 дворов, слободой Брейтово, от Москвы с 150 верст, где больше 1000 дворов. С тех слобод в тот Приказ берут натурой по указу: полотна, скатерти, и иное на царской обиход, на царицу, царевичам и царевнам. Платят те люди в царскую казну деньги с торговли своей и с лавок; для приема полотен сделан в слободе на Москве двор, где принимают те полотна боярыни.

14. *Иноземный Приказ*. В том Приказе ведомы иноземцы всяких чинов служилые люди, и верстают их за службы из чину в чин, которых можно без царского указа он боярин, а иных высоких чинов без царского указа не верстают; а кормовое жалованье дают им помесечно, в Большом Приходе и в иных Приказах. В тот Приказ доходов бывает немного, только на приказные расходы.

15. *Рейтарский Приказ*. Бывает рейтаром сбор из дворян, из жильцов, и из детей боярских, малопоместных и беспоместных, из недорослей, и вольных людей; а жалованье им дается из Рейтарского Приказу. Собирают тем ратным людям на жалованье деньги, как бывает сбор со всего государства для войны.

16. *Приказ Новгородская Четверть*. В этом Приказе ведомы города: Великий Новгород, Псков, Нижний Новгород, Архангельск, Вологда, иные Поморские и пограничные города; и с тех городов с торговых людей денежных доходов, таможенных, кабацких, соляных, железных и с иных промыслов соберется в год со 100,000 рублей, кроме того что изойдет в тех городах на всякие расходы. Расход тем деньгам бывает, на жалованье боярам и ближним людям, и иным чином по их окладам, также в иные раздачи куда случится.

17. *Приказ Устюжская Четверть*. В этом Приказе ведом город Устюг Великий, со всякими податями с посадских людей, с волостных и уездных крестьян, с кабаков, и с таможен, и со всяких откупов. Раздают те в расход на жалованье боярам и иным чином, которые посылаются на всякие службы, по окладам их, и начальным людям рейтарским и солдатским.

18. *Приказ Костромская Четверть*. В том Приказе ведомы города Ростов, Ярославль, Кострома и иные; доходу с тех городов, с посадских людей, таможенных, кабацких, и иных будет с 30,000 рублей; расход бывает против того что и в Новгородской Четверти, на всякие расходы.

19. *Галицкая Четверть*, в нем сидит боярин и два дьяка. Ведом в ней город Галич с уездом, во всяких доходах; бывает приходу на год близко 12,000 рублей, расход бывает против того, что в Костромской и в Новгородской Четверти.

20. *Приказ Новая Четверть*. В том Приказе ведомы Московской и многих городов, волостей и сел кружечные дворы, на вере и на откуп; тех кабацких доходов бывает в год больше 100,000 рублей, кроме того что в иных Приказах ведомы кабацкие доходы, раздают деньги во всякие расходы, что и из иных Приказов, куда случится.

21. *Оружейный Приказ*. В том Приказе ведом двор, где делают ружье, и казенная оружейная палата, ствольного, ложного, замочного и иного дела мастера. Берут к тому делу мастеров, на Москве, из городов, из монастырей кузнецов, и всяких того дела промышленных людей, погодно, по переменам, дают им за работу поденной корм из царской казны; уголь на то дело, и на Денежной и на Кормовой дворы, берут в Московском уезде с монастырских и вотчинных крестьян, по указу; на завод того дела, на всякой расход, и на жалованье мастеровым людям, деньги берут из Новой Четверти; да ружье, карабины, пистоли, мушкеты, и банделеры¹, на царской обиход покупают в иных государствах, где придется.

22. *Приказ Золотого и Серебряного Дела*. Берут в этот Приказ на Москве и из городов добрых мастеров, в вечную службу, и дают погодное жалованье; делают они для царского обихода суда и церковные утвари; на завод того дела серебро и золото берут из Приказа Большой Казны и Казенного двора.

¹ Банделер или перевязь, кожаный ремень для ношения через плечо шпаги, сабли или ружья. См. https://ve.academic.ru/1277/Банделер_

23. *Аптекарской Приказ.* В том Приказе ведомы аптека, доктора, лекари, иных государств люди для учения русских людей 20 человек; будет тех докторов и лекарей 30 человек, жалованье идет им годовое и месячное, погодно, по сговору.

24. *Монастырский Приказ.* В том Приказе ведомы Московского государства всякий духовный чин, митрополиты, архиепископы, епископы, монастыри, попы, во всяких делах, с властелинских¹ и с монастырских крестьян подати к царю; соберется тех податей в год больше 20,000 рублей; расход тем деньгам бывает, куда понадобится и куда царь скажет.

25. *Хлебный Приказ.* В этом Приказе ведают города, волости, села, кабаки, таможни, с доходами и податями; собираются с тех городов, волостей и сел с торговых людей, крестьян, кабаков, таможен, 20000 рублей, кроме запасных доходов; в тех же городах устроены пашни для царя, а для досмотра хлеба уставлены приказчики из дворян; что того хлеба в году ни уродится, отдают на Житенный двор в Москве.

26. *Ямской Приказ.* Ведомы в этом Приказе Московского государства ямщики, дается им царское жалованье по 20 рублей человеку на год, лошадей держат они для гоньбы по 3 лошади у всякого человека, указное, у иных по 6, кто за сколько служит; им же дается из царской казны за всякую езду прогоны, на 10 верст по 3 деньги, кто с чем ни едет и что ни везет, своего или царского; ездят они под гонцами, под всякими людьми, под извозом, по царским подорожным грамотам. Собираются ямщикам на жалованье деньги со всего Московского государства с крестьян, что и стрельцам, по указу, по чему на кого положено, соберется тех денег на год 50,000 рублей; в городах, Великом Новгороде, Пскове, Смоленске, Казани, Астрахани и в иных больших городах, ямщикам деньги собирают с тамошних уездных крестьян, и дают жалованье тоже что и Московским. Устроены ямские слободы дворов от 30 и до 100, слобода от слободы до 100 верст и больше.

27. *Каменной Приказ.* В этом Приказе ведомы Московского государства каменное дело и мастера; для какого царского строения понадобятся те мастера, их собирают изо всех городов, и дают им деньги из царской казны на поденной корм. На Москве ведомы в том Приказе известные и кирпичные дворы и заводы; где белый камень родится, и делают известь, те города податью и доходами ведомы в этом Приказе. Соберется тех доходов 5000 рублей в год; камень белый, тесанный и неочищенный, привозят к Москве из тех городов уездные крестьяне, на кого сколько в году положено поставить вместо иного оброку.

28. *Челобитный Приказ.* В нем сидит окольный и два дьяка. Ведомы в нем челобитные, которые люди подают царю в походах и на праздники, тех челобитных царь слушает сам и бояре, по которой челобитной доведется быть указу, или отказу, на тех челобитных подписывают думные дьяки; выслушав

¹ Властелинских – т.е. митрополита или епископа.

царь тех челобитных, отсылает в этот Приказ. Из Приказа посылают эти челобитные с подьячими, велят им прочесть их на площади перед царским двором всем людям, отдавать именно тем людям, чья челобитная будет. Иные люди берут свои челобитные в Приказе, и кто о чем бил челом, смотря по подписи, ходят в те Приказы, куда подписано будет и где дело его. В том же Приказе ведомы судом приказные люди, дьяки и подьячие, сторожи, и ходоки; и доходы денежные с судных дел, небольшие.

30. *Земский Приказ*. В нем ведомы Московские посадские люди, и небольшие города. В нем ведомы на Москве и в городах дворовые места, белые и черные, слободы, продажею и мерою, также улицы мостят и чистят, собирают мостовщину со всякого чину жилецких людей¹; как царю бывает выход или поход, для чищения улиц устроены земские метельщики, человек 50. Доходов в тот Приказ с Московских торговых людей, городов, и мест 15000 рублей в год; расход бывает во всякие статьи.

36. *Счетный Приказ*. В нем сидят два дьяка, ведают и делают дела всего Московского государства, приход и расход, остаток по книгам, за многие годы. Приход в него бывает из остаточных денег, которые с кого не взяты в царскую казну, также в котором году за расходом осталось в остатке; собирая такие деньги, на Москве и из городов, в расходы ни в какие не даются, без царского указа.

¹ Жилецкие люди – термин, использовавшийся в Русском государстве в противоположность «служилым людям». Первые жили в городах и других населенных пунктах, занимаясь торговлей, ремеслами, земледелием и уплачивая прямые налоги (прямую подать); вторые находились («жили») на «государевой службе» и были свободны от уплаты прямой подати, так как лично отбывали службу государству. См. https://ru.wikipedia.org/wiki/Жилецкие_люди

Приложение 2

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В РАЗДАТКЕ ПО С. БАРСУКОВОЙ¹

Идеи «раздатка» представляются крайне важными для понимания сущности теневой экономики, ее функциональной специфики на разных фазах раздаточного цикла. Теневая экономика не просто сопровождает экономический порядок, координируемый институтами раздатка, но варьирует свой масштаб, формы проявления и выполняемые функции в зависимости от того, на какой фазе находится раздаток.

Раздаточная экономика: суть идеи

Главная идея состоит в том, что в России еще в IX–X вв. сложился институциональный порядок особого типа, так называемый *раздаток*. Этот порядок лежит в основе институциональной матрицы России. Его суть составляют отношения власти и хозяйствующих субъектов, при которых служение центру является главной формой доступа к ресурсам. Наверх, к центру направлены потоки «сдач» результатов экономической деятельности, и каждый этаж иерархии знает свою норму и форму участия в этом процессе. Вниз спускаются «раздачи» в виде дифференцированного права использовать совокупный результат общенародных сдач. Ресурсный дефицит тем сильнее, чем ниже положение служивых.

Раздаток принципиально иерархичен, и суть правовых норм состоит в установлении правил отношений с центром: размеры и формы сдач-раздач определяют прописанные процедуры. Блага, как и нормы обращения с ними, раздаются «по чину», т.е. за службу, которая в отличие от работы, нацеленной на заработок, всегда имеет идейное содержание как деятельность во имя некоей общезначимой цели. Сдачи-раздачи выступают аналогом купли-продажи как предельные выражения сущности двух базовых институциональных систем.

Рынок и раздаток как альтернативные механизмы координации экономической деятельности (в терминологии автора «локальные цивилизационные матрицы») имеют встроенные механизмы саморегулирования. Рынок балансируют цены, которые периодически не справляются с этой задачей, о чем свидетельствуют кризисы перепроизводства. В экономике раздатка функцию обратной связи берут на себя жалобы, сигнализирующие власти о накопившихся сбоях в пирамидальных потоках сдач-раздач, о неадекватности системы потребностям населения. Реагирование на жалобы позволяет, по сути, налаживать раздаточную систему.

Однако репертуар властного реагирования на жалобы может быть недостаточным для снятия проблем, накопившихся в системе. Конкретно-

¹ Статья была опубликована в журнале «Вопросы экономики». – 2012. – № 12. – С. 133–145.

историческая форма институтов сдач и раздач рано или поздно приходит в противоречие с материально-техническими условиями страны и потребностями населения. И тогда неизбежны реформы, бескровные или чудовищно кровавые, в ходе которых конфигурируются новые каналы сдач-раздач, переопределяются их формы и объемы. Система обновляется, что аналогично очищающей силе кризиса в системе рынка. Переживший кризис раздаток существенно меняет свою институциональную форму, но сохраняет содержание базовых принципов – общественно-служебный труд в обмен на долю в ходе раздач, тотальное участие населения в сдачах, жалобы как канал обратной связи и индикатор сбалансированности системы.

Российская история представляет собой последовательное прохождение трех циклов: общинный, поместный и административный раздатки. Каждый цикл включает четыре фазы: перинатальную, структурированную, фазу институционального исчерпания и фазу институциональных трансформаций. Последняя фаза цикла становится фактически переходным периодом к новой конкретно-исторической форме раздатка.

Переходный период, или Фаза институциональных трансформаций

В переходный период разрушаются привычные формы раздатка, их смысляет волна рынка. (Разумеется, и рынок, и раздаток существуют в разных циклах в специфических, конкретно-исторических формах.) В этот период уход в тень всех сфер жизни достигает пиковых отметок. На бытовом языке это означает, что «жизнь идет вразнос». Вишневые сады рубят в прямом и переносном смысле, а «новые русские» разных эпох на соответствующем времени диалекте каждый раз изумляются: «Думал ли я, что все это будет моим?»¹.

Раздаточные институты к этому моменту уже не соответствуют условиям среды и потребностям людей и становятся функционально беспомощными, что приводит к массовым заимствованиям рыночных институтов, которым присваивается статус панацеи. Если в фазе институционального кризиса власть пребывает в уверенности, что отступление в зону рынка может быть контролируемым и дозируемым, то в переходный период эта уверенность оказывается очевидной иллюзией. Разреженная институциональная среда с огромной скоростью заполняется рыночными нормами и правилами, преимущественно неформальными, поскольку любой формальный институт держится на принуждении со стороны государства. Если государство теряет эту способность, что свойственно любому переходному периоду, то координация взаимодействия рыночных контрагентов переходит на неформальный уровень. Это приводит к резкому сужению «радиусов доверия» и попыткам

¹ Вот как изумлялся и восторгался чеховский Лопухин: «Вишневый сад теперь мой! Мой! Боже мой, господи, вишневый сад мой!».

или расширить их с помощью бандитов как гарантов сделки, или строить бизнес на репутационных рисках в рамках сетей («честное купеческое слово», «пацан сказал – пацан сделал» как формулы чести разных эпох).

Прежний корпус формальных институтов, воплощающих идею раздатка, спешно списывается в архив, и в сжатые сроки рождаются законы, ориентированные на рынок. Темп преобразований очень важен для реформаторов, уверяющих, что «по минному полю лучше бежать, чем ползти». Но каким бы поспешным ни было нормотворчество, оно решительно не поспевает за скоростью многообразных и масштабных рыночных новаций, порождаемых творчеством масс. Теневые схемы становятся главным показателем наличия законодательных «дыр», и их «штопка» составляет основной вектор законотворческой деятельности в переходный период. Новые законы создаются в режиме реакции на теневое использование ранее существовавших.

Формально предписанный алгоритм хозяйствования и предлагаемые государством способы разрешения хозяйственных коллизий разбиваются на два слабо связанных между собой архипелага норм: архаичные, тяготеющие к раздаточным принципам, и новаторские, рыночно ориентированные. В России 1990-х годов советские законы причудливо сочетались с рыночными институтами. В сосуществовании двух правовых регистров разной природы открыты возможности и стимулы ухода экономики переходного периода в тень. Например, вплоть до 2002 г. рынок шел рука об руку с советским Кодексом законов о труде (КЗоТ). И хотя обязательность трудовых сдач была аннулирована (отмена статьи за тунеядство, поддержка безработных), сохраняющаяся архаичность трудового права означала асимметрию взаимной ответственности работника и работодателя. Принятие нового Трудового кодекса не исправило ситуацию. Лавируя между альтернативными законопроектами, складывая их фрагменты, законодатели так запутались, что приняли «рыночный» документ, подчинение которому стало для работодателей более расточительно, чем советскому КЗоТу¹. В результате работодатели постарались минимизировать ответственность перед работниками, скрывая отношения найма, переходя на неформальный наем, на «зарплаты в конвертах».

Сосуществование двух правовых регистров, воплощающих наследство раздатка и проект рынка, принципиально важно. В целом раздаточная экономика провоцирует индивида минимизировать поток сдач и максимизировать получаемые в ходе раздач блага. Но институт жалоб стоит на страже таких перекосов. Контроль за балансом сдач-раздач строится на законодательстве, воплощающем идею раздатка, а его легитимность восходит к национальной идее, приспособленной к особенностям эпохи, но всегда подчеркивающей идею служения общему благу («за царя и отечество», «к победе коммунизма»). Когда на смену внутренне согласованным законам, адекватным единому хозяйственному

¹ Кудюкин П., Малева Т., Мисихина С., Сурков С. Сколько стоит Трудовой кодекс? – М.: Московский центр Карнеги, 2001.

принципу, приходит взвесь альтернативных хозяйственных логик и легитимирующих их лозунгов, игра на «ножницах» между сдачами-раздачами становится безрисковой, весьма прибыльной и едва ли осуждаемой.

Практически вся экономика становится теневой, поскольку строится на разнообразных схемах вывода в рыночное пространство благ и услуг, которые остались в застопорившихся потоках сдач-раздач. В этом состоит ключевой момент роста теневой экономики в переходный период: *уже* можно быть предпринимателем, т.е. действовать в рыночной логике и не участвовать в сдачах, но *еще* работают каналы раздач, дозирующих доступ к материальным, трудовым и финансовым ресурсам общества. Частная собственность существует с общественно-служебной и пытается извлечь из этого максимальную выгоду. Население изобретает способы участия в раздачах, будучи не обремененным обязательствами сдач. Бизнес следует той же логике.

Предвижу вопрос: что значит уход от сдач? Разве обязанность платить налоги в рыночной экономике не есть вариант сдач? Это момент принципиальный. Налоги не являются сдачами, поскольку их платят с результатов деятельности, а величина сдач зависит от объема «розданных» ресурсов (материальных, трудовых, финансовых). Другими словами, *налоги исчисляются, а сдачи назначаются*. Налоги можно не платить, если деятельность не ведется, а избежать сдач можно, лишь отказавшись от раздачи. В рыночной экономике налоги платятся исходя из деятельности, а в раздаточной экономике деятельность ведется ради уплаты назначенных сдач. Игра вокруг «оптимизации налогообложения» или имитация бесприбыльной деятельности естественна для рыночного агента и ограничивается лишь принудительными действиями государства, изобличающего фальшь в этой игре. Поскольку в переходный период государство не способно к таким действиям, то уход от налогов становится визитной карточкой теневой экономики переходного периода.

Механизмами институционального обновления в переходные периоды являются приватизация и различные формы деколлективизации. Историческая форма этих процессов, разумеется, различается. Второй цикл, исчерпав силы раздатка, завершился отменой крепостного права и разрешением крестьянам выкупать земли, а также передачей помещичьих землевладений в наследуемую частную собственность. Третий цикл завершился приватизацией с использованием ваучеров, формально уравнивающих доступ всех граждан к владению бывшей общенародной собственностью. Но «ваучерная» по форме приватизация была «номенклатурной» по содержанию. Номенклатурная приватизация есть не что иное, как перевод общественной собственности, полученной в ходе раздач, в режим частной собственности с соответствующим освобождением от сдач. Руководители предприятий («красные директора») и чиновники изменили свой статус с условных владельцев на частных собственников. Конечно, все происходило в строгом соответствии с законом, но формальная приватизация была лишь способом легализовать результат теневого передела собственности. Так, выкуп предприятия проходил как легаль-

ная процедура, однако цена сделки, как правило, значительно уменьшалась вследствие предварительного вывода активов предприятия на балансы различных фирм, аффилированных с руководством предприятия.

Тот факт, что начальная цена торгов или величина уставного капитала приватизируемого предприятия определялась по остаточной балансовой стоимости, а мотивация приобретения восходила исключительно к предполагаемой доходности объекта, красноречиво свидетельствует о наложении двух логик – рыночной и раздаточной. Участники рынка ориентировались на прибыль как рыночную категорию, но приобретали по цене, не имеющей рыночного смысла, являющейся исключительно расчетной величиной раздачи, от которой в прежней системе начислялись плановые задания, т.е. обязательства сдач. Можно возразить, что балансовая стоимость была лишь начальной точкой торгов, что и говорили реформаторы. Но напомним, что закон позволял приватизировать предприятия путем передачи контрольного пакета акций трудовому коллективу по остаточной балансовой стоимости, т.е. без рыночной коррекции цены (так называемый «второй вариант»). А дальше делом техники была концентрация акций в руках руководства: предприятие уводили в тень, в результате чего официальные дивиденды стремились к нулю, что весьма эффективно стимулировало миноритариев расставаться с акциями. Теневизация бизнеса являлась не просто способом обогащения через неуплату налогов, но служила стратегической цели концентрации собственности.

В этот период растет коррупция представителей власти. Дело не в их индивидуальной алчности – это системная характеристика раздатка, вступающего в фазу рынка. Принципом раздаточной экономики являются «дачи по чину» (недаром слово «мужчина» в русском языке состоит из «мужа» и «чина»). Коррупция стала рыночным воплощением раздаточной логики. Приватизация прежде «розданного» формально освобождала от последующих сдач, но де-факто сдачи сохранились, только адресатом стали не абстрактные «закрома Родины», а вполне конкретные чиновники, от чьих решений зависели доступ к приватизации и возможности бизнеса. Теперь чиновники раздавали, а им сдавали. Взятка – это сдача в переходном периоде, проекция раздаточной логики на рыночную плоскость. В отличие от налогов взятки зависят не от результатов деятельности, а от объема получаемых благ, важности решаемого вопроса, иными словами, являются своеобразными податями (т.е. «по-дати») раздаточной экономики, вступившей в рыночную фазу. Взятки – форма оплаты услуг властных структур, партнерство с которыми является доминирующей формой успешного бизнеса в раздаточной экономике. «Коррупция в высших органах власти является производной от раздачи государственной собственности за цену, не соответствующую реальной ее стоимости, путем “назначения” собственников. Фактически был введен механизм общего совладения бывшей государственной собственностью чиновников и предпринимателей. Отсюда непрерывный поток денег от олигархов

к управленцам высшего уровня, воспринимаемый обществом как “взятки” и “откаты”, а на самом деле, представляющий собой передачу дивидендов от совместного владения бывшей государственной собственностью»¹.

В разрастании теневой экономики немалую роль сыграл идеологический отказ от идеи служебного труда в пользу индивидуализма. Раздаточная экономика придает труду статус служения общему благу, некоей идее. Все варианты национальной идеи в России так или иначе подчеркивали надындивидуальную цель трудовой деятельности (слава отечества, счастье будущих поколений и т.д.). Приватизация собственности сопровождалась приватизацией мироощущения, что снимало нравственные ограничения на занятие теневой деятельностью.

Таким образом, переходный период является единственной фазой раздаточного цикла, когда рыночный обмен и частная собственность становятся не компенсаторными, а базовыми институтами экономики. Но их функционирование в этот период характеризуется высокой долей теневого сектора в силу ряда причин: слабость государства, противоречивость законодательства, отсутствие морально-этических ограничений. Но самое главное – теневая экономика переходного периода есть порождение симбиотического сращивания доминирующих рыночных институтов и сохранившихся раздаточных логик, при котором раздаются собственность и возможность заниматься бизнесом, а собираются взятки и доленое участие «чина» в рыночных проектах. Теневая экономика в этих условиях является «тенью раздатка».

Возрождение раздатка, или Перинатальная фаза цикла

Постепенно раздаточная логика возвращает свои позиции. В разные исторические эпохи это происходило посредством либо плавно вводимых ограничений, либо резких революционных запретов на рыночный обмен и частную собственность. Суть этой фазы состоит в восстановлении институтов сдач-раздач, возвращении регулятивной роли жалоб и общественно-служебного характера труда. В российской истории рыночные рывки, следуя логике «догнать и перегнать», успешны были лишь в первой части. «Догоняли» методом заимствований у рыночного Запада, что было нетрудно на фоне кризиса раздатка. А вот с «перегнать» случались регулярные проблемы, потому что обогнать посредством заимствований невозможно, необходимо собственное институциональное творчество. И это «творчество» каждый раз возвращало страну на орбиту раздатка.

Национализация и коллективизация выступают механизмами реализации этого процесса. Государство «забирает» частную собственность, делая ее источником общественных раздач. Если большевики после Октябрьской революции сделали это открыто и быстро, то русские цари придерживались так-

¹ Бессонова О. Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. 2012. – № 8. – С. 138.

тики ползучей национализации. Современная Россия в этом смысле, безусловно, практикует методы царизма.

Возрождение раздатка происходит при активной поддержке населения, ратующего за «наведение порядка». Легитимация смены экономической политики сводится к разочарованию в рынке. Дескать, рынок не оправдал надежд. Но дело обстоит с точностью до наоборот. Рынок полностью оправдывает надежды, возложенные на него логикой раздаточной экономики, расчищая поле для новой формы раздатка. Раздаток питает единственную надежду по отношению к рынку – надежду на институциональное обновление.

Но рыночные агенты не понимают тупиковость своего сопротивления. Они продолжают следовать рыночной логике, видя в государстве лишь арбитра споров, возникающих в горизонтальных сетях. А конфигурация экономики де-факто становится все более вертикально-иерархичной, что приводит к трагическим последствиям для многих ударников рыночного труда. Рыночные формы деятельности могут сохраняться, но их содержание постепенно трансформируется в пользу раздаточных принципов координации.

На этой фазе институты раздатка начинают реанимироваться, но не как возрождение прежних исторических форм, а в виде новых правил, преимущественно неформальных, что не означает необязательности их исполнения. Возникает зазор между де-юре и де-факто: по «букве закона» – можно, а «по духу времени» – лучше воздержаться. Не следует делать что-то из формально разрешенного, и, наоборот, обязательной для исполнения становится практика, не предписанная формально. Например, пожертвования в различные фонды, учрежденные властью, становятся обязательными для бизнеса, хотя формально остаются добровольными. Фактически это варианты сдачи в распоряжение общества части созданного продукта. Размер благотворительных взносов не произвольный, хотя и неформальный, а определяемый исходя из размера собственности. Такую ситуацию часто называют двойным налогообложением, что подчеркивает обязательность подобных плат, но микширует принципиально разную сущность этих потоков. Нет двойных налогов, есть налоги и сдачи. Экономические агенты платят налоги с результатов деятельности как субъекты рынка, а также вносят благотворительные сдачи с размера владения как субъекты нарождающегося раздатка.

Теневая экономика в этот период носит характер рынка, защищающегося от раздатка. Защита идет через утаивание. Ответом на национализацию и коллективизацию как универсальные механизмы перинатальной фазы раздаточного цикла становится попытка скрыть активы. Антураж, конечно, зависит от эпохи. Кулаки закапывали мешки с зерном, современные предприниматели уводят деньги в офшоры. Двойная бухгалтерия и взятки призваны не столько сократить налогооблагаемую базу, сколько снизить привлекательность объекта для национализации. Там же, где обобществление неизбежно, теневая экономика обслуживает торг вокруг условий национализации, т.е. через коррупционные

схемы пытается сократить размер назначаемых сдач. Именно сдачи, а не форма собственности, свидетельствуют о процессе национализации, о победе раздатка. Форма собственности является величиной переменной, варьируемой в разных циклах. Община, поместье, социалистическое предприятие очевидно, различались формой собственности, но равно были элементами раздаточных экономик с характерным доминированием института сдач-раздач.

Если раздаток внедряется слишком форсированно и рыночные формы упраздняются до исчерпания их функциональной полезности, то они сохраняются в теневом формате. Пример тому – теневая торговля мешочников на заре советской власти. Компенсаторная роль рынка загоняется в теневой формат при попытке построить наиболее «чистую» модель раздатка.

Таким образом, у теневой экономики в перинатальной фазе раздатка есть два основания – функциональная недостроенность раздаточного механизма ввиду его «новорожденности» и попытка защититься от национализации через сокрытие активов и коррупционный торг вокруг размера сдач.

Расцвет раздатка, или Структурированная фаза цикла

Эта фаза – предмет гордости борцов с теневой экономикой. Раздаток как способ координации вступает в силу и в наименьшей степени нуждается в рыночной компенсации. Рынку оставляют зоны, где реализация раздаточной логики по какой-то причине затруднительна: велики издержки контроля, незначительны масштабы деятельности. Например, охотники или старатели в советской тайге имели право бить зверя или мыть золото как частные предприниматели. Наладить контроль в тайге было довольно затруднительно. Разумеется, шкурки и золото нужно было сдавать государству по утвержденным ценам, торг был неуместен. Понятно, что свободного ценообразования в этих практиках не было и в помине, но не было и плановых заданий, а также отпускаемых на их выполнение ресурсов. Такую практику можно было считать предпринимательством, но с массой оговорок.

В российской истории все три цикла раздатка в своей высшей точке дозировали, видоизменяли рыночные формы. Например, при Петре I образцы мануфактуры сдавали в особую государственную контору для контроля надлежащего качества, и у бракоделов «бизнес» забирали. Заметим: заводчики не сами разорвались посредством конкуренции, а государство решало, кто достоин быть предпринимателем. Этот пример показывает, как выхолащивается рынок в результате сосуществования с доминирующим раздатком.

Но рынок (как, впрочем, и раздаток) – это целостная логика, комплексный способ координации экономической деятельности, он не может существовать в усеченной форме. Если формальный порядок предполагает такое усечение, то восполнение этой потери неизбежно происходит в теневом формате.

Теневая экономика структурированной фазы раздатка – это рынок, нарушающий границы дозволенного. Так, советские старатели и охотники только часть добытого меха и золота сдавали государству по фиксированным

ценам, а остальное реализовывали на «черном» рынке, где цены были существенно выше. Зубные техники, имеющие право частной практики, трансформировали теневое золото в теневое протезирование. Теневые скорняки шили из неучтенного меха шапки, продаваемые на черном рынке по вполне рыночным ценам. Многочисленность подобных практик нельзя списывать на упущение контролирующих органов или на вынужденное отступление перед лицом дефицита. Теневая экономика являлась формой восстановления целостной логики рынка в условиях, когда легальные формы его существования носили печать раздаточных коррективов.

Рынок в структурированной фазе раздатка подобен волку, загнанному на обнесенную красными флажками территорию. Он существует в строго отведенной зоне и под присмотром, порой под прицелом. Если пользоваться этой метафорой, то теневая экономика – это волк, перескакивающий через флажки.

Но таких «волков» в данной фазе цикла мало. Дело в том, что в этот период раздаточная система довольно успешно справляется с задачей координации экономической деятельности. Рынок с его компенсаторной ролью мало востребован. Соответственно не очень масштабна и его теневая составляющая. Теневая экономика блокируется эффективностью раздатка, соответствием его институциональных форм материально-техническим, демографическим, культурным и другим условиям среды. Важную роль играет и идеология. Масштабность дерзаний («окно в Европу», «здесь будет город-сад») отвлекает от мыслей об индивидуальном обогащении посредством теневого предпринимательства.

Упадок раздатка, или Фаза институционального исчерпания

Но постепенно институциональный дизайн раздатка перестает соответствовать особенностям среды и потребностям людей. Формальные институты, какими бы прогрессивными они ни были в момент установления, рано или поздно становятся тормозом для развития. Выход из кризиса для раздатка всегда связан с рынком. Все три цикла раздаточной экономики заканчиваются активным заимствованием опыта западных стран как образцов рынка.

Конечно, система пытается ограничиться умеренной трансформацией, дозированной внедрением рыночного опыта. Ограниченность и рискованность этих нововведений подчеркивают их статус «эксперимента». Например, на излете советской власти как эксперимент был внедрен хозрасчет, наделяющий предприятия некоторой степенью хозяйственной свободы. Но «немного свободные» предприятия не привели страну к экономическому чуду. Перешли к более решительным действиям – разрешили создавать кооперативы, узаконили частную собственность. В плотине раздатка для снятия напряжения пробили одну брешь за другой, пока плотину не смыло рыночным потоком.

По мере нарастания кризисных явлений раздаток все более нуждается в рынке. Но признать легальные права рынка означает отказаться от прежней модели развития, приблизить конец системы. Повторимся, конец – это только

начало, старт нового цикла раздаточной экономики. Отсюда сопротивление правящей элиты, попытки реанимировать раздаток с помощью либо репрессий (меры Ю. Андропова), либо послаблений («социализм с человеческим лицом» М. Горбачева). Тот рынок, который объективно необходим, но который не впускают через парадные двери, приходит через черный ход. В кризисном раздатке теневая экономика выполняет роль рыночного компенсатора, необходимого и отрицаемого одновременно.

Что дает теневая экономика умирающему раздатку? Довольно многое. Обратимся к недавней истории планового хозяйства как третьего цикла раздаточной экономики. Теневая экономика гасила товарный дефицит, и это было великое благо для системы. Дефицит в СССР был темой анекдотов, но власти прекрасно понимали, какое отчаяние скрывает подобный юмор: товарный дефицит изматывал людей и мог подтолкнуть к протестным действиям. Теневики смягчали дефицит, производя вне плана, в подпольном режиме дефицитные товары и услуги. Этим занимались так называемые цеховики. Помимо них активными субъектами теневой экономики были спекулянты, которые не производили товар, но создавали возможности его рыночной реализации, т.е. банально скупали в одном месте по государственной цене и продавали в другом по рыночной, превращая ценники, определяемые логикой раздатка, в полновесные цены как баланс спроса и предложения.

Конечно, товары на теневом рынке стоили недешево. И в этих высоких ценах заключалось важнейшее благо для раздатка. Теневиков, особенно спекулянтов, не любили по чисто житейской привычке завидовать богатым. А значит, обличительные речи в их адрес вызывали живой отклик в массах, что выглядело как лояльность идеологии. Кроме того, высокие цены снижали инфляционный потенциал советской экономики. Наконец, цеховики и спекулянты втягивали в свои ряды активных и рыночно мыслящих людей, переводя потенциал протеста в энергию действия. Ввиду этих обстоятельств цеховиков и спекулянтов порицали, но на деле борьба с ними шла фрагментарно и довольно вяло. Были нашумевшие «расстрельные» дела, но, скорее, как показательная черта, за которую теневой экономике не следовало заступать.

Однако значительная часть теневого оборота не была связана с индивидуальным обогащением предприимчивых людей. Предприятия практиковали теневые схемы как способ выполнения плана. Например, покупали, продавали и обменивали сырье и оборудование на черном рынке; делали подношения чиновникам для корректировки плана сдачи; закрывали глаза на теневые практики работников (от воровства продукции до использования рабочего времени в личных целях), чтобы удержать их на предприятии. Так теневой рынок подставлял «плечо» раздатку.

Показательна жилищная практика на излете социализма. Квартиры были объектами раздач, т.е., будучи государственными или ведомственными, раздавались сообразно «чину». Не имея возможности приватизировать

жилье, население освоило обмены с доплатами, когда при обмене на большую квартиру или квартиру в лучшем районе нужно было доплатить некоторую сумму. Размер доплаты являлся предметом торга и соответствовал опыту предыдущих аналогичных сделок, т.е. имел рыночную природу. Доплаты нигде формально не фиксировались, выступая теневой стороной сделки. Такие обмены приводили жилищные условия в соответствие с платежеспособностью семьи. Функциональная полезность доплат была очевидной, поэтому власти не чинили препятствий, закрывая глаза на рыночную коррективу раздаточной жилищной политики.

Теневая экономика на излете раздатка была идейным врагом, оказывающим бесценную помощь. Она придавала гибкость системе, пережившей свое время и нуждающейся в обновлении.

Удивления по поводу того, как быстро и масштабно расцвела «тень» в переходный период рыночного торжества, мы не разделяем. Именно на стадии разложения раздатка сформировался «административный рынок» как нелегальный механизм сращивания интересов чиновников и руководителей предприятий¹. Административный рынок, придающий раздатку гибкость, трансформировался в теневое партнерство чиновников и предпринимателей – главную характеристику переходной экономики.

Расставаться с иллюзиями всегда больно. Комфортнее жить с искренней верой в победу рынка и ругать власть за отклонение от этого курса. Бессонова уверяет, что мы стоим на пороге четвертого раздаточного цикла, образ которого нам пока неведом, потому что каждый цикл был отрицанием формальных правил предыдущего. Но в этом неведомом будущем сохранятся сдачи-раздачи как альтернативный рынку способ координации экономической деятельности, а также общественно-служебная собственность, легитимизируемая национальной идеей служения общему благу.

Всякая крупная теория дает простор для анализа частных вопросов. Благодаря этой теории появляется возможность увидеть *циклический характер теневой экономики*, которая не просто растет или сокращается, но меняет природу и функции в соответствии с фазами раздаточного цикла. Теневая экономика, имеющая рыночную природу, живет в противофазе с раздатком. В переходные периоды, когда один раздаточный порядок завершился, а другой еще не определился, теневая экономика достигает своего максимума, конвертируя остатки раздатка в рыночные возможности. Подъем раздатка означает спад «тени» с характерной интенцией спасти от национализации рыночные активы. Стабильное функционирование раздатка обрушивает теневую экономику, равно как и рынок в целом, поскольку эффективность раздаточного способа координации экономической деятельности достигает своего максимума, наиболее полного соответствия с условиями среды и потребностями

¹ Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. – М.: ОГИ, 2006.

людей. Но кризис системы вновь делает необходимой помощь рынка, который приходит преимущественно в теневом обличье, ибо раздаток и рынок – конкурирующие способы координации экономической деятельности, и даже умирающий раздаток сопротивляется рынку.

В новый переходный период появляется надежда победить теневую экономику, легализовав «тень» вчерашнего раздатка, связанную с отрицанием или жестким дозированием частного предпринимательства. Цеховики и спекулянты легализованы и реабилитированы, более того, амнистированы их капиталы как финансовое обеспечение приватизации. Но параллельно закладывается модель новой теневой экономики. Ее суть составляют теневые схемы перевода наследия раздатка в рыночные прибыли. Разнообразные формы сращивания власти и бизнеса, передача собственности «своим» свидетельствуют не о провале рыночных реформ, а о жизнеспособности раздатка, проявляющегося в государственно-чиновническом предпринимательстве, внешне оформленном как победа рынка.

Потрясающе интересны в этом смысле исследования, посвященные нэпу. В 1927 г. вышла книга Ю. Ларина «Частный капитал в СССР» (под этим псевдонимом работал М. Лурье, тесть Н. Бухарина)¹, где систематизированы материалы судебных процессов над нэпманами. Само название одной из глав «Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате» не оставляет сомнений: чиновники проходили по этим судебным делам не как свидетели, а как обвиняемые. Что же касается частных предпринимателей, которых судили в 1924–1926 гг., то из них 90% до 1921 г. состояли на государственной службе. Оказывается, представители госаппарата при нэпе создавали фирмы на имя родственников, обеспечивали льготные цены для патронируемых фирм, перекачивали в частные фирмы курируемые ими ресурсы и проч. Все описанные схемы «соучастия» до удивления точно воспроизвелись в 1990-е годы. «Внешне присутствуют все атрибуты рыночного хозяйства: частная собственность, отношения купли-продажи, свободное ценообразование. Однако сохраняется латентное раздаточное содержание: частные компании и фирмы в массе своей не вырабатывают рыночноориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс в разных его формах и стремятся использовать связи во властных структурах для контроля над конкуренцией»². Точный диагноз прошлого внушает доверие к прогнозу будущего, которое видится как синтез раздатка и рынка. Свобода в принятии хозяйственных решений должна сочетаться с государственной оптимизацией доступа к ресурсам, с разнообразными формами государственно-частного партнерства.

¹ Электронный вариант издания <http://lib.rus.ec>.

² Бессонова О. Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. – 2012. – № 8. – С. 122–144.

Приложение 3

RAZDATOK-ECONOMY AS A RUSSIAN TRADITION

Over the last 100 years numerous attempts were made to explain the processes of the development of Russian economy with the help of foreign theories that proved to be unsuccessful. Russia needs its own theory of the institutional development, the one explaining the logic of social processes and changes that are taking place. This theory can be formulated only with the recognition of the objective character of Russian economic and social relationships.

The basic propositions of a new theory of the institutional development of Russia are presented there. From the point of view of this theory, Russian economic system represents a progressively developing razdatok-economy going through a period of institutional renewal in the 1990s.

Modern economy in Russia is a logical result of the evolutionary development of economic relations. Specific features of these economic relations, which were formed at initial stages in the history of the Russian state, were conditioned by the features of the environment and the methods of its development.

The reasons that didn't allow the development of a market economy in Russia are well-known. Historic literature has accumulated considerable evidence of impassable roads, enormous distances, and severe climate. The general conclusion about undeveloped market relations in Russia was drawn from the fact that "loss at exchange would exceed profit".¹ Under these circumstances, attention to individual gain at exchanges and in trading could not serve as the basis for economic relations as was usual in the development of a market economy.

In conditions of low fertility of cultivated lands, emergence of a *razdatok-economy* system (<Russian *razdavati*, to give, to allocate) helped the ancient Russian state to survive. Over its centuries-old history, razdatok-economy provided for the restoration of the land and replenishment of other natural resources, these being the sources of public wealth.

Economic institutions unique only to the razdatok-economy system have been established in the course of its evolution. They secured the basic relationship between the people involved in the process of developing the new lands and the management of the economy.

A service-labor system was the basis for the razdatok-economy. It defined the rules of economic activity for all the members of the society who were involved in using the public resources.

Under a service-labor system, any kind of public labor, either productive, managerial, military, or any other acquired features of service-labor. It was obligatory in character and predetermined by conditions independent of any man. It meant fulfilling certain functions defined by the society. For Russia, a service-labor system meant that the state assigned certain obligations to all layers of society. Sche-

¹ F. Braudel, *Vremya Mira*. Moscow: Progress Publishers, 1992, vol. 3, p. 19 (in Russian).

matically these obligations were divided into two main types. Some had to be in service (economic or military); all others had to feed those who served. Thus, the service-labor system embraced all the population of the Russian state.

In the X century the first Russian grand dukes had to serve the tribes which called upon them; namely, they had to protect Russian land and acquire more land for Russia. In response, the Slavonic tribes committed themselves to the payment of tribute to provide for the grand duke and his armed force; if necessary, they were ready to serve in the armed forces themselves. Over the whole history of Russian society, the service-labor system maintained this distribution of duties. The service class and the tribute-paying population of the Russian Empire have been replaced today by the state employees and workers-and-peasants class.

Thus, the service-labor system in Russia embraced all the population, from the Emperor and landlords to the peasants and workers. From the very beginning, the service-labor system implied the idea of serving; and this idea was always shared by the majority of the Russian population. At the same time, the content of this common idea was different and changing at different stages of historic development - from Christianity to communism, from 1917–1985.

Service-labor meant that all the layers of the society put forth their labor efforts in various forms in the volume required. To perform their service all the members of the society, in their turn, received the right to use a particular part of the public resources; first in the grand duke's possession, then in the Emperor's, and finally in the state's possession.

Starting in the XI century, land was actively used by the grand dukes to enlist people into their service. From the XIV century, the connection between land and service became indistinguishable. Gradually, the rule that "the one who serves uses land" acquired the reverse side, i.e., "the one who uses land serves". This principle made Russian Emperors broaden the state borders with new land grants. Russian land of that period became both the condition and the goal of service, acquiring to the full a service nature. By the XVII century, the property was differentiated according to the rights the land possessors received with the land grants. The property was subdivided into fixed-date, estate, and allodial patrimonial lands. Fixed-date lands were apportioned for a certain period of time. Estate lands were given for lifetime possession. Allodial patrimonial lands were heritable and could be either bought or sold. During the soviet period in Russian history not only land but also almost all public resources, such as factories, housing, communications, and the social sphere acquired a service nature and could not be alienated from the state into the possession of private citizens. Thus, state property with a public-service nature was formed on the territory of Russia. Centralized production systems were increasingly used to develop the territories. They helped to finally shape the communal nature of the material-technological environment.

Thus, throughout Russian history, the property of citizens and economic entities was formed as a result of *razdacha* (< Russian *razdacha* giving, allocated) or

distribution in the form of *grants, Emperor's rewards, etc.* In the past, along with *land distribution*, there also existed *bread distribution* and *money distribution*.

The rules and norms of distribution have been formed during the whole history of the formation of the Russian economic system. In the early period, distribution manifested itself in the form of a donation to the duke's armed forces who received their food, clothes, horses and arms from the duke. Later, in the XIII–XV centuries, land became the principle object of distribution. The principles of the first land distribution had been worked out on the basis of two criteria. According to the first of them, for example, a duke's heirs could only have possessed the land formerly in the possession of their father. The second rule was stated in the chronicle: "land possession was conditioned by the status of a person on the patrimonial scale of rank". These two conditions were combined and formed the first historical name for land possession, namely *votchina* (< Russian *v-in* + *otch-* father + *-chin* rank), ancestral lands. *Votchina* is property received according to the genealogical rank passed from the father to the son.

From the second half of the XV century, the rules for land distribution for possession were formed. As the Great Russian historian of the XIX century, V. Klyuchevsky formulated, the amount of distribution also began to be dependent on the term and quality of service. It could be seen from this formula that complex principles were formed in the *razdatok*-economy system to provide for its inner development and balancing. By the end of the XVIII century, when job promotion was mostly determined by the term in service, the land distribution formula became distribution only according to rank.

During the early soviet period, the normative basis for distribution in kind, i.e., in the form of goods, housing, and social services was formed. The wage scale for salary distribution was also formulated then: now the amount of goods and money distribution corresponded to the official position of employees. Thus, the rule of distribution worked out at the early stages of Russian economic evolution: "to everyone according to his rank," has not lost its universal nature in Russia and is the indispensable principle of the *razdatok*-economy system.

The rules of tribute (<Russian *sdacha*, handing over) in the system of public-service ownership were formed concurrent with the elaboration of the rules of distribution. Tributes formed the basis for the treasury income, first for a duke, then for an Emperor and later for the state. It is both the source for the operation of state services and for financing general economic expenses.

From the very beginning of the existence of the treasury in Russia, it was mainly formed from tribute. Its essence was a voluntary or compulsory tribute of foodstuffs or labor. When dukes came into power, the Slavonic tribes gave them honey, furs and wax as well as fulfilled various conscription.

During the XIII–XV centuries, a specific form of production tribute, "*kormlenye*" appeared. Periodically, regional officials collected meat, baked bread, and hay from people in their localities. A share of the collected tribute was sent to the treasury for the benefit of the dukes and central governors. During the period of

reforms of the local government system introduced by Ivan The Terrible, *kormlenye* was first standardized, and then later replaced by state *obrok*¹. Up until the end of the XIX century, the Russian population was liable for different *obroks*. They were so various in form and content that their natures were a constant source for discussions. Having analyzed the essence of the discussions, P. Miluykov formulated their general feature: “obrok is a tribute on the land”² collected for the right to use the land.

At different stages of reforms in the *razdatok*-economy of Russia, an adequate way to measure the part of the product produced to be given as tribute was sought. The reformers at any period in history were governed by the same main principle, namely, by a general levying of the population in proportion to the abilities of each and everyone in accordance with the public needs. Up until the XIX century these abilities, as a rule, were determined by the size of the distributed land allotment and the number of family members capable of work. The mechanism of re-allotment through the Russian peasant community, for example, was used to adjust the volume of tribute paid by peasants under changing conditions. Analyzing the essence of the peasant community, V. Klyuchevsky understood it as a financial mechanism exclusively, where community land was distributed in proportion to the working and tribute ability of peasants. That is, land was distributed among the homesteads according to the number of working people and it was compulsory.³

The productive population of the Russia Empire from the point of view of the treasury had to give tributes in return for distribution. What this meant was that everyone had to give a part of what was produced according to the distributed production conditions, i.e., according to what had been given. The planned soviet economy of the XX century was always controlled so that the production and tribute of goods to the state was proportionate to the distributed resources, both fixed and current assets, available to the primary economic organization. In other words, the same principle of tribute was observed in the planned economy; and it could be explained by the inner logic of the *razdatok*-economy.

In the course of spontaneous evolution, the principle of tribute and distribution relations has been worked out in the *razdatok*-economy system. This principle is: “from everyone according to what had been given, to everyone according to his rank.” This relationship should have provided for the effective functioning of public-service ownership because it was assumed, first, that performance of every function would be adequately rewarded, and secondly, that these functions would be performed with the required public benefit. That is why the development of distri-

¹ Obrok payment in kind of a part of the annual peasant income, was one of the relatively easy forms of peasant duties, for details see B. Rybakov, *Kievan Rus* (Moscow: Progress Publishers, 1989), p. 195.

² P. Miluykov, *Russian State Economy in the First Quarter of the XVIII century. The Reform of Peter the Great* (S.-Petersburg: Balashov’s Publishing House, 1892), p.45 (in Russian).

³ V. Klyuchevsky, *A Course in Russian History*, 9 vols. (Moscow: Mysl, 1990), vol. 3, pp.212-215 (in Russian).

bution systems is only possible if the *law of correspondence between tribute and distribution* is observed.

The logic of this law suggests that if the amount of distribution to any branch or territory exceeded the standard level, then there would be a particularly strong desire to go to this place. These circumstances were always used by the Russian government both for the development of new lands and new branches of industry. Thus, in the XVI century, the settling on the monastic lands went on much more successfully as land grants were combined with generous privileges. The practices of the Soviet power are also widely well-known. The population was involved in the development of new lands by increasing the money and material distribution there, in comparison to the standard level elsewhere.

The functioning of the law of tribute and distribution during the whole period of development of Russia also manifested itself in a search for an effective ratio between the two groups of population: those who were in service and those who had to feed those who served. In modern history it means a search for an effective ratio between the administrative and production workers. Thus, the law of tribute and distribution works both for all the economic entities and the employed workers.

Money and prices are the immanent attributes of the *razdatok*-economy that serve the tribute and distribution relations. However, money here has origins and nature different from that in a market economy.

The word “money” (Russian *dengi*) came from the Tatar language under the Tatar-Mongol yoke. It described everything that the conquered Slav tribes had to give as tribute. But even after their liberation, the term “*dengi*” was used in Russian finance as a synonym for “tribute”. Money was used both in tribute and distribution flows. *Money distribution* was quite broadly used; it was distributed according to the rank, land estate, character and the term of service.

Although, with the development of the Russian state, money started playing a more and more notable role, the tribute and distribution flows in the XVI–XIX centuries were predominantly in kind. By the XX century, the *razdatok*-economy system acquired mixed goods and money character as money distribution became a considerable addition to the distribution of goods. During the Soviet period, distributions in kind to the population took the form of free housing, medical services, education, etc. Organizations received distribution in kind, i.e., in the form of industrial buildings, land sites and fixed assets.

The tribute and distribution flows were regulated by establishing the scale of prices. They helped to alter the distribution of resources in favor of this or that farm or territory, for example. It was first practiced by the Moscow state in the XVII century. At that time, a double scale of prices was introduced for bread delivered to the treasury. The first scale was tribute price and the second was distribution price. Soviet pricing was also based on two types of prices. First, tribute prices, the prices at which the state bought the production, and second, distribution prices, the prices at which the production was distributed. Thus, in the course of economic evolution, the *razdatok*-economy system started using money as an economic in-

strument, i.e., tribute-distribution flows in kind were being replaced. At the same time, prices became a measure of tribute and distribution.

In the historical development of tribute and distribution relations, three stages can be distinguished in the degrees of public labor division and economy localization (within the framework of separate peasant homesteads, within a large estate or within the state economy as a whole).

At the first stage, part of the production in Old Russia was given to the dukes in form of tribute with no changes in the process of community or family production. Traditionally, the process was organized and managed by the clan elders. An elected elder was in charge of employment, kept the public treasury, paid duties, distributed food and clothing, and punished wrong doings. At the second stage, during estate-land tenure, all land and part of production means i.e., livestock, sowing seeds, were distributed step-by-step from the Emperor to the landlords, and then from the landlords to the peasants. There were two flows of tribute from the producer: one flow to the state treasury in the form of tribute and labor conscription, another one to the landlord. At the third stage, under the conditions of a unified state *razdatok*-economy, all goods produced are tributed to the state and all production means and articles of consumption are distributed either in kind, or in monetary form. It is the case of the most complete labor division together with the dominance of state provision.

Each stage in the development of the *razdatok*-economy had its own *mechanism of balancing tribute and distribution*. It manifested itself in the main economic document of that time. At the first stage, the rules of tribute collection were defined in the duke's deed. At the second stage, tribute and distribution flows were coordinated at two levels, at the state level with the help of a state roster, and locally with the help of special "tribute and distribution books" which were kept by every landlord and cloister. At the third stage, the state plan became the unified state "book" of tribute and distribution.

In defining the Russian economic system as *razdatok*-economy, the diversity of economic relations should not be oversimplified. In the course of Russian history, relations other than *razdatok*-economy existed and developed as well. In a broad sense, non-distribution relations are really distribution exchanges, i.e., exchanges of what was received in distribution, or exchanges of what was produced with distributed production means. Exchange relations of this type are often looked at as market relations, though their nature differs fundamentally.

Interaction between distribution and non-distribution relations takes place in different forms: conflict, shadow, and partner. In the XVI century, for example, the government stimulated the development of bread trade by partially replacing tribute in kind with money tribute. Likewise, by giving the right to buy and sell estates, it created possibilities for land allotment trade. In XVIII–XIX centuries estate exchanges with money additions were widely spread. Housing exchanges in the sphere of state housing are today's analog to the relations of that time.

But non-distributive relations only served to maintain a certain balance in the razdatok-economy system.

The mechanisms of the operation of the razdatok-economy conditioned the specific features of its management bodies which began to form in the early stages of Russian history. These management bodies were called *vedomstvo*.¹ Russian *vedomstvo*'s existed all the way from the duke's period, to Ivan the Terrible, Peter the Great, and to the ministries of the Soviet period. The logic of spontaneous emergence of new *vedomstvo*'s clearly illustrates how, with changes in Russian borders and the expansion of its foreign and domestic goals, new ministries grew and developed. It made it possible to structure the complicated economic reality of the razdatok-economy.

This form of organization demanded a certain order in the coordination of the functions in each *vedomstvo* and gave birth to a managerial hierarchy. Each hierarchical level had its own set of duties and responsibilities. Managerial function was performed by different classes of society at different historical stages. During the duke's period this function was performed by the *boyars* or duke's officials. They were guided in their activity by a special list which defined the nobility of the clan and the rank within the clan. By the XVIII century, the *boyars* were replaced by the *dvoryane*, nobility. The *Table of Ranks* determined which posts they could occupy. During the Soviet period, the position of bureaucrats were determined according to the name on their roster, *nomenclatura*. This roster was a list as well and was approved at the top management level.

Vedomstvo's and the managerial hierarchy were indispensable to the management model characteristic of Russian razdatok-economy at all the stages of its historic development.

Complaints, being the most widely spread and active reaction to the incompatibility of tribute and distribution flows and the defects in the managerial system, played the role of feedback. If it is possible to get something only by distribution in the system, it means that there is a necessity to ask for it, i.e., to complain. This was exactly how the Russian population acted when it was not satisfied with a particular situation. Petitions and complaints were so commonly used during the whole history of Russia that they can serve as one of the most important historic documents of any period. Over the whole period of development of the Russian state, the feedback mechanisms typical of the Russian economic system were being perfected. The most adequate methods to inform about deviations from the norm were being looked for and found. This mechanism took the form of complaints made by all layers of society and from all the management levels.

¹ *Vedomstvo* (< Russian *vedat* know) is a branch, a part of the state management making up the whole, a range of subordination and activities (V. Dal, An Explanatory Dictionary of the Great Russian Language, vol. 1, p.329). On the eve of perestroika, modern *vedomstvo*'s included ministries together with trusts and enterprises subordinated to them. Thus before the market reforms, the enterprises in Russia belonged to a particular *vedomstvo* and were subordinated to the middle-management level, trust, which, in its turn, was supervised by the ministry.

Even the first Russian dukes with their armed forces went to the tribes subordinated to them to “carry out their duties to the population”, as S. Soloviov, a great Russian historian of the XIV century, put it.¹ In response to the complaints of his subjects, a duke would administer justice, mete out punishment, and alter the amount of tribute. At a period when *kormlenye* existed, the order of official responsibility for complaints was worked out. There is historical evidence attesting to the fact that when the term of a local governor in office expired, people who had suffered from him could complain about his wrong doings. As a result, many local governors who lost the suit also lost not only their property but also their hereditary property to pay for the plaintiff’s loses and court fines.

At zemsky councils of the XVII century, complaints took the form of reports of petitioners’ representatives “about different needs of the brotherhood”. A special department, *reketmeysterstvo*, dealing with petitions and complaints, was established during the reign of Peter the Great. The right to complain was granted or taken away in the same way as with property tributes. Thus, during the reign of Catherine II, serfs’ right to complain against their landlord was canceled by a special verdict.

During the Soviet period of razdatok-economy, complaints remained the main signaling element. Any complaint incorporates three basic components. These are: dissatisfaction with the situation, its substantiation, and a request to resolve it. Thus the whole complex of complaints at any given period gives a complete picture of the problems in any particular branch of the economy. For example, in the 1960s, while industry was developing relatively successfully, the housing and social spheres were lagging behind. Eventually the flow of complaints helped to initiate the housing reform.

The Soviet economy developed the mechanism of complaint consideration and resolution to perfection. Every individual and economic executive manager had the right to complain, but not every complaint served as a guide to action. A critical mass of complaints at every hierarchical level was necessary for them to be considered at the next level. The higher the rank of the person who complained, the greater the authority the complaint had. The situation could be easily explained. The higher the level of management hierarchy, the greater the number of economic units that needed coordination of their tribute and distribution flows. The order of priority and the quantity of resources allocated to resolve any particular complaint depended on the weight it gained. The quantity of complaints served as an indicator of balance in the system as a whole and at its levels in particular. Their minimization was the criterion of effectiveness of a manager’s activities in razdatok-economy.

Thus, complaints appear to be not only a phenomenon of common culture of the people but also the most important signaling mechanism of operation for the razdatok-economy system.

¹ S. Soloviov, *The History of Russia from the Ancient Times*, 18 vols. (Moscow: Mysl, 1988), vol. 1, p. 215 (in Russian).

Historic analysis of the development of the Russian economy shows how the razdatok-economy system formed and developed under objective conditions. The laws of this system are 1) service-labor organization, 2) balancing tribute and distribution flows, and 3) a mechanism of complaints which played the role of feedback. At every stage in the history of the Russian razdatok-economy, a specific management system was formed. It had to provide for the effective functioning of the razdatok-economy system as a whole. Periodically, with changes in the conditions of running the economy and a complication of the social structure, the management model becomes ineffective in dealing with the problems of economic development. The Russian economy has been experiencing one such period during the 1990s, at the stage of market reforms. As before, in the current stage of development a spontaneous search for new effective organizational forms is going on. As a result, razdatok-economy institutions will be improved.

Razdatok and the market represent two alternative institutional systems which are formed in different societies to organize the economic life. Both razdatok and market economies must provide effective production of goods and services according to the demands of the population. If the USA represents a classic example of the market economy, then Russia is a prominent example of razdatok type of economy. The reasons for the formation of either type of economy lie with the features of natural environment and means of its development formed at the initial stages in the history of each state. In the course of its development, each economy strengthens the features typical of it, while the expediency of the appropriate economic system is reliably consolidated in the consciousness and social values of generations.

Cyclic development is typical of all economic systems functioning according to the laws of either market, or razdatok economy. Each institutional cycle is characterized with economic institutions, types of organizations, and management models of its own. The ones which make it possible to realize the basic economic laws and provide for the sustainable economic development to the largest extent. In a market economy such institutional environment provides for the realization of law of supply and demand, while in a razdatok economy it provides for the realization of the law of balancing *sdacha* and *razdacha* flows for all the sectors of the state economy.

At periods when the formed elements of the institutional environment can no longer guarantee the functioning of the basic economic laws, the economic systems and all their branches enter the period of crisis, while the system of economic relationships enters the period of institutional changes. The common feature of these periods is the testing and the introduction of institutional elements of alternative types of economies which make it possible to overcome the crisis. For example, after the deep crisis of the 30s in the countries with market economies, state regulation methods typical of razdatok economies began to be actively used.

In the course of historic development of the razdatok economy in Russia, at periods of institutional changes, introduction of methods of organization of economic life from the current experience of economies of the market type took

place. Usually as well, the names of new types of organizations and economic methods were borrowed to the extent that the names of these historic periods were extended to the economic historiography of Russia. For example, the period of institutional changes in Russian *razdatok*-economy of the XII-XV centuries was called feudalism and the period from the late XIX to the early XX century was called capitalism.

When a new management model was found and all the elements of the institutional environment were renewed, then the period of institutional changes is finished and a new cycle began. It made it possible to provide the functioning of the basic economic laws and the growth of economic effectiveness in changed historic conditions. For example, the essence of the previous period of institutional changes in the economy of Russia which started in the end of XIX century and finished in the early 30s of the XX century, was transition from serfdom management model to the administrative one. The essence of the current period of the institutional changes called the period of the market reforms is the replacement of ineffective administrative management model and the formation of a new mechanism regulating and balancing *sdacha* and *razdacha* flows.

Ineffectiveness of the administrative management model in the *razdatok*-economy at a period of crisis resulted from the character of redistributive-bureaucratic financial mechanism which developed during the 70 and 80s. The functioning of the redistributive-bureaucratic mechanism was described for the first time in this book. It led to the excessive growth of the management expenses, reduction of money for the main production activity, deterioration of the labor motivation on a mass scale, and reduction in the quality of the public re-production.

The current period of the market transformation in the *razdatok*-economy of Russia has demonstrated the regularities of institutional renewal. At the first stage the introduction of alternative economic institutions takes place. At this period institutional environment is characterized by the presence of elements of market and *razdatok* nature as well as their various combinations which exist on equal grounds. Some of them turn to be institutionally stable and correspond to the *razdatok* nature of the macroeconomic environment, while the others come into conflict with the communal nature of the material and technological environment and the domineering *etatization* potential of the population. The essence of the second stage of institutional renewal is the modernization of the basic state property institution on the basis of sustainable combinations of institutional elements.

СЛОВАРЬ КАТЕГОРИЙ

Административный раздаток – третья форма базовой модели России на основе *планового хозяйственного механизма*, при котором вся произведенная продукция сдавалась, а все ресурсы раздавались в рамках общественно-служебной собственности под контролем государства. Административная модель управления строилась по территориально-отраслевому принципу, многоканальная система приема жалоб и обращений обеспечивала обнаружение проблемных зон. Идеология обязательного служебного труда была переведена из религиозной плоскости православия в моральную позицию строителя нового общества.

Базовые институты – нормы, правила и распространенные модели взаимодействия субъектов социально-экономической системы, конституирующие суть и смысл экономической системы. Для *рыночных экономик* – частная собственность, прибыль, купля-продажа; для *раздаточных экономик* – *общественно-служебная собственность*, отношения *сдач-раздач* и *жалобы* в качестве обратной связи.

Биосфера – экологическая система земного шара, представляющая собой единый природный комплекс, образованный живыми организмами и средой их обитания, связанных между собой обменом веществ и распределением энергетического потока. Часть биосферы, локализованная в территориальных границах определенного государства, образует *природно-климатическую среду государства*.

Демосударство (*порядок открытого доступа* по Д. Норт) выстраивается на принципах разделения властей, выборности политических органов и контроле управляемых над управляющими, наличии гражданских прав и свобод.

Институт административных жалоб – форма сигнала обратной связи в *раздаточной экономике* об удовлетворенности условиями труда и жизни, указание на нарушения в функционировании экономической системы.

Институт сдач – механизм нерыночной мобилизации ресурсов в виде продуктов, денег, услуг, труда или служебной деятельности (государственной или военной). *Институт сдач* – обязательное дополнение института *раздач*: невозможно раздать какие-либо блага, предварительно их не аккумулировав. Именно поэтому при каждой *раздаче* обязательно предусматривается *сдача* продуктами, деньгами, трудом или службой (государственной или военной).

Институциональное ядро – совокупность базовых и компенсаторных институтов, объединенных *формационным элементом*, определяющих содержание и специфику разных экономических систем и их эволюцию. *Институциональное ядро раздаточной экономики* состоит из институтов *раздач*, *сдач*, *общественно-служебной собственности* и института *административных жалоб*. Важные функции выполняют *финансовые институты* (денежное обращение, ценообразование, государственный бюджет). Особое место занимает институт *рыночной торговли и частного предпринимательства*.

Институциональный цикл – последовательность прохождения институтами фаз: зарождение в новой форме – это *перинатальная фаза*, развитие в стационарных условиях – *основная* или *структурированная фаза*, далее *фаза институционального исчерпания* – период реформ базовых институтов в борьбе с исчерпанием созидательных возможностей и *трансформационная фаза* – преобразование в новые правила и порядки.

Квазирыночный механизм – принципы организации хозяйственной деятельности в *трансформационную* фазу *раздаточной экономики*: с частной собственностью и свободным ценообразованием. Совокупность квазирыночных механизмов образует *квазирынок*.

Компенсаторные институты – нормы и правила, сглаживающие и нивелирующие «провалы» и недостатки функционирования *базовых институтов*. В случае доминирования *раздаточных* институтов, *компенсаторными* выступают рыночные, представленные в виде *института рыночной торговли и частного предпринимательства*; если доминируют *рыночные* институты, то *компенсаторным* институтом выступает *институт государственного регулирования и социального обеспечения*, охватывающий всю совокупность *раздаточных* институтов.

Контрактный раздаток – это четвертая форма базовой модели России в рамках порядка открытого доступа, в которой сосуществуют разные формы собственности. Раздача общегосударственных ресурсов обеспечивается предпринимательским и бюджетным структурам на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими госзаказа, сформированного на базе государственных программ стратегического развития отраслей и территорий.

Культурно-религиозная среда – религиозная основа и совокупность уникальных культурных черт, составляющих духовный и интеллектуальный каркас локальной цивилизации.

Материально-технологическая среда – совокупность элементов *техносферы* определенного уровня развития, который достигла данная локальная цивилизация в конкретный исторический момент.

Локальная цивилизационная матрица — совокупность основных природно-климатических, материально-технологических, национально-демографических и культурно-религиозных условий жизни, определяющих тенденции развития, структуру экономики, механизмы взаимодействия и распределения созданного богатства.

Матрица – система с эндогенной программой по самовоспроизводству. Виды матриц – глобальная цивилизационная матрица, локальная цивилизационная матрица, институциональная матрица.

Механизм бюрократического перераспределения – ненормативное перераспределение финансовых ресурсов с уровня функционирования хозяйственного объекта на премирование сотрудников органов управления, приводящее к непропорциональному увеличению управленческих издержек и резкому сокращению результатов хозяйственной деятельности.

Механизм институциональных инноваций – внедрение новых институциональных форм, часто заимствованных из рыночной экономики, с последующей их адаптацией, что позволяет вывести *раздаточную экономику* из кризиса.

Механизм коллективизации – объединение (часто насильственное) сельского населения в форму производственного коллектива для выполнения директивных заданий под руководством коллективного органа, находящегося под патронажем государственных структур управления.

Механизм национализации – изменение (часто насильственное) частной формы собственности на средства производства на государственную форму и передача хозяйственных объектов под юрисдикцию ведомственных органов управления.

Механизм приватизации – изменение государственной формы собственности на средства производства и передача хозяйственных объектов в управление частным компаниям или физическим лицам.

Механизм социальной фильтрации – перевод всех слоев населения с частной на служебную форму организации труда, лишение имущественного и социального статуса лиц, оказывающих скрытое или явное сопротивление, вплоть до лишения всех прав и свобод.

Механизм хозрасчета – выстраивание баланса в рамках отдельного хозяйственного объекта, применение не директивных, а экономических стимулов хозяйственной активности для роста эффективности производства и производительности труда.

Монархизм (*порядок ограниченного доступа* по Д. Норт) построено на принципах авторитаризма, единовластия, наследования престола, диктата властных органов по отношению к подданным, отсутствия гражданских прав и свобод (монархия, деспотия, империя, самодержавие, диктатура).

Национально-демографическая среда – совокупность людей разных национальностей, объединенных единым языком и общими законодательными рамками, составляющие суперэтнос данной локальной цивилизации.

Ноосфера – (в переводе с греческого – сфера разума) часть реальности в рамках которой осуществляется интеллектуальное развитие и духовный поиск человечества, формируются научные и религиозные картины мира, культурно-религиозные образы, аккумулируется творческая энергия.

Общественно-служебная собственность – отношение по владению, распоряжению и использованию ограниченных ресурсов между государственными органами и хозяйствующими субъектами на основе выполнения государственных правил, норм и процедур. Общественно-служебную собственность отличают два признака: права по ее владению распределены между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полном объеме никому, второй признак – доступ к ней осуществляется в форме службы.

Общинный раздаток – первоначальная форма базовой модели России на основе урочного хозяйственного механизма: сбор ресурсов в государственную казну происходил на основе установленных уроков для сельских и городских общин.

Оппортунизм (по Уильямсону) – преследование личного интереса с использованием коварства, включающего просчитанные усилия по сбиванию с правильного пути, обману, сокрытию информации и другим действиям, мешающим реализации интересов организации. Оппортунистическое поведение необходимо отличать от простого эгоизма, когда индивиды играют в игру с фиксированными правилами, которым они безусловно подчиняются.

Отношения сдач-раздач – форма взаимодействия государства и населения путем передачи продуктов и услуг представителям госорганов по служебной иерархии с последующей их *раздачей*, а также прав владения и распоряжения для обеспечения выполнения ими служебных обязанностей.

Парадигма – теоретическая интерпретация картины мира, включающая концептуальную рамку, базовые постулаты и категориальный аппарат, принятые в качестве подхода к изучению объекта. Понятие введено Т. Куном при анализе научных революций.

Пассионарность (понятие, введенное Л. Гумилевым) – признак этноса, возникающий вследствие мутации, называемой пассионарным толчком, и образующий внутри популяции определенное количество людей, обладающих повышенной тягой к действию, непоборимым стремлением к изменениям, к свершениям, к Великому. Эти люди порождают первоначальные толчки, создавая в обществе пассионарное напряжение, заряжая энергией нормальных, «гармоничных» людей. Пассионарный толчок рождает новое качество этноса.

Период квазикапитализма – трансформационная фаза между поместным раздатком и административным раздатком. В этот период на Западе широкое распространение получили тресты как частная форма организации. Этот институциональный элемент, преобразованный в государственную форму, дал раздаточной экономике административную модель управления и придал всем ее институтам новое оформление.

Поместный раздаток – вторая форма базовой модели России на основе тяглого хозяйственного механизма: вся земля и средства производства распределялись ступенчато: государство наделяло помещиков, а они в свою очередь – крестьян. Потоки *сдач* также были двойными: один шел в государственную казну в виде тягла, т.е. податей и повинностей, а другой – в виде оброка и барщины направлялся помещику на основе крепостного права. При этом помещики были обязаны служить государству по военным и хозяйственным делам. Управленческие функции закреплялись за ведомствами, принимавшими решения с учетом челобитных от всех слоев населения.

Раздаток – механизм экономической координации путем нерыночного распределения ограниченных ресурсов посредством отношений *сдач-раздач*.

Раздаточная экономика – экономическая система, в которой нерыночные механизмы играют доминирующую роль, а рыночные – вспомогательную. Распределение ресурсов происходит в форме *раздачи* для выполнения службы или последующей *сдачи*.

Служебный труд – обязательное участие индивидов в трудовом процессе в рамках *общественно-служебной собственности* и (или) выполнение ими предписанных государственных функций и обязанностей.

Среда – совокупность внешних условий, в которых совершается какой-либо процесс.

Структурированная фаза – основной период институционального цикла, в рамках которого согласованно работают *базовые институты* раздаточного типа в конкретно-исторических формах. Следует за *перинатальной фазой*. Если в периоды *трансформационных* фаз роль государства снижается до минимума, то в *структурированных* фазах институциональных циклов – повышается до максимально возможного уровня.

Сфера – часть реальности, в пределах которой она существует, действует, развивается.

Техносфера (по Тоффлеру) – совокупность материальных продуктов (технология, техника, технологические системы производства, орудия, машины, механизмы, инструменты труда), созданных из природных веществ, трудом и сознательной волей человека и не имеющих аналогов в девственной природе для защиты от факторов природной среды.

Фаза институционального исчерпания – период цикла, на котором происходит завершение *формационного сюжета структурированной фазы*; накопленные изменения вступают в противоречие с существующим *формационным элементом*.

Фаза трансформации – период цикла, на котором происходит радикальное изменение *формационного элемента*, что закладывает основу новой формации; резко возрастает роль *компенсаторных институтов* для стабилизации неустойчивой трансформирующейся экономики. В этой фазе разворачивается *квазирынок* – рынок на основе ресурсов раздатка. При этом запускается *механизм институциональных инноваций*. Чаще всего инновация заимствуется из рыночной среды Запада и апробируется, а затем адаптируется к раздаточной среде, при этом отбрасывается все, что вступает с ней в конфликт. Как правило, этим конфликтным элементом выступает частная форма собственности и свободные горизонтальные отношения.

Формационные сюжеты – характерные, типовые явления и процессы *фаз институционального цикла*, в основе которых лежат определенные *базовые* и *компенсаторные* институты и *формационный элемент*.

Формационный элемент – модель трудовых отношений, конкретизирующая форму *базовых институтов* на определенном историческом этапе. Для *рыночных ядер* – это модели частного труда как труда на частное лицо или фирму; для *раздаточных ядер* – модели служебного труда как труда на государство.

Хозяйственный механизм в раздаточной экономике – принципы организации хозяйственной деятельности: единая государственная собственность на средства производства, ведомственная структура управления, директивные производственные задания, установленные цены, государственные финансовые институты, централизованное штатное расписание, казенная организационная форма хозяйственных объектов, государственное обеспечение жильем и социальными благами работников, административные жалобы.

Этнос (по Л. Гумилеву) – естественно сложившийся на основе стереотипа поведения коллектив людей, существующий как система, которая противопоставляет себя другим подобным системам, исходя из ощущения комплиментарности, т.е. подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющих деление на своих и чужих. Этнос – это общность людей, объединенная языком, культурой и самосознанием, совместно проживающая в определенном территориальном ландшафте и сформировавшая неповторимый стереотип поведения и субъективную приверженность определенной группы людей некоему сообществу. Способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды составляет *человеческий потенциал* этноса. Общество может рассчитывать на выживание и укрепление жизнеспособности только в опоре на развитый человеческий потенциал и с действенной установкой на его рост.

Этносфера – часть реальности, в которой происходит образование этноса и осуществляется *этногенез* – последовательные исторические фазы подъема, инерционного развития, а затем гомеостаза или исчезновения.

ЛИТЕРАТУРА И ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

- Австрийская** школа в политической экономии. – М.: Экономика. – 1992.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.** Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ. – 2015.
- Акты** Московского Чудова монастыря 1507–1606 годов. – 2003.
- Амосов А.И.** О победе социального хозяйства в XX в. // Экономическая наука современной России. – 2006. – № 4.
- Анисимов Е.В.** Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. – С.-ПЕТЕРБУРГ: «Дмитрий Буланин». – 1997.
- Барлоу Д., Меллер К.** Жалоба – это подарок. Как сохранить лояльность клиентов в сложных ситуациях. 2-е изд. – М.: Олимп-Бизнес. – 2011.
- Барсукова С.Ю.** Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С.133–145.
- Бахрах Д.Н.** Административное право. – М.: Изд-во БЕК. – 1996.
- Белоусов А.** Структурный кризис советской индустриальной системы // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как предмет. – М.: Аргус. – 1995.
- Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О’Салливан Р.** Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск: Изд-во НГУ. – 1996
- Блок Ф.** Роли государства в хозяйстве // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – № 2. – С. 37–56.
- Блэ М.К.** Солидарность // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 12–21.
- Богатуров А.** Десять лет парадигмы освоения // Pro et contra. 2000. Зима. т. 5.
- Богданова Е.А.** Исследования жалоб: традиции и перспективы // Laboratorium. – 2014. – Т. 6. – № 3. – С. 8–12 // URL:<http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/497/1194> (дата обращения: 21.04.2024).
- Боффа Д.** История Советского Союза. В 2 томах. – М.: Международные отношения. – 1990.
- БСЭ** – Большая Советская Энциклопедия. – 1932. – Т. 25. М.: Изд-во Сов. Энциклопедия.
- Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О.** К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9. – № 3. – С. 17–24. (дата обращения: 21.04.2024).
- Владимирский-Буданов М.Ф.** Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 1995.
- Гайдар Е.Т.** Государство и эволюция. – М.: Евразия. – 1995.
- Гинс Г.К.** На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму. – Харбин. – 1930.

- Глазьев С.Ю.** Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии // СОЦИС. – 1996. – № 6.
- Гребер Д.** Долг: первые 5000 лет истории. – М.: Ад Маргинем Пресс. – 2015.
- Губернаторы** в Контакте. Будет ли толк от жалоб властям в соцсетях? – 2019. // URL:https://aif.ru/politics/russia/gubernatory_vkontakte_budet_li_tolk_ot_zhalob_vlastyam_v_socsetyah (дата обращения: 21.04.2024).
- Губернаторы** российских регионов стали активнее пользоваться аккаунтами в соцсетях. Новости ТАСС. – 2018. URL:<https://tass.ru/obschestvo/5951947> (дата обращения: 21.04.2024).
- Гуревич А.Я.** Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. – 1990. – № 11.
- Дитятин И.И.** Роль челобитных и земских соборов в управлении московского государства. Статьи по истории русского права. – СПб.: Русская мысль. – 1895.
- Дьяченко В.П.** История финансов СССР (1917–1950). – М.: Наука. – 1978.
- Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука. – 1991.
- Ежегодный** бюллетень жилищной и строительной статистики стран ЕЭК (1975–1989). – Нью-Йорк: ООН, 1975–1989 гг.
- Зарецкая С.** Приватизация жилья в 80-90-е годы: основные направления и некоторые итоги // Приватизация в Великобритании: социально-экономический и политический анализ. – М.: ИНИОН РАН. – 2000. – С. 121–161.
- Заславская Т.И.** Избранные произведения. В 3 томах. – Т. 3: Моя жизнь. Воспоминания и размышления. – М.: Экономика. – 2007.
- Заславская Т.И., Корель Л.В.** Некоторые проблемы и перспективы развития сельско-городской миграции в СССР // Информационный бюллетень. – 1985.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.** Социология экономической жизни: очерки теории. – Новосибирск: Наука. – 1991.
- Зембатова Б.В.** Планирование: простые и сложные истины. – М.: Наука. – 1990.
- Зингалес Л.** Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики. – М.: Изд-во института Гайдара. – 2016.
- История** древнего мира. В 3-х книгах. – Кн. 1. – М.: ГРВЛ. – 1989.
- Кара-Мурза А.** Между Евразией и Азией // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как идея. – М.: Аргус. – 1995.
- Кистерев С.Н.** К источниковедению указной книги Поместного приказа // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сб. ст. / отв. ред. В.А. Кучкин. – М.: РАН, Институт российской истории. – 1993. – С. 5–23.
- Кларк Д.** За рамками государственного и частного? Трансформация смешанной модели благосостояния // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 151–168.
- Ключевский В.О.** Курс русской истории. Сочинения в 9 томах. – М.: Мысль. – 1987.
- Колесов В.В.** Древняя Русь: наследие в слове. – СПб.: Мир человека. – 2000 // URL:<https://litmir.club/br/?b=591643&p=51> (дата обращения: 21.04.2024).

- Кордонский С.Г.** Рынки власти (административные рынки СССР и России). – М.: ОГИ. – 2006.
- Котельникова З.В.** Экономико-социологические центры России // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. – № 3. – С. 89–106.
- КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 1983–1990. – Т. 8. М.: Политиздат.
- Корнаи Я.** Дефицит. – М.: Наука. – 1990.
- Котошихин Г.** О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Издание Археографической комиссии. – 1859 // URL:<http://www.hist.msu.ru/ER/etext/kotoshih.html> ?
- Кропоткин П.А.** Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: Самообразование. – 2007.
- Кулишер И.М.** История русского народного хозяйства, – М.: Наука. – 2004.
- Кульпина К.П., Прудник А.В.** Обращения граждан как паллиатив гражданского участия в самоуправлении и социальной политике // Вестник института социологии. – 2010. – № 1. – С. 154–178 // URL:http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2010_1.pdf (дата обращения: 21.04.2024).
- Кун Т.** Структура научных революций. – М.: АСТ. – 2003.
- Ле Гранд Д.** Другая невидимая рука: предоставление общественных услуг на основе выбора и конкуренции. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 2011.
- Литвинцев Д.Б.** Жалобы – не подарок: дисфункциональность института жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России. Экономическая социология. 2022. 23 (4): С. 110-121, doi: 10.17323/1726-3247-2022-4-110-121. (дата обращения: 21.04.2024).
- Майминас Е.З.** Контексты экономической реформы // Постигжение. – М.: Прогресс. – 1989. – С. 422–441.
- Малафеев А.Н.** История ценообразования в СССР (1917–1963). – М.: Мысль. – 1964.
- Малинкин А.Н.** Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 6–17.
- Малинова О.Ю.** Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: РОССПЭН. – 2015.
- Маркс К.** «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» – 1856 // URL:https://royallib.com/book/marks_karl/razoblacheniya_diplomaticheskoy_istorii_xviii_veka.html (дата обращения: 21.04.2024).
- Марьяхин Г.Л.** Очерки истории налогов с населения в СССР. – М.: Финансы. – 1964.
- Мау В.А.** Сочинения: в 6 томах. – Т. 1: Государство и экономика: опыт экономической политики. – М.: Дело. – 2010.
- Москалькова:** каждая четвертая жалоба на нарушение жилищных прав в 2016 г. связана с ЖКХ. Новости ТАСС – 2017.// URL:<http://tass.ru/obschestvo/4439432> (дата обращения: 21.04.2024).

- Мухаматулин Т.** Рец. на кн.: Франсуа-Ксавье Нерар. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. – 398 с. ISBN 978- 8243-1547-9. Laboratorium. 2015. 7 (1):199–202. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/511> (дата обращения: 21.04.2024).
- Народное хозяйство СССР в 1965 г.:** Стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1986.
- Народное хозяйство СССР в 1970 г.:** Стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1971.
- Народное хозяйство СССР в 1975 г.:** Стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1976.
- Народное хозяйство СССР в 1985 г.:** Стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1986.
- Народное хозяйство СССР в 1987 г.:** Стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1988.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник.** – М.: Статистика, 1987.
- Нестеренко А.Н.** Институционально-эволюционная теория: современное состояние и основные научные проблемы // Эволюционная экономика на пороге XXI века. – М.: Япония сегодня. – 1997.
- Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала. – 1997.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 2011.
- Нуреев Р.М.** Генезис капитализма: роль институтов, благоприятных для развития предпринимательства // Terra economicus. – 2011. – Т. 9. – № 4. – С. 122–141.
- Окара А.Н.** Социальная солидарность как основа нового «миростроительного проекта» Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. Вып. № 9. С. 7–41. М.: Научный эксперт. – 2010.
- «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан»** – 1980. // <https://docs.cntd.ru/document/9012207> (дата обращения: 21.04.2024).
- О работе с письмами трудящихся.** Калитиевская А.В. (сост.) / ред. Казакевич Н.Н. – М.: Юридическая литература. – 1980.
- Ореховский П.А.** Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.). Науч. доклад. Препринт. – М.: Институт экономики РАН. – 2020.
- О России, в царствование Алексея Михайловича.** Современное сочинение Григория Котошихина. Издание археографической комиссии. – СПб., 1859 // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm> (дата обращения: 21.04.2024).
- Павлов-Сильванский Н.П.** Феодализм в России. – М.: Наука. – 1988.
- Пайпс Р.** Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета. – 1993.
- Пантин В.** Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? // Pro et contra. – 2000. – Т. 5. – № 2. – С. 138–148.
- Партийное строительство.** – М.: Политиздат. – 1931. – Т. 7. – С. 73–74.
- Пикетти Т.** Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс. – 2015.

- Пикетти Т.** Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 140–153. DOI: 10.31857/S013216250015273-3.
- Письмо** императору Александру I – 1803. https://www.kprf.org/showthread-t_23622-page_96.html?ysclid=lkxrqrmjtr552079602 (дата обращения: 21.04.2024).
- Плавильщиков А.** Рассуждение о прошениях и жалобах, подаваемые в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны. – СПб. – 1811.
- Плотников К.Н.** Очерки истории бюджета Советского государства. – М.: Госфиниздат. – 1954.
- Повесть временных лет** // URL:<https://ilibrary.ru/text/4339/p.2/index.html> (дата обращения: 21.04.2024).
- Подходный** налог и сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства с рабочих и служащих и приравненных к ним лиц. – Ленинград. – 1940.
- Поланьи К.** Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. – М.: Алетейя. – 2002.
- Попов Г.Х.** Механизм управления и жилищный вопрос // Наука и жизнь. – 1987. – № 10. – С. 39–46.
- Постановления** о министерствах СССР. – 1965. URL:<http://museumreforms.ru/node/13897> (дата обращения: 21.04.2024).
- Поучение** Владимира Мономаха // URL:<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4874> (дата обращения: 21.04.2024).
- Радаев В.В.** Экономическая социология: курс лекций. – М.: Аспект Пресс. – 1997.
- Радаев В.В.** Экономическая социология: курс лекций. – М.: ГУ ВШЭ. – 2005.
- Реформы** Петра I / Сб. документов. Сост. В.И. Лебедев. – М.: Гос. соц.-эк. изд-во. – 1937.
- Римашевская Н.Н., Копнина В.Г., Прокофьева Л.М.** Развитие семьи и динамика ее благосостояния // Изв. СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. – 1986. – № 12. – Вып. 3. – С. 21–24.
- Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е.** Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. – Новосибирск: Экор. – 1995.
- Россия.** Энциклопедический словарь. – СПб. – 1898.
- Рыбаков Б.А.** Ремесло Древней Руси. – М.: Изд-во АН СССР. – 1948.
- Свердлов М.Б.** Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. – СПб.: Петрополис. – 1996.
- Свод Законов СССР.** – 1926. – № 44. – П. 312.
- Семевский В.** Раздача населенных имений при Екатерине II // Отечественные записки – 1877. – № 8.
- Скрынников Р.Г.** Россия в начале XVII в. Смута. – М.: Мысль. – 1988.
- Собрание** законов и распоряжений. – 1927. – № 16.
- Собрание** постановлений 1921–1989. – М.: Политиздат. – 1989. – № 9–102.
- Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. В 18 томах. – М.: Мысль. – 1988.

- Сорокин П.А.** Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука. – 1997.
- Составлен рейтинг губернаторов по количеству рабочих поездок в своих регионах.** – 2019 // URL:<https://newdaynews.ru/moscow/680161.html> (дата обращения: 21.04.2024).
- Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы.** Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука. – 1999.
- Социальные процессы в социалистическом обществе.** – Варшава. – 1987. – С. 127–183.
- Справочник партийного работника.** – Т.3. – М.: Госполитиздат. – 1961.
- Сравнительное изучение цивилизаций.** Ерасов Б.С. (сост.) – М.: Аспект-Пресс. – 1999.
- Стариков Е.Н.** Общество-казарма: от фараонов до наших дней. – Новосибирск: Сибирский хронограф. – 1996.
- Струмилин С.Г.** История черной металлургии в СССР. – Т. 1. – М.: Изд-во Академии Наук СССР – 1954.
- Тапилина В.С.** Некоторые социально-экономические аспекты развития жилищного строительства на селе // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. – 1984. – № 1. – Вып. 1. – С. 61–69.
- Тироль Ж.** Экономика для общего блага. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 2020.
- Тихомиров М.Н.** Древнерусские города. Издание 2-е, дополненное и переработанное. – М.: Государственное издательство политической литературы, – 1956 // URL: <http://www.russiancity.ru/books/b56.htm> (дата обращения: 21.04.2024).
- Туган-Барановский М.И.** Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. – М.: Наука. – 1997.
- Тульчинский Л.И.** Подходный налог // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. – Т. 3. – М.: Советская энциклопедия. – 1979. – С. 272–273.
- Уилбер К.** Теория всего: Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. – М.: Постум. – 2017.
- Уильямсон О.** Экономические институты капитализма. – СПб.: Лениздат. – 1996.
- Ушаков В.** Немыслимая Россия // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как идея. – М.: Аргус. – 1995.
- Филиппов А.Ф.** Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 3. – С. 4–20.
- Флигстин Н.** Государство, рынки и экономический рост // Экономическая социология. – 2007. – № 2. (дата обращения: 21.04.2024).
- Флоря Б.Н.** «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. – 1992. – № 2.
- Фроянов Н.Я.** Киевская Русь: очерки социально-политической истории. – Л.: ЛГУ. – 1980.
- Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. – 1997. – Том 2. – № 2.

- Хедлунд С.П.** Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. – М.: ГУ ВШЭ. – 2015.
- Хейне П.** Экономический образ мышления. – М.: Изд-во “Дело”, 1992
- Хиршман А.О.** Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. – М.: Новое издательство. – 2009.
- Хлебников Н.** О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. – СПб. – 1869.
- Ходжсон Дж. М.** Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. – М.: Япония сегодня. – 1997.
- Цакунов С.В.** Формирование взглядов Н.И. Бухарина на экономику переходного периода // Истоки. В 2 томах. – М.: Экономика. – Т.1. – 1989.
- Шафаревич И.** Социализм как явление мировой истории // Есть ли будущее у России. – М.: Советский писатель. – 1991.
- Шейнис Д.И.** Жилищное законодательство. – М.: Изд-во Нар. ком. вн. дел РСФСР. – 1929.
- Штомпка П.** Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс. – 1996.
- Шумпетер Й.** Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо. – 2008.
- Щупленков О.В., Щупленков Н.О.** Идеи солидаризма в концепции построения гражданского общества в России // Социодинамика. – 2013. – № 8. – С. 72–137. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.8.8750.
- Энциклопедия** государства и права. – М.: Политиздат. – 1930.
- Ядов В.Л.** Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб.: Интерсоцис. – 2009.
- Яковлев А.А.** Куда идет глобальный капитализм? // Мир России. – 2021. – Т. 30. – № 3. – С. 29–50.
- Bogdanova E.** Complaints to the Authorities in Russia: A Trap Between Tradition and Legal Modernization. 1st ed. – London: Routledge. – 2021.
- Muravyeva M.** The Culture of complaint: approaches to Complaining in Russian An Overview. *Laboratorium*. – 2014. – No. 6 (3). – Pp. 93–104. URL:<http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/471> (дата обращения: 21.04.2024).
- Piketty T.** Capital et idéologie. Le Seuil. – Paris. – 2019.
- Samuelson P.A., Nordhaus W.D.** Economics. 19th ed. – London: McGraw-Hill. – 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

Часть I. НОВАЯ ПАРАДИГМА В КООРДИНАТАХ РЫНКА И РАЗДАТКА

Глава 1. Методология исследования: от системы к матрице	8
Глава 2. Аналитическая триада: формации, цивилизации, институты	23
Глава 3. Рынок и раздаток как универсальные механизмы экономической координации	39
Глава 4. Раздаток и рынок на службе социального государства ...	65
Глава 5. Реальный путь России: институты, циклы, механизмы ..	80

Часть II. РАЗВИТИЕ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ РОССИИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Глава 6. Общинный раздаток: зарождение базовой модели	112
Глава 7. Поместный раздаток: укоренение базовой модели	132
Глава 8. Административный раздаток: зрелая форма базовой модели	169
Глава 9. Жилищный раздаток – ключ к базовой модели России ..	191
Глава 10. Квазирынок российских капитализмов	213

Часть III. ДРУГОЙ НОВЫЙ КУРС ДЛЯ РОССИИ

Глава 11. Экономика контрактного раздатка	222
Глава 12. Новый солидаризм как идеология справедливого общества	238
Глава 13. Активность социума через институт жалоб	245

Заключение	260
------------------	-----

Приложение 1. Раздаточная экономика в мемуарах Г. Котошихина	263
--	-----

Приложение 2. Теневая экономика в раздатке по С. Барсуковой	271
---	-----

Приложение 3. Razdatok-economy as a Russian tradition	283
---	-----

Словарь категорий	293
-------------------------	-----

Литература и электронные источники информации	298
---	-----

Научное издание

Ольга Эрнестовна Бессонова

РАЗДАТОК.
БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ РОССИИ
В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Оформление обложки
Редактор
Корректурa
Компьютерная верстка

И.И. Бессонов
В.Ю. Юхлина
И.И. Бессонов
С.А. Дучкова

Подписано к печати 26.12.2024 г.
Формат бумаги 70x100 ¹/₈. Гарнитура «Таймс».
Объём п.л 38. Уч.-изд.л. 36. Тираж 50 экз. Заказ № 121.

Издательство ИЭОПП СО РАН
Тел. (383) 330-17-95, e-mail: s.duchkova@ieie.nsc.ru
Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН,
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.

Бессонова Ольга Эрнестовна – окончила Новосибирский государственный университет по специальности экономическая кибернетика, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации производства Сибирского отделения Академии наук, представитель Новосибирской экономико-социологической школы. Автор 124 научных работ, в том числе 11 монографий.

РАЗДАТОК

О.Э. Бессонова